

ИГОРЬ
КАБЕРОВ

В ПРИЦЕЛЕ
СВАСТИКА

798373

ЛЕНИЗДАТ · 1975

В октябре 1960 года на один из новгородских заводов пришел новый рабочий.

Это был сорокатрехлетний полновесный запас Герой Советского Союза Игорь Александрович Каберов, сбивший в годы войны на подступах к Ленинграду двадцать восемь фашистских самолетов.

Став к слесарному верстаку, он горячо взялся за непривычное для него дело. Уже через полтора года разработанные Каберовым рационализаторские предложения обеспечили повышение производительности труда на участке более чем в два раза.

Несколько позже Игорю Александровичу была предложена работа в аэропорту, потом в авиационном клубе. И за что бы он ни брался, все спорилось в его трудолюбивых руках.

Немногие, очень немногие знали еще об одном деле, которым был увлечен этот неутомимый человек. Он писал книгу о войне, о своих фронтовых

друзьях, о воздушных сражениях в небе Ленинграда. Нет, не литературная слава влекла его. Он хотел одного—чтобы пережитое им стало уроком для его детей и внуков, для их беззаботных сверстников. Он передавал им сокровища своей памяти, свое нравственное достояние, свой добывший потом и кровью опыт труженика, солдата и гражданина.

Теперь эта книга перед вами. Прочтите ее. Задумайтесь над трудными и героическими судьбами тех, о них взволнованно и правдиво рассказывает она.

СИРЕНА В СРЕДИНЕ НОЧИ

июньский день клонился к вечеру. Солнце было еще высоко, но с залива уже тянул легкий бриз и дневную жару сменяла вечерняя прохлада. С улицы доносилась бодрая строевая песня:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.

Подойдя к раскрытыму окну, я невольно залюбовался колонной загорелых краснофлотцев. В безупречно четком строю они дружно печатали шаг. Песня раскатистым эхом летела над гарнизоном.

Полгода назад я был еще курсантом Ейского авиационного училища, носил точно такую же форму, как эти морячки, и в строю, бывало, запевал ту же самую песню. И вот мы лейтенанты. Словно птенцы из гнезда, разлетелись мои друзья из училища по разным флотам: кто на Баренцево, кто на Черное море, кто на Тихий океан. Я же бросил якорь на Балтике, в этом маленьком гарнизоне, откуда до Кронштадта рукой подать.

Сегодня суббота. Занятия окончились, и идет подготовка к увольнению в городской отпуск. Вдруг дверь с шумом распахивается, и в кубрик влетает, будто за ним кто гонится, летчик нашей эскадрильи младший лейтенант Михаил Федоров, или просто Мишка, как друзья называем мы его в своем кругу.

— А ну, кому сегодня плясать? Налетай! — сияя озорными глазами, выкрикивает он и вытаскивает из кармана целую пачку писем.

Мы окружаем Мишку плотным кольцом. Между тем он вертит письма в воздухе, затем перебирает их, как игральные карты.

— Годунову! Держи, Боря... Янковскому! Пожалуйста... Сухову! От Леночки, Сергей, из Ейска... А это тебе, Володя,— говорит Мишка, подавая письмо стоящему рядом Тенюгину, и продолжает:— Алиеву!.. Соседи-ну!.. Хрипунову!.. А это мне, братцы! — Он поднимает над головой последнее письмо и, прижав его к груди, уже тише добавляет:— Из Ленинграда, жена пишет...

— Почему нет из Новгорода, Миша? — спрашиваю я.

— Пишут, значит,— успокаивает он меня.

Пока товарищи читают письма, я уныло слоняюсь из угла в угол. Федоров видит это. Пробежав глазами раз и другой весточку, полученную им из Ленинграда, он берет стоящую возле тумбочки гармонь и протягивает мне:

— Сыграй! День сегодня уж больно хороший... А ну, шире круг, братцы! Даешь нашу флотскую!

Зазвучала плясовая, и вот уже Мишка выскакивает на середину круга, вертится волчком, лихо притопывает, выделывает колено за коленом. Ребята восхищены:

— Ух ты!.. Во дает Мишка!.. Артист, да и только!..

Расплясавшегося Мишку сменяет Сергей Сухов. Он исполняет «Русскую» на его родной калининский манер, помогая себе задорной частушкой.

Вдруг все стихли. На круг выходит Гусейн Алиев. Всегда молчаливый, застенчивый, он на этот раз настроен как-то по-особому.

— А знаете ли вы, друзья, что сегодня необычный день? — говорит он, обводя всех своим жгучим взглядом.— Сегодня двадцать первое июня — самый длинный день и самая короткая ночь в году... За белые ночи Ленинграда! За нашу молодость! — Гусейн вскидывает руки, вытягивается в струнку и на носочках, быстро перебирая ногами, плывет по кругу.

— Acca! — словно по команде, кричим мы и дружно хлопаем в ладоши. Закончив танец, Алиев раскланивается. Ребята хотят его качать, но в комнату входит дежурный.

— Лейтенанту Каберову на проходную! — громко объявляет он и тихо говорит мне:— К вам приехала жена.

Гармонь в сторону, фуражку на голову — и пuleй мчусь к проходной. С тех пор, как мы виделись с Ва-

лей, прошло два месяца. Но мне они показались вечно-стю. Я смотрю на нее и не насмотрюсь. Легкое нарядное платье. Непокорный завиток светлых волос над левой бровью. И столько радости в устремленных на меня глазах!..

— А я на этот раз приехала к тебе на целую неделю,— весело говорит она.— Дома все хорошо. Ниночка здорова, начала ходить, и такая забавная. Уже говорит «папа» и «мама»...

Я беру у жены чемоданчик. Мы идем к технику моего звена Володе Дикову. Это уважаемый в гарнизоне человек. В свои молодые годы он уже успел принять участие в боях на Карельском перешейке. Володя и его жена Вера занимают небольшую комнатку в одном из домов начсостава. Это веселые и очень добрые люди. Вечер мы проводим вместе с ними в клубе. В полночь возвращаемся домой. Ужиная, обсуждаем, как проведем завтрашний выходной день. Решено утром поехать в Ленинград. Мы с женой давно собирались побывать в Исаакиевском соборе, взглянуть с его смотровой площадки на город. Нам хотелось бы также сходить в зоопарк, а потом погулять по Невскому проспекту.

Все это было вскоре забыто.

Тишину ночи разорвал вой сирены.

— Тревога! — вскрикнула Вера.

— И что не спится людям? — брюзжал Диков, поспешно одеваясь.— Которую ночь подряд...

Мы с Володей выбежали на улицу, окунулись в растворенную сиреной прохладу ночи. Репродукторы гремели: «В гарнизоне объявлена боевая тревога! На флоте готовность номер один!..»

— Товарищ командир,— на ходу говорил Диков,— я помню, когда начались бои на советско-финской границе, точно так же была готовность номер один.

— Сейчас узнаем. На месте будет ясней...

Мы смешались с бегущими летчиками, техниками. Вот и ангары. Ворота настежь. Прибывшие сюда первыми уже выкатывают самолеты. Кто-то запустил мотор. Можно подумать, что тревога застала его в самолете. Неутомимый народ эти техники!

— Кто тут? А ну, помоги! — доносится до нас знакомый голос командира звена Багрянцева.

Мы с Диковым подталкиваем самолет, помогая выкатить его из ангары.

— Товарищ старший лейтенант,— спрашиваю я у Багрянцева,— а готовность номер один — это как?..

— Вообще это боевая готовность.— Он останавливается.— Так что могут дать вылет. Передай всем: самолеты опробовать и отрулить к речке. Обязательно замаскировать. Действуй тут, а я мигом,— говорит он, уходя к штабной землянке.

Летчики моего звена Алиев и Хрипунов порулили к реке. Я прогревал мотор своей машины, когда возвратился Багрянцев. Он нетерпеливо забарабанил кулаком по борту кабины. Я убрал газ.

— Где Федоров? — крикнул Багрянцев.

— Вон, справа. Тоже прогревает.

— Слушай внимательно. Сейчас пойдем на разведку. Аэронавигационные огни не включать. Взлет по одному. Ты взлетаешь последним, идешь слева. Понял?

Он побежал к самолету Федорова. Минуты через две наши истребители, рассекая сумрак ночи, ушли в воздух.

На высоте значительно светлее, чем внизу. Внимательно наблюдаю за воздухом. Под нами Финский залив. Справа, чуть сзади, виден остров Котлин, на восточной стороне которого расположена военно-морская база Кронштадт. Впереди темнеет берег Выборгского залива. Дальше — Финляндия. Неужели опять затевают нехорошее наши соседи?

Вспоминаю о своем младшем брате, погибшем в дни военного конфликта, развязанного финскими реакционерами, и невольно смотрю в сторону Выборга. Где-то там, на станции Кямяря, покончился Юра в братской могиле. Девятнадцатилетний лейтенант, командир роты! Ему бы жить да жить...

Багрянцев сворачивает вправо, в сторону Выборга. Некоторое время мы идем этим курсом, затем разворачиваемся влево, и огромный Выборгский залив остается позади. Где-то тут государственная граница с Финляндией. Ее темный берег, изрезанный отливающими серебром фиордами, тянется далеко на запад. Нигде ни огонька.

Мы уходим домой. В районе Лебяжьего снижаемся до двухсот метров. На малой высоте идем до самого аэродрома. Земля просматривается, но на старте на

всякий случай горят два костра, обозначающие место нашего приземления.

— Ну как, ночные истребители,— вылезая из кабины, улыбается Багрянцев,— видели что-нибудь?

— Конечно, видели,— отвечает Федоров.

— А что конкретно?

— Острова, финский берег,— смущенно, как на экзамене, говорит Михаил.— А больше ничего. Даже огней нет.

— Верно, ни огонька,— в раздумье говорит Багрянцев.— Это худо, пожалуй. Ладно, так и доложим.

Слушая Багрянцева, я поглядываю на его орден Красного Знамени. Он получил этот орден в дни военного конфликта с Финляндией.

Михаил Иванович уходит докладывать начальству о результатах разведки. Между тем летчики и техники со всех сторон обступают нас и задают один и тот же вопрос: «Ну как?» Речь идет о новых, только что полученных самолетах, на которых мы летали, и, конечно же, о том, что нам удалось увидеть.

Но вот воздух прорезала зеленая ракета, и кто-то громогласно объявил:

— Багрянцев, Федоров, Каберов — в воздух!

— Внимательно осмотреть район главной базы — и снова туда, где были! — крикнул, подбегая к нам, Багрянцев. Через мгновение он был уже в кабине истребителя. Взревели моторы, и мы прямо со стоянки пошли на взлет.

Несколько минут — и под нами Кронштадт. Подковой лежат на заливе знаменитые кронштадтские форты. Правее, совсем рядом, в утренней дымке прорисовывается Ленинград — огромный город, изрезанный голубыми лентами рек и каналов. На внешнем рейде Кронштадта виден катер. Мы делаем два круга над базой и вновь уходим в сторону Выборга. Нигде никаких тревожных признаков. Обычное мирное солнце встает над Ленинградом. Лучи его золотят макушки деревьев, рассыпаются веселыми искрами в водах залива.

Когда мы приземлились, было уже совсем светло. К нам подошли командир эскадрильи майор Новиков и старший политрук Исакович. Их обступили летчики, техники, мотористы. Все хотят знать, почему объявлена

боевая тревога. До кого-то дошли нелепые слухи о таинственной мине, якобы брошенной на Кронштадт. Новиков и Исакович утверждают, что ничего не знают об этом. Связисты натянули антенны, слушают радио, а кто-то прямо возле землянки завел патефон.

Неожиданно рев мощного мотора заглушил все остальные звуки. С противоположной стороны аэродрома разбежался и взлетел истребитель МИГ-3 из эскадрильи капитана Азевича. Он промчался над нашими головами и, словно метеор, ушел в синеву. Это лишь усилило общее чувство настороженности. Мысль, что случилось что-то серьезное, теперь не покидала никого. Кто-то позвонил оперативному дежурному, но не услышал в ответ на свой вопрос ничего определенного. Кто-то уверял, что через пять—десять минут будет отбой тревоги, что он якобы слышал это чуть ли не от самого командира полка. Но над стоянкой взлетела еще одна ракета—сигнал очередного вылета нашего звена. Почти час мы кружили над Кронштадтом, но не обнаружили ни посторонних самолетов в воздухе, ни кораблей на заливе.

Возвращаемся. Зеленый ковер аэродрома снова ложится под колеса бегущего по земле истребителя. На стоянке почти не видно людей. «Видимо, объявлен отбой тревоги»,—думаю я. Легко и радостно на душе. Сейчас же к Вале—и в город!..

Зарулили, выключили моторы. Багрянцев оказался немного впереди, а машина Федорова стоит рядом с моей.

— Ну как, Миша? — кричу я ему.

— Отлично! — вылезая из кабины, говорит он.

Да, сегодня здорово поработали. О таких полетах еще недавно мы могли только мечтать. Я обнимаю подбежавшего к самолету техника Дикова:

— Спасибо, Володя, за самолет.

— Товарищ командир! — прерывает меня Диков.— Товарищ командир, война!

— Как война? — Я растерялся.— Ведь мы же только что...

— Война с Германией, товарищ командир. Идите скорей туда,— показывает он на людей, окруживших установленный возле землянки репродуктор.— Москва передает...

Сняв шлемы, мы подходим к землянке.

ЭТО ДРЕВНЕЕ СЛОВО „ВОЙНА“

Следовали Заявление Советского правительства о нападении германских войск на нашу страну. В Заявлении выражалась непоколебимая уверенность в том, что наши доблестные армия, флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору...

Я стоял, боясь пошевелиться. В голове все перепуталось. Хотелось куда-то бежать, что-то немедленно предпринимать.

В суровом молчании слушали Заявление мои товарищи — летчики, техники, мотористы.

— Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Доносившийся из репродуктора голос умолк, а мы все еще некоторое время молча стояли как бы прикованные к земле. Потом все придвинулись к командиру и стоявшему рядом с ним Исаковичу. Завязался сбивчивый разговор о сложившейся обстановке. Мы, молодые летчики, тоже обменивались мнениями. Обычно спокойный и неторопливый, младший лейтенант Петр Хрипунов неожиданно громко и задорно выкрикнул:

— Ребята! А у меня, откровенно говоря, давно уже на эту сволочь руки чешутся. Подраться не в учебном, а в настоящем бою с фашистами — это же здорово!

— Конечно, здорово! — поддержал Хрипунова подошедший к нам адъютант эскадрильи лейтенант Анисаков. — А пока, друзья, — он указал на только что установленную палатку, — вас приглашает парикмахер. Кому нужно — пожалуйста.

Мы дружно ввалились в палатку.

— Шевелюра на войне — помеха. Давай под Котовского, девушка!

Жену я проводил в два часа дня. От Диковых мы шли молча. Возле клуба в тени густой акации остановились.

— Ну что, Валюша,— как-то скованно начал я.— Не складно все получается...

Не верилось, не укладывалось в сознании, что нет больше мирного времени, что слово «война» наполнилось реальным для каждого из нас смыслом. Над клубом с ревом пронеслись взлетевшие с аэродрома истребители. Валя подняла голову и, загораживаясь от солнца ладонью, проводила их взглядом. Стать летчицей было ее заветной мечтой. Может быть, в эти минуты она вспомнила родной новгородский аэроклуб, где сама вот так же не раз поднималась в небо на легкокрылом У-2 и где продолжала учиться, готовясь стать инструктором. Ко всему тому взлетевшие истребители усилили чувство тревоги, которое она испытывала.

— На войну пошли,— негромко сказала Валя, все еще не сводя глаз с самолетов.

А истребители поднимались все выше и выше. Когда они растворились в синеве неба, жена повернулась ко мне. Она молча смотрела на меня, как бы стремясь во всех подробностях запечатлеть в своей памяти, каким я ухожу на войну. А вид у меня был, прямо скажу, не рыцарский: мешковатый, не по росту, комбинезон и стриженая голова.

— Солдатик мой! — сказала она ласково, проведя рукой по моему колючemu затылку.— Сейчас и ты улетишь...— Губы ее дрогнули, глаза повлажнели. Слезы сорвались с ресниц.

— А вот это ты зря,— я обнял жену,— успокойся, Валюша. Все будет хорошо. Не надо волноваться. Мы же с тобой летчики, родная, да еще моряки.

— Не буду больше,— приложив платок к глазам, тихо сказала она.

В клубе звенел звонок. Там с минуты на минуту должен был начаться митинг членов семей военнослужащих. Дежурный командир просил собравшихся пройти в зал.

— Ну, мне пора, Игорек,— поспешил приведя себя в порядок, сказала жена. На мгновение она прижалась ко мне.— Какой ты смешной, 'без волос-то. Отрастут — не стриги больше. Ладно?

— Есть, товарищ командир! — Я рассмеялся, приложив руку к «пустой» голове.

— Ладно тебе, еще чего выдумаешь — «командир», — ласково упрекнула она. — Что ж, я пойду. Об одном прошу тебя, Игорек: будь внимательным в полете. У тебя хорошие друзья. Держитесь крепче, и все будет хорошо. О нас не беспокойся, пиши.

Жена ушла, а слова, сказанные ею на прощание, все еще звучали в моих ушах: «У тебя хорошие друзья. Держитесь крепче, и все будет хорошо...»

На улице жарко, зноино припекает солнце. Я медленно иду к аэродрому. Все вокруг кажется каким-то другим. Впрочем, нет. И клуб, и аллея, где мы с Валей гуляли минувшей ночью, и дома, и высокая водонапорная башня стоят, как стояли вчера и позавчера. В кустах по-прежнему неугомонно прыгают с ветки на ветку воробы. Небо заполнено привычным рокотом истребителей. Но как ни приветлив этот июньский день, на душе пасмурно, и временами кажется, будто все посерело вокруг.

Война. Война с Германией. Я пытаюсь представить себе, что собой представляет она, Германия, захватившая почти всю Западную Европу. Вообразить это нелегко. Одно ясно — у фашистов немалая сила. Об этом нам говорили еще в Ейском училище. Лекторы подчеркивали, что, подчинив себе военную промышленность европейских стран, Германия представляет собой большую силу и что не считаться с этим мы не можем. «Ничего! — говорю я себе. — У нас Красная Армия. Весь народ поднимется на защиту своей Советской Родины. Враг непременно будет разбит». Потом я начинаю припоминать некоторые известные мне со школьной скамьи исторические факты. Я думаю об Александре Невском, разбившем псов-рыцарей на льду Чудского озера, о сражении при Кунерсдорфе, когда русские войска наголову разгромили прусскую армию, о взятии ими Берлина в 1760 году. А первая мировая? А гражданская война?

Потом мне почему-то вспомнился старый снимок из нашего семейного альбома. Мой отец запечатлен на этом снимке. Бравый, черноусый, в форме прапорщика, он сидит на вороном коне. На боку у отца шашка. Георгиевский крест, Георгиевская медаль и орден Святой Анны украшают его грудь. Мне всегда казалось, что он

на этом фото чем-то похож на Чапаева. Да отец и в самом деле храбро воевал. Ему было двадцать четыре года, когда он пошел на германскую. Мне тоже двадцать четыре, и вот я вскоре должен буду вступить в первый бой...

Прихожу на стоянку самолетов. Она похожа на расштревоженный муравейник. Идет ремонт старых укрытий. Кое-кто уже копает новые. Летному составу отвели штабную землянку. Федоров и Годунов решили для своего звена приспособить огромный фанерный контейнер, в котором когда-то с завода прибыл в разобранном виде самолет.

— Не дом — мечта! — прибивая дверную петлю, говорит Годунов.

Ужинаем мы, что называется, по-фронтовому, в полевых условиях, ночуем в землянке. Уставшие за день, да еще после бессонной ночи, все быстро засыпают. Конечно, после уютного кубрика, белоснежных простиней и мягкой постели спать на жестких нарах не особенно удобно. Но летчик привычен ко всему. Был бы при себе реглан. Он — что шинель у солдата: на него лег, им укрылся, его и в изголовье положил.

Утром нас подняли чуть свет. Эскадрилье поставлена боевая задача: прикрыть с воздуха военно-морскую базу Кронштадт. Первым летит звено лейтенанта Костылева. Высокий, белокурый, статный, с орденом Красного Знамени на гимнастерке, Егор, получив приказ, отчеканил «Есть!» и вышел из землянки.

Кто-то из ребят с утра завел патефон. «Вдыхая розы аромат, тенистый вспоминая сад...» — хрипит заезженная пластинка. В ожидании вылета одни лежат на нарах — отыкают, другие пишут «конспект на родину» — так в шутку называем мы письма. Матвей Ефимов достал шахматы и, расставляя на доске фигуры, смакует, как обыграет он сейчас Сергея Сухова.

Я занялся «боевым листком». Вчера, в первый день войны, выпущено два листка, сегодня готовится к выходу в свет третий. Разбирая заметки, полученные накануне вечером, я пристроился у стола адъютанта и, не обращая внимания на его брюзжание, с головой погрузился в свое редакторское дело. Тем временем ко мне подошел командир эскадрильи майор Новиков. Среднего роста, неторопливый, с добродушным, открытым лицом, в своем неизменном шлеме с ушками, заверну-

тыми за резинки летных очков, он тихонько тронул меня за плечо:

— Готовьтесь к вылету на базу.

Я вскочил со стула:

— Есть на базу!

Новиков поморщился. Он не любил громких слов, не любил ничего показного, и даже это уставное «Есть!» сейчас показалось ему необязательным. Дав мне спрятаться с возбуждением, командир эскадрильи так же мягко уточнил:

— От Кронштадта далеко не уходит. За воздухом следить особо. Вылет через десять минут.

— Понял, товарищ майор,— как можно спокойнее ответил я, чувствуя, что краснею.

Вслед за мной, надевая на ходу шлемы, вышли из землянки Алиев и Хрипунов. Стояла тишина. Воздух был чист и свеж.

— В такое утро взять бы удочки — да на речку. Как, Петро? — спросил я Хрипунова.

— Неплохо. Только я предпочитаю охоту. Побродить по лесу, да с ружьем в руках,— это мечта!

— Послушай,— повернулся к нему Алиев.— Зачем бродить? Зачем ружье? Можно за уткой на истребителе. Из пулемета — бац! И в сумку...

Мы рассмеялись и пошли к самолетам. Я на ходу отдал необходимые распоряжения. Возле истребителя техник Диков помогает мне надеть парашют.

— Итак, на войну, товарищ командир?

— Да, Володя, на войну.

— А когда же на Исаакий заберемся?

— Видно, уж после войны.

— Есть после войны! — Диков козырнул, рассмеялся и помог мне сесть в кабину.

Я уже дал газ, чтобы вырулить для взлета, когда Диков вскочил вдруг на край крыла и крикнул в самое ухо:

— Удачи вам! Чтобы ни одна пуля не тронула вас на войне. Ни пуха ни пера!

Я улыбнулся в ответ, кивнул ему. Диков спрыгнул с крыла. Отбежав в сторону, он помахал мне рукой, и мы порулили.

«Молодому звену», как однажды назвал нас командир, предстоит самостоятельно выполнить боевое задание. Справа от меня Хрипунов, слева — Гусейн Алиев.

Идем с набором высоты вдоль западного побережья Карельского перешейка в сторону Выборга. Видимость хорошая. Через залив хорошо видна Финляндия. Леса, озера, изрезанный фиордами берег. Такое впечатление, будто там нет ни души. Но это только кажется. Нетрудно понять, что участку границы под Выборгом финны придают особое значение. Видимо, неспроста получили мы предупреждение, что за воздухом здесь нужно следить особо. Я разворачиваюсь и веду звено сначала к Красной Горке, потом к Кронштадту. Ни одного самолета в воздухе мы не обнаруживаем.

Сделав последний круг над базой, направляемся домой.

Тут я вспоминаю, что мы давно не тренировались в групповом пилотаже. Момент подходящий. В настоящем бою это так необходимо. Быстро разворачиваю звено и, войдя в створ между Кронштадтом и солнцем, подаю сигнал разомкнуться. Убедившись, что оба летчика выполнили сигнал, делаю «бочку». И-16 сначала как бы неохотно, а потом с неожиданной легкостью делает полный оборот через крыло. Смотрю на друзей. Их машины тоже крутятся. Все правильно. Делаю переворот через крыло и на какое-то мгновение оказываемся вниз головой. Алиев и Хрипунов тоже выполняют переворот. Потом мы все трое пикируем к воде. Выведя самолет из пикирования, я ищу взглядом друзей. Молодцы, держатся рядом, словно привязанные ко мне невидимыми нитями. На большой скорости со снижением увожу звено на аэродром. Низко проносимся мы над Петергофским парком, прямо над Большим каскадом, и, выйдя на аэродром, совершаем посадку.

— Ну, орлы, с первым боевым вылетом! Что видели? — спрашиваю у летчиков.

— Пока тихо, — говорит Алиев. — Что дальше будет, сказать трудно.

Я докладываю командиру, что все вокруг спокойно.

— Плохо, что спокойно, — говорит майор. — Когда спокойно, тогда неясно.

Он уточняет, где мы были, как далеко просматривается Финляндия и не задержало ли что-либо нашего внимания на море и в воздухе. Адъютант склоняется над страничкой журнала боевых действий. Он медлит, не зная, что записать.

— Ну что ж,— поворачивается к нему командир — Так и пиши: со стороны Финляндии все спокойно.

— А разве есть данные о неспокойном поведении соседей? — спрашиваю я.

— Особых нет, но... — Майор берет карандаш и подходит к карте: — Вот здесь вчера утром подорвалось на мине какое-то судно. — Он обводит острием карандаша место гибели корабля: — Где-то здесь, в Морском канале.

Мне хочется знать подробности. Но командиру больше ничего не известно. Он предупреждает, что в очредных полетах необходимо усилить наблюдение за воздухом.

Так вот она, таинственная мина, о которой говорили вчера. Значит, это не просто слух. Выходит, что Финляндия помогает гитлеровской Германии, действует с ней заодно. Ведь бомбардировка Севастополя, Киева, Мурманска и минирование вод в районе Кронштадта выполнены в одно и то же время. Я сел на нары, достал из планшета карту и там, где был обозначен Морской канал, изобразил тонущий корабль, а рядом, на голубом фоне Финского залива, написал: «Первый взрыв войны. Утро 22 июня 1941 года».

В землянке было шумно. Не знающий усталости патефон в который раз тянул одно и то же: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» Но кто-то сразу же снял иголку с пластинки, как только из своего «кабинета» вышел командир эскадрильи. Он кратко рассказал о случившемся всему летному составу. Карта моя пошла по кругу. Между тем майор Новиков объявил, что звено Ефимова вылетает на охрану базы, и снова подчеркнул необходимость тщательного наблюдения за воздухом и за морем у побережья Финляндии.

Только много лет спустя, уже после войны, читая статью Виктора Конецкого «В Морском канале» (сборник «Подвиг Ленинграда»), узнал я подробности «первого взрыва войны». На мине, сброшенной с вражеского самолета, подорвался пароход «Рухна», отошедший в то первое военное утро от причалов Ленинградского порта.

Тяжело раненный лоцман Трофимов нашел в себе силы добраться до рулевой рубки тонущего, поднимаясь на дыбы корабля и в последний момент повернул судно в сторону. «Рухна» сошла с середины

канала на его край и, затонув, оставила фарватер свободным для движения судов. Волей случая Трофимов остался жив. Он был поднят из воды на борт спасательной шлюпки...

В очередном вылете на прикрытие базы мы разыскали место гибели судна и, промчавшись над торчащими из воды мачтами, всем звеном сделали «горку» и отсалютовали пулеметными очередями.

Жизнь в землянке постепенно начала входить в привычную колею. Рано вставали, поздно ложились, спали всего три-четыре часа и потом целый день, что называется, висели над Кронштадтом.

Все чаще стали появляться над заливом вражеские самолеты-разведчики. Каждый раз в таком случае в гарнизоне неистово, надрывно выла сирена. Не видимый глазом разведчик проходил на огромной высоте, оставляя за собой инверсионный след, тянувшийся по небу двумя белыми полосами.

Прошло всего несколько дней с начала войны, а как все изменилось у нас на аэродроме! Самолеты стоят под камуфляжными сетками, и теперь их трудно обнаружить среди буйно разросшегося кустарника. Все лишнее со стоянки убрано. На крыше штабной землянки зеленеют елочки. Оружейники спрятали свою палатку в зарослях на берегу речки. Слово «маскировка» наконец-то стало для нас весомым. Был случай, когда, возвратясь с задания, я не узнал своего аэродрома. Мое звено вынуждено было сделать над ним два круга, прежде чем нам стало ясно, что мы не где-нибудь, а дома. И оба ангары, и большие каменные дома, и высокая водонапорная башня — все пестрело серыми, бурыми, зелеными и даже малиновыми полосами и пятнами. Начальник штаба полка майор Кузев задумал скрыть от глаз врага даже сам аэродром, предложив вкряив и вкось насыпать на нем песчаные дорожки. Удалось проложить только одну такую дорожку, но и она изменила вид аэродрома.

Над Ленинградом и Кронштадтом появились аэростаты заграждения. Гигантские тела их мерно покачивались на тонких, невидимых тросах. Истребители прикрытия стали летать не ниже трех тысяч метров.

В одном из полетов мы заметили над Карельским перешейком самолет-разведчик. Пересекая Финский залив, он держал курс с севера на юг — прямо на Крон-

штадт. Оставив товарищей прикрывать базу, я начал набирать высоту в надежде перехватить разведчика. Было около шести тысяч метров, когда стало тяжело дышать. Между тем кислородной маски в бортовой сумке не оказалось. На этих самолетах никто у нас на большую высоту не поднимался, и техник убрал маску за ненадобностью. Разведчик шел надо мной, на высоте около восьми тысяч метров. Скорость полета его была большой, и я понял, что мне его не перехватить, даже если бы у меня была кислородная маска.

Внимательно разглядываю вражеский самолет и по длинным гондолам вынесенных вперед моторов безошибочно узнаю Ю-88. Дышу, как рыба, выброшенная на берег. Перед глазами бегут зеленые, красные, желтые круги. Понимая, что это кислородное голодание и что я вот-вот потеряю сознание, последним усилием делаю переворот. Самолет срывается вниз, но я больше ничего не вижу и не слышу. Прихожу в себя на высоте около двух тысяч метров. Машина в отвесном пикировании, в ушах свист. Вывожу самолет из пикирования. Руки и ноги дрожат. Инверсионный след Ю-88 уходит далеко на запад. На душе такая досада, что и не высказать. Подо мной Волосово и железная дорога на Нарву. Вон куда умахал в погоне за разведчиком! Представляю себе, как люди там, на земле, следя за моим полетом, укоризненно качают головами: «Эх, парень!..»

Восточнее нашего аэродрома — я увидел это издалека — что-то горело. На земле меня ожидала горькая весть: погиб наш боевой товарищ Петр Хрипунов. Возвращаясь с базы, он и Алиев заходили на посадку. В то же время пришел с задания летчик соседней эскадрильи Окопный на истребителе МИГ-3. Радио на самолетах нет, а на сигнальную ракету Окопный отреагировал поздно. На развороте он столкнулся с заходившим на посадку самолетом Хрипунова. Беспомощно смотрели мы со стороны, как догорали останки двух машин... Близко подходить было нельзя: еще рвался боезапас.

— Вот и нет больше нашего Петра Фалалеевича, — сказал кто-то из летчиков. — А как он рвался в бой, как хотел сразиться с фашистами!..

Ужинали молча. Потом майор Новиков еще раз напомнил нам об осмотрительности в воздухе, о том, что после вступления Финляндии в войну на стороне фашист-

ской Германии обстановка стала намного сложней. Эти слова командира вызвали оживленный разговор. Многие из авиаторов считали, что полку наверняка придется принять участие в обороне Карельского перешейка от возможного наступления финских войск.

В конце ужина к нам пришел адъютант эскадрильи лейтенант Аниканов. Аккуратный, подтянутый — настоящий штабист, он всегда в делах и заботах.

— Товарищи летчики, сообщаю приятную новость!

Все замерли. Услышать новость, да еще приятную, разумеется, хотелось каждому.

— С сегодняшнего дня, — медленно начал Аниканов, — летный состав будет отдыхать в деревне Низино!

Последнее слово он произнес с особой торжественностью, как бы ожидая оваций.

— Это и вся новость? — подал голос Сергей Сухов.

— А что? — Аниканов сконфузился, глядя на наши не выражавшие восторга лица.

— Не знаю, — продолжал Сергей, — мы тут про войну, а ты нам про какой-то отдых толкуешь.

— Вот если бы ты нас, Аниканыч, на настоящий фронт послал, где бы можно было драться с фашистами, — сказал Федоров, — это была бы действительно приятная новость.

Пользуясь случаем, мы обступили адъютанта, допытываясь, не намечается ли перебазирование поближе к фронту, нельзя ли перевестись в часть, ведущую боевые действия. Лейтенант Аниканов молчаливо выдержал все атаки, чтобы в конце концов изречь:

— Машина подана, прошу садиться!

Жаль было расставаться с обжитой землянкой. Но приказ есть приказ.

Остановилась наша машина в самом конце деревни Низино. Мы вошли в дом, возле которого стоял часовой. Интендантство позаботилось о нас. На кроватях сидели белизной подушки и выглядывающие из-под одеял простыни. Отдыхали мы в ту ночь на славу.

Утром Новиков и Исакович сообщили всему личному составу, что наши войска западнее Выборга вступили в бой с врагом. Теперь каждому стало ясно, что вскоре и нам предстоит драться с фашистами.

Ленинград готовился сражаться на два фронта. В результате общей перегруппировки сил кое-какие измене-

ния произошли в нашем полку: осталось только три эскадрильи из пяти. Остальные были переданы другим частям и улетели на западные аэродромы.

Нашему звону еще сравнительно везло. Несколько дней подряд нам доверяли подняться в воздух первыми. Так было и на этот раз. Все мы (третьим в полет был послан младший лейтенант Годунов, летчик из звена Костылева) уже заняли свои места в самолетах, ожидая вылета на прикрытие базы. Но вылет был отменен. Поступил приказ поставить подвесные баки и явиться к командиру. Задача, которую мы получили, была необычной. Требовалось определить, где проходит линия фронта, как далеко фашисты от Ленинграда. Выслушав майора Новикова, мы удивленно переглянулись.

— Видите ли, обстановка на фронте настолько сложна и данные о ней так противоречивы,— сказал он,— что командование военно-воздушных сил флота вынуждено само ориентироваться.

Посмотрев на часы, Новиков предупредил, что командующий дал нам срок до шести часов утра и что в нашем распоряжении остались считанные минуты. Затем командир взял мой планшет и, еще раз уточнив по карте маршрут, пояснил:

— Пойдете на Псков, а если потребуется — и дальше. Идите, пока вас не обстреляют зенитки. Высоко забираться не надо. Держите полторы-две тысячи метров, и будет хорошо. В остальном действуйте по обстановке.

«...Пока не обстреляют», — вспомнил я слова командира, разворачиваясь на курс следования к Пскову. Странная задача! Самолеты Алиева и Годунова шли, как бы прижимаясь к моей машине. Сказывалась училищная привычка ходить «крыло в крыло». Но мы направлялись к линии фронта, а сомкнутый боевой порядок не обеспечивает отражения внезапных атак истребителей противника. Пришлось разомкнуться.

Прошли Волосово. Справа открылось большое и круглое, как пятак, озеро Самро. Путь дальний, держим пока что высоту три тысячи метров. Здесь меньше расход топлива. Под крылом проплывают деревни, поля, леса, болота. Справа уже хорошо виден берег Чудского озера и город Гдов.

В районе Пскова полету мешает облачность. Где же нас обстреляют? Я, признаться, волнуюсь. Внимательно

наблюдаю за воздухом. Высота уже восемьсот метров. Идем под облаками. На горизонте показался город Остров. Справа что-то горит. Клубы черного дыма застилают город. Слева, чуть дальше, видны еще два очага пожара. По дороге на Псков, поднимая пыль, идут танки. Сомнений нет — фашистские. Но нас никто не обстреливает. Вот уже и окраина Острова. Слева на встречных курсах под самой кромкой облаков проносятся два самолета. Возможно, это вражеские истребители. Разворачиваюсь на обратный курс. Ощущаю напряженное биение сердца. Стараюсь подавить волнение. Но самолеты уже исчезли.

Неожиданно хлопья черных разрывов преграждают нам путь. От одного из них мой самолет ощутительно качнуло. Мы набираем высоту, но снаряд за снарядом упорно рвутся близ нас: сверкнет язычок огня и тут же накроется, как шапкой, темным дымком. Конечно, не очень приятно, когда по тебе стреляют, но мы уже притерпелись. Страха нет. Резко пикируя, уходим вниз и бросаем опустевшие картонные баки (случись бой — они будут только мешать). Вижу, как, причудливо кувыркаясь, падают подвесные баки Алиева. Вражеские артиллеристы, видимо, решили, что это бомбы. Интенсивность обстрела сразу уменьшилась.

Направляемся к Пскову. По дороге идут и идут танки. Сколько их! Так хочется разрядить по ним хоть часть пулеметной ленты. Но что толку от такого удара! И все же я не выдерживаю, разворачиваю звено на колонну и пикирую. Как ни густа пыль, а черные кресты на танках хорошо различимы. На Ленинград ползут гады! С ожесточением нажимаю я на гашетку. Обстреляв колонну, ухожу в сторону от дороги. Товарищи поступают так же и снова идут рядом со мной. Противник ведет беспорядочную стрельбу, но мы относимся к ней спокойно. Обстановка предельно ясна. Берем обратный курс.

После посадки я с какой-то особой легкостью выскакиваю из кабинки. На стоянке нас встречают Новиков, Исакович и какой-то незнакомый нам командир, видимо представитель вышестоящего штаба. Я докладываю все, как есть, по порядку, показываю по карте, где нас обстреляли, где и в каком направлении идет вражеская танковая колонна, какого пункта она достигла. Представитель штаба благодарит нас. Уходя, он заглядывает под

плоскость истребителя, на котором летал Алиев, и обращает внимание на бомбодержатель.

— Вы что — бомбы с собой брали?

— Нет, у нас были подвесные баки, — говорит Гусейн. — Но мы с Каберовым сбросили их в момент обстрела.

— А ты где сбросил свои? — спрашиваю я у Годунова.

— Я думал — они пригодятся нам и хотел привезти их домой, — отвечает Борис, — а потом разозлился и пустил по фашистской колонне. Пусть, думаю, фашисты примут за бомбы. Глядишь, какой-нибудь от страха в кювет шарахнется.

Озорной ответ Годунова вызывает улыбки. Иван Романович Новиков хвалит его за смекалку.

— Ну что, товарищ командир? — говорит Исакович. — Теперь они обстрелянные и, можно сказать, видавшие виды бойцы.

Новиков тепло улыбается и торопит нас завтракать:

— Идите, а то все остынет...

Однако спокойно позавтракать нам не удалось. Ребята налетели с расспросами: где были, что видели? Всех волновало сообщение о том, что немцы уже под Псковом.

Я отодвинул тарелку с недоеденным гуляшом. Фашистские танки, увиденные под Псковом, не выходили у меня из головы. Все еще мерещилось, как, поднимая пыль, идут они по дороге, эти стальные чудовища с черными крестами на броне. Неужели наши войска не смогут остановить их там?..

Вошедший в палатку посыльный матрос Евгений Дук прервал мои размышления. Он наклонился между мной и Алиевым и как бы по секрету сказал, что после завтрака мы все трое должны зайти к командиру. Годунов допивал чай и все еще рассказывал сидевшим рядом с ним товарищам, как он за неимением бомб бросил на немецкие танки свои подвесные баки. Алиев подошел к нему:

— Э, йолдаш¹, кончай травить. К командиру...

Последовало еще одно задание. И вот мы снова в воздухе. Только теперь нас пятеро. Возглавляет группу Егор Костылев, его ведомым идет Борис Годунов.

¹ По-азербайджански — товарищ.

Плюс наше звено в полном составе: Гусейн Алиев, Николай Соседин и я.

Нам приказано прикрывать бомбардировщики в полете до цели и обратно. Цель — танковая колонна в районе Пскова.

Над условленным местом (южнее Гатчины) мы встречаемся с девятью СБ. Что за летчики в этой группе, кто их командир, нам неизвестно. Неизвестны нам ни характер бомбардировки, ни заданная высота, ни основные вопросы взаимодействия. Самолеты наши не радиофицированы. А в школе нас учили... Да, но то была школа, а тут война!..

Костылев с Годуновым идут левее и чуть сзади бомбардировщиков на одной с ними высоте. Мы с Сосединым и Алиевым держимся чуть выше и правее. Я впервые вижу бомбардировщики в полете так близко и не могу налюбоваться ими. Девять самолетов СБ идут, что называется, клином. Они величаво покачиваются на своих упругих крыльях. Хорошие машины, но, как я слышал, они уже понесли потери от огня вражеских истребителей.

Начали появляться отдельные облака. Вскоре бомбардировщики зашли в них всей группой. Поначалу земля просматривалась. Потом обзор ухудшился. Бомбардировщики уже не были видны, и Костылев, боясь столкновения, вывел нас под облака. Мы осмотрелись и не нашли самолета Соседина. Где он? Что с ним? Ничего, догонит! Но прошло пять минут, а Соседин не появлялся. Исчезли и бомбардировщики.

Вот и железная дорога Псков — Дно. Слева видна большая станция Карамышево. Я приметил ее еще в том, разведывательном, полете. Псков обходим с восточной стороны. Проглядели, кажется, все глаза, но ни бомбардировщики, ни самолет Соседина так и не обнаружены. Высота полета — шестьсот метров. Костылев ведет нас к дороге, идущей от Острова на Псков. Здесь вовсю бьют вражеские зенитки. Справа от нас из облаков вываливается горящий самолет СБ. Неуправляемая машина, оставляя в небе витой дымный след, падает. Помочь экипажу невозможно. Остальные СБ бомбят фашистов из-за облаков. Бомбят и, может быть, отбиваются от вражеских истребителей. А мы болтаемся под облаками...

Костылев ведет группу к Пскову. Он почти весь окутан дымом. На южной окраине города полыхают пожары

ры. Похоже, что его только что бомбили. Танков на дороге нет. Возможно, там, в Пскове, идет бой. Но где же бомбардировщики? Я понимаю, как тяжело сейчас нашему ведущему Костылеву. Но и мы волнуемся не меньше. Чувство беспомощности перерастает в отчаяние. Горючее подходит к концу, а мы все еще крутимся возле Пскова, тщетно пытаясь найти своих товарищ. О выходе за облака и думать нечего. Мы не знаем их толщины. Можно столкнуться с возвращающимися бомбардировщиками. Радиосвязь — только она могла бы теперь поправить дело. Гляжу на маленькую панель радиоприемника, смонтированную на приборной доске моего самолета, и негодование охватывает меня.

А ведь говорил, и неплохо, хотя очень трещал. Несколько дней назад связисты установили его на моей машине и сказали, что будут пробовать связь земли с самолетом. Любопытных набралось тьма. Специалисты вытащили на открытое место радиопередатчик. Мне было поручено подняться над аэродромом на высоту двух тысяч метров и выполнить ряд команд с земли. На голове моей был шлем с вмонтированными в него наушниками. Связисты еще раз все проверили, и я поднялся в воздух. Вскоре заданная высота была достигнута. Сквозь треск в наушниках прорезался далекий голос: «Самолет, самолет, я земля! Если слышите меня, покачайте машину с крыла на крыло». Я покачал. «Отлично, сделайте левый вираж!» Я сделал. «А теперь правый!.. А теперь фигуры пилотажа!..» Я выполнил все команды и под конец услышал: «А ну, Каберов, штопорни!» Убрав газ и задрав нос машины, я свалил ее в штопор. Виток, второй, третий, четвертый, а команды на вывод нет. Пришлось вывести без команды. Оказывается, радиоприемник отказал. Так с тех пор и молчит.

Я смотрю на самолет Костылева. Он уводит нас от Пскова, но все еще меняет курс. Видимо, хочет найти бомбардировщики и потерявшего нас Соседина. Ах, как нам не хватает радио! Тяжело идти домой, не выполнив боевой задачи. Да и хватит ли горючего?

Близ Луги стрелка бензиномера предательски подошла к нулю. Я стал поглядывать — где бы приземлиться. «А как же ребята? Ведь у них тоже...» Только я подумал об этом, как мотор фыркнул и умолк, потом ожил, но вскоре еще раз «обрезал» и остановился уже

окончательно. Впервые увидел я в полете беспомощно остановившийся винт.

«Спокойствие, спокойствие!» — говорю я себе. Глаза лихорадочно обшаривают землю, отыскивая площадку, на которую можно было бы сесть. Впереди, чуть справа, виднеется озеро, рядом с ним — большое поле, а на поле — лошади. Я захожу на посадку и вижу, что за мной планирует еще один самолет с остановившимся винтом. По наставлению, при посадке вне аэродрома не положено выпускать шасси. Но ломать машину жалко. К тому же передо мною ровное поле. Не раздумывая, берусь за ручку тросовой лебедки и выпускаю шасси...

Высота быстро падала. Лавируя между пасущимися лошадьми, я благополучно приземлился. Не поле, а настоящий аэродром! Будто кто-то специально приберег его для нашей вынужденной посадки. Я выскочил из машины и увидел приземляющиеся самолеты друзей.

Алиев сел хорошо. Следом за ним планировал Годунов. Он взял немного правее. Перед ним стояла лошадь. Я пытался указать ему на нее, но столкновение было уже неизбежным. Впрочем, все это выглядело довольно-таки странно. Лошадь как-то неправдоподобно легко перелетела через кабину летчика и, не задев киля, упала на землю. Машина остановилась, из нее ошалело выскочил Годунов. Он обежал вокруг самолета, потрогал винт, пощупал что-то на капоте. Когда сел Костылев, мы с Алиевым подбежали к месту происшествия. Годунов собирал в траве куски фанеры. Это, как выяснилось, были «останки лошади». Несколько других фанерных лошадей там и сям стояли в поле.

Оказывается, мы были на замаскированном таким образом настоящем аэродроме. Несколько дней назад отсюда улетела на фронт одна из авиационных частей. Тем временем комендант гарнизона решил замаскировать аэродром под выпас. Вскоре мы познакомились с этим молодым человеком, носившим звание капитана. Он рассказал нам, что остался в Череменецком гарнизоне один. Военнослужащие уехали, их семьи эвакуировались. Комендант водил нас по опустевшим домам гарнизона, предлагая на выбор любую квартиру. В его распоряжении была всего одна настоящая, не фанерная, лошадь. На ней он отправлял на ближайшую станцию

патроны, которых, по словам коменданта, на складе было столько, что и за год не перевезти.

— Что же вы будете с ними делать, если...

Капитан твердо ответил, что в крайнем случае боеприпасы и горючее будут взорваны.

Самолеты мы заправили быстро, а моторы запустить сразу не удалось: аккумуляторы оказались слабыми. Но предприимчивый коменданта достал кусок старого амортизатора, и приспособление для проворачивания винта вскоре было готово. Запустить удалось только самолет Костылева. Лететь в часть за техником и аккумулятором было поручено мне.

Через полчаса я уже был дома.

— Что случилось? Где остальные? Почему вы не на своем самолете? — засыпали меня вопросами товарищи по службе.

Узнав, в чем дело, они облегченно вздохнули и сообщили мне, что Соседин потерял нас и произвел посадку в Котлах. Я поспешил с докладом к командиру. Но техник звена Снигирев остановил меня:

— А у нас тут... Не вернулся с задания Матвей Ефимов.

— Ефимов? С какого задания?

— После вас, примерно через час, вылетела еще одна группа истребителей на сопровождение бомбардировщиков. Возглавил ее Ефимов, и пошли они тоже туда, в район Пскова. Недавно, перед вашим прилетом, возвратились. Как получилось с Ефимовым, не знаем, но старший лейтенант Киров говорит, что они его просто потеряли из виду.

— Это командира-то своего потеряли из виду? На кого же они глядели тогда?

Охваченный горьким чувством, я побежал на КП. Новиков встретил меня молча. Он не проронил ни звука, пока я докладывал о нашем полете. Потом, обведя на карте кружочком место посадки, командир встал, отдал распоряжение о подготовке на утро самолета УТИ-4 и сказал:

— Возьмите Дикова и с рассветом — на Череменец.

Я негромко произнес «Есть!» и вышел. Как это надо было понимать, что Новиков даже не упомянул о Ефимове? «Видимо, он не верит в его гибель», — подумал я. Мне тоже не верилось в это. Ефимов не мог пропасть бесследно, не такой он был человек. Ко мне удрученно

подошел Киров. Худое лицо Федора Ивановича, кажется, еще больше осунулось.

— И боя-то не было,—тихо, будто лично он был винен во всем, заговорил Киров.—Конечно, зенитка могла зацепить осколком. Обстрел был сильный, но... Помоему, он просто сидит где-нибудь на вынужденной, и все.

Вокруг нас собирались люди.

— А может, с самолетом случилось что,—предположил кто-то.

— Самолет подготавливал техник Ситников,—твердо сказал инженер Сергеев.—Значит, причина в другом.

Все с уважением посмотрели на Ситникова. Такой похвалы до сих пор не заслужил никто.

Утром мы с Диковым были уже в воздухе. Двухместный учебно-тренировочный истребитель УТИ-4 не имел ни бронеспинок, ни вооружения. 170-километровое расстояние до Череменца я решил пройти на малой высоте. Стремительно мчались навстречу и скрывались под крылом телеграфные столбы, деревья, кусты, идущие по дороге машины. За Лугой на шоссе мы увидели колонну наших войск на марше. Шли они в сторону фронта, и мне пришло в голову приободрить их покачиванием крыльев. Но только я развернул машину в сторону колонны, как бойцов словно ветром сдуло в кюветы. Они разбежались и залегли по обе стороны дороги. Поняв недобroe, я рванул ручку управления на себя. Истребитель свечой взмыл в небо. Только тут я глянул на Дикова. Он сидел как ни в чем не бывало, да еще и улыбался. «Ну и развеселая ты личность, Володька! — подумал я тогда о своем технике.—В нас стреляют, а тебе весело...»

Аэродром был уже рядом. Сели мы хорошо. Подрулив к самолетам и выключив мотор, я выскочил из кабины и нырнул под машину. Разумеется, долго искать не пришлось. Вот они, следы пуль. Одна из них просверлила капот мотора, другая пробила фюзеляж чуть позади кабины техника. Пока я искал пробоины, Диков весело рассказывал подошедшем товарищам, как мы здорово «пугнули пехотинцев» и как потом сделали над ними «мощную горку».

Когда я пригласил техника к самолету и показал ему пулевые отверстия, тот посмотрел на меня квадратными глазами:

— Откуда это?

— Как откуда? Сам подготавливал самолет к полету, а еще спрашиваешь!

Тут он все понял. Мы осмотрели мотор. Выяснилось, что пуля ударила в подкос подмоторной рамы, рикошетировала от него, сделала слабую метку на картере двигателя и, видимо, потеряв скорость, выпала из-под капота.

К самолету вместе с комендантом подошел командир нашей группы лейтенант Костылев. Докладывая ему о выполнении задания, я не утаил случившегося и, конечно же, в свое оправдание попытался пояснить мотивы полета над колонной пехотинцев. Осмотрев пробоины, Костылев вылез из-под самолета.

— Значит, вы им боевой дух подняли, а они вам его чуть не выпустили? Ну что ж, в следующий раз выпустят. Вольности в авиации обычно кончаются плачевно.

Костылев строго посмотрел на меня, словно хотел убедиться, понял ли я свою ошибку, потом спросил:

— Что нового дома? Есть ли сведения о Соседине? Я рассказал о Соседине и, конечно же, о Ефимове.

Костылев задумался:

— Да... Будем надеяться, что он где-нибудь на вынужденной сидит...

Моторы запустились хорошо, и вот мы уже в воздухе. Смотрю на Череменец, на оставшихся среди поля деревянных лошадей и машущего нам фуражкой коменданта. До свидания, капитан! Встретимся ли мы с тобой еще когда-нибудь на дорогах войны?

„ПРИДЕТСЯ
НАЖАТЬ
НА ГАШЕТКИ“

Положение под Ленинградом становится все более напряженным. Город ведет ожесточенную войну на два фронта. Финские войска рвутся на Карельский перешеек. Гитлеровские полчища вступили в пределы Ленинградской области. Над главной базой Балтийского флота — Таллином нависла смертельная опасность.

Утром 13 июля 1941 года три наших товарища — Владимир Халдеев, Михаил Багрянцев и Михаил Федоров — улетели под Старую Руссу, звено Егора Костылева — в Куплю. Им предстояло базироваться на других аэродромах. Собрав остальных летчиков, командир сказал, что, видимо, на днях кому-то предстоит лететь в Эстонию. При этом он глянул в мою сторону, и я подумал, что ответственное задание поручат, наверное, нашему звену. Командир продолжал говорить, а я уже представил себе Таллин, его узкие, как ущелья, улочки средневековья и широкую морскую гавань со множеством кораблей. Незадолго до войны мы ездили в эстонскую столицу на общефлотский смотр художественной самодеятельности и размещались там в первоклассных каютах огромного корабля «Вирония». Весь Таллин пел в те дни, радуясь свободной и светлой жизни. А вот теперь ему угрожает фашистское нашествие. Старый Томас — хранитель города, о чём ты думаешь сейчас, стоя на своей башне? Не печалься, мы тебя в беде не оставим!..

— Вы поняли, лейтенант Каберов? — повысил вдруг голос майор.

Оказывается, я так задумался, что не рассыпал его последних слов и смотрел на него, будто спросонья.

— Поняли, Каберов? — переспросил майор. — Вы и ваши товарищи стали основными базовыми летчиками. Ваше звено при любых обстоятельствах остается здесь. Прикрытие Кронштадта — наша главная задача.

Командир посмотрел на часы, напоминая нам, что до очередного вылета остается восемь минут. Затем последовало обычное предупреждение о необходимости внимательного наблюдения за воздухом.

Вот тебе и Таллин! Возле самолета Алиева мы остановились.

— Ничего, Таллин — это не основное направление, — сказал Гусейн, как бы утешая кого-то. — Главные бои предстоят, видимо, здесь.

Он что-то еще хотел сказать, но в воздух взвилась зеленая ракета, и мы заняли свои места в кабинах. Запускаю мотор и думаю: а ведь Гусейн, наверное, прав. Здесь предстоят трудные бои. Только они еще впереди, а в Таллине уже сейчас есть работа для нашего брата. До чего же надоел этот «святой барраж» над базой и

этой Маркизовой лужей! Недаром нас Новиков давно называет базовыми летчиками.

Мы уже выруливаем, когда наперёд нам выбегает техник. Он показывает руками крест. Возле кабины моего самолёта вырастает фигура Аниканова. Струей от винта у адъютанта сбило фуражку. Он бежит за ней, возвращается и, обращаясь к нам, торопливо сообщает, что ночью фашисты бомбили Клопицы и что сейчас, видимо, последует команда прикрыть этот аэродром.

— А что, ожидается повторный налет?

Аниканов улыбается, неопределенно пожимает плечами.

Но уже в следующую минуту послышалась команда: «На Клопицы!» Мы прямо со стоянки пошли на взлёт. Я испытывал радостное чувство: «Хорошо! Хоть раз не на базу».

Деревня Клопицы, с белой церковью в центре ее, примыкает к аэродрому. Самолетов на аэродроме нет. Интересно, что же бомбили здесь немцы во время налета, что видели они с высот ночного неба на этом пустынном поле и в этой чащбе, вставшей зеленою стеной вдоль северной границы аэродрома? Небольшие воронки от сброшенных на него бомб темнеют, словно раскинувшиеся монеты.

Алиев и Соседин идут рядом. Снова разглядываю воронки. Пытаюсь вообразить, как здесь, над этим полем и лесом, ночью кружили фашистские самолеты. «Днем бы их увидеть да разделаться с ними,— думаю я.— Должны же мы, истребители, когда-нибудь истребить хоть одного фашиста. Неужели мы так молоды, что нам ничего нельзя доверить? В Таллин — нельзя, под Старую Руссу — тоже. Просил командира послать нас под Выборг. Положение там серьезное. Наши с трудом сдерживают яростные атаки финских войск. Но командир сказал, что авиацию противник не применяет и что драться в воздухе не с кем. «А штурмовать? — возразил я.— Почему бы не штурмовать?» В ответ последовало: «Не горячитесь. Когда нужно будет, пошлют». — «Так ведь нужно же, нужно, товарищ командир!..» Но он лишь посмотрел на меня сощуренными глазами и ничего больше не сказал...

Что такое? Алиев вышел вперед и подает сигнал «Внимание». С юга идут неизвестные самолеты! Разво-

рачиваемся — и к ним. Нет, это не противник. Это два наших МИГа возвращаются с задания. А у Алиева глаза зоркие. Молодец, далеко видит. Мы возвращаемся к Клопицам. Я внимательно наблюдаю за воздухом и ругаю себя за то, что в полете думаю о постороннем. Время наше истекает. Делаем последний круг над Клопицами. Я смотрю на проплывающий под крылом аэродром. Откуда мне знать, что скоро рядом с ним в непролистном лесу будет стоять наша палатка и что именно здесь, в Клопицах, развернутся события, которые оставят след в моей памяти на всю жизнь?

После посадки я доложил адъютанту о полете. В землянке было тихо. Что-то писал, склонясь над столом, Исакович.

— О Ефимове ничего не слышно, товарищ комиссар?

— Нет, ничего. Уже третий день никаких вестей. А ты откуда прилетел? С базы?

— Нет, мы Клопицы прикрывали. Вроде бы некоторое разнообразие. Но все равно обидно. Когда немцы бомбят, нас нет, немцы ушли — мы прилетели. Да и охранять там нечего. Пустой аэродром.

— Как пустой? — Комиссар оторвался от работы. — Я недавно был в Клопицах и хорошо знаю, что вы там охраняете.

— Лес охраняем. Больше там ничего нет.

— А в лесу? В лесу ничего не заметили? — спросил он. — Ну, если не заметили, то это даже хорошо. Это весьма важное сообщение, и мы доведем его до сведения командования клопицкого гарнизона.

Исакович рассказал мне, что на аэродроме стоят дальние бомбардировщики, что они укрыты в лесу, что нам, возможно, придется прикрывать их и нести дежурство в Клопицах. Там есть пост ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь). Так что фашистам не удастся безнаказанно бомбить этот аэродром.

Мне не терпелось узнать, кто полетит в Клопицы, и я хотел спросить об этом Михаила Захаровича, но в землянку вошел командир.

— Все еще не унимаешься? — сказал он мне. — Продолжаешь зондировать почву?

Я молчал. Майор жестом пригласил меня сесть и сам сел на нары.

— Послушай, Каберов, — сказал он, — я уже на третьей войне и хорошо знаю, что это за штука. Выполняй

точно задания, которые тебе дают, и все будет хорошо. Заваруха предстоит большая. Тебе еще не раз небо с овчинку покажется. Страйся взять от каждого полета как можно больше. Учись быть осмотрительным, отрабатывай взаимодействие летчиков в своем звене. Готовься. Дошло?

— Дошло, товарищ майор!

— Ну вот. А теперь иди, готовь машину. Вылет через пятнадцать минут. Пойдем с тобой в паре на сопровождение бомбардировщиков. На базу Алиев и Соседин сходят одни.

Нашим СБ предстояло бомбить противника на железнодорожной станции Струги Красные (юго-западнее Луги, по дороге на Псков). Семерку бомбардировщиков прикрывали вместе с нами два армейских И-16. Погода стояла хорошая. Истребителей противника над целью не было, и СБ отбомбились нормально. Мы проводили их до Сиверской и возвратились на свой аэродром.

— Видал? — спросил меня Новиков, когда я подошел к нему, чтобы доложить о выполнении задания.

— Так точно, товарищ майор. Как СБ бомбы бросили, как что-то рвалось и горело. Все видел.

— Да я не о том! Какая мощь-то у них, видал? Два И-16 на семерку СБ! Трудно, значит, армейским летчикам, если который день просят помочи у нас...

В тот день мы сделали еще три вылета на прикрытие базы. Утром поступил приказ о посыпке звена истребителей в Клопицы. Объявив его, майор вызвал к себе Кирова, Годунова и Тенюгина. Он проинструктировал этих летчиков и велел им не задерживаться с вылетом. Агеев должен был перебросить в Клопицы на самолете У-2 технический состав. Имущество было приказано отправить туда на стартере — специальной машине с приспособлением для запуска самолетного двигателя.

После отлета Кирова, Годунова и Тенюгина в Клопицы я стал подумывать о том, что нам не доверяют. Прошел еще день, и очередной вылет на прикрытие базы показался мне прямо-таки невыносимым. Чтобы не расхолаживать летчиков, я спокойно объяснил им уже давно заученный порядок действий в полете над базой и добавил, что, выполнив задание, мы в порядке тренировки проведем прямо над Кронштадтом учебный бой.

И вот под нами Кронштадт. Когда время прикрытия подошло к концу, я подал условный сигнал, и «бой» начался. Это был головокружительный каскад фигур пилотажа. В штабе бригады не на шутку всполошились. Кому-то показалось, что идет бой с фашистскими самолетами. Но вскоре на помощь нам вылетело звено истребителей И-16. Артиллеристы-зенитчики, не видя противника, все же сделали «для острастки» более десятка выстрелов. Считая, что зенитные разрывы свидетельствуют о появлении противника, мы приняли И-16 за вражеские истребители и чуть было не атаковали их. К счастью, вовремя выяснилось, что это наши. Нам ничего не оставалось, как вежливо раскланяться и пойти на посадку.

Можно было не сомневаться, что меня ждет очередная неприятность. Ну что ж, я не собирался ничего скрывать и заранее решил, что поставлю, как говорится, вопрос ребром: «Нет настоящего боя — провели учебный. Истребители мы или куропатки?!»

Друзья мои тоже были обеспокоены. Мы приземлились, посовещались и решили прежде всего выяснить, что тут о нас думают.

Захожу я в штабную землянку. Адъютант сидит в своем закутке и сосредоточенно водит пером по бумаге.

— Где командир? — спрашиваю я у Аниканова.

Он поднимает на меня свои невесты чистые улыбающиеся глаза:

— Командира вызвали на КП.

«Все ясно. Вызвали стружку снимать», — думаю я. Какое-то упрямое чувство распирает меня. Всюду и во всем видится мне сплошная несправедливость.

— Задание выполнили, встрече не было! — вызывающее бросаю я адъютанту обычную для такого случая фразу и поворачиваюсь к выходу.

— Одну минуточку, — останавливает меня Аниканов. — Как это ничего не было? А бой с финскими истребителями?

— С какими еще истребителями?

— Спрашивает — с какими! Из штаба бригады сообщили, и я записал, что вы вели бой с финскими истребителями.

Так вот оно что! Теперь понятно, почему прочистила стволы кронштадтская батарея! Пообещав Аниканову рассказать обо всем позже, я покидаю землянку.

На стоянке меня ждут друзья. У того и другого постные лица.

— В чем дело, Гусейн? — обращаюсь я к Алиеву. — Что случилось?

— Так, ничего, — уклончиво отвечает он. — Нехорошо как-то...

Гусейн снимает шлем, мнет его в руках.

— И вообще, когда этому конец будет?

— Не понимаю тебя, — удивляюсь я.

— Как не понимаешь?! — Глаза его сверкают гневом. — Там люди гибнут, а мы здесь воздух утюжим! За что нас кормят?!

Обычно неразговорчивый, уравновешенный, не лишенный юмора, Гусейн в эти минуты не похож на себя. Он смотрит на меня так, будто я виноват в том, что мы до сих пор по-настоящему не воюем. Конечно, объяснять ему что-либо сейчас бесполезно. Да и что я могу объяснить, если сам внутренне возмущаюсь отсутствием настоящей боевой работы?

Вся эскадрилья в разлете. Халдеев, Багрянцев и Федоров воюют где-то под Старой Руссой. Комиссар рассказывал, что Багрянцев сбил там два «юнкера», а третий вражеский самолет таранил. У Федорова и Халдеева на счету по «мессершмитту». Киров, Годунов и Тенюгин только вчера утром улетели в Клопицы. Днем они уже вели тяжелый бой с налетевшими на аэродром бомбардировщиками, и Киров сбил «юнкерс». Где-то под Нарвой дерутся Костылев и Сухов. В одном из боев на самолете Костылева было повреждено хвостовое оперение, и он с трудом дотянул до аэродрома. Сухов прикрывал отход Костылева и один вел бой с четверкой «мессершмиттов». Да, это настоящие боевые задания. Какое счастье выпало ребятам! А мы целыми днями прикрываем главную базу. Словно нас за ногу к ней привязали.

— Знаешь что, Гусейн, — после небольшой паузы говорю я Алиеву. — Пойдем потолкуем еще раз с командиром!

Но не прошли мы и десятка шагов, как в воздух взвилась зеленая ракета. Мы остолбенели! Неужели это сигнал вылета нашего звена? Что делать? Самолеты еще заправляются. Но тревога наша оказывается напрасной. Адъютант, что называется, перестарался. Он должен был сказать нам, что нас срочно вызывают на КП для

постановки новой боевой задачи, а вместо этого выстрелил из ракетницы.

Командир полка майор Душин встретил нас приветливо:

- Ну что, базовые летчики, устали, наверное?
- Никак нет,— ответили мы вразнобой.
- На Кронштадт надоело летать, товарищ майор,— добавил я.
- Да, но вы, говорят, провели над базой бой с финскими самолетами.

— Это только говорят, товарищ майор,— сказал я, готовясь рассказать обо всем. Но Душин остановил меня:

— К сожалению, у нас мало времени, расскажете потом. А сейчас майор Новиков ознакомит вас с обстановкой, и вы получите новую задачу. Эта, думается, будет интересной.

Мы переглянулись. Новиков развернул на столе карту, посмотрел на нас и с едва заметной улыбкой произнес:

— Ну, вот и дождались, страдальцы. Теперь-то вам придется нажать на гашетки.

ШЕЛ
НА ПОСАДКУ
ИСТРЕБИТЕЛЬ...

н поистине сгусток энергии, хотя внешне это незаметно. Ростом невысок, в движениях нетороплив, говорит ровно, слушает внимательно, причем пытливо рассматривает собеседника своими угольно-черными глазами. Иные над смешным хохочут, что называется, до упаду, а он лишь мягко, скептически улыбается, словно приберегает веселье до другого раза. Но уж если берется за дело, оно сразу сдвигается с места. А если рассердится... Я видел его в гневе: суров, беззвучен, брови — колючки, лицо побагровело, кавказская кровь кипит... Но это ненадолго. Гусейн отходчив, душа у него добрая, ум светлый.

Как он радуется сегодня! Наконец-то нам доверено трудное дело. Глаза Алиева прямо-таки засияли, когда

он услышал об этом. Я не узнавал Гусейна. Слушая майора Новикова, он нетерпеливо поводил плечами и как-то по-детски подмаргивал мне и Соседину.

— Цель — крупная вражеская мотомеханизированная колонна на дороге между Сабском и населенным пунктом Осьмино,— говорил командир. Он острием карандаша показал эти населенные пункты на карте.— Ваша задача — звеном истребителей нанести удар по колонне противника. На каждом самолете шесть реактивных снарядов плюс пулеметы. Так что ударить есть чем.— Майор обвел взглядом наши сияющие лица и сам улыбнулся.— Вопросов нет? Через десять минут вылет.

И вот мы уже у самолетов. Запускаем моторы, взлетаем.

Проходим Волосово. Справа полыхает большой пожар. Это горит село Ивановское. Впереди синеет лента реки Луги. Видна деревня Сабск. Где-то там, за ней, нам предстоит нанести удар по противнику. Еще несколько мгновений полета, и я отчетливо вижу вражескую колонну. Перестраиваю звено в правый пеленг и пикирую. Заметив нас, фашисты открывают ураганный огонь. Но уже поздно. Смертоносные снаряды РС сорвались с балок и, прочертив огненный след, ударили по машинам противника. Один за другим следуют взрывы, взметающие вверх вместе с землей обломки фашистской техники. В какой-то момент сверкнуло пламя, и густой черный дым потянулся над лесом. Стреляя из пулеметов, низко, почти на бреющем, пронеслись мы над вражеской колонной.

Наш первый настоящий боевой вылет, первый удар по противнику! Разворачиваю звено для повторного захода. Снова пикируем, снова летят наши снаряды, уничтожая технику врага. Пулеметные очереди косят фашистов. Противник огрызается — ведет зенитный огонь. В нескольких местах по ту и другую сторону от дороги горит лес. На шоссе полыхают подожженные нами машины. Местами дым застилает колонну. Мы проносимся сквозь эту дымовую завесу.

Неожиданно Соседин вырывается вперед и уходит вверх. Качнув машину с крыла на крыло, он пикирует. Алиев следует за ним. Что они там обнаружили? Ах вот в чем дело! В реке Сабе кто-то купается.

«А вдруг это наши?» — думаю я. Вражеская зенитная установка рассеивает мои сомнения. Снаряды рвутся перед самолетом Соседина. Я разворачиваюсь, чтобы атаковать зенитку, но Алиев упреждает меня. Он делает переворот и камнем бросается на орудие, едва не столкнувшись с моей машиной. Чтобы не мешать Алиеву, я следую за Сосединым. Он уже стреляет по купающимся. Те выскакивают из воды и бегут вдоль берега к зарослям ивняка. Человек десять устремляются в поле. Доворачиваю машину, даю по этой группе несколько очередей. На реке уже ни единой живой души. Напоследок мы с Сосединым еще раз проходим над «пляжем». На берегу видна брошенная одежда. Надевать ее, видимо, некому. Возле молчащей зенитки видны неподвижные тела четырех вражеских артиллеристов. Мы набираем высоту. Где же Гусейн? Будь радио на самолете, он, возможно, сообщил бы, что с ним...

Ветер относит дым от дороги. Снова видна автоколонна противника. Мы с Сосединым наносим по ней еще один удар. Перед нашими глазами возникает фейерверк трассирующих пуль.

Алиева по-прежнему нигде не видно. Может быть, он вынужден был возвратиться на аэродром?

Но нет, и на аэродроме мы его не находим.

Подробно докладываем командиру о выполнении задания и о том, как Алиев, выручая Соседина, подавил огонь фашистской зенитки.

— Где же он?..

Только вечером стало известно, что какой-то самолет приземлился в восемнадцати километрах от нашего аэродрома, близ деревни Гостилицы. Рассказывали, что самолет этот вел тяжелый воздушный бой с фашистами и был сбит. На место его приземления немедленно выехали наши люди.

Вот что они услышали от очевидцев.

На сравнительно небольшой высоте в сторону Ленинграда летели три вражеских штурмовика МЕ-110. В это время над лесом, дымя мотором, проходил наш «ястребок». Неожиданно он набрал высоту и преградил путь фашистским самолетам. В первые же мгновения боя ведущий «мессершмитт» вспыхнул и стал падать. Летчики покинули его и опускались на парашютах. Два других МЕ-110 яростно отстреливались от атакующего их «ястребка». Но вскоре один из них тоже задымил и

круто пошел к земле. Он упал за деревней в лесной массив. Третий повернул обратно. Истребитель преследовал его. Он не стрелял, но, по-видимому, готовился ударить самолет противника по хвосту. И тут фашист открыл огонь. «Ястребок» начал падать. Потом он вырвался, пошел на снижение в направлении деревни и скрылся за лесом. Прибежавшие туда колхозницы увидели, что самолет совершил посадку, не выпуская шасси, на крохотной лесной полянке. Летчик был мертв. Они немедленно сообщили о случившемся в Ленинград. Вскоре выяснилось, что фамилия погибшего летчика — Алиев.

Гусейна и его самолет привезли на аэродром вечером. Но было еще светло, и все сразу обратили внимание на развороченный капот мотора и разбитые цилинды двигателя. Друзья бережно сняли Гусейна с машины и положили на носилки. Открыв кабину, мы увидели разбитую приборную доску, залитые кровью осколки стекол на полу. Через некоторое время врач сообщил нам, что грудь Гусейна поразили тридцать осколков вражеского снаряда.

...И тридцать, не забудем, тридцать
Осколков вражеских в груди.
Но сердце продолжает биться
И отдает приказ: «Дойти!»
Дойти! Пусть легкие пробиты,
И в баках пусто, сдал мотор,
Но гибели наперекор
Шел на посадку истребитель,
Со смертью продолжая спор,
Все сознавая, не вслепую,
В вершинах сосен и берез...
И на прогалину лесную
Пришел, не выпустив колес.

Так наш флотский поэт Всеволод Азаров рассказал в стихах о последних минутах жизни Алиева.

Вот он лежит, наш Гусейн. Лежит на носилках, в окровавленном, иссеченном осколками кителе. Гусейн, Гусейн! Смертельно раненный, ты еще пытался спасти своего раненого друга — самолет. Откуда взялись у тебя силы, чтобы посадить истребитель так нежно и аккуратно?

О чём подумал ты в свою последнюю минуту? Может, вспомнил маму, твою добрую маму, Кюбру Александровну, которая так любила тебя? Она не дожила до этого черного дня и не поплачет у твоей могилы. А может, ты вспомнил о родном Баку, об аэроклубе,

о своей наставнице — первой летчице Азербайджана Мамедбековой Лейле-ханум, что дала тебе путевку в небо? Или о девушке, недавно приславшей тебе из Баку письмо? Мы хотели знать хотя бы, как зовут твою любимую. Но ты был так застенчив, что не сказал даже этого, а потом вдруг предложил нам прочитать письмо самим. Мы разглядывали непонятные нам строки (никто из нас не знал азербайджанского языка), а ты смеялся, беспечно радуясь тому, что шутка твоя удалась...

Никто никогда не узнает, Гусейн, что испытал ты, что прочувствовал, о чем подумал в ту последнюю для тебя минуту. Ясно одно, что трудной была она, эта минута. Врачи не понимают, как мог сраженный насмерть человек управлять самолетом, лететь, а потом совершив посадку. Оказывается, мог. Таким он был, этот удивительный человек, Гусейн Алиев. Не исполнив до конца своего долга, он не мог позволить себе даже умереть.

Когда наши товарищи приехали на место посадки, Гусейн сидел в кабине истребителя. Казалось, окликни его, и он сейчас же обернется и на красивом мужественном лице его сверкнет дружелюбная улыбка. В левой руке он держал отбитую осколком рукоятку сектора газа, правой крепко сжимал ручку управления самолетом, ноги, как всегда, стояли на педалях. Было такое впечатление, будто Гусейн прицеливается в невидимого врага.

Совершив посадку, он все еще летел на своем истребителе. Но теперь уже летел в бессмертие.

...Горда гора полетом соколиным,
А Родина — своим бесстрашным сыном!

Это заключительные строки замечательной поэмы о Гусейне Алиеве, написанной азербайджанским поэтом Мамедом Рагимом. Родина высоко оценила подвиг Гусейна, посмертно наградив его высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

Алиева хоронил весь наш гарнизон. В скорбном молчании стояли летчики, техники, ближайшие друзья Гусейна, когда прогремел ружейный салют. И вот уже насыпан могильный холмик между двумя печальными березками. Венки полевых цветов покрыли его. При тусклом свете мы еще раз вглядываемся в фотографию Гусейна на пирамидке, в дорогие сердцу черты. Тихо расходимся...

Несмотря на яростное сопротивление наших войск, фашистская армия упорно приближалась к Ленинграду. С западных аэродромов возвращались наши летчики. Из Клопиц вернулись Киров, Годунов, Тенюгин, из Купли — Сухов и Костылев. Чуть позже из-под Старой Руссы прибыли Халдеев и Багрянцев. Они принесли печальную весть: в тяжелом воздушном бою пал смертью храбрых Миша Федоров, Алиев и Федоров. Трудно было поверить, что среди нас уже нет и никогда больше не будет этих молодых, задорных, влюбленных в жизнь людей. И мы мстили за них фашистам. «За Гусейна! За Мишу!» — мысленно повторяли мы, обрушивая на колонны противника шквал огня. И снова летели в воздух обломки вражеской техники, и снова безжалостно колесили фашистов наши пулеметы. Нервы гитлеровских во-як не выдерживали. Семь солдат во главе с офицером из числа окруженных в районе озера Самро войск, сдаваясь нашим пехотинцам в плен, так объясняли свое решение:

— Лучше сдаться, чем сойти с ума от этих адских машин.

Они имели в виду советские самолеты и наши реактивные снаряды. Что ж, неплохая оценка наших первых ратных дел. Но в ту пору только некоторые из германских солдат пытались трезво осмыслить собственное положение и обстановку на фронте. Тысячи и тысячи других были опьянены фашистской пропагандой и, подхлестываемые заклинаниями своего бесноватого фюрера, упрямо рвались к Москве и Ленинграду.

КАТО ОНИ И ДРУЗЬЯ

Было еще светло, когда над аэродромом появился наш двухмоторный транспортный самолет ЛИ-2. К тому времени боевой день петчиков уже подошел к концу. Мы решили искупаться и спустились к реке. Но только я вошел в воду, как услышал крик:

— Лейтенанта Каберова к командиру!

Надевая на ходу комбинезон, бежал я к эскадрильской землянке. В это время два истребителя взревели моторами и, обдав меня пылью, прямо со стоянки пошли на взлет. Майор Новиков с явным нетерпением ожидал моего прихода.

— Видишь ЛИ-2 над аэродромом?

— Вижу, товарищ майор!

— Это самолет командующего. Приказано сопровождать его до Таллина. Взлетели Халдеев и Сухов. Ты пойдешь третьим. В Котлах дозаправка. Пулей в самолет — и в Котлы!

— Есть!

Я бросился к своей машине. Мой новый техник Грищенко (Володю Дикова перевели в другую часть) уже запустил мотор. Моторист Алферов с ходу накинул на меня парашют, помог пристегнуть нижние лямки. Секунда — и я в кабине, вторая — и, поднимая пыль, машина тронулась с места. В этот момент я услышал, что кто-то стучит по крылу, и остановился. Стучал Алферов. К самолету бежал командир.

— Баки, баки подвесные! Где они у вас? — донеслось до меня.

— Так ведь у нас «эресы» стоят, — стал объяснять техник.

— Быстро на мою машину! — сказал майор.

Техник командирского самолета Кирилл Евсеев не медленно запустил мотор. Я с ходу занял место в кабине на уложенном в сиденье парашюте, не привязываясь, дал газ и пошел на взлет. На разбеге непрогретый мотор чихнул, затем вдруг умолк, или, как говорят авиаторы, «обрезал», но тут же снова «забрал», взял полные обороты. Машина оторвалась от земли в самом конце аэродрома, едва не задев колесами за высокие кусты. У меня даже пот на лбу выступил. Впрочем, все обошлось благополучно. Я набрал высоту, развернулся над лесом и взял курс на Котлы.

Самолета ЛИ-2 и наших истребителей не было видно. Должно быть, командующий авиацией Балтийского флота генерал М. И. Самохин спешил и дорожил каждой минутой. В Котлах я приземлился, выскочил из кабинь и сразу же побежал к самолету Халдеева. И он, и Сухов уже заправили свои машины. Заправился и ЛИ-2. Выруливавший для взлета Халдеев, увидя меня, остано-

вился. Пересиливая гул моторов, он крикнул мне, каким маршрутом лететь и какую держать высоту.

Догнал я группу над Усть-Нарвой. Самолет командующего шел низко над водой, возле самого берега, истребители — чуть сзади, на высоте четырехсот метров. Я пристроился с правой стороны, показал знаками лейтенанту Халдееву (он был старшим группы), что у меня все в порядке, и стал вести наблюдение.

Со стороны Финляндии в море показались две еле заметные точки. Сначала я принял их за наши катера, прикрывающие подступы к островам. Но прошли считанные секунды, и точки укрупнились и явно приблизились. Не самолеты ли это? Непонятно только, почему они идут как бы по воде, хотя следа и не оставляют. Я выдвинулся слегка вперед и движением машины показал Халдееву на подозрительные точки. Он тоже стал беспокойно вглядываться в море, но, видимо, ничего не обнаружил.

Заходящее солнце мешает наблюдению. Но я уже присмотрелся и ясно различаю, что со стороны залива идут самолеты, и, конечно же, вражеские. Медлить нельзя ни секунды. Они могут увидеть самолет командующего, и тогда... Резким полупереворотом бросаюсь вниз и даю очередь из пулеметов. Истребители противника на огромной скорости делают «горку», и очередь проходит мимо. Неудача несколько обескураживает меня. Между тем «Мессершмитты-109» (я вижу их впервые) пересекают береговую черту и исчезают в просветах облаков.

Мои друзья сбрасывают подвесные баки, быстро набирают высоту и скрываются за растекающимися вечерними облаками. Я спешу за ними. Но что это? Где рычаг сброса баков? Рука нащупывает лишь кронштейн с осью да навернутую на ее конец гайку. Рычага нет. Он снят. Хочется кричать от возмущения. Как сбросить баки? Почему техник Евсеев перед вылетом ничего не сказал мне об этом? Меня охватывает тревога. Ведь друзья ведут бой. Я должен быть там, с ними. А командующий? Что, если фашисты заметили его? Еще и еще раз проверяю рычаги и кнопки. Все имеет свое определенное назначение и к сбросу баков не относится.

Даю полный газ. Машина с трудом набирает высоту. Надежда сбросить баки не оставляет меня ни на мгновение. Я лихорадочно осматриваю кабину. На высоте тысячи метров из-за облаков вываливается вражеский

истребитель. Разворачиваюсь и пытаюсь зайти ему в лоб. Но он делает надо мной «горку» и, перевернувшись, как коршун, бросается вниз. Успеваю ввести машину в скольжение. Дымная пулеметная трасса проходит мимо. Сознание работает быстро. Понимаю, что положение мое не из приятных, и внимательно слежу за «мессершмиттом».

Выйдя из атаки, фашист повторил маневр и опять метнулся ко мне. Он снова дал очередь, но и она прошла мимо. Две неудачные атаки, видимо, разъярили моего противника. Уже не делая «горки», он круто ввел машину в вираж. Я поступил так же. Это было вроде бы выгодно мне. Радиус виража у моего самолета меньше, чем у «мессершмитта». Хорошо бы зайти ему в хвост и нанести удар сзади. Но баки, проклятые баки! Из-за них я не могу создать необходимый крен.

Неожиданно резкий удар сотряс машину. Такое впечатление, будто по обшивке стеганули кнутом. Самолет накренился. Восстановив положение, я увидел, что в правой плоскости зияет большая дыра. Вражеский истребитель метеором пронесся надо мной, а через несколько секунд ударил вторично. Мой самолет перевернулся через крыло, сорвался в штопор. С большим трудом уже у самой земли удалось прекратить вращение. От нервного напряжения дрожали руки.

Осмотриваюсь. Сзади никого нет, и никто меня не атакует. Странно. Куда же девался гитлеровец? Я даю газ и вновь набираю высоту. Только тут обнаруживаю, что повреждено и левое крыло. Однако машина летит и слушается рулей. Я плавно разворачиваюсь и внимательно гляжу, нет ли какого подвоха. Но фашист действительно ушел...

Впрочем, это не порадовало меня. Размышления мои были невеселыми. О Таллине не могло быть и речи. Только бы командующий долетел. А Халдеев и Сухов? Каков результат их боя? Что они думают обо мне? Как расценят то, что я не пошел с ними? Ничего, дома все расскажу — поймут...

Но поняли, к сожалению, не все. Правдивый доклад Халдеева и Сухова, приземлившихся на аэродроме на несколько минут раньше меня, в штабе бригады был истолкован с неожиданной сарказмом. Едва после посадки я зарулил на стоянку, как мне приказали сдать оружие, а еще через полчаса из Кронштадта прибыл

начальник политотдела бригады полковой комиссар С. С. Бессонов для разбора ЧП.

Навсегда запомнился мне тот вечер. Большое багровое солнце медленно опускалось за горизонт. Гарнизон жил своей обычной жизнью. А я потерянно бродил взад-вперед возле землянки. Сначала со мной был Сергей Сухов, а потом он вместе со всеми ушел ужинать, и я остался один. Я ждал начальника политотдела, хотел поговорить с ним. Но он в сопровождении комиссара эскадрильи М. З. Исаковича быстро прошел в землянку, не обратив на меня внимания.

Неожиданно меня вызвали к телефону. Кто-то из штаба бригады требовал, чтобы я объяснил мое поведение в бою. Я подробно рассказал, как было дело, и тут же услышал: «Вы удрали из боя, Каберов, и бросили своих товарищей. Вы трусы!» — «Это я-то трус?! — крикнул я не своим голосом. — Да я же только что объяснил вам, что вел бой, дрался с «мессершмиттом». Мой самолет пострадал в этом бою!» — «Знаем мы такие бои, — последовал ответ. — Вы ответите по закону военного времени». — «Это за что же, за что я должен отвечать?» — спросил я растерянно. Но на том конце уже положили трубку.

Такой оборот дела удручающе подействовал и на меня, и на майора Новикова. Он сразу же разъяснил всем, что это по его распоряжению техник Евсеев несколько изменил систему сброса подвесных баков, укрепив на специально сделанном им кронштейне под прицелом трос с шариком. «Это очень удобно. Вы бы дернули за шарик-то, товарищ лейтенант. Он тут, рядом», — объяснил мне Евсеев, узнав причину моего неудачного полета. В спешке он забыл заранее предупредить меня об этом и теперь ругал себя за оплошность.

За спешку и невнимательность мне была, что называется, устроена головомойка. Но ни о какой трусости и разговора не было. Комиссар так и сказал мне: «Ладно, не волнуйся, оружие вернут, все уладится». А теперь вот...

Я знал, что комиссар Исакович требовательный, но справедливый человек, что он зря в обиду не даст. Но и его положение было не из легких. В землянке грохотал голос Бессонова:

— Трусов выгораживаете!

— Он кандидат в члены ВКП(б), товарищ полковой комиссар,— спокойно напоминал Исакович.

— Исключить! Завтра же созовете собрание, и исключить!..

Больше я ничего не видел и не слышал. В темноте набрел на стоявшую недалеко от землянки автомашину, забрался в кабину, лег на сиденье, стыдясь собственных слез. «За что? — спрашивал я себя.— За какое преступление все это?» Только где-то под утро удалось мне забыться. Не знаю, долго ли я спал. Разбудил меня голос Володи Халдеева:

— Ты смотри, где он устроился! А мы обыскали все вокруг. Поднимайся, пошли на завтрак!

— Никуда я не пойду.

— Брось дурить, ничего тебе не будет.

— Не будет, говоришь?..

И я рассказал ему обо всем, чему был свидетелем вечером.

— Ну, это он сгоряча,— сказал Володя о Бессонове.— Просто вспылил. Бывает. С чего все началось? Прилетели мы вчера с Сергеем, а нас спрашивают: «Где командующий?» Я сказал, что на нас напали два «мессер шмитта» и мы вынуждены были вступить в бой. «А Каберов где?» — спрашивают. «Не знаем, его с нами не было. Он первым атаковал фашистов и пропал где-то» Ну, наши доложили обо всем в штаб бригады, а там решили: «Раз с товарищами в бою не был,— значит, струсил». Но ты не переживай. Разберутся. Все будет в норме. Ну, поругают за подвесные баки. Это уж точно. Конечно, подвел тебя Евсеев. Тоже ходит сам не свой.

— Я Бессонова боюсь, Володя. Страшный он какой-то.

— Неправда, Семен Семенович хороший человек. Я его давно знаю. Ну, случается, пошумит. На нем, брат, за все ответственность большая. А тут такое дело. Прикрывали командующего и вдруг оставили одного. Всю Семен Семенович и мечет искры. Исакович беседовал с нами по этому поводу. Вечером, наверное, будет партийное собрание. Ты не бойся, говори все, как было. Товарищи в обиду не дадут.

Вечером действительно состоялось партийное собрание. Участники его сидели на траве возле самолета, на котором я летал на задание. Машина была уже отремонтирована. Четырнадцать пробоин залатали на ней

техники. Как мне рассказывали потом, люди со всей стоянки приходили посмотреть на израненный самолет.

Собрание открыл оставшийся за парторга старший техник звена Снигирев. Сообщив вкратце о сути дела, он сказал:

— Думаю, что нам прежде всего надо послушать коммуниста Каберова.

— А что тут слушать? — сказал Бессонов. — Тут, по-моему, и так все ясно. Трус! А трусам нет места в партии. Предлагаю голосовать.

Участники собрания недовольно зашумели. Снигирев поднял руку.

— Вам никто слова не давал, — обратился он к Бессонову. — Вы здесь такой же коммунист, как и все. И, пожалуйста, соблюдайте партийную дисциплину.

Мужество председателя было вознаграждено наступившей вдруг тишиной.

— Извините, — осекся Бессонов. — Я высказал мнение командования бригады.

Мне было предоставлено слово. Я снова рассказал по порядку обо всем, что было, и замолчал, ожидая вопросов.

— Кто же все-таки виноват в том, что произошло? — неожиданно спросил у меня Сергей Сухов. — Кто виноват, что ты после первой своей атаки оторвался от нас и вел бой один на один с вражеским истребителем?

Вопрос был поставлен, как говорится, в лоб. И кем? Дружком моим Сережкой Суховым, с которым мы вместе закончили летную школу. Он смотрел на меня в упор. Строгий взгляд его требовал ответа. Собрание молчало. Я не ожидал, что дело приобретет такой поворот, и чувствовал себя неловко. Мои расчеты, что меня, как пострадавшего, пожалеют, рушились. Я посмотрел на техника Евсеева, на командира, обвел глазами всех коммунистов и ничего не сказал.

Тогда попросил слова Снигирев.

— Чтобы обвинить человека в трусости, — начал он, — нужны достаточные основания. Я возмущен такой постановкой вопроса и как коммунист отвергаю эту версию. Здесь другое. Здесь спешка, лихость, небрежность. И кстати, с Каберовым это не впервые. Был же случай, когда он по тревоге вылетел без летных очков.

«Все знают», — подумал я. Между тем Снигирев продолжал:

— Да, был такой случай. Но мы тогда не придали ему значения и не спросили с коммуниста Каберова: А зря!..

Голос Снигирева звучал гневно. Он сказал, что коммунисты Новиков и Евсеев тоже повинны в случившемся, но что больше всех виноват летчик.

— Каберов не ответил на вопрос, поставленный Суховым. Он и сейчас, видимо, не уловил своего главного промаха,— говорил Снигирев.— А ведь согласно инструкции по эксплуатации самолета перед вылетом надлежит проверить машину и расписаться в приеме ее от техника. Конечно, быстрота в нашем деле нужна. Но так просто вскочить в кабину и отправиться в путь нельзя. Самолет — не телега, товарищи!

Один за другим поднимались коммунисты, и каждый говорил о небрежности, о никому не нужной лихости. И все это адресовалось мне. Я сидел опустив голову. Мне нечего было сказать в свое оправдание. Разговор шел, что называется, начистоту.

Слово взял комиссар эскадрильи старший политрук Исакович. Он подробно объяснил обстановку, сложившуюся под Ленинградом и в Эстонии, и сообщил, что командующий генерал М. И. Самохин благополучно прилетел в Таллин и что он прислал телеграмму, в которой благодарит сопровождавших его летчиков-истребителей.

— Может быть, Халдеев, Сухов и Каберов действовали не наилучшим образом, но они все же, как у нас принято говорить, связали боем вражеские самолеты,— сказал Исакович.— Что же касается коммуниста Каберова, то мы знаем, с какой энергией он трудится на войне. Это, безусловно, смелый летчик. Непонятно только, почему командование бригадой придерживается обратного мнения. Нельзя не учитывать того, что в этом бою Каберов увидел вражеские самолеты. Он предупредил об опасности командира группы. Он первым атаковал «мессершмитты». Правда, из-за небрежного осмотра машины перед полетом он оказался в трудном положении. И все же, несмотря на полную невозможность сбросить подвесные баки, он начал набирать высоту, чтобы помочь товарищам, ведущим бой. Фашистский «мессершмитт» перехватил его и атаковал. И тут Каберов не спасовал. Он принял неравный бой. А это уже характер, товарищи, характер настоящего бойца. Но

я хочу сказать о другом. Вылетать, как он вылетал вчера на это задание, недопустимо.

Комиссар обвел глазами самолет, под крылом которого шло наше собрание, провел ладонью по фюзеляжу.

— Готовиться к взлету и не надеть на себя парашют — это большой промах, товарищи! Сесть в кабину и не посмотреть, все ли в ней в порядке, — это второй промах. А уж думать, что виноваты во всех твоих бедах другие — это не знаю даже, как назвать. Не говорю уже о том, что летчик не привязался ремнями, что он не прогрел мотора. Вы помните, что мотор несколько раз обрезал на взлете. Но ведь от этого один шаг до катастрофы.

«Действительно, какой я все-таки болван, — подумал я, — сколько глупостей натворил одним махом!..» Мне было очень стыдно перед товарищами. Я обвел глазами собрание. У всех были серьезные, строгие лица, а у Исаковича в особенности.

— Предлагаю, — сказал он в заключение, — за нарушение инструкции по эксплуатации самолета И-16, за пренебрежение к парашюту, за никому не нужное бахвальство объявить коммунисту Каберову выговор. И еще: просить командование полка послать его на передовой аэродром с идущим туда звеном Багрянцева. Пусть он там нам делом докажет, что мы верим в него не зря.

— Правильно, верно! — послышались голоса.

У меня комок подкатил к горлу. А коммунисты уже единодушно проголосовали за предложение Исаковича. Верят, значит. Ругают и верят!

Когда собрание закончилось, первым подошел ко мне Сергей. Он сгреб меня в свои медвежьи объятия, да так, что я чуть богу душу не отдал.

— Ну как, теперь понял?

Потом ко мне подошел Исакович:

— Ничего, главное — помни: кому много дано, с того много и спрашивается.

Как-то смущенно улыбаясь, глянул на меня майор Новиков:

— Ну, как? Ничего трепка? Небось «мессершмитт» так не лупил, как друзья? Что ж, правильно. На то они и друзья. Мне, помню, отец в таких случаях всегда говорил: «Кабы не любил, так и не побил».

Меня окружили Кирилл Евсеев, Володя Халдеев, Алексей Снигирев, другие товарищи.

Начальник политотдела ушел с собрания, не проронив ни слова. Позже, после того как я одержал в бою первую победу, он нашел меня в Низине, чтобы поздравить. Он сказал в тот раз немало добрых слов о партийном коллективе нашей эскадрильи, о комиссаре Исаеве.

— А еще хочу признаться тебе.— Бессонов вдруг помрачнел.— Хотел я, брат, перед тобой сразу же, после собрания, извиниться. Была такая мысль, да гордыня, видишь ли, не позволила. Так что, ты прости меня, старика. Прости вдвойне— и за резкость, и за то, что сразу не повинился в ней.

Я сказал, что мне тоже было в чем повиниться, что коммунисты правильно критиковали меня. Бессонов еще раз потряс мне руку:

— Ну, иди, воюй!..

3 августа в Клопицы на охрану аэродрома уходило звено Багрянцева, в состав которого я был включен в качестве ведомого летчика. Наше молодое звено распалось. Алиев погиб, Соседин летал с Костылевым.

Прежде чем перебазироваться в Клопицы, мы должны были снова лететь с командующим, сопровождая его до Таллина. Генерал М. И. Самохин, оказывается, уже успел возвратиться из Эстонии и теперь вновь летел туда. Внутренне я весь сжался, когда Новиков произнес эти слова: «Сопровождать командующего». Но майор не стал напоминать о моем неудачном полете. Он всего лишь коротко объяснил Багрянцеву стоящую перед звеном задачу и, обращаясь ко всем нам, сказал:

— В Таллине не задерживайтесь, светлого времени остается мало. Заправьтесь — и прямо в Клопицы. С рас-светом придется дежурить.

Самолет ЛИ-2 опять, как и в первый раз, сделал круг над Низином. Теперь мы взлетели без спешки, пристроились и пошли. Самолет командующего как бы прижимался к земле. Зеленый, он был слабо заметен на фоне леса. Мы летели чуть сзади и выше ЛИ-2. Я волновался. Мне казалось, будто все оставшиеся на аэродроме смотрят мне вслед. Смотрят и говорят: «Смотри, Каберов, поручились мы за тебя, не подведи!..»

Каждую секунду ждал я встречи с фашистскими истребителями. До мелочей продумал различные варианты возможного боя. Но встретить противника так и не удалось. Сделав круг над островерхими крышами Таллина, мы приземлились, а самолет командующего пошел на остров Эзель. Стоя на аэродроме и глядя в небо, я все еще не мог успокоиться: признаться, мне так хотелось, чтобы в этом, именно в этом полете на нас напали истребители противника. Теперь-то уж я сбросил бы свои баки, и тогда — держись «мессершмитты!..»

Мы заправляли самолеты, когда к нам подошел человек в морской военной форме. Это был комендант аэродрома.

— Здесь все минировано, — сказал он Багрянцеву. — Ничего не трогать. Движение только по дорожкам, обозначенным флагами. С вылетом поторопитесь.

Комендант ушел так же стремительно, как появился. Мы переглянулись. Нетрудно было догадаться, что положение в Таллине тяжелое, что идет подготовка к эвакуации наших войск. Я окинул взглядом аэродром, его капитальные сооружения. Неужели все это взлетит на воздух? Еще один комендант с его неумолимой логикой.

Наскоро перекусив в столовой, мы снова поспешили к самолетам и вскоре покинули аэродром. Делая круг над городом, я отыскал взглядом шпиль таллинской ратуши с ее стаинным флюгером, изображающим древнего воина. Прощай, Таллин! Прощай, Старый Томас! Когда-то мы теперь увидимся?

Час бреющего полета, и мы в Клопицах. Звено Костылева, которое нам приказано сменить, готовится к возвращению на родной аэродром. Костылев, Сухов и Соседин сбили здесь несколько «юнкерсов» и «мессершмиттов». Обо многом могли бы они рассказать нам, но солнце уже на горизонте, а звено должно успеть засветло долететь до дому. Спрашивают, что нового

в Низине. Мы сообщили им свежую еще и для нас самих новость: нашелся Ефимов. Оказывается, он, совершая над Псковом противозенитный маневр, оторвался от группы, взял неточный курс и в конце концов потерял ориентировку. Пытаясь восстановить ее, выработал все горючее и с остановившимся мотором произвел посадку на фюзеляж вблизи станции Ефимовской, к востоку от Тихвина, по дороге на Вологду. Техники побывали там, поставили на самолет новый винт, и Ефимов возвратился домой. Теперь он вместе с Алексеевым улетел на Эзель.

Костылев развернул карту и, проследив по ней путь Ефимова, покачал головой:

— Вот это маханул Андреич!

— Сам Ефимов и сел около Ефимовской,— смеются ребята.— Никак у него родственники там?

Костылев и Сухов запустили двигатели, а Соседин помчался зачем-то в палатку. Прибежав обратно, он сунул мне в руки листок бумаги:

— Это расписание, по которому немцы приходят бомбить Клопицы. Советую изучить!..

Друзья улетели. Вскоре аэродром погрузился в вечерние сумерки. Техники продолжали работать возле машин, готовя их к утреннему вылету. Инженер эскадрильи Сергеев решил помочь нам освоиться на новом месте.

— Раз инженер с нами, значит, парадок на Балтике,— сказал Багрянцев, копируя белорусский акцент своего друга. Сергеев добродушно улыбнулся, собираясь что-то ответить Багрянцеву, но забыл об этом, увидя на нашем пути кусок промасленной ветоши. Выгоревшие брови его сошлись, он не на шутку рассердился:

— Опять трапки, опять нет парадка!

Рассердился и рассмеялся, поймав себя на том, что отдал дань белорусскому произношению.

С этим вспыльчивым, но отходчивым, душевным человеком было легко. Держа в руке кусок ветоши, он повел нас дальше. Вскоре мы увидели палатки технического состава, поставленные в лесу между золотыми стволами высоких сосен. На самой границе леса, поблизости от стоянки самолетов, белела наша палатка — наш полотняный дом.

«Что ожидает меня здесь?» — думал я в тот вечер, укладываясь в постель. Сон долго не приходил. Прислу-

шиваясь к ровному дыханию товарищей, я перебирал в памяти события последних дней...

Ровно в семь часов утра, как значилось в расписании, составленном Сосединым, над Клопицами появились фашистские самолеты.

Пара вражеских истребителей нагло промчалась над нашей стоянкой и стала кружить над аэродромом. Багрянцев приказал запустить моторы. Мы поднялись в воздух. «Мессершмитты» набирали высоту. Затем они, уменьшив скорость, сделали разворот, причем вблизи от нас. Багрянцев сразу же повернулся самолет и ринулся за ними. Соблазн атаковать маячившие перед носом вражеские самолеты был велик. Не отставая от Багрянцева и Тенюгина, я дал газ, но, на счастье, оглянулся. Сзади два других вражеских истребителя пикорвали на самолет Багрянцева. Еще секунда — и помочь ему было бы уже невозможно. Я сделал стремительный разворот и дал заградительную очередь. Так и не успевший открыть огонь по Багрянцеву «мессершмитт» задрал нос, перевернулся на спину, начал медленно вращаться и вдруг отвесно пошел к земле.

— Сбил я его, сбил! — закричал я. Мой голос странно прозвучал в кабине, где меня никто не мог услышать. А фашистский самолет все падал и падал, и я не сводил с него глаз. Еще несколько секунд — и все кончилось. Взметнулось облако пыли и, разгоняя ветром, начало быстро таять. Самолет упал возле церкви в деревне Клопицы, всего в полукилометре от нашей стоянки.

Воздушный бой окончился. Фашисты не осмелились повторить атаку и ушли восвояси. Я прибавил газ, догнал Багрянцева и жестами указал ему на то место, куда упал «мессершмитт». Командир улыбнулся, кивнул мне и, на секунду бросив управление, сцепил руки и поднял их, поздравляя меня.

После посадки мы все трое приехали к месту падения вражеского самолета. Окружившие «мессершмитт» колхозники, увидя нас, расступились.

Вот он, поверженный враг. Всего несколько минут назад он еще зловеще парил в небе, а теперь... Мотор и кабина с летчиком врылись глубоко в землю. Фюзеляж и хвостовое оперение с паучьей свастикой торчат снаружи. Крылья валяются в стороне.

И стар и мал сбежались сюда, на окраину деревни Клопицы. Все говорят о только что закончившемся воздушном бое. Громче других делится впечатлениями старый дед.

— Стою я у церкви, гляжу в небо,— возбужденно рассказывает он.— А фашистский самолет летит прямо на меня. «Свят, свят! — говорю.— Никак сейчас бомбу бросит!» И конечно, скорее за церковь. Перекрестился, прижался к стене, глаза зажмурил, жду. Засвистело, слышу, что-то да ка-ак ахнет! Упасть упало, а взрыва нет. Открыл я глаза, и — мать пресвятая богородица! — диву даюсь. Оказывается, не бомба это вовсе. Сам сатана пожаловал к нам собственной персоной. Я за лопату и к нему. Да вот не пригодилась моя лопата.— Дед разводит руками.— А то бы капут его благородию...

— Да, работа чистая,— говорит Багрянцев,— ничего не скажешь. Бессонова бы сюда, Игорь. Пусть бы посмотрел! Ну, спасибо тебе, дружище! — Он обнял меня.— Спасибо за выручку. Опоздай ты всего на одну секунду, и остались бы мои ребята сиротами...

— Ну вот, товарищи,— Багрянцев указывает окружающим нас людям на вражеский самолет,— этот уже отлетался, и с остальными так будет!

Он просит колхозников не трогать ничего на самолете до приезда наших техников. Мы садимся в машину, напутствуемые добрыми пожеланиями жителей села. Напоследок я еще раз оглядываюсь на останки «мессершмитта». Как-никак он сбит не кем-нибудь, а мной.

В ЛЕСУ И НАД ЛЕСОМ

Kлопицкий лес. Сосна вперемежку с елью, ни единой полянки — сплошной зеленый ковер. Сверху видна между деревьями только крыша здания штаба бомбардировочного полка. Рядом с лесом простирается огромное поле. Это наш аэродром. И он тоже выглядит как зеленый ковер. А воздух — какой здесь воздух! Как хорошо дышится на приволье!

Мы прилетели в Клопицу неделю назад. Сегодня я проснулся еще затемно. Не вставая с койки, поднял край намокшей палатки. Сырая прохлада дохнула в лицо.

Три дня лил дождь. Три дня не летали ни мы, ни немцы. Ребята говорят, что они устали от безделья. Правда, техникам и в непогоду работы хватало. Они основательно осмотрели самолеты за эти дни. У моей машины, оказывается, сбился прицел. Инженер обещал заняться ею, как только пройдет дождь. Я прислушиваюсь, не бьют ли по брезенту палатки дождевые капли. Нет, не бьют. Значит, с рассветом займемся прицелом. А пока можно полежать. Накануне нам заменили постельное белье. Приятно поваляться в чистой постели. Впрочем, это уже отдых сверх всякой нормы. Вчера и позавчера мы спали сколько хотели, и так получилось, что Багрянцев разговорился и рассказал нам очень много интересного о себе.

Детство на его долю выпало нелегкое. Ему не было и шести, когда отец погиб на войне. Шел 1914 год. Многодетная семья Багрянцевых голодала. Девятилетний Миша должен был пойти работать подмастерьем к кустарю-жестянщику. Потом возник конфликт с отчимом, началась беспризорная жизнь. Четыре года скитался Миша по стране, пока не пристроился работать на заводе. В армии осуществилась его давнишняя мечта. Он стал учиться в летной школе. Потом — советско-финляндский военный конфликт, первые бои и победы, первый орден.

Перебирая в памяти рассказанное Михаилом Ивановичем, лежу в еще сумрачной палатке. На одной из коеок спит Тенюгин, другая аккуратно заправлена. Багрянцев улетел в Низино. Шел дождь, но он все же поднялся в воздух. Наверное, ожидается что-то серьезное, если его вызвали в такую непогоду.

Беспокойный человек этот Багрянцев. Когда он, Халдеев и Федоров были под Шимском, над станцией Уторгаш появился самолет-разведчик «Юнкерс-88». Он был хорошо виден с аэродрома. Взлететь Багрянцев не мог. Его звено только что вернулось с задания, и самолеты заправлялись. Да если бы и удалось догнать воздушный разведчик, вряд ли что изменилось бы. Он мог вызвать бомбардировщики по радио.

Вспомнив, что на железнодорожных путях стоят воинские эшелоны, Багрянцев сел в аэродромную машину

и приказал шоферу срочно ехать на станцию. Начальника на месте не было. Михаил Иванович разыскал машиниста.

— Разводите составы немедленно! — сказал он ему. — Ожидается налет фашистских бомбардировщиков.

— Начальство прикажет — разведу, — заупрямился машинист.

— Я вам приказываю.

Машинист все еще артачился. Багрянцев вынул из кобуры пистолет и не покинул маневрового паровоза, пока все составы не были разведены. Последовавший вскоре удар бомбардировщиков по рассредоточенным эшелонам не принес большого вреда. Между тем наши истребители сбили четыре вражеских самолета, два из которых пришлись на долю Багрянцева. Один из них Михаил Иванович сбил обычным порядком, второй таранил.

— И ты выпрыгнул с парашютом? — спросил я у Багрянцева, когда впервые услышал об этом.

— Нет, дотянул до дома, — сказал он. — Получилось все, видишь ли, неожиданно. Последняя пара «юнкерсов» пикировала на станцию. Ну, я догнал их, взял в прицел. Жму на гашетки, а выстрелов нет. Видимо, кончились боеприпасы. «Юнкерс» бросает бомбы и резко выходит из пикирования. Я тоже выхожу из пикирования. Но мой самолет оказывается ниже и несколько впереди вражеского. Не раздумывая, беру ручку на себя. Машинист взмывает вверх и в следующую же секунду ударяет «юнкерс» по хвостовому оперению. Раздается треск. Машину основательно встряхивает и отбрасывает в сторону. Она дрожит, как в лихорадке, но, к моему удивлению, летит. Впрочем, я чувствую, что далеко мне не уйти, разворачиваюсь к аэродрому и ищу площадку для приземления...

По словам Багрянцева, все произошло просто, как бы само собой. Но я знаю, что это не так. Он сознательно шел на смертельный риск. Он ненавидел врага, и все его усилия в решающую минуту свелись к одному — сбить, во что бы то ни стало сбить самолет. Я пытаюсь представить себе во всех деталях, как это было. Я думаю об этом и теперь, лежа на койке в провисшей от дождя палатке.

Где-то рядом хрустнула ветка. Кто-то ходит поблизости. Я встал, вышел из палатки.

— Кто тут?

— Это я, Гомонов, дежурный. А вы почему не спите, товарищ лейтенант?

— Так, не спится что-то.

— Еще рано, отдыхайте.

Я лег и снова стал думать про этот таран. Действительно, как необычно все на войне. Самые отчаянные решения иногда принимаются в доли секунды.

Тихо в лесу. Совсем непохоже, что мы на фронте. Махнуть бы сейчас за грибами или за ягодами, как было в пионерском лагере. Но нет, не до ягод и не до грибов. На душе смутно, тревожно. Фашистские армии придвигаются к Ленинграду с каждым днем все ближе и ближе. Где они теперь, как далеко от нас? Никто этого не знает. Ходят разные слухи, всякую чушь мелют люди. То и дело слышишь крылатое словцо «говорят»: «Говорят, будто немцы взяли...», «Говорят, будто наши...». А что наши, что?.. Еще и теперь держится в памяти вчерашний разговор в гарнизонной столовой. Начал его незнакомый мне раздражительный, желчный парень в форме авиатехника.

— А что наши? — вдруг сказал он, подхватив чьи-то слова и грохнув кружкой о стол. — Драпают наши, вот что!

У незнакомца было злое лицо. Он поднялся из-за стола, оглядел почти пустой зал и развязно подсел к нам.

— Вот вы, — сверля нас глазами и оглядываясь по сторонам, заговорил он вполголоса, — вы летаете, а куда немец прет, небось не видите! А немец, говорят, Кингисепп взял! Да, да, Кингисепп! — повышая голос, подтвердил он. — И к Ленинграду подходит!

— Кто вам сказал об этом? — не выдержал я.

— Все говорят!

Он вскочил из-за стола и истерически заорал:

— А наши, говорят, Лугу оставили, Лугу, понимаете! Вы этого тоже не видите?

Он тяжело дышал, обжигая взглядом то меня, то Тенюгина.

— Молчите! На самолеты свои надеетесь? Тоже драпануть хотите?

Ах, как мне хотелось смазать по физиономии этого негодяя, но Тенюгин остановил меня:

— Не связывайся... Малодушный он, испугался и несет всякую чушь...

Что верно, то верно,— чушь. Но вспоминать обо всем этом горько.

Я встаю, одеваюсь и выхожу из палатки. Стрельбы не слышно. Только птицы заливаются в лесу на разные голоса, как бы поздравляя нас с добрым утром. Только будет ли оно добрым, это утро?

На стоянке у самолетов уже появились техники. Вот беспокойные люди — когда они только спят! Я умываюсь, делаю что-то наподобие физзарядки и снова захожу в нашу парусиновую обитель. Минут десять — пятнадцать можно еще отдохнуть. Ложусь поверх одеяла, гляжу в светлеющий купол палатки и думаю, думаю все об одном и том же: о предстоящих вылетах, о вражеских самолетах, о тактике, применяемой авиацией противника. Три дня назад фашисты совершили налет на наш аэродром. Судя по тому, куда они бросили бомбы, им вряд ли известно расположение наших дальних бомбардировщиков. Они так искусно укрыты в лесу, что мы и сами с воздуха не можем их разглядеть. А все-таки как получилось, что средь бела дня шестерка МЕ-110 столь неожиданно выскоцила из-за леса на бреющем? Мы даже взлететь не успели. И с наблюдательного поста нам почему-то не позвонили. Видно, у нас еще много неполадок в организации наблюдения и оповещения.

Большие двухмоторные, двухкилевые машины, очень похожие на наши ПЕ-2, на большой скорости пронеслись над стоянкой. На крыльях (концы их окрашены в желтый цвет) отчетливо были видны черные кресты с широкой белой окантовкой. На аэродромное поле упали странные бомбы. Шуму и дыму от них было много, а воронок на месте падения не осталось. Там и тут валялись какие-то скрученные жестянки. Никакого ущерба нам этот налет не нанес.

...А вот наши бомбары — молодцы. Надо же куда махнули — на Берлин! Когда это было? Кажется, 7 августа. А сегодня десятое. Значит, три дня назад. Ну, наши-то соседи все знают об этом. Это группа из их дивизии. Откуда-то из Эстонии, говорят, летали. Может быть, с Эзеля, куда Ефимов и Алексеев недавно ушли. Представляю себе, как забегали фашисты, когда на их логово посыпались бомбы. Рассказывают, что в Берлине даже светомаскировки нет. Ничего, еще несколько та-

ких налетов, и поймут, что к чему. Водил группу наших бомбардировщиков полковник Преображенский. Говорят, что этот Преображенский родом из Вологды. Нежели земляк? Посмотреть бы, какой он. Здорово дал фашистам, ничего не скажешь. И это в то время, когда Геббельс кричит, что русская авиация уничтожена...

Где-то далеко прогремел одинокий выстрел. Я поднял край палатки, прислушался. Вокруг, как и прежде, была тишина. Может, разбудить Тенюгина? Не пора ли, что называется, садиться в готовность? Но Володя так сладко спит, что поднимать его жалко. Не снится ли ему наш последний вылет перед дождями? Возвращаясь с задания, мы в тот раз заметили, что со стороны Ленинграда курсом на юг идет «Хейнкель-111», и, конечно же, устремились за ним. Но он спикировал и, отстреливаясь, стал уходить на бреющем. Тенюгин сумел дать по нему несколько очередей. Он поразил стрелка, вывел из строя правый мотор. Но «хейнкель» продолжал лететь на одном моторе. Еще бы одну хорошую очередь по нему, и все было бы кончено. Но тут откуда ни возьмись два фашистских истребителя. Мы кинулись за ними. Но истребители боя не приняли. Они ушли вверх и исчезли в синеве неба. Ушел и подбитый Володей «хейнкель»...

Припоминаю подробности этого боя, наблюдаю, как полотно палатки пропитывается светом, и вдруг слышу осторожные шаги. В палатку тихо входит дежурный по стоянке матрос Ваня Гомонов, невысокого роста, необычайно подвижный и деятельный паренек.

— Товарищ лейтенант! — громким шепотом говорит он. — Гудит где-то...

Поспешно покидаю палатку, прислушиваюсь. Сомнений нет, где-то недалеко идут немецкие самолеты.

— Тревога, Ваня! — кричу я, а сам в самолет — и в воздух.

Не успеваю набрать и двухсот метров, как в стороне уже вижу темные силуэты фашистских штурмовиков. Пятерка МЕ-110 пикирует на аэродром. Делаю резкий разворот и бросаюсь на ведущего. Вражеский стрелок с соседнего самолета дает очередь по моей машине. Барabanной дробью прокатывается эта очередь по деревянному фюзеляжу И-16. Впрочем, мой самолет держится normally, и я атакую вторично. Но МЕ-110 уже сбросили бомбы. Сизый дым заволакивает стоянку и край леса. Надежда, что мне на помощь придет Тенюгин,

рушится. Я атакую то одного, то другого фашиста. Обороняясь, «мессершмитты» образуют круг над аэродромом. Потом они вытягиваются в цепочку и уходят. Я нападаю на машину, идущую последней, и даю по ней очередь. Огненная трасса уходит влево. Беру поправку на погрешность прицела и бью по левому мотору «мессершмитта». Машина дымит, но продолжает уходить почти на прежней скорости. Отчаянно строчит вражеский стрелок. На правом крыле моего самолета уже есть дырки. Я веду огонь, но безуспешно. «Мессершмитты» прижимаются к земле и на большой скорости уходят. Я некоторое время преследую их, а потом, возвращаюсь. Может прийти другая группа вражеских самолетов...

Наконец взлетает Тенюгин. Он догоняет меня, пристраивается. Что ж, вдвоем веселее.

Минут через двадцать мы приземляемся. С тяжестью на душе выбираюсь я из кабины. Не сбил! Ни одного самолета не сбил! А какие были условия! Как на полигоне...

Расстегиваю лямки парашюта. Наш моторист Алферов помогает мне снять его.

— А здорово вы их, товарищ лейтенант! — явно пытаясь утешить меня, говорит он. — Только, наверное, бронированные они, не пробить...

— Дело не в броне, Борис. Тут другое. Вспомни, как дрался Гусейн Алиев. Считанные минуты — и два самолета сбиты. Такие же, как эти, самолеты. У него тогда закончились боеприпасы, а то и третий «мессершмитт» врезался бы в землю. Значит, бить их можно. А у нас, ты же знаешь, сбылся прицел. Я думал, что мы его утром отрегулируем. А тут вылет...

Лицо Алферова делается озабоченным.

— Понял, товарищ лейтенант!

— Ну вот, а теперь передай инженеру: пусть оружейники займутся прицелом.

Отчеканив «Есть!», Алферов положил парашют на стабилизатор и побежал к оружейной палатке.

Тенюгин тщательно осмотрел мой самолет.

— Везет тебе. Столько пробоин — и ни одна пуля не задела кабину! — Он помолчал немного, крутя в руках шлем. — А все же ты зря вылетел один. Надо было разбудить меня, пошли бы вместе.

— Каждая секунда была дорога, Володя.

— Вообще-то да,— сказал Тенюгин.— Я едва успел добежать до самолета, как они уже начали пикировать. И бросили бомбы опять в тот же угол, что и в прошлый раз. И опять никого не задели, только лес попортили. Три бомбы настоящие, остальные, как и тогда, жестянки. Ну и дыму от них!

Да, немцы не знали, где укрыты наши бомбардировщики, и это радовало. Но что будет дальше? Нас только двое. А если фашисты прилетят, когда наши самолеты заправляются? Могут прилететь большой группой да еще с истребителями. Тогда как?..

Тенюгин протер платком свои летные очки, взглянул на меня.

— Ну вот что. Пока суть да дело, пойдем в столовую...

С Тенюгиным мы подружились здесь, в эскадрилье. В училище он как-то сторонился меня. Видимо, сказывалась разница в возрасте (я немного старше Володи). Там, в Ейске, он восхищал всех нас, блестяще выполняя упражнения на спортивных снарядах. Летал Тенюгин очень хорошо, любил прыгать с парашютом. Всегда собранный, опрятный, он даже здесь, на фронте, регулярно меняет подворотнички, драит до блеска пуговицы, умудряется гладить брюки.

Всю жизнь Тенюгины жили в Осташкове. Живописная природа верховья Волги, неповторимая красота озера Селигер с детства полюбились Володе. У него спокойный, уравновешенный характер волгара. Он прям в суждениях, немногословен, бесстрашен. Глядя на него, мысленно говорю себе: «Как хорошо, что рядом такой хороший человек!..»

Позавтракав, мы идем краем леса к своей палатке.

— Ты посмотри,— закрывшись рукой от солнца и задрав голову, останавливает меня Тенюгин,— посмотри, какое сегодня небо! Как над Селигером! Скажи, ты был когда-нибудь на Селигере, а?

Я не успевал ответить Тенюгину. К нам бежит Ваня Гомонов. В чем дело? Оказывается, меня срочно зовут к телефону. Скорее в палатку! Снимаю трубку:

— Лейтенант Каберов слушает.

— На нас идут бомбардировщики!

— Кто говорит? — пытаюсь я уточнить, полагая, что это звонок из штаба соседней части.

— Говорит пост ВНОС, наблюдатель!

— А откуда бомбардировщики? Откуда идут? С какой стороны?

— Пока что не видно...

— Ну как же так? — В сердцах я бросаю трубку на рычаг телефонного аппарата.

— Где он, этот пост ВНОС?

Мы с Володей выбегаем из палатки. Он указывает мне на крайнюю высокую сосну. Наблюдатель сидит на ней, как кукушка. Сидит на самой вершине.

— Эй, служба! — кричу я ему. — Где же бомбардировщики?

Он подносит к глазам полевой бинокль.

— Вот они!

— Далеко?

— Нет, рядом!..

Мы бросаемся к самолетам. Тенюгин занимает свое место в кабине и запускает двигатель. Я не могу это сделать. Мой истребитель, задрав хвост, стоит на козелке, нацеленный на дерево, на котором висит лист белой бумаги.

— Грицаенко! — окликаю я техника. — В чем дело?

— Прицел проверяли, товарищ командир. Теперь порядок!

Я приказываю убрать козелок, поднимаю машину в воздух и устремляюсь за Тенюгиным. Между тем мой ведущий уже подает мне сигнал и разворачивается. Я следую за ним. Что ж, наблюдатель прав. Действительно, западнее аэродрома на малой высоте идут самолеты. Смотрю на прицел. «Не подведи, дружок!..»

Самолеты уже совсем близко. Тенюгин заходит в атаку. Я тоже пикирую на ближайшую ко мне машину. Вот она уже в перекрестье прицела, пальцы ложатся на гашетки, и вдруг... Меня словно током пронизало с головы до пят. Я вижу на крыльях атакуемых нами самолетов звезды. Свои! Ухожу в сторону. Тенюгин делает то же самое. Он покачивает самолет с крыла на крыло, подавая мне сигнал следовать за ним. Мы набираем высоту, осматриваемся. Ну конечно же, это наши ПЕ-2. Видимо, они возвращаются с задания. Сначала три, потом два самолета, а за ними, далеко отстав от них, идет еще один. Видать, тяжелый бой вели они, если идут разрозненно, кто как может...

Я вспоминаю о нашем наблюдателе. И кто только придумал этот пост! Ну, за восемь — десять километ-

ров еще можно увидеть с вершины дерева приближающиеся к аэродрому вражеские самолеты. А что толку? Такое расстояние они преодолеют минуты за полторы. Пока наблюдатель звонит нам, пока мы бежим к машинам, садимся в кабины, запускаем и прогреваем двигатели, пока выруливаем — эти полторы минуты проходят. А когда взлетать? Зато формально все в порядке: есть пост ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение, связь. Ох, и довоюемся мы когда-нибудь с таким наблюдением и оповещением! А матрос, конечно, страстется. Да и смелым человеком надо быть, чтобы нести службу в этом вороньем гнезде.

Приземляемся, а у нас на стоянке оживление: прилетел Багрянцев. Для всего личного состава это праздник. Люди читают газеты, письма, привезенные Багрянцевым, делятся новостями. Сам Михаил Иванович ушел в штаб соседней части. Ждем его. Вскоре должен прийти.

Возле нашей палатки особенно многолюдно. Кто-то развернул красочный плакат, посвященный подвигам армейских летчиков-истребителей Жукова, Здоровцева и Харитонова. Каждый из них в самом начале войны был удостоен звания Героя Советского Союза. На плакате изображен истребитель И-16. Он таранит фашистский бомбардировщик. Во все стороны летят обломки хвостового оперения. Моторы «юнкера» горят. Опустив нос, он идет в последнее пике. Конечно, горящие моторы — это домысел художника. Пылающий самолет таранить нет необходимости. Он и так упадет. Что касается самого тарана, то это здорово, что и говорить!

Смотрю на мужественные лица наших русских парней (их портреты помещены в верхней части плаката), читаю описание совершенных ими подвигов и спрашиваю себя: «А я смог бы так?» Нет, не просто решиться на это. Иди на таран есть смысл, когда на твоем самолете отказалось оружие или иссякли боеприпасы.

Кто-то упоминает имя отважного русского летчика штабс-капитана Петра Николаевича Нестерова. Это он 8 сентября 1914 года над расположением штаба 3-й армии Юго-Западного фронта догнал неприятельский самолет и сверху ударил по нему колесами своей машины. Это был первый в истории авиации таран. А теперь вот такие удары уже не редкость. И все же таран — это последняя, крайняя мера.

Егор Костылев рассказывал мне однажды, как он под Нарвой, когда у него закончились патроны, пытался таранить «юнкерс». «Даю,— говорит,— полный газ — и к нему. Ну, вражеский летчик видит, конечно, что дистанция между нами сокращается и что огня я не веду. Он резко отворачивает машину в сторону. Не дурак, соображает, чем пахнет. Стрелок бьет в упор по моему самолету. Перед глазами у меня вспыхивает сноп ярко-красных пулевых трасс. Обшивка истребителя трещит. А удара нет. Чувствую, что промазал, не задел. Но машина моя летит, мотор работает, и сам я не ранен. Впрочем, размышлять некогда. Немец-то удирает. Нет, думаю, так дело не пойдет, уйти я все равно не дам! Снова догоняю. И вот уже опять «юнкерс» рядом. Хочу ударить по нему винтом, чтобы своя машина осталась целой. Расстояние между нами сокращается. Теперь я подхожу к «юнкерсу» немного сбоку и снизу, чтобы, перемещаясь с одной стороны на другую, отрубить ему хвост. Неожиданно мощная струя от бомбардировщика сильно качнула истребитель. Уже в следующую секунду вражеский стрелок опять открыл огонь. В какой-то миг мне показалось, что это винт моей машины рубанул по хвосту «юнкерса» и что он падает. Но радостное возбуждение тут же улеглось. Стало ясно, что таран не получился. Моя побитая, с еле тянувшим мотором, продырявленная машина неумолимо теряла высоту. С трудом дотянул я до аэродрома...»

Восстановливая в памяти этот рассказ Костылева, я невольно думаю о нем самом. Егор — отличный летчик, истребителем владеет в совершенстве, да и характер у него отчаянный. Воспитанник Центрального аэроклуба СССР имени В. П. Чкалова, он не раз удивлял москвичей мастерским выполнением фигур высшего пилотажа в дни авиационных праздников. 18 августа 1939 года ему было вручено специальное удостоверение «За отличную технику пилотирования и акробатическое летное мастерство». И все-таки не получился у Егорушки таран. А вот у этих троих и у Багрянцева получился. Какими же качествами надо обладать, чтобы совершить такой подвиг?..

Мои раздумья неожиданно прерывает стоящий возле плацата инженер Сергеев.

— Вот как надо воевать, ребятки! — обращается он ко мне и Тенюгину. — Подошел, понимаешь, рубанул по-русски — и парадок!

ТАРАН НЕ ПОЛУЧИЛСЯ

два инженер произнес эти слова, как от оружейной палатки донесся крик:

— Воздух! Истребителям — воздух!

Техники бросились к самолетам, а нас на секунду задержал прибежавший из штаба соседней части запыхавшийся Багрянцев:

— Западнее нас группа «юнкерсов». Идут за облаками курсом на Ленинград. По самолетам!

Вскоре мы были уже над аэродромом. Набираем высоту. Я волнуюсь. Над нами сплошная облачность. Летать в таких условиях мне не приходилось. Правда, упражнения в закрытой кабине я выполнял. Смотрю на шарик и стрелку указателя поворота с гордым названием «Пионер» (прибор, работающий на самолетах, наверное, с той поры, когда зародилась авиация). Пробую рули. Шарик и стрелка прибора начинают волноваться. Вот уже кромка облаков. Багрянцев входит в них. Мы следуем за ним. Высота — тысяча двести метров. Сыро в облаках, неуютно. Тенюгина я уже не вижу. Оторвать взгляд от ведущего невозможно. Так бы идти и идти, не спуская с него глаз. Ах, нет... По сей день не пойму, как это получилось, но мне зачем-то понадобилось глянуть в кабину. Когда же я снова перенес взгляд на ведущего, его рядом уже не было.

Чувствую, что он где-то тут, а не вижу его. Из опасения столкнуться резко отворачиваю во внешнюю сторону. Теперь надо восстановить нормальное положение самолета. Шарик, стрелка, вариометр, скорость, высота... Взгляд лихорадочно скользит по приборам. Нервы собраны в кулак. Вот уже стрелка высотомера показывает три тысячи метров, а я все еще лечу в облаках. Как медленно И-16 «скребет» высоту! Только я подумал об этом, как в глаза ударило солнце. Словно молочная пена оседает верхняя кромка облаков. Над головой у меня голубое небо. Пальцы как бы срослись с ручкой управления. «Слабовато жмете, товарищ Каберов», — сделал мне замечание хирург на последней медкомиссии.

Интересно, сколько бы я выжал, если бы мне теперь дали динамометр...

Разворачиваюсь и иду к месту возможного выхода Багрянцева из облаков, но ни его, ни Тенюгина не обнаруживаю. Где же они? Обхожу гигантские нагромождения облачных гор. Иду на запад, как распорядился Багрянцев, но беру курс несколько севернее, чтобы упредить выход бомбардировщиков в этот район. Не теряю надежды встретиться со своими. Куда они могли исчезнуть? Чем дальше на запад, тем реже облака. Ориентироваться становится проще. Вот на пути появилось отдельное облачко. А ну-ка, войду я в него, потренируюсь еще немного в управлении самолетом по приборам. Но облако невелико, а сразу же за ним передо мной на одной высоте я вижу два Ю-88 с чернущими, как уголь, крестами. От неожиданности резко отворачиваю в сторону и тут же бросаюсь в атаку. Вот это встреча! И идут-то фашисты не на Ленинград, а в обратную сторону. Видимо, сбросили где-то свой смертоносный груз. Вот бы сюда Багрянцева и Тенюгина!

Противник заметил меня. «Юнкеры» начинают маневрировать. Я стреляю по одному из них. По небу тянется черный дым. Не теряя ни секунды, атакую вторично. Вражеский стрелок огрызается. Несколько пуль стрекотнуло по моей машине, но я продолжаю пиковать, не открывая огня, чтобы с короткой дистанции удаить наверняка. Первая очередь — по стрелку, вторая — почти в упор по мотору. Из этого мотора вырывается дым. Качнувшийся «юнкерс» исчезает под крылом моего самолета. Хочется видеть, падает ли он, и я накрэняю машину. В то же мгновение три рваные дыры появляются на левой плоскости моей машины. Пробит элерон, но управление им, к счастью, не пострадало. Удар нанес стрелок ведущего «юнкера». Охваченный злым желанием отквитаться, я захожу в третью атаку. Поврежденный мной бомбардировщик отстал от идущего впереди. Эх, еще разок — и его песня будет спета! Улавливаю удобный момент и нажимаю на гашетки. Что такое? Пулеметы после нескольких выстрелов умолкают. От досады я чуть не полоснул «юнкерс» крылом — так близко пронесся возле него.

Перезаряжаю верхние пулеметы сравнительно легко, а нижний, крупнокалиберный, никак не поддается. Иду в стороне от «юнкерсов» и перезаряжаю. Нелегко, ох

нелегко это сделать. Опускаю сиденье, ныряю под приборную доску, дергаю за рукоять и выныриваю обратно. Поднимаю сиденье, осматриваюсь, выравниваю самолет и начинаю все сначала. Силы на исходе, а нижний пулемет перезарядить никак не могу. Будь я выше ростом, будь мои руки чуть-чуть длиннее, дело сразу пошло бы. А тут никак! Дергаю, дергаю за рукоять — а что толку! Поднимаю сиденье, осматриваюсь. Прямо подо мной тянется железная дорога Ленинград — Таллин. Слева станция Волосово, справа под крылом проплывает Кингисепп. А «юнкерсы» — вот они, тут. Пробую вести огонь из перезаряженных «шкасов». Удаётся сделать лишь несколько выстрелов. Пулеметы снова умолкают. «Неужели израсходованы все патроны?!

— с ужасом думаю я. — Что же делать?» Между тем бомбардировщики идут себе неподалеку, идут, что называется, крыло к крылу. «Таранить! Таранить оба сразу! — проносится у меня в голове. — Ударить снизу! Это будет для них неожиданным».

Я отстегиваю привязные ремни, проверяю кольцо парашюта и снижаюсь метров на триста, имитируя выход из боя. Затем становлюсь на курс следования «юнкерсов», слегка обгоняю их. Фашистские самолеты теперь идут выше и чуть позади меня. Задрав голову вверх, я внимательно наблюдаю за ними, определяю момент броска. Ну что ж, пора! Ручку управления на себя! Полный газ! Истребитель свечой уходит в небо. Прослушный, безропотный, идет, куда его направляют. Сейчас он развалится, ломая крылья, свои и чужие. Расчет взят точный. Нацеливаюсь между бомбардировщиками. Тела вражеских машин на мгновение закрыли все небо. Вот они совсем рядом. Еще доля секунды, и сокрушительный удар завершит нашу встречу.

Мышцы напряжены до предела. Я сжимаюсь в комок, ожидая удара. По-видимому, меня выбросит из кабины. Ничего, парашют не подведет!.. Ну!.. Ну!.. Ну!.. Что такое? Почему нет удара? В самый последний момент фашистские самолеты расходятся в стороны. Одновременно по мне сразу с того и другого «юнкерса» бьют пулеметы. Молниями сверкают огненные трассы. Сойдясь на моторе моей машины, они сильно встрихивают ее. Летят обломки капота. Кабину заполняет дым. Не задев ни одного из «юнкерсов», истребитель уходит вверх. Затем, теряя скорость, он будто проваливается

в бездну, перевертывается и переходит в крутой, стремительный штопор. Такое ощущение, будто у меня вот-вот оторвется голова. Я резко даю рули на вывод из штопора, но самолет не прекращает вращения. Ручка управления упирается во что-то. Положение опасное, и я с силой толкаю ее вперед. Наконец-то истребитель выведен в горизонтальный полет. Руки и ноги прямо-таки онемели от невероятного напряжения. Нет, что ни говори, а летчику нужна физическая сила, и немалая...

Даю газ и только тут выясняю, что мотор самолета остановился. Дыма стало меньше, но глаза слезятся, как от лука. Перед броском в последнюю атаку, чтобы при ударе не ранить глаза, я поднял очки. Теперь они свалились и болтаются где-то сзади на пристегнутой к шлему резинке. С трудом достаю их, прикрываю глаза. Пытаюсь трезво оценить обстановку. Где бомбардировщики и что с ними — не знаю. Ясно, что таран не получился. Высота — шестьсот метров. Нужно выбирать площадку для приземления.

Подо мной огромное болото. Ориентируюсь и доворачиваю самолет в сторону Ленинграда. Слева деревня, а рядом с ней ровное поле. Не сесть ли на это поле? «Нет, лучше сяду у следующей деревни, — думаю я. — Все-таки это ближе к дому». Истребитель снижается быстро, а другой подходящей площадки для посадки я что-то не вижу. Вот еще одна деревня, за ней желтеет ржаное поле. Видна железнодорожная станция. Местность пересеченная — овраги, бугры какие-то. Садиться буду на фюзеляж.

Каждая секунда на счету. И все же в памяти мелькают кадры из кинофильма «Новеллы о героях-летчиках». Мне довелось посмотреть эту картину весной 1938 года (тогда я еще работал на заводе). Киноновеллы рассказывают о мужестве авиаторов. На истребителе И-16 не выпустилось шасси, и летчик ухитряется благополучно посадить эту скоростную машину прямо на фюзеляж. Экран заволакивает облако аэродромной пыли, уносимой ветром, а из кабины самолета выбирается улыбающийся летчик: «Все в порядке!» Мне это казалось чудом. Я ходил на три сеанса подряд и не переставал восхищаться: «Какие бесстрашные люди эти летчики! Сколько настоящей романтики в их опасной работе!..»

И вот сейчас мне самому предстоит совершить то же самое. И добро бы еще на аэродроме, а то бог знает

где. Почему-то не вызывает у меня доверия это ржаное поле. Все ли сделано, что надо для посадки? «Э, да я же не привязан!» — обжигает меня тревожная мысль. Ловлю упавшие за сиденье привязные ремни, но застегнуть их одной рукой мне не удается. А высота уже шестьдесят метров. Впереди дома деревни. Бросаю ремни, с трудом перетягиваю через крыши домов, отворачиваю самолет от выросшего на пути стога сена. Вот уже крылья истребителя рубят колосья спелой ржи, потом пригибают ее, минут. Самолет, как говорят о таких случаях летчики, скребет пузом по земле. Через десяток метров он удаляется о невидимое препятствие. Впечатление такое, будто на пути истребителя выросла каменная стена. Он становится на нос, разворачивается, падает на крыло, а затем всей своей массой грохается в рожь. Комья земли вперемешку с колосьями летят в кабину. Очки разбиваются о прицел, осколки стекла ранят мне правую бровь и щеку.

Впрочем, я не чувствую боли. Выскакиваю из кабины и пытаюсь определить, где нахожусь. Справа деревня, слева станция. Идет оглушительная пальба. Три фашистских бомбардировщика бросают бомбы на железнодорожную станцию. Одна из них попадает в будку стрелочника и разносит ее в щепы. Достаю пистолет и отползаю в рожь подальше от самолета. Начинаю приводить в порядок мысли. Выходит, что я на переднем крае. Но станция, видимо, наша...

Неожиданно стрельба прекращается. Приподнимаюсь и вижу: от деревни ко мне бегут люди. Впереди ребяташки. Вот один из них, шустрой парнишка, подбежал к самолету, забрался на него, осмотрелся.

— Ребята, здесь он, айдате за мной!

Три белокурых мальчугана приближаются ко мне.

— Дяденька, вы спрячьте пистолет, — говорит паренек, прибежавший первым. — Не бойтесь, здесь наши. А немцы, — он взмахивает рукой, — они в той деревне. Молосковица она называется.

Мальчуган еще что-то говорит, но я слушаю его рассеянно. Мое внимание сосредоточено на Молосковицах. Да, это там лежит поле, где я хотел было посадить свой самолет...

Между тем собеседник мой, заметив, что я его не слушаю, трясет меня за китель:

— Дядя, а дядя, меня зовут Женя Петров, а его Володя... Это сын нашей соседки... У нас тут бой шел.. Вон сколько танков да пушек в деревне!..

— А мы видели, как вы дрались,— задорно говори Володя.— «Юнкерс»-то в болото упал! Вон там, за деревней. Только он не загорелся. Летел, летел с дымом и сел на болоте. А который без дыма — улетел. Вам не больно? У вас на щеке кровь...

Спрятав пистолет, я вместе с ребятами подхожу к самолету. Оказывается, он ударился об огромный камень-валун. Мотор сворочен на сторону, ствол крупнокалиберного пулемета согнут. Истребитель, как подбитая птица, лежит на земле, беспомощно распластав свои сильные крылья. Он весь в пробоинах. Я достаю из кабинки планшет, беру из него карту. Развернув ее на стабилизаторе, прикидываю обстановку. Да, сомневаться не приходится — немцы действительно взяли Кингисепп и идут на Волосово.

Меня окружают колхозники. Они с интересом рассматривают истребитель. Ребята деловито объясняют, где у него нос, а где хвост. Из разговора со взрослыми я узнаю, что рано утром фашисты взяли Молосковицы и двинулись на Вруду, но наши перешли в контратаку и остановили противника. Рассказали мне также, что председатель здешнего колхоза Илларион Павлович Андреев приказал всем жителям деревни зарыть добро в землю и уйти в лес, в партизаны. Одна из женщин занялась моей рассеченной бровью и кровоточащей раной на щеке.

— Машина, машина идет! — вдруг закричали ребята.

Действительно, от станции шла «эмка». Она остановилась перед ржаным полем. Двое военных бегом направились к нам. Это были летчики — капитан и старший лейтенант. Они разыскивали своего товарища, не вернувшегося с боевого задания. Тот и другой подтвердили, что подбитый «юнкерс» упал за деревней. Капитан записал номер полевой почты нашего полка, чтобы сообщить начальству о сбитом мной бомбардировщике.

— Вы хотели таранить «юнкерсы», не правда ли? — сказал он.

Я немного смущился:

— Хотел, да не получилось.

— Не получилось потому, что фашисты разгадали ваш маневр и успели разойтись в стороны. Мы расска-

нем об этом интересном случае в нашей части и обязательно напишем о нем вашему командованию.

Они готовы были подвезти меня хотя бы до шоссе. Но я, поблагодарив их, отказался от машины: человеку, которого они искали, она была, наверное, нужнее, чем мне.

Летчики помахали нам на прощание и побежали к своей «эмке».

С парашютом на плече, окруженный колхозниками, я иду в деревню. Большая Врудя — крупное село. Оно расположено в километре от железнодорожной станции того же названия и в двенадцати километрах западнее Волосова. Женщина, только что накладывавшая повязки на мои раны, приглашает меня в свой дом. Я уже знаю ее имя. Это Зинаида Михайловна Петрова. За гостеприимно накрытым столом она рассказывает мне о своей работе в колхозе, о двоих сыновьях. На вид ей не больше сорока, а голова у нее совсем седая. Видимо, нелегко живется Зинаиде Михайловне. Разговор наш прерывают сильные взрывы. Вздрагивает весь дом. В рамках звенят стекла.

— Это снаряды, не обращайте внимания. Кушайте, кушайте, — спокойно говорит хлебосольная хозяйка. — Они уже третий день палят, ироды. Мы к стрельбе привыкли.

«Нет, тут уж не до еды», — думаю я, прислушиваясь к нарастающему знакомому гулу.

— Зинаида Михайловна, это бомбежка!

Я успеваю только выскочить в сени и взяться за ручку двери, ведущей на крыльцо. Раздается мощный взрыв. Оглушенный им и сбитый чем-то тяжелым, я падаю. Выбравшись из-под обломков, бросаюсь на поиски хозяйки. Между тем в небе надрывно ревут моторами «юнкеры». Восемнадцать двухмоторных бомбардировщиков с высоты пятисот-шестисот метров обрушаивают на Большую Вруду бомбы. Горят дома. Дым разъедает глаза. Слышны душераздирающие крики о помощи. А взрывы грохочут один за другим. Пронзительно визжат разбежавшиеся по селу пороссята из разнесенного бомбой свинарника.

Я не сразу обнаруживаю, что у меня над головой нет ни потолка, ни крыши. Какая-то пожилая женщина зовет хозяйку. В ответ доносятся стоны. Мы ищем Зинаиду Михайловну среди развалин. Нам помогают бойцы. С их

помощью удалось наконец разобрать тяжелые бревна. Хозяйка еле жива. Переносим ее в окоп.

С большим трудом разыскал я свой парашют. Пора уходить. Но неистовый крик останавливает меня:

— Мама, Володю убило!..

Это кричит Женя, сын Зинаиды Михайловны, разыскавший меня во ржи. С окровавленной головой, трясущийся, точно от холода, он стоит перед нами, твердя одно:

— Мама, Володю убило!..

Тело Володи, шестнадцатилетнего соседского паренька, мы вынесли из развалин и похоронили тут же, возле разрушенного дома...

И вот я иду в сторону Волосова, время от времени перекладывая с плеча на плечо парашют. Я иду уже два часа. По дороге, обгоняя меня и обдавая пылью, то и дело проносятся грузовики с ранеными. Я иду медленно. Путь неблизкий. Позади восемь, а впереди, до Клопиц, еще восемнадцать километров.

Перед глазами Большая Вруда. Там, возле нее, в поле, лежит мой истребитель. А кто я такой без него? И вообще, на кого я похож в этой прожженной, пропахшей дымом одежде? Надо же было мне так бездарно потерять самолет!

Где-то на повороте меня обгоняет и останавливается машина.

— Садись, вояка, подвезем! — весело предлагает выскочивший из кабины шофер. — Никак сбили, коль парашют тащишь? Знаю вашего брата, не раз подвозил...

Моими спутниками оказались тяжелораненые бойцы. Изнуренные тряской, окровавленные, многие даже не перевязанные, они лежали на дне кузова. Одни молчали, закрыв глаза, и были почти бездыханны, другие кричали от боли, поминая самыми отборными словами Гитлера. Трое тяжелораненых умерли в пути.

Воспользовавшись остановкой, я выскочил из машины и снова пошел пешком. Признаться, мне стало страшно от того, что я увидел. Вот она где, настоящая-то война! Почему-то я чувствовал себя виноватым перед этими умирающими молодыми ребятами, перед погибшим мальчиком Волдей, перед всеми убитыми и сгоревшими в Большой Вруде людьми.

За Волосовым встречный мотоцикл поравнялся со мной и, подняв облако пыли, неожиданно остановился.

— Товарищ командир! — ко мне бежал Грицаенко.— Как же это вы, где? Я всю округу объездил. Словно в воду канули.

Он сгреб меня своими рушищами так, что у меня затрещали кости.

— Спасибо, что живой. А самолет привезем, только скажи, где он. Да еще успокой душу техника. Скажи, в чем причина вынужденной посадки.

— Машина, Саша, работала прекрасно. А остальное расскажу дома. Поехали!..

И вот мы на аэродроме. Трудно передать словами радость встречи с боевыми друзьями. Они верили в мое возвращение и теперь от души поздравляли меня. В палатке было тесно, и многие стояли у входа снаружи, когда я рассказывал, что со мной произошло, о трагедии Большой Вруды, об умерших в машине бойцах. Когда я сказал, что Молосковицы заняты фашистами и что мой самолет лежит в поле у самой линии фронта, раздался гул удивленных голосов.

— Фашисты заняли Молосковицы? — переспросил Багрянцев.— Да ты что?! — Он взял у меня из рук планшет с картой.— Прошу внимания! — Багрянцев встал.— Обстановка, как видите, осложнилась. Но от нас до линии фронта по дороге еще почти тридцать километров. Так что волнения напрасны. Конечно, взяв Кингисепп, противник наверняка будет стремиться пробиться не только на Волосово, но также на Котлы и Бегуницы. Это угроза обхода. Но фронт наши держат, видимо, крепко, а потому никакой паники. На все будет соответствующий приказ.

Он тут же снял трубку, доложил об изменениях в обстановке штабу гарнизона, договорился о доставке моего истребителя.

— Возьми Грицаенко, Алферова и поезжайте,— сказал мне Багрянцев.— Будьте осторожны.

Командир отдал несколько распоряжений инженеру, приказал выделить двух человек для разведки дороги, идущей на Бегуницы, и усилить караулы.

Машину нам прислали только утром. Мы сразу же поехали. Дорога была каждая минута. Водитель был венен озорной шоферской поговорке: «Больше скорость — меньше ям». Массивную, оборудованную подъемником машину тяжело трясло на ухабах.

Лихо управлявший автомобилем молодой паренек в пути несколько раз спрашивал у меня, где именно лежит самолет, далеко ли он от немецких окопов.

— Всюю, а что такое война — не знаю, — говорил он. — Прошусь на фронт, а командир не пускает. Одно твердит: «Исполняй приказ. Нужно будет — пошлем». Товарищ лейтенант, помогите мне попасть на фронт.

— А зачем тебе помогать, сейчас сам приедешь. Вон за тем поворотом деревня, а за ней фронт.

Машина остановилась у развалин дома Зинаиды Михайловны. Большой Вруды и соседней деревни Ямки больше не существовало. Было только пожарище. Оставшиеся в живых жители, видимо, ушли в лес. Во многих дворах стояли кресты на свеженасыпанных бугорках земли. Мы подошли к могиле Володи.

— Смотри, матрос, — сказал я водителю. — Смотри и запоминай.

К нам подошел боец. В ответ на вопрос о положении на переднем крае он пожал плечами:

— Утром фашисты пытались прорвать нашу оборону, но мы отбили все их атаки. Сейчас затишье. Что будет к вечеру, сказать трудно.

Красноармеец поправил на плече трехлинейку, посоветовал нам, куда поставить машину.

— Да не вздумайте днем поехать к самолету. Фашисты могут открыть огонь из орудий.

В садах и на огородах, за развалинами разрушенных строений стояли прикрытые ветками орудия и танки. Возле них, почти невидимые в маскировочных хатах, хлопотали красноармейцы.

С началом сумерек мы были уже у самолета. Несколько позже фашистская авиация начала бомбить станцию. Бомбы рвались так близко, что казалось, вот-вот накроют нас. Я смотрел на станцию. Вряд ли там была хоть одна живая душа. А самолеты все шли и шли. Находиться вне укрытия стало опасно, и я предложил технику на время оставить работу и забраться под машину.

— Я комбинезон недавно постирал, товарищ командр, — как бы между прочим говорит Грицаенко. — Грязно уж очень под машиной. Как-нибудь так...

— Я тоже не полезу под грузовик, — вторит ему Алферов. — Старшина у нас очень уж строгий. Не любит грязнуль. Матрос ты, говорит, или кто?..

В просвете между облаками ненадолго показалась не-
полнная луна. В ее слабом свете видны темные силуэты
вражеских бомбардировщиков. Где-то рядом заговори-
ла зенитка, потом вторая, третья. Один из самолетов
прошел над нами так низко, что едва не коснулся земли.

— Вот черт! — Алферов проводил сердитым взгля-
дом скрывшийся во тьме самолет. — И все же надо ра-
ботать. Может, эта сволота вљо ночь будет летать.

Неожиданно бомбы засвистели, казалось, прямо над
нашими головами.

— Ложись! — успел крикнуть я, и все припали
к земле.

Одна из бомб упала так близко, что комья выбро-
шенной взрывом земли загрохотали по перкалевой об-
шивке крыльев.

Мы встали и отряхнулись. Грохот бомбёжки посте-
пенно стихал.

Через некоторое время на Большую Вруду снова на-
летели фашистские самолеты. Но ничто уже не могло
помешать нам. Истребитель был разобран и погружен
на машину.

Коротка августовская ночь, но к рассвету все у нас
было готово к отъезду. Машина, тяжело переваливаясь,
пошла по полю, подминая колосья спелой ржи. Едва мы
миновали деревню, как противник начал артподготовку.
Но снаряды рвались позади нас, и мы были уже вне
опасности.

Создав перевес в силах на этом участке фронта, гит-
леровские войска ценой больших потерь утром овла-
дели деревней Большая Вруда, вернее, тем, что от нее
осталось.

ГЛАЗАМИ ПАМЯТИ

Над клопицким аэродромом нависла опасность.
Фашистские войска грозили охватить его
с двух сторон. Гарнизон решено было эваку-
ировать. Когда мы привезли мой истребитель в Кло-
пицы, там уже все было, что называется, поднято на

ноги. Нам оставалось только захватить свои вещички и прямым путем следовать в Низино. Багрянцев и Тенюгин на некоторое время задержались, чтобы прикрыть аэродром, а потом и бомбардировщики (когда они будут возвращаться на свое постоянное место базирования, под Ленинград).

Машина шла ровно. Дорога была хорошая. Я блаженно закрыл глаза. После бессонной ночи хотелось отдохнуть. Вспомнились жена, дочурка, родители. После начала войны я получил от них только два письма. «У нас все хорошо, не беспокойся. Все живы, здоровы. Ниночка уже бегает и много говорит», — писала жена в последнем письме.

Оно было со мной. Достав его, я снова — в который раз! — перечитал знакомые строчки. «У нас все хорошо...» Фашисты в Старой Руссе и уже подошли к Шимскому. А у них в Новгороде «все хорошо». Какое уж там хорошо! И попробуй тут не беспокоиться!..

Шофер замедляет ход машины. У нас на пути большая группа беженцев. Женщины, ребятишки, старики гонят скот, несут на плечах узлы, котомки, чемоданы. Больно смотреть на эту картину. Люди снялись со своих насиженных мест и идут неведомо куда...

Многие поднимают руки и просят подвезти. Но у нас даже примоститься негде. Едем не останавливаясь. Неожиданно перед машиной возникает фигура старика. Он поднял над собой девочку с забинтованной головой. Водитель резко тормозит, чтобы не сбить их.

— Ты куда, отец, под колеса, да еще с ребенком! — кричит он, открыв дверцу.

Я выхожу из машины.

— Подвези, сынок... Старый я... Нам бы до Ленинграда только... Матку-то ее, слышь, бомбой фашист убил... А внучка вот...

Он поправил окровавленную повязку на голове девочки, трясущейся рукой вытер слезы.

— И избу сожгли, ироды!.. До Ленинграда бы нам, сынок...

Узнав, что мы едем не в Ленинград, а на ближайший аэродром, что везем в ремонт самолет, который нужен нам, чтобы бить фашистов, старик прижимает к груди внучку и отходит в сторону.

— Дай вам бог, сынок, одолеть супостата Гитлера... Дай вам бог!..

За Ропшой дорога ухудшилась. Машина переваливается из стороны в сторону, того и гляди, борта не выдержат. Шофер вынужден ехать медленнее.

Грицаенко из кузова наклоняется к дверце машины:
— Товарищ командир, к дому подъезжаем. Низино уже видно.

И верно, из-за деревьев небольшой рощи показалась верхушка знакомой водонапорной башни. Над аэродромом курится облако рыжей пыли. Видимо, истребители выруливают на старт. Вот они уже взлетели и, быстро набрав высоту, ушли на запад, растворились в голубизне тревожного ленинградского неба.

На противоположной стороне аэродрома, очистившегося от пыли, мы видим едва заметный, замаскированный елочками бугорок. Это наша землянка. Машина идет мимо ангаров. Оставленные своими хозяевами, они осиротело смотрят на нас своими маленькими, запыленными оконцами.

Дома! На войне, а все же дома!

На стоянке машину уже обступили со всех сторон летчики и техники.

— Привет клопицким!

— Откуда дровишки, Саша? — Друзья обнимают спрыгнувшего с машины Грицаенко и разглядывают привезенный нами самолет. — Ерунда, починим. Будет опять как новый!

Не спеша, вытирая руки ветошью, подходит к нам дядя Володя (так называем мы Линника, старшего техника звена). Владимир Трофимович тепло приветствует нас, спрашивается о моем самочувствии и сразу же переносит внимание на самолет.

— Сильно поврежден? — встав на колесо автомобиля, он заглядывает в кузов.

— Да, попало малость.

— А взамен что? — спрашивает Линник, разглядывая самолет.

Я ответил не сразу. Не хотелось рассказывать про сбитый «юнкерс», так как падения его я не видел. Следовало бы подождать официального подтверждения, которое обещал прислать встретивший меня на месте вынужденной посадки капитан. Но Линник ждал ответа, а разочаровывать этого доброго человека не хотелось. Понимая, что севший на болото «юнкерс» потерян для фашистов, я сказал:

— А взамен, дядя Володя, одного большого.
— Да? Значит, это уже второй?

Он крепко пожал мне руку и тут же с гордостью стал рассказывать окружающим, что я одержал вторую победу.

— А самолет мы вам сделаем, товарищ командир. Снова летать будете,—утешает меня Владимир Трофимович.

Я узнаю, что в Низино с западных аэродромов слетаются самолеты соседних эскадрилий. Понемногу собираются и мои друзья. Обстановка остается сложной. Истребители садятся, заправляются и вновь уходят на боевые задания.

Майор Новиков и комиссар Исакович тепло встречают меня, осматривают привезенный нами самолет, покачивают головами.

— Сам-то как? — спрашивает командир.
— Нормально, товарищ майор!
— А это? — показывает он на правую бровь.
— Пустяки, стеклом царапнуло, перед посадкой забыл очки снять.

— Вот, Михаил Захарович,— Новиков смотрит на комиссара,— всегда у них все «нормально». Всегда у них все «пустяки». Побывал у черта в лапах, вырвался живым и уже улыбается, словно ничего не было. Вот что значит молодость! Иди-ка обедай да отдохтай,— говорит он мне.— Пока твой истребитель ремонтируют, видимо, полетаешь на моем. Я себе самолет найду...

Обрадованный тем, что уже завтра смогу летать, я заторопился к друзьям, но майор остановил меня.

— А сегодня вот...— начал он и запнулся.
— Вы что-то хотели сказать, товарищ майор?
— Да... Вчера погиб Годунов.— Он с трудом произнес эти слова и, помолчав, добавил: — Четверка против шестнадцати...

Ни о чем больше не расспрашивая, я попросил разрешения идти.

Борька, Борька! Наш заводила и весельчак, комсомольский вожак, душа эскадрильи!

Я иду, ничего не видя перед собой. Все вокруг стало рябым, нечетким, как в дождь за окном.

Безлюдно, тихо в гарнизоне. Здание штаба полка опустело. Большой черный репродуктор над дверями

клуба, не замолкавший в бытые времена даже ночью, теперь молчит. Да его и слушать некому. Я заглядываю в одно из окон клуба. Сколько в нем было музыки, веселья, песен в ту последнюю мирную субботу! А вот здесь, на этом месте, мы простились с Валей. В душе боль. Неужели и Низино достанется врагу? Нет, нельзя этого допустить!..

В бывшей квартире Багрянцевых почему-то раскрыто окно. В последнее время Михаил Иванович часто навещал эту пустую квартиру и, наверно, забыл закрыть его.

Вот столовая. За ней кто-то колет дрова. Жизнь идет своим чередом. Прохожу чуть дальше и вижу две знакомые березки и могилу Гусейна. Сняв фуражку, разглядываю желтеющую фотографию друга. А он смотрит на меня своими добрыми глазами, и кажется, сейчас скажет: «Слушай, зачем грустить, улыбаться надо. Панымаешь?!..»

На могиле лежат свежие полевые цветы. Я смотрю на них и вспоминаю теперь уже кажущийся таким далеким случай. Один из наших летчиков, выруливая на стоянку, примял колесом ромашку. Гусейн осторожно поднял ее, укоризненно посмотрел в сторону своего приятеля:

— Живой, панымаешь! Живой цветок, а он его так!

Не обрывая лепестков, Алиев пересчитал их: «Любит — не любит, любит — не любит...»

— Любит! — Он посмотрел на меня, широко улыбаясь.— Мая нивеста любит меня!.. А он его каликом...

Ах, как я хотел бы теперь услышать его голос! Мне нравилось своеобразное произношение Гусейна. Русские слова на кавказский манер...

Как хотел бы я услышать голос Бори Годунова! Невозможно поверить в то, что его нет в живых. Ничего не осталось от человека, кроме доброй памяти о нем. Даже могилы нет — некуда положить цветы. Думаю об этом, а перед глазами живой Борька, наш чухонец. Это он сам себя так называл. «По крови, — скажет, бывало, — я финн. Финский язык знаю. А по фамилии русский». Он родился и вырос под Ленинградом, неподалеку от Белоострова...

Захожу в столовую. Тишина. В зале ни души. Но все здесь как было до войны. И столы стоят, как стояли.

Вот места нашего звена, вот звена Багрянцева. Годунов сидел у стенки. Сажусь на Борисов стул и, как он это обычно делал, барабаню пальцами по столу. Осталось только задорно крикнуть: «Шурочка, обрати на нас свои глазки, мужички с роботы пришедши!» Но на душе тяжело. Склоняюсь над столом, задумываюсь, а перед глазами так и стоит он, Боря. Помнится, однажды прибежал Годунов ко мне. «Что случилось?» — спрашиваю (я тогда был на дежурстве). А он вскакивает на крыло, сует мне в руки какие-то бумажки: «Игорек, мне некогда. Сейчас лечу с Костылевым. А это заметки в завтрашний «боевой листок». Собрал накоротке ребят, поговорил... В общем, от комсомолии нашей!..» Он спрыгнул с крыла, помахал мне рукой и помчался к своему самолету. Как будто только что это все было...

Мне становится душно. Я расстегиваю китель и неожиданно слышу:

— Девочки, кто пришел-то!..

По голосу узнаю Шуру Верину.

— Товарищ лейтенант, а нам сказали, что вы не вернулись с задания.

Я стараюсь держаться бодро:

— Это кто-то пошутил, Шура. Да разве мог я не вернуться к таким красавицам!

Шура бежит на кухню, остальные девушки собираются вокруг стола.

— Что же дальше-то будет, товарищ лейтенант?

— Немцы все идут и идут к Ленинграду.

— Ну, в Ленинград, положим, мы их не пустим. А так, думаю, что не страшнее страшного. Только в панику не бросайтесь. Выше голову и улыбок побольше.

— Легко вы говорите,—озабоченно сдвигает брови светловолосая шустрая Аня.—А если на душе кошки скребут, тогда как?..

О чём бы мы ни говорили, как бы ни старались увести в сторону разговор, он возвращался к одному и тому же.

— А вот и Шура. Вот и обед. Да как вкусно пахнет! — пытаюсь я отвлечь девчат от тяжелых мыслей.— Спасибо, Шурочка, жениха тебе хорошего!

— Вы все шутите,—смотрит на меня, а потом на девчат Шура.—А все равно невесело на душе. Ни на минуту не могу забыть, что Боря Годунов погиб. Может,

все это исправлять? Может, он еще жив? Такие люди не должны гибнуть...

Не скрывая слез, Шура присаживается на краешек стула.

— Борис мне никто, понимаете? Но он такой добрый, веселый. Он такой хороший!.. Давайте прямо говорить,— в него все наши девушки влюблены, и я тоже. А уж когда он придет в столовую и скажет: «Шурочка, обрати на нас свои глазки...» — знаете, так бы и расцеловала при всех... Вот он какой!.. Скажите, может, он все же не погиб? Может, он тяжело ранен?.. Сейчас столько рассказывают, что не знаешь, кому верить. Про вас тоже сказали, что вы погибли...

Утром я поднимаюсь в воздух на командирской машине. На аэродроме не смолкает гул самолетов. Мы идем то на разведку коммуникаций противника, то на прикрытие своих войск, то на сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков. Делается все возможное и невозможное, чтобы помочь пехотинцам сдержать озверелые орды фашистов, рвущиеся к городу Ленина.

Положение наших войск резко осложнилось. Немецкие танки, не сумев одолеть Лужский оборонительный рубеж, ценой огромных потерь вышли в район Кингисепп — Веймарн, прорвали там нашу оборону и устремились к Ленинграду. Сломив сопротивление наших войск в районе Волосова, танки врага продвигались к Красногвардейску (Гатчина). Одновременно фашистские танки приближались к Ропше.

Мы только что вернулись с боевого задания. У каждого из нас вызвали восхищение удары наших самолетов-штурмовиков по фашистским танковым и автомобильным колоннам. От взрывов бомб вражеские машины полыхают точно костры, опрокидываются, создавая на дорогах пробки. В небе идут непрерывные воздушные схватки. По пять, по семь вылетов в день для нас уже стало нормой. Трех-четырехкратное численное превосходство противника тоже стало привычным. Но мы так изматываемся, что к вечеру уже еле держимся на ногах. Отдохнуть бы как следует, но нервы напряжены, и сон не идет.

Третью ночь я почти совсем не сплю. Закрою глаза — и опять воюю, опять стреляю, увертываюсь от

огня все более наглеющих фашистских истребителей. Сейчас уже второй час ночи. Я хожу по комнате, прислушиваюсь к неровному дыханию друзей. Счастливцы, они уснули.

На днях погиб летчик Петр Фролович Галахов, в прошлом инструктор аэроклуба, мой товарищ по Ейскому училищу. Каким смелым и добрым человеком он был! Петр отчаянно дрался, защищая охраняемые им штурмовики, но был подбит и, не дотянув до аэродрома, упал в лес. А теперь вот мы потеряли Бориса Годунова. Шестнадцать «мессершмиттов» против четырех маленьких «ишаек»! Рассказывают, что фашисты в самом начале боя расчленили группу наших истребителей, решив уничтожить их поодиночке. Но на протяжении двадцати минут невероятной по напряжению схватки им так и не удалось одержать победу. Вражеские самолеты вынуждены были сами выйти из боя. Борис Годунов, по-видимому, был ранен и на пути домой потерял сознание. Его самолет вдруг накренился, перешел в штопор, ударился о землю и сгорел.

Осталось каких-то полтора часа до подъема. А я все еще не могу уснуть. Пробую ни о чем не думать, но это не получается. Ребята говорили: «Считай до ста — уснешь обязательно». Лежу с закрытыми глазами, считаю шепотом. Досчитал до шестидесяти, и вдруг передо мной — сожженная Большая Врудя с бугорками свежих могил. Потом мне видится та девочка с перевязанной головой, видится старик, поднимающий над собой внучку. «До Ленинграда бы нам, сыновки!» Откуда он идет по пыльной фронтовой дороге? Может быть, тоже из Большой Вруды, а может, из Бегуниц? «Избу сожгли, ироды!..»

Я снова пытаюсь считать... Нет, все равно не уснуть. А вот Сухов до восьмидесяти шести досчитывает и засыпает. Впрочем, как знать! Он большой шутник. Но и на счет отдохнуть — это у него всегда получалось. Не успеет, бывало, выскочить из кабины, как тут же — под крыло, в траву, и уже храпит. Мне бы так.

Ах, как это важно для летчика — хорошо, по-настоящему выспаться!

— Ты с кем это разговариваешь? — сонно приподнимается с постели командир.

— Считал, пытался уснуть, товарищ майор.

— Ну и как?

— Не смог.

— Почему же это?

— Не знаю...

Утром я был отстранен от полетов.

— Научитесь сначала спать,— сердито сказал коман-дир,— а потом уж летать будете.

Долго я бродил по стоянке, подыскивая место, где бы прикорнуть, да так и не нашел. Пришел обратно в землянку и лег на нары. Но тут не давала уснуть не-умолчно звучащая мелодия «Рио-Риты».

Я уже хотел было остановить патефон, но в землян-ку вошел Соседин. Он снял шлем, провел пятерней по волосам и — чего уж я никак не ожидал от него — пу-стился в пляс. Да еще не как-нибудь, а с присказками:

— Царство ему небесное!.. Царство ему небесное!..

Половицы в землянке ходуном. «Уж не тронулся ли парень? — подумал я.— Под «Рио-Риту» пляшет».

— Слушай, Коля, что с тобой? И кому это царство небесное?

— «Мессершмитту-110»... Ух ты!..

Никогда мне не доводилось видеть, как пляшет Со-седин. Я глядел на него, а он продолжал выделять кренделя, хлопать ладонями то по груди, то по подмет-кам, в заключение — по половицам. Наконец Коля, дол-жно быть, устал. Он плохнулся на нары и как-то стран-но уставился на меня.

— Чудаки!.. Говорят — бронированный, не горит... Э, да еще как полыхает!..

Я остановил патефон:

— Расскажи хоть толком.

— Представляешь? — Он едва отышался.— Мы со штурмовиками сейчас ходили. Ну, они отработали — и домой. Только отошли от цели, смотрю — в стороне два МЕ-110 топают. Я дал знать Сергею Сухову, он отвалил и к ним. Да как врежет с ходу! А я еще добавил — ну и все!.. Свечой вспыхнул... Впервые видел, как горит... Второй ушел. А мы к штурмовикам поспешили...

Николай завел «Барыню», стал притопывать ногой в такт музыке. Грешно было мешать ему. Я смотрел на Соседина и думал о том, как быстро меняются на фронте люди. В Ейском училище Коля был задиристым, ершистым парнем. Не дай бог задеть его! Учился он хо-рошо, в самодеятельности участвовал. Со мной Соседин, помнится, держался высокомерно. Я для него был всего

лишь «мелочь пузатая, болтающаяся под ногами». Как-то он даже назвал меня «салагой». Я учился тогда еще первый год, а Николай носил на рукаве уже три «лышки». Это означало, что он курсант третьего, выпускного курса.

А потом приказом по училищу нас, бывших аэроклубовских инструкторов, перевели сразу на третий, выпускной курс. Каждый получил три «лышки». Помню, я тогда специально нашел повод подойти к Соседину, показать ему нашивки, чтобы он не очень-то задавался. Николай посмотрел на них. Он не удивился, но и не поздравил меня, как это сделал Володя Тенюгин. Он просто сделал вид, будто очень торопится, и с видом человека, знающего себе цену, вышел из кубрика, не сказав ни слова. «Гордый „старичок“!» — подумал я о нем.

Ребят с третьего курса, как старослужащих, принято было называть «стариками». Это звучало солидно. Они этим гордились и носили «выцветшие», как бы видавшие виды, а на самом деле выстиранные в хлорке воротники. Но случилось так, что «старики» после выпуска стали младшими лейтенантами, а мы, закончившие не только училище, но и курсы командиров звеньев, — лейтенантами. И вот однажды в части, куда я получил назначение, передо мной предстал невысокий, чуть повыше меня, младший лейтенант. На нем была новенькая, отутюженная форма. Ярко надраенные пуговицы сверкали. Кто бы это?.. Ба, Соседин!..

— Вместе служить — крепко дружить!

Мы обнялись с Николаем.

— Постой, постой! — Он слегка отстранился от меня, разглядывая мои нарукавные нашивки. — Салага чертов, обштопал-таки меня!

Он двинул меня плечом, а потом пожал мне руку.

С тех пор мы дружим. Николай — комсорг нашей эскадрильи. Все знают его как веселого, бесстрашного парня...

— Ты уже пляшешь, разбойник? — в землянку вошел Сухов. — Давай-давай, тебе сегодня можно.

Он ударил Соседина ладонью по плечу, снял шлем, оставил на вешалке планшет и, приглаживая вспотевшие волосы, подсели ко мне на нары.

— Жаль, тебя не было. Там такое, брат, творится! Все горит. Самолетов в воздухе тьма. Но нам повезло.

Обошлось без потерь. Да еще сто десятого прихватили...

— Вы-то прихватили, а я...

— Что ты?

— Да вот сижу тут... Плохо, видишь ли, спал... Но ведь чувствую я себя хорошо!..

— Послушай! — в разговор включился Николай. — А не тебе ли перед войной головомойка была от командующего ВВС генерала Ермаченкова? Помнишь — он приехал проверить, как мы, летчики, отдыхаем перед полетами? Ты, по-моему, тогда после отбоя составлял какой-то план работы. Было такое? Было...

— Ну, а дальше-то что? — заинтересовался Сухов.

— Дальше? А дальше генерал — к командиру полка Душину: «Как же это так, товарищ майор? Вы докладывали мне, что все летчики спят. А у вас командир звена нарушает установленный порядок, не отдыхает перед полетами». Душин не знает, что ответить. Тогда генерал в приказном тоне — Каберову: «Немедленно спать!» Помню, Игорь влетел в кубрик, со страху забыл раздеться и прямо в брюках и ботинках забрался под одеяло.

— Ну, это уж ты преувеличиваешь, — сказал я.

— Ничего не преувеличиваю. — Соседин увлекся воспоминаниями: — В тот раз в клубе радио играло, забыли выключить. Начальника клуба за это чуть не сняли с должности, дежурного отправили на гауптвахту. Комиссар полка получил выговор. Командиру тоже перепало. Полеты были отменены. И правильно. Отдых для нашего брата все-таки необходим. А сейчас война. В бою слабого да осовелого сразу сбьют.

— Николай дело говорит, — сказал Сухов. — Летчику на войне надо стремиться жить по правилу: «Лучше переспать, чем недоесть». Тогда тебе сам черт в бою будет не страшен.

Мы с Николаем рассмеялись.

— Да, поспать и поесть — это у тебя, Серега, действительно отработано.

Сухов посмеялся вместе с нами.

— А на Новикова ты не обижайся, — сказал он мне напоследок. — Ну, немножко шумнул на тебя. На то и командир. У него знаешь сколько забот? Вот вчера на нашем аэродроме штурмовики сели. Все думали, что они заправляются и улетят. А они, оказывается, сюда на

постоянное базирование. Капониров для них нет, машины стоят на виду, и вся наша маскировка теперь летит к черту. Командир полка майор Душин приказал эскадрилье выделять дежурную пару истребителей для прикрытия аэродрома. А где мы возьмем столько самолетов? Вот Новиков и расстроился. А тут еще ты со своей бессонницей подвернулся ему под горячую руку.. Ну, ничего... Сегодня ляжешь спать пораньше и завтра будешь летать.

Сергей подошел к патефону, порылся в пластинках

— А чтобы у тебя настроение поднялось, сейчас твою любимую поставлю.

Зашипела игла, и вдруг: «Я много в жизни потерял из-за того, что ростом мал...»

— Слушай, слушай! — Сухов сиял. — Слова-то какие: «Меня он в шайке не нашел и с пеной выплеснул на пол...» Это для тебя Ефимов постарался — привез пластинку из Ленинграда. «Услышал, — говорит, — песню про моего друга — не удержался, купил...»

Я уже привык к тому, что друзья подтрунивают над моим ростом. Вот и Ефимов... Где-то он теперь, наш Андреич? Как улетел с Алексеевым на Эзель, так до сих пор ничего и не слышно ни о том, ни о другом. Остальные наши летчики возвратились на родной аэродром. И адъютант эскадрильи Аниканов опять мечтается в землянке, еле успевая отдавать распоряжения и записывать результаты вылетов в журнал боевых действий. Теперь ему помогает в этом писарь матрос Евгений Дук. Каллиграф и художник, он привел документы в такой порядок, что любо посмотреть. «Для потомков, — говорит, — стараюсь. Поднимут они архив после войны, а тут все четко и ясно про каждого написано: где и как сражался за Ленинград».

Евгений Дук происходит из семьи потомственных петерских рабочих. Но он с детства полюбил авиацию, мечтает летать. Мы с ним друзья, и я пообещал помочь ему при первой же возможности осуществить эту мечту. А пока мы вместе выпускаем «боевой листок». Он выходит каждый день с самого начала войны. В девять часов утра летчики и техники уже заглядывают в мой капонир:

— Ну, не готов еще?

— Сейчас вывесим.

— Давай!..

И вот уже кто-нибудь читает вслух:

Техник, внимателен будь к машине,
До мелочей просмотри самолет,
Чтобы спокоен был летчик в кабине,
Чтоб для врага был смертельный полет!

Или:

Маннергейму — Гитлера лакею —
Костью в горле Ханко и Кронштадт.
Драться будем, жизни не жалея,
Но врага не пустим в Ленинград!

Эти стихотворные «шапки» к боевым листкам сочиняю я, Женя рисует карикатуры.

Вот и теперь, когда все опять ушли на задание, мы с Дуком взялись за очередной номер. Да так увлеклись, что и не услышали, как открылась дверь. На пороге вырос человек:

— Есть тут люди?

— Матвей! — Я сорвался с места.— Прилетел? А где Алексеев?

— Сейчас придет.

Большой, сильный, улыбающийся, в сбитом на затылок шлеме, Ефимов шагнул в землянку. Мы обнялись. Матвей тепло поздоровался с Дуком и Аникановым.

— Ну, вот и все, мы дома! — сказал он, осмотрелся и присел на нары.— А где командир?

— На задание ушел.

— Рассказывай, как живете, что нового.

Больше месяца не было нашего парторга Ефимова в эскадрилье. Мы поговорили, погоревали о погибших товарищах. Я рассказал ему об успехах друзей.

— А как твои дела?

— Да вот. Отстранен от полетов. Не научился спать.

— А в чем причина бессонницы? Может, это мешает? — Матвей показал на «боевой листок».

— Постой, постой! — Из-за стола поднялся адъютант.— Хорошо, что напомнили, а то забыл бы.— Он достал из кармана маленький пакетик и протянул мне:— Врач передал. Просил принять перед сном.

Матвей хотел еще что-то сказать, но дверь с шумом отворилась и в землянку, что называется, всем гамузом ввалились летчики. Они едва не задушили Ефимова и пришедшего несколько позже Алексеева в своих богатырских объятиях. Матвей хотел по всей форме доложить командиру о прибытии. Но какой уж тут доклад!

— Рад, очень рад! — Новиков обвел всех взглядом. — Теперь эскадрилья в сборе... Нет только Хрипунова, Алиева, Федорова и Годунова...

Он, помрачнев, снял свой видавший виды шлем...

Вечером у нас было весело. Плясали, смеялись, пели. Причина веселья — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении летчика М. И. Багрянцева орденом Ленина. Газета с Указом переходила из рук в руки.

Все же я постарался лечь спать пораньше.

Проснулся, когда было уже совсем светло. Глянул на свои «кировские» и пришел в ужас: одиннадцать часов утра! Вот это сноторное! Все при деле, а я... Как же это вышло?.. Почему не разбудили?..

Одеваюсь, на ходу застегиваю снаряжение. Как угорелый выскакиваю на улицу.

— Вы куда, товарищ лейтенант?

Оглядываюсь. За мной стоит наш шофер.

— А вы что здесь?

— Мне приказано, товарищ лейтенант, подождать, а когда вы проснетесь, отвезти вас на аэродром.

Сажусь в машину, все еще не понимая, в чем дело. На аэродроме спешу доложить о своем прибытии майору Новикову. Он посмеивается:

— Ну, выспался?

— Так точно, сегодня выспался.

— Как чувствуешь себя?

— Отлично.

— То-то, не пренебрегай отдыхом. Иначе... — Он делает паузу, о чем-то раздумывает, смотрит на часы: — Через полчаса полетишь на разведку. А пока еще немного отдохни.

— Есть, товарищ майор!

Я прикидываю: за полчаса можно искупаться. Идея! Бегу на речку. Она чуть шире иного ручья. Журчит, разговаривая с камешками. Нырять тут негде. Я раздеваюсь, вхожу в воду, окунуюсь и снова на бережок. Расстилаю на траве комбинезон, ложусь на него. Небо сегодня синее-синее, а облака белее белого. Вот так же бывало дома в Вологде, после рыбалки. Лежу на берегу и смотрю, смотрю на облака. И что только там не привидится!

А теперь мне кажется, будто я в самом деле дома. Хорошо бы вскочить и побежать вдоль берега нашей Вологды-реки. Увидеть дом старого Эделя, его рыбак-

кие счасти на берегу. Дом моего дружка Фоки. И конечно, наш дом. Он стоит на высоком обрыве, возле громной старой липы. На пути к нему Воскресенская горка и церковь с ее певучими колоколами. Не раз забирался я на колокольню и, стоя рядом со звонарем, дивился, как ловко он дергает за веревки, извлекает удивительные, неповторимые звуки.

Вологда! Сколько воспоминаний связано с ней! «Вологодская глуши, край непуганых птиц» — так когда-то говорили о наших местах. Но я в них родился и вырос. Мне дорог этот суровый северный край и наш древний город. Я люблю его маленькие, в основном деревянные, домики в тени кудрявых, белоствольных берез, булыжные мостовые, дощатые тротуары, люблю белые ночи и северное сияние...

Семья наша сначала жила в деревне. В 1911 году отца взяли на действительную военную службу. Через три года он уже шагал по дорогам первой мировой войны. Храбрый солдат, отец был произведен в прапорщики. После Октябрьской революции он вернулся в деревню, потом в поисках счастья перетащил семью в Вологду и поступил работать на завод. А дальше — Красная гвардия, Южный фронт. Отец был в бою с беляками контужен. Контузия привела к слепоте. Только много лет спустя умелые руки хирурга частично вернули ему зрение.

Нас, детей, в семье было шестеро. Один из моих четырех братьев, катаясь на коньках по тонкому льду, утонул в реке. Нелегко было нашей матери в те годы. Мы жили в постоянной нужде.

Мама, мама... Как огорчил я тебя, когда впервые сказал, что хочу стать летчиком! Ты даже заплакала в ту минуту. Ты опасалась за мою жизнь.

Помню, давно-давно (я учился тогда во втором классе) у нас за городом упал самолет. Загорелся в воздухе и упал. Мы с ребятами бегали смотреть. Летчики погибли. На месте падения самолета лежали комья взрытой земли да груда бесформенных обгорелых обломков дерева и металла. Сердце мое сжалось...

Дома я рассказал обо всем, что увидел.

— Такая уж у них служба, — сказала мать о летчиках. — Смерть-то за ними по пятам ходит.

— Ну, а ты? — Отец посмотрел на меня невидящими глазами. — Ты ведь, кажется, хочешь стать летчиком?

— Нет, — ответил я тогда. — Летчиком страшно...

Но вот наступила пора челюскинской эпопеи. Вся страна говорила о семерке отважных — Водопьянове, Доронине, Каманине, Леваневском, Ляпидевском, Молокове и Слепневе. Эти люди спасли экипаж парохода «Челюскин», затертого арктическими льдами. Подвигом героев восхищался весь мир.

— Нет, мама, я передумал. Хочу, очень хочу выучиться на летчика, — говорил я в те дни. — Посмотри, какой богатырь Водопьянов. Эх, мне бы стать таким!

Портрет Водопьянова, вырезанный из газеты, лежал в моем комсомольском билете. В доме под потолком висела построенная мной фюзеляжная модель самолета. По всему крылу его крупными буквами было написано: «Михаил Водопьянов». Я поднялся на крышу дома, забрался на трубу, пустил модель в воздух и с замиранием сердца проследил, как она полетела...

А не началось ли все это с цирка? Он стоял на берегу реки Вологды. Дощатое круглое строение с огромным полотняным шатром вместо крыши было для меня как бы вторым домом. Сторожихой в цирке работала наша соседка Евстolia Ивановна Богословская. Она-то и проводила нас, ребятишек, в этот сказочный мир чудес. Летающие под куполом цирка акробаты Манион, жонглеры-эквилибристы на лошадях «5-Боркис», клоуны братья Альфонсо, львы Бориса Эдера, лошади Павла Афанасьевича Манжели... У нас разбегались глаза. Я до сих пор помню, в каком порядке размещались в стойлах одиннадцать цирковых лошадей. Помню их клички: Звездочка, Пикуль, Красавчик, Каприз, Гудбой, Кардинал, Мильный, Арлекин, Арабчик, Заветный, Сокол...

Самыми любимыми моими артистами были акробаты Манион. Перелетая с трапеции на трапецию на большой высоте, они переворачивались в воздухе, ловили друг друга за руки и за ноги, раскачивались, снова летели и, поймав трапецию, возвращались на площадку. С замиранием сердца я следил за их работой. Такое могли делать только смелые и очень ловкие люди. Мысль стать цирковым артистом, таким вот летающим акробатом, не покидала меня.

Сыновья дрессировщика Манжели были примерно моего возраста, и мы подружились. Они показывали мне, как выполняются различные акробатические приемы, и я стал пропадать на манеже. Вскоре меня заметили. С жонглерами «5-Боркис» я уехал в далекий ураль-

ский город Надеждинский Завод (ныне Серов) и через полгода уже неплохо жонглировал, вольтижировал. Но меня тянуло к акробатам. Деспотичный человек, мой хозяин, узнав об этом, невзлюбил меня. Как-то на репетиции, придавшись к чему-то, он больно ударил меня по щеке. Ошеломленный, я не сразу понял, что к чему. От стыда и обиды я бросил в хозяина свои жонглерские дубовые «колбасы» и ушел с репетиции. Потом вышло так, что я на несколько секунд опоздал зажечь факелы, и на манеже в момент выступления «5-Боркис» произошла заминка. За это Борисов избил меня на кинюшне плетью. Неделю не мог я появиться в цирке. Мне было двенадцать лет, но все это возмутило меня. Я написал родителям и, получив ответное письмо, уехал домой, навсегда порвав с цирком.

С цирком, но не с мечтой о высоком полете. Мечта эта глубоко запала мне в душу. Она и привела меня к авиации. Я стал строить модели самолетов, читать книги о летчиках, прыгать с крыши дома, раскрыв над собой зонт. Под берегом реки мы, школьники, строили зимой трамплин. Съехав на лыжах с кручи, я летел с трамплина, испытывая невыразимый восторг.

Потом меня потянуло в планерный кружок. Руководил им большой энтузиаст этого дела Александр Васильевич Русинов. Никогда не забуду наш планер «Пегас», Бываловскую горку, радость первого полета. Когда Саша Русинов уехал на переподготовку в Дудергофскую школу летчиков-планеристов, он походатайствовал за меня и прислал мне вызов. Оформив на заводе необходимые документы, оставил дома записку: «Уезжаю в Ленинград. Командировка», я помчался на вокзал. На душе было и радостно, и тревожно. Примут ли?

В Дудергофе прежде всего пришлось сдать экзамен (полет с начлетом школы на двухместном планере УС-6 с высокой горы). Саша дал мне очки и шлем. Я сидел в передней кабине, проверяющий наблюдал за мной из задней. Где-то внизу лошади натягивали амортизатор. И вот протяжно прозвучала команда: «Старт!» Планер сорвался с места и, высоко задрав нос, унес нас в небо. У меня даже дух захватило. Далеко внизу остались маленькие домики Дудергофа. Но страха не было. Я сделал разворот, другой, третий и пошел на посадку.

— Молодцом! — сказал начлет. — Завтра пройдет медкомиссию, и вы курсант школы. Успеха вам.

Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди. Я — курсант школы! Завтра пройду комиссию и надену форму с голубыми петлицами. У меня будут очки и шлем, как у Саши!..

Но комиссия меня забраковала. Мой рост оказался минимально допустимым для авиатора — сто пятьдесят четыре сантиметра. Ко всему тому старишок-хирург нашел у меня диспропорцию. Он сказал, что ноги мои короче туловища на три сантиметра и что поэтому допускать меня к полетам нельзя.

— Но как же, доктор? — взмолился я. — Ведь меня уже приняли в школу, а вы...

— Но вы же в авиацию, — рассердился хирург. — Вы же в небо, — он показал на потолок. — Нет, сударь, увольте. Не хочу за вас отвечать. У вас диспропорция. Понимаете? Дис-про-пор-ци-я. Да-с!..

Мать всплеснула руками от радости, когда я вернулся домой.

— Да, да, мама, не приняли. Врачи обнаружили диспропорцию.

— Ну вот и хорошо, — она облегченно вздохнула. — А мы с отцом сразу поняли, что это за командировка. Раздевайся. Небось устал с дороги-то. А диспорцию эту мы мигом. У нас тетка Аньютка от любых болезней излечивает.

— Нет, мама, это не излечить. — Я стал рассказывать о своей неудаче: — Маленький, говорят, маленький и нескладный.

Мать вздохнула:

— Это потому, что родился в тяжелое время. Шла война. Деревня голодала. Дома у нас дров ни полена не было. И вот начался у тебя ракит... Рада, что хоть выжил...

— А ты не тужи, — сказал отец. — Доктора тоже разные бывают. Главное, не вешай голову. Кто хочет, тот добьется.

— Сиди ты, старый... «Добьется»! — передразнила мать. — Добьется, что свернет себе башку с твоим научением.

Отец смолчал.

— Ну, ты сам-то подумай. — Мать повернулась ко мне опять. — Ведь это не по земле ходить. Ну-ка, на такую-то высоту, под самые облака, забраться. Да долго ли до греха! Нет, вы как хотите, а я боюсь этих ерапланов.

Я как увижу, что летит он, самолет-то, да как подумаю, что там живые люди сидят, все у меня внутри так и захолodeет. Не приведи господь...

Она вытерла глаза фартуком и замолчала.

Жизнь матери осложнилась. Потеряв зрение, отец пристрастился к «зеленому змию» и часто очень грубо обращался с ней. Это наложило свой отпечаток на ее характер. Мать очень любила нас, ребятишек, но воспитывала просто, без особой ласки. При этом разрешать спорные вопросы ей помогал обычно просяной веник. Своей поездкой в Дудергоф я доставил матери много тревог. Будь это год или два назад, отходила бы она меня веником за милую душу. Да и теперь мама несколько раз с сожалением посмотрела в угол, где стояло это нехитрое орудие нашего воспитания. Посмотрела, а взять его не решилась.

Подошел год призыва. Снова медицинская комиссия решает, годен ли я в авиацию. Последнее слово за хирургом. Я стал на один сантиметр выше ростом. Врач пишет: «Годен». Подпрыгиваю от радости и бегу одеваться. Подпрыгиваю, чтобы тут же пожалеть об этом.

— Ну-ка, ну-ка, что это у вас с ногами? — Хирург опять подходит ко мне. — Почти совсем нет подъема.

— Какого подъема? — настораживаюсь я, чувствуя недобroе.

Сестра приносит тазик с водой.

— Сделайте-ка на полу оттиск ступни... Видите, у вас «медвежья лапа», — поясняет мне доктор. — Вас и в пехоту-то не возьмут. У вас резко выраженное плоскостопие.

Снова страшный вывод: «Не годен».

Долго бродил я по улицам вечернего города, размышляя, что делать дальше, и твердо решил: с авиацией для меня кончено. Думаю, так бы это и было, не произошли события, давшее мне новую надежду. Возвращаясь из Арктики в Москву, на четырехмоторных самолетах приземлились в Вологде герои-летчики, когда-то спасавшие челюскинцев. Вечером весь город от мала до велика собрался на площади, чтобы приветствовать отважных.

Пробившись к трибуне, я увидел среди гостей Водопьянова, чей портрет хранился в моем комсомольском билете. Большой, широкоплечий, в той же меховой куртке, что и на газетном снимке, Михаил Васильевич

по сравнению с Молоковым (они стояли рядом) казался сказочным богатырем. Тут же были полярные летчики Алексеев и Мазурук. Застенчиво улыбающиеся, немного смущенные шумной встречей, они покорили рассказами о своих полетах сердца вологжан.

Но вот митинг окончился. Наши гости сошли с трибуны и направились к гостинице «Золотой якорь». Стайка горластых ребятишек («Дядя Водопьянов! Дядя Молоков!») тут же окружила летчиков. Я не выдержал и тоже бросился к ним. Смешавшись с ребятами (а рост мой позволял это), забыв, что мне уже двадцать, я, как и они, увязался за Водопьяновым да так, не чуя под собой земли, и прошел с ним через всю площадь до самой гостиницы.

С этого дня покой мой был потерян окончательно. И что только я не предпринимал, чтобы пробиться в авиацию, куда только не обращался и устно и письменно! Везде мне отказывали, и вдруг...

— Вас к телефону,— подошла ко мне табельщица нашего цеха.— Звонок из горсовета.

Выключаю станок, волнуясь, бегу в контору. Кто бы это и зачем? Тем более — из горсовета! А в трубке:

— Алло, это я, Саша... Да, звоню из горсовета ОсоАвиахима. Есть телеграмма. Читаю: «Срочно отправьте Коктебель переподготовку одного пилота-планериста». Поедешь?

У меня застучало сердце. Коктебель... Высшая летно-планерная школа!..

— Конечно, поеду, Саша. Только не было бы какой заковыки...

На другой день, оформив отпускные документы, я был уже на вокзале. Провожали меня Саша и его жена Вера. Запыхавшиеся, они прибежали к моему вагону уже перед самым отходом поезда.

— Заковыка! — Саша с трудом переводил дыхание.— Ты как в воду глядел. Телеграмма ошибочная. В Коктебеле уже не планерная, а летная школа. Готовят инструкторов-летчиков, и требуется туда пилот запаса, окончивший аэроклуб.

Я чуть не заревел от обиды.

— А ты не волнуйся,— сказал Саша.— Мы с Верой придумали. У тебя официальный документ и телеграмма. Второй телеграммы ты не видел. Понял? Ну, а там будешь действовать по обстановке. В Феодосии

на базаре садись на машину с крылышками. Школа на горе. Да, чуть не забыл! Вот тебе книжечка об этой школе, почитай в дороге. Тут адрес Вериной сестры, Нади, забежишь на досуге. Ни пуха ни пера!..

В Феодосию поезд пришел утром, а еще через час автобус с нарисованными на нем крылышками доставил меня на гору Узун-Сырт, где находилась школа.

— Вас принять мы не можем, — взял мои документы, сказал начальник штаба. — Здесь какое-то недоразумение. Вечером будет комиссия. Она решит.

Довольный уже тем, что мною будет заниматься комиссия, я вышел.

На стоянке видны были планеры, самолеты. Я пошел посмотреть на них. И тут меня остановил высокий, загорелый техник. Узнав, что я приехал поступать в школу, он подал мне ведро и попросил заправить маслом самолет Р-5. «Воронку возьмешь на капоте, — сказал техник. — А бочки вон там, в углу ангары».

Польщенный доверием, я с радостью бросился исполнять приказание и быстро сделал все, что мне было велено.

— Молодец! — сказал техник. — Давай знакомиться. Моя фамилия Приходько. А теперь принеси водички. Надо помыть колеса.

Сбегал я за водой.

— Эй, орел, иди-ка сюда! — позвал меня опять техник.

Я подошел. Он держал в руках черную от масла воронку:

— Ты где брал масло?

— Вон в той бочке, во второй слева.

— Садовая твоя голова! Что ты наделал?

Вокруг меня собирались техники. Один из них взял воронку из рук Приходько, дал мне понюхать.

— Это же отработка. Неужели не чувствуешь?

— Мать родная, да он и залил-то в бензобак! — с ужасом закричал Приходько.

— Как? Я залил в тот желтый, где масло.

— Вот именно в желтый, черт тебя! — гремел техник. — Ты что, с луны упал? Не знаешь, что желтым окрашена бензосистема?

На шум прибежал инженер. Он выслушал доклад техника, начавшего заикаться от волнения, оглядел меня с ног до головы:

— Вы что, никогда не видели самолета?

— В воздухе видел, а на земле впервые.

Все затихли. Инженер сдержанно предложил мне выйти из ангара.

Весь день я думал о случившемся. Вечером собралась комиссия. Меня вызвали последним. Это было уже в двенадцать часов ночи. Я решил предложенную мне задачу на подобие треугольников, ответил на вопросы, касающиеся аэродинамики, объяснил кривую Лилиенталя. Но в этот момент в комнату, где заседала комиссия, вошел уже знакомый мне инженер. Он глянул на меня, что-то сказал худощавому военному, сидевшему на подоконнике, и сел за стол.

Я стоял молча, ждал, что будет.

— Хорошо,— сказал худощавый,— знания у вас есть. А как же вы умудрились залить в бензобак масло, да еще отработанное?

Все члены комиссии оживились. Между тем военный продолжал:

— Знаете ли вы, что наделали? Теперь этот самолет задержится с вылетом в Харьков на трое суток. А он сегодня должен был доставить туда пять планеров на соревнования.

Я рассказал, как было дело, потом достал из кармана книжечку, подаренную Сашей, раскрыл ее на странице, где был портрет мастера парашютного спорта Леонида Минова, и посмотрел на человека, сидевшего на подоконнике:

— А я знаю вас, товарищ Минов. Читал о вас. Здесь про вашу школу написано...

Члены комиссии устали задавать вопросы. Они не прочь были послушать меня. И я стал рассказывать о Саше Русинове, моем инструкторе, еще недавно работавшем в школе техником.

— Русинов? — удивился инженер.— Он переучился. Замечательный был техник. Вот только ученик его, к сожалению...

Все засмеялись.

— А вы зря смеетесь,— сказал я обиженно.— Своего я добьюсь. Только помогите мне в этом. Примите меня в школу. Если что, я могу на баяне сыграть...

Про баян вырвалось неожиданно, и члены комиссии засмеялись еще громче. Вот тут уж меня, что называется, повело.

— Стенную газету выпускать могу. Рисую, стихи складываю,— говорил я.

— Да он комик,— добродушно сказал кто-то, когда все отсмеялись.

— Вы никогда не летали на самолете, а мы готовим в этом году инструкторов-летчиков,— уже всерьез возразил мне Минов.

— А вы попробуйте, я понятливый и быстро научусь.

— Знаете что,— встал инструктор Еремеев.— Зачислите этого хлопца в мою группу. Я сделаю из него летчика.

Но Еремееву меня не дали. Начальник школы Минов решил мою судьбу иначе.

— Веселый вы парень,— сказал он.— Мы примем вас, но дадим вам программу пилота запаса, как в аэроклубе. А потом вы поедете к себе домой в Вологду. Инструктором вашим будет Лисецкий. У него там все такие маленькие собрались.

Комиссия закончила работу.

— А на баяне — это хорошо,— подошел ко мне Еремеев.— Попляшем, значит.

В два часа ночи нас привезли в Феодосию на медкомиссию.

— Вы бы еще утром приехали,— ворчал сонный хирург.— Раздевайтесь.

Пока он осматривал других, я выбежал в коридор, снял ботинки, носки, достал заранее припасенную бутылочку с водой, осторожно смочил подошвы так, чтобы они давали правильный след, и прошелся по углам собирая пыль. Это я придумал еще в Вологде после комиссии, обнаружившей у меня плоскостопие.

— Ты ноги-то когда-нибудь моешь? — спросил у меня хирург во время осмотра.— Ну-ка, встань... Так, еще раз... Мыться, мыться надо чаще,— брюзжал он.— Одевайся! — и записал в карточке: «Годен».

А через день я на самолете У-2 поднялся в крымское небо и даже попробовал управлять машиной. После посадки доложил инструктору по всей форме:

— Курсант Каберов выполнил ознакомительный полет в зону. Разрешите получить замечания.

— На первый раз неплохо. Соображаешь. Значит, летать будешь.— Лисецкий улыбнулся.— А теперь бериесь за науку...

Облака все плывут, кучеряются. Смотрю на них, и в воображении опять прорисовывается Коктебель. Вспоминаю об инструкторе Александре Андреевиче Батизате, который довел нашу группу до выпуска. Я, как и все, стал инструктором-летчиком. Мне видится старый треух, из которого мне предлагают вытащить бумажку с напечатанным на ней пунктом назначения. Где оно, мое счастье? Я долго вслепую перебирал бумажки, прежде чем взять одну из них. Развернул. Ну что ж, неплохо: «Новгород на Волхове». Мои друзья называют другие города: Пермь, Чебоксары, Ленинград, Москва...

В новгородском аэроклубе еще одно счастье — Валя «Я из шапки тебя вынул!» — говорю я ей в веселую минуту. Так оно, в сущности, и есть. Мы вместе с Валюшой уехали в Ейск. А там новое счастье — дочурка Ниночка. С каким трепетом впервые я взял ее на руки! А был я тогда уже военным моряком и носил бескозырку с надписью: «Школа морских летчиков»...

Облака, облака... Ромашковые луга среди голубого небесного простора. Сколько принесли вы мне добрых воспоминаний о детстве и юности!.. Оказывается, далеко, очень далеко может унести человека мысль за полчаса безмятежного отдыха на берегу речки. Но из прошлого пора возвращаться в настояще. Скоро мне вылетать на разведку. Я торопливо одеваюсь и спешу к самолету.

ЧУЖИЕ КРЫЛЬЯ НАД АЭРОДРОМОМ

Фашистское командование ведет усиленную разведку наших аэродромов и уже нанесло по ним ряд бомбовых ударов. Пострадал аэродром в Котлах. Понесла урон часть, базирующаяся на аэродроме Копорье. Бомбардировщики противника совершили налет и на наш аэродром. Но здесь оповещение сработало неплохо, истребители успели взлететь навстречу врагу и оказали ему сильное сопротивление. Налет не принес фашистам успеха.

Остатки наших поредевших в жестоких боях авиационных полков и дивизий перелетают к Ленинграду. Не

южном берегу Финского залива, западнее и восточнее Петергофа, мы удерживаем только флотские аэродромы. Действует несколько аэродромов армейской авиации рядом с Ленинградом. В местах базирования становится тесно.

С нашего аэродрома, по выражению авиаторов, работают штурмовики. Работают уже несколько дней. Сегодня они пополнились еще тремя машинами. Все они стоят в открытую, без какой бы то ни было маскировки.

Два самолета прилетели откуда-то вчера вечером. Они плавно опустились на наше поле и зарулили в южную сторону. Говорят, что это корабельные разведчики. Поплавки у них уже заменены колесами. Где корабли, с которых эти самолеты действовали? Возможно, погибли в неравном бою с врагом.

Начальник штаба полка майор Куцев с утра бегает по аэродрому, требуя, чтобы летчики и техники маскировали самолеты. Но маскировать штурмовики нечем. Камуфляжные сети истребителей для них малы, а ветками такое количество машин не укроешь. К тому же и некогда. Самолеты стоят на земле только во время заправки горючим, а потом они снова уходят в воздух.

Мы только что возвратились с задания — прикрывали штурмовики, наносившие удар по врагу западнее Бегуниц. Проходя на малой высоте над некоторыми из населенных пунктов, каждый из нас воочию убедился, во что превратили фашисты эти еще недавно цветущие деревни и села. От них остались одни названия да трубы печей, белеющие на пепелищах.

Вылетаем второй раз. Жаждем боя с фашистскими истребителями. Но они почему-то не выходят нам на встречу.

— Значит, что-то готовят господа фашисты, — задумчиво сказал Новиков, когда ему доложили об этом, и тут же приказал Багрянцеву и Тенюгину «сесть в готовность».

— Каберов! — позвал он меня. — Приходил Грицаенко. Твоя машина отремонтирована. Облетай ее. Да будь повнимательней. Не нравится мне что-то обстановка.

Командир стал звонить начальнику штаба полка. А я взял шлем и вышел из землянки.

Был безоблачно, тихо. Надев на голову белый шелковый подшлемник, я направился к самолету. Неожиданно

с южной стороны донесся до меня какой-то странный шум. Он быстро нарастил. Я остановился. Теперь уже отчетливо улавливался рев авиационных моторов. Но не успело еще как следует утвердиться чувство опасности, как выскочившая из-за ангаров на малой высоте армада самолетов закрыла солнце. Свист пуль и грохот рвущихся бомб оглушили меня. Я припал к земле. Двухмоторные «мессершмитты» проносились над стоянкой. Выбрав момент, я поднялся и что есть духу побежал к землянке. Едва не сорвав дверь с петель, ворвался в нее, запнулся о ступеньку и распластался на полу. Кто-то оттащил меня в глубину землянки. А через мгновение пули в нескольких местах пробили дверь и половицы возле нее. Все наше погруженное во мрак жилище ходило ходуном. Снаружи доносилась бесконечная пулеметная дробь. Стучали пушки, выли и рвались бомбы, ревели авиационные моторы.

— Не подходить к дверям! — крикнул командир. — Соседин, слышите? Отойдите от дверей!

Я потянул Николая к себе.

— Ты что, с ума сошел?

Взорвавшаяся близ землянки бомба оглушила нас. С потолка посыпался песок. Тройной накат бревен сместился, и перекрытие грозило обвалом. Но и выходить наверх было нельзя. Там по-прежнему грохотали взрывы, свистели пули. Впору было задохнуться от едкого запаха гари.

— Вот она, плата за беспечность... Вот она! — крикнул Соседин и, с грохотом распахнув дверь землянки, выскочил наружу.

— Николай, назад! — крикнул я, бросаясь за ним.

Сильные руки Новикова схватили меня и, как котенка, швырнули в угол землянки. Не успев остановить Соседина, он отыгрался на мне. В это время еще два сильных взрыва один за другим ухнули где-то рядом и так тряхнули землю, что наше убежище, казалось, сдвинулось с места. И опять песок потек нам за воротники. А в голове была одна мысль: «Где же Соседин, куда он побежал, жив ли?...»

Около тридцати вражеских самолетов полчаса штурмовали аэродром. Постепенно гул и грохот стали ослабевать, и мы выскочили из землянки. Я бросился к истребителю Соседина, но Николай уже запустил мотор, взлетел и помчался догонять уходящие самолеты противника.

Аэродром был охвачен огнем. Горели штурмовики и корабельные разведчики, МИГи соседних эскадрилий и наши И-16. Возле землянки полыхал самолет, в котором дежурил Багрянцев. Михаил лежал ничком на земле, обхватив руками голову. Его ботинки и нижняя часть брюк обгорели.

— Миша, ты жив?

Я схватил его за китель и оттащил от огня.

— Жив, — как бы просыпаясь, подал он голос и вдруг вскочил на ноги: — Кто это? Ты, Игорь? Ну, что? Кажется, все. Ушли, сволочи...

Он был мрачен и как бы чем-то смущен.

— А я, Игорек, уснул, понимаешь. Сел в самолет и задремал на минуту какую-то. Ко мне перед этим еще Соседин приходил, ругался, что штурмовики маскировки не соблюдают. Ну вот, а потом вдруг чувствую, что горю... Открыл глаза, а тут... Как выскочил из кабины — не помню...

Я обратил внимание на полы его расстегнутого кителя. Они были в нескольких местах продырявлены.

— Неужели пули? — Он удивленно пересчитал дырки. — Пять штук. Полы пробили, а меня не задели!

Он стал обшаривать всего себя. Были только небольшие ожоги на ногах. Пуля перебила одну из подвесок, удерживавших кобуру пистолета на ремне морского снаряжения.

— Да, Миша, считай, что тебе повезло.

В это время от самолета отвалился мотор. Ярким костром запыпал он в луже бензина рядом с догорающей машиной. Багрянцев остановил долгий взгляд на охваченных огнем останках своего самолета.

— Вот и все! — глухо сказал он, и я увидел, как слеза прочертила след на его покерневшей от копоти щеке.

Выскочившие из укрытий люди сутились на стоянке. Мимо нас пробежал Тенюгин:

— Ангары горят!.. Скорей!..

Я бросился следом за Тенюгиным. Мы забрались на крышу одного из ангаров. Горела камуфляжная сетка. Огненные змеи ползли по ячейкам, заглатывая их одну за другой. Мы с Тенюгиным сбрасывали сетку с крыши. Багрянцев и несколько прибежавших вслед за ним техников гасили ее на земле. Возле второго ангаря тоже лихорадочно работали люди. На западной стороне аэродрома горели штурмовики. Мы побежали туда. Но

к самолетам нас не подпустили. На некоторых машинах уже рвался боезапас. В клубах дыма там и тут сновали люди. Кто-то закричал: «Уходите! Взорвемся!» Все бросились бежать.

В это время над аэродромом появился самолет Соседина. Не догнав вражеские машины, он вернулся и стал заходить на посадку прямо над пылающими штурмовиками. Это было опасно, и стартер дал красную ракету. Соседин сделал еще один круг и опять вышел на прежний курс. Он проходил низко над горящими самолетами, когда несколько взрывов сотрясли воздух. Огромный столб дыма и огня взметнулся к небу. Самолет Николая Соседина перевернулся вверх колесами и скрылся за огненным круговоротом. Мы побежали к месту падения боевой машины. Она лежала на самом краю болота. Соседин был извлечен из-под обломков с едва заметными признаками жизни.

Потрясенный происшедшим, командир эскадрильи Новиков стоял возле санитарного У-2, специально прилетевшего из Ленинграда, и в который раз спрашивал у врача, будет ли жить Соседин. Врач пожимал плечами,

— Все зависит от организма...

Новиков сосредоточенно следил за тем, как ставили в самолет носилки, на которых лежал Соседин. Он пристально наблюдал за всем, что происходило вокруг. И разве могло прийти в голову кому-либо из нас, стоявших рядом с командиром, что завтра его не станет в живых...

А это произошло. Нелепая случайность вырвала из наших рядов замечательного человека, мастера своего дела. Новиков решил облетать восстановленный после поломки истребитель ЛАГГ-3 и потерпел катастрофу...

Но возвратимся к событиям предыдущего дня. В результате вражеского налета мы потеряли семнадцать самолетов. Сгорели шесть истребителей МИГ-3, три И-16 (включая и самолет Соседина). Те, кого мы в шутку называли нашими гостями и чьи самолеты не были замаскированы, потеряли три штурмовика ИЛ-2 и один корабельный разведчик. Сгорели два истребителя ЯК-1, приземлившиеся на аэродроме перед самым налетом. Не стало также нашего старенького У-2 и двухместного учебно-тренировочного истребителя УТИ-4. Некоторые самолеты остались неповрежденными.

Среди личного состава нашего полка пострадал один Николай Соседин. На стоянке штурмовиков погибли шесть

матросов. Пытаясь спасти загоревшиеся самолеты, они бросились в охваченные пламенем кабины и выпустили в небо реактивные снаряды. Смельчаки хотели снять с замков и стокилограммовые бомбы, подвешенные под крылья штурмовиков. Но кругом полыхало пламя, и на одной из машин произошел взрыв. Бомбы других самолетов сдетонировали. В этом гигантском взрыве, волной которого был опрокинут самолет Соседина, герои погибли. Известно, что их было шестеро, этих отважных парней. Но кто они, как их фамилии, мне, к сожалению, установить не удалось.

В нашей эскадрилье во время штурмовки мужественно боролись с огнем и спасли свой истребитель старшина Коровин и сержант Боков. Техник Грицаенко и моторист Алферов сбили пламя с моей уже загоравшейся было машины.

Невиданную храбрость и боевое умение проявил во время вражеского налета инженер полка по вооружению Потапенко. Он давно уже искал случая опробовать сконструированное им «реактивное ружье». За основу была взята балка для пуска реактивного снаряда, которая устанавливается под крылом самолета. К этой балке Потапенко приделал ложе и пусковое устройство, протянул от него два провода на аккумулятор. Заряженное 82-миллиметровым снарядом «реактивное ружье» крепилось на стойке.

Мне довелось наблюдать пробную стрельбу из этого ружья. Разговоров после нее было много.

— Хорошая вещь, — утверждали одни.

— Да, но, если будет налет на аэродром, вы, товарищ капитан, и носа высунуть не успеете, как вас схарчат «мессершмитты», — говорили другие.

Инженер улыбался:

— Авось не схарчат...

И не схарчили. Во время налета, когда свистели пули, рвались снаряды и бомбы, капитан Потапенко, пренебрегая опасностью, установил свое «реактивное ружье» и открыл огонь по вражеским самолетам. Выпущенный им снаряд попал в фашистский самолет. Летчик поврежденной машины резко отвернулся в сторону и столкнулся с соседним самолетом. Объятые пламенем, два вражеских стервятника упали на землю. Потапенко верил и не верил в свою удачу. «„Мессершмитты“ сами столкнулись», — говорил он позже.

Но видевшие все это техники уличили инженера в излишней скромности.

21 августа 1941 года, через день после вражеского налета, было объявлено, что мы летим получать новые самолеты.

В ГОСТЯХ У ЛАВОЧКИНА

Двухмоторный транспортный самолет уносит нас все дальше от Ленинграда. Стрелка высотомера, установленного над дверью пилотской кабины, показывает сто пятьдесят метров.

Примостившись на сумке с парашютом, я гляжу сквозь стекло иллюминатора на проплывающие внизу дороги, рощи, речушки, деревни. Милая сердцу земля.

Трудно поверить, что мы уже не на фронте, что с каждой минутой все дальше уходим от его зловещих пожарищ и рябого от зенитных разрывов неба.

Ровно гудят моторы. Вместительный корпус старенького ЛИ-2 слегка вздрогивает. Мы летим на авиазавод за самолетами. Возглавляет нашу группу новый командир, капитан Уманский. Места в самолете хватило всем. Кто устроился на откидных сиденьях, кто, как я, сел на парашют, взятый с собой для обратного полета на истребителя.

Сегодня я впервые лечу на самолете в качестве пассажира. Дверь пилотской кабины открыта, и мне виден командир корабля — пилот, управляющий самолетом. Ни шлема, ни очков, одни наушники на голове. И сидит сбоку, как шофер в машине. Справа от него — второй пилот. Командир, не торопясь, закурил, потом передал управление своему напарнику и вышел к нам. Справившись о нашем самочувствии, вернулся в пилотскую, сел в свое кресло и развернул газету. Как странно все! Ничего общего с истребителем. Атмосфера полного спокойствия, неторопливости. Пилоты беседуют между собой. Путь прокладывает штурман.

Говорят, истребители — народ беспокойный, энергичный, в решениях быстрый. Ничего не поделаешь — по

машине и характер! У нас ведь сложа руки не посидишь, да и маршрут за тебя никто прокладывать не будет. Везде все сам. Ты и летчик, и штурман, и стрелок, и радиист, и бортмеханик. И если тебя на истребителе до ветру приторопило — терпи до посадки. А здесь конструктор предусмотрел все, даже туалет. Ишь, на дверях вычерчены два нуля.

Осмотриваюсь. Все ребята наши смотрят в иллюминаторы, беседуют.

— Михаил Иванович, — обращаюсь я к Багрянцеву, — как тебе нравится этот корабль?

— Старенький, но ничего. — Багрянцев окидывает взглядом пассажирскую кабину.

— А летать на таком хотел бы?

Он улыбается.

— Нет. Мне по душе истребитель.

— Я тоже истребитель не променяю ни на какой другой, пусть даже самый комфортабельный самолет, — говорю я. — Понимаешь, на истребителе ты свободен, как птица: высота, стремительность, маневр! Обрушится «мессершмитт» на такую машину, как эта, — что она сможет? А попадись он тебе или мне, когда мы на истребителях, — в два счета пристукнем!

Багрянцев соглашается.

— Это верно. Но у них, — он кивает в сторону пилотской кабины, — у них своя романтика. Доставляют срочные грузы, эвакуируют раненых с фронта. Летают в непогоду, да еще ночью. А это тоже нелегко. Ребята они мужественные, уравновешенные. Наш брат истребитель в этом им может позавидовать...

Тут Багрянцев обратил мое внимание на человека, сидевшего на полу.

— Видел чудака? Что это с ним такое? А ведь он — истребитель.

Это был один из прикомандированных к нашей группе летчиков. Он надел на себя парашют и расположился возле самой двери.

— Вечно он с причудами, этот Володька Широбоков, — сказал Михаил Иванович.

Я подсел к Широбокову. Мы познакомились. Конечно же, мне было интересно узнать, зачем он надел на себя парашют.

— Как зачем? А если случится что?

— Так ведь высота полета сто пятьдесят метров.

— Это не имеет значения. Я не привык полагаться на волю случая. В полете ничто не должно застать меня врасплох.

Нет, этот парень не был трусом. В нем виделся, что называется, человек с характером.

Самолет летел, слегка покачиваясь. Внизу развертывалась живописная панорама Подмосковья. На одном из аэродромов мы ненадолго приземлились, и дозаправленный самолет снова взмыл в небо.

В пункте назначения нас уже ждали. Мы отдохнули, а утром пришли на завод. Большое впечатление произвели на нас его гигантские цехи, конвейерные линии, весь процесс создания самолетов. С конвейера потоком сходили новенькие истребители ЛАГГ-3.

Дни учебы пролетели незаметно. После зачетов летчиков пригласил к себе главный конструктор самолета Семен Алексеевич Лавочкин. Тепло и сердечно встретил нас этот душевный, веселый человек. Каждому пожал руку, каждого пригласил сесть, потом достал коробку «Казбека»:

— Угощайтесь, морячки!

Морячки с удовольствием задымили. Мы с Тенгинным некурящие, но тоже взяли по папироске и спрятали их в карманы — «на память от Лавочкина».

Семен Алексеевич долго и подробно расспрашивал нас о положении под Ленинградом.

Конструктор рассказал, что самолет ЛАГГ-3 прошел испытания в бою и что завод получил о новой машине хорошие отзывы. Он сообщил нам также, что успешно идет работа по созданию нового истребителя с мотором воздушного охлаждения, по качествам намного превосходящего существующую машину.

Лавочкин попросил нас рассказать о тактике фашистских истребителей и бомбардировщиков, о действиях вражеских зенитчиков. Он внимательно слушал нас, делая пометки в своем блокноте. Несмотря на серьезность обсуждаемых вопросов, Семен Алексеевич находил место шутке. Незаметно прошли почти три часа беседы.

Выходя от Лавочкина, мы задержались в одном из цехов. Разговор зашел о качестве машины. Сопровождавший нас инженер завода сказал:

— Машина, в основном, делается неплохо. Но кое-какие неполадки, к сожалению, встречаются. А вы посмотрите, кто создает для вас самолеты.

За станками, у верстаков, на конвейере — почти всюду стояли пожилые и молодые женщины. На рабочих местах было много подростков.

— Мужчины ушли на фронт, — продолжал инженер. — У нас уже много вдов и сирот...

В это время прозвучал сигнал на обед. Женщины, вытирая руки, поспешили в столовую, а подростки, почувствовав свободу, подняли возле станков шумную возню. Что-то с грохотом упало на пол. Инженер грустно улыбнулся:

— Ничего не поделаешь, рабочий класс в салки играет.

Утром мы поехали на аэродром. На новом истребителе каждый из нас должен был совершить полет по кругу с обязательной уборкой шасси.

Вот и моя очередь лететь. Занимаю место в просторной кабине. Особенно радует, что в ней удобно расположены педали управления рулем поворота. О радио и говорить нечего. Это наша давнишняя мечта.

— Разрешите выруливать для взлета? — спрашиваю я из кабины.

В шлемофоне тотчас же раздается:

— Разрешаю!

Выруливаю, прошу разрешения на взлет. Самолет легко отрывается от земли. Нажимаю красную кнопку, шасси само пошло на уборку. Потом где-то внизу раздается легкий шлепок и загораются два красных огнька — шасси убрано. После И-16, на котором для уборки шасси нужно было сорок четыре раза повернуть ручку тросовой лебедки, это казалось чудом.

Машина легко набирает высоту. Чувствуется сила мотора. В моих руках новый самолет. Здорово, черт возьми!

Но короток полет по кругу. Выпускаю шасси и посадочные щитки, совершаю посадку. Истребитель касается колесами земли, подпрыгивает и только потом, приземлившись на все «три точки», мягко катится по зеленой траве аэродрома. «Не добрал немножко!» — досадую я на себя. Так хотелось совершить безукоризненно чистую посадку!

— Ну как, разобрался, что к чему? — спрашивает командир.

— Не очень. Еще бы полетик.

— Полетим домой — разберешься.

И он вызывает следующего...

В общежитие мы возвратились в приподнятом настроении, будто совершили что-то весьма значительное.

А утром на завод пришла телеграмма: «Ускорьта прилет группы ЛАГГ-3. Ленинграду трудно. Самохин». Об этой телеграмме командующего ВВС нашего флота вскоре стало известно каждому рабочему. «Ленинграду трудно...» Авиастроители удесятерили свои усилия.

И вот мы на заводском аэродроме. Самолетов здесь столько, что яблоку негде упасть. Гляжу на них, и душа радуется. Вот она, могучая советская техника! Вот он острый, разящий меч, выкованный нашим народом в грозные годы войны! Пройдет немного времени, и этот меч беспощадно обрушится на головы фашистских захватчиков.

Среди сопровождающих нас лиц один из инженеров завода.

Возле неполного ряда самолетов мы останавливаемся.

— Отсюда группа армейских летчиков уже взяла девять самолетов, — говорит инженер. — Вам достались номера с одиннадцатого по двадцатый. Вот мел. Кто у вас тут пошустрие? Пишите на бортах номера, и попутного вам ветра, морячки! Лидер готов, ждет вашей команды...

Вскоре мы поднимаемся в воздух. Десять истребителей ЛАГГ-3, лидируемые самолетом ПЕ-2 — двухмоторным фронтовым пикирующим бомбардировщиком, строятся и берут намеченный курс. Погода солнечная, ясная. Видимость кажется беспредельной.

Через некоторое время мы производим посадку и начинаем заправлять самолеты.

В эту минуту к нам подходит дежурный по аэродому. В петлицах три кубика — старший техник-лейтенант.

— Кто здесь старший группы? — спрашивает он у Багрянцева. Гляжу на дежурного и глазам не верю:

— Каргашов, Александр Федорович!.. Какая встреча!

— Каберов! Вот не ожидал тебя увидеть. Откуда?

— Гоним самолеты на Балтику. А ты как здесь оказался?

— Формируемся. Скоро тоже на фронт.

Мы крепко пожимаем друг другу руки. Сразу же завязывается разговор о Новгороде, о друзьях и близких, оставшихся там. Каргашов когда-то был инженером

новгородского аэроклуба, а я инструктором-летчиком. Александр Федорович и его товарищи усиленно готовятся к отправке на фронт. И Каргашова, и меня очень тревожит то, что в Новгороде уже немцы. Мы не знаем, что с нашими семьями.

Разговору не видно конца. Но Каргашову некогда. Он ведь дежурит по аэродрому.

— Чуть было не забыл, — спохватывается Александр Федорович. — Я же к вашему командиру. Пока есть погода, вам надо вылетать. Будь здоров, дорогой! До встречи в Новгороде!

Мы прощаемся, и я бегу к своему истребителю...

Хотелось бы заранее сказать, что после войны мы с Каргашовым действительно встретились в Новгороде. Александр Федорович прошел большой и трудный боевой путь от Москвы до Берлина. После войны он демобилизовался и долгое время работал на одном из новгородских заводов инженером, а теперь уже ушел на пенсию. Я вижу его иногда прогуливающимся с женой по набережной Волхова. Как только в небе раздается гул авиационного двигателя, Каргашов останавливается и провожает взглядом летящий самолет...

Впрочем, возвращаюсь к нашему перелету с авиационного завода под Ленинград.

Мы ведем наши боевые машины над бескрайними просторами страны. Под крылом моего самолета проплывают поля и леса, многочисленные населенные пункты, голубые ленты рек, тонкие нити дорожных трасс. Гляжу и не нагляжусь. Милая сердцу земля! Дорогая моя Родина! За тебя, за твою свободу и независимость вступим мы скоро в новый грозный бой с врагом.

Самолеты покачиваются, словно на волнах, сверкая на солнце хрустальными дисками винтов. Мне все больше нравится новая машина. Как-то она покажет себя, когда мы встретимся с «юнкерсами» и «мессершмиттами»? ЛАГГ-3 под Ленинградом впервые. Оружие на нем отменное: пушка и четыре пулемета (два крупного и два обычного калибра).

Вот и Низино. Делаем круг над аэродромом и производим посадку.

Тенюгин, покинув кабину, разминает уставшие от долгого полета ноги.

— Здорово, Игорек! Приветствуя тебя на родной низинской земле!

— Взаимно, Володя! — кричу я ему. Мы направляемся к командирскому самолету.

— Ну, вот и добрались наконец до дому! — говорит капитан Уманский. — Значит, у нас все на месте, кроме Халдеева. Устранит неисправность и завтра, видимо, прилетит домой.

Уманский обводит нас взглядом:

— Горячая работа предстоит, товарищи!..

НУЖНЫ ЛИ ЛЕТЧИКАМ ОКОПЫ

роливной дождь весь день хлестал как из ведра, а к вечеру прекратился. Утром густой туман закрыл аэродром. Было еще только 7 сентября, но осень уже полностью вступила в свои права.

За две недели нашего отсутствия фронт приблизился к Ленинграду еще на двадцать пять километров. Фашистские войска вслед за Новгородом захватили Чудово и теперь обходят Ленинград, устремляясь к Неве, к Ладожскому озеру. Уже занято Тосно. Бои идут за станцию Мга. Всего шесть километров отделяют наш аэродром от окопов противника в районе Ропши, захваченной фашистами.

Новые истребители стоят в земляных капонирах под камуфляжными сетками. Оставшиеся после вражеского налета «ишачки» наши техники починили и передали другим частям. Штурмовики куда-то улетели.

В свое время прикомандированные к нам для получения новых самолетов Алексей Солдатов, Владимир Широбоков и Борис Семенов стали теперь летчиками нашей эскадрильи.

Капитан Уманский с утра обошел стоянку, все на ней осмотрел внимательным хозяйственным глазом, затем вызвал к себе инженера Сергеева.

— Знаете ли вы, что от нашего аэродрома до линии фронта всего несколько километров?

— Знаю.

— Так вот, прошу вас все лишнее со стоянки убрать, палатку оружейников замаскировать, щели около самолетов углубить до полного профиля.

— На это надо время,— робко проговорил Сергеев.

Командир эскадрильи, казалось, пропустил эти слова мимо ушей.

— Через два часа доложите. А вечером — запомните, инженер: вечером! — мы с вами и комиссаром будем проверять состояние личного оружия младших авиационных специалистов и всего технического состава.

— Не знаю,— пожал плечами растерявшийся Сергеев.— И обслуживание самолетов... И все это... Не знаю... Нам не успеть...

— Тогда вам нечего здесь делать, инженер,— резко сказал Уманский и, еще раз напомнив о своих требованиях, холодно закончил разговор: — Идите!

Инженер ушел. В землянке было так тихо, словно в ней не осталось ни единой живой души. Я оформлял очередной номер «боевого листка» и раздумывал о Сергееве. Не было сомнений, что он побрюзжит, но сделает все, что положено. Да и как не сделать! Фашисты рядом. Кто знает, что будет завтра или даже сегодня вечером? Летчики в случае угрозы захвата аэродрома противником улетят. А техники? Инженер понял, конечно, что командир прежде всего о них самих заботится.

Бегу на стоянку вывешивать «боевой листок», а на ней уже вовсю кипит работа. Возле моего самолета Грицаенко и Алферов стоят по пояс в траншее и знай шуряют лопатами.

— Ничего, все правильно, товарищ командир. Кто знает — может быть, завтра из этих окопов нам стрелять придется. Да и делов-то тут...

Инженера на стоянке не видно. Я нахожу его в самолетном контейнере, который служит домиком звену Багрянцева. Михаил Иванович пришивает чистый подворотничок, а Сергеев — пуговицу к комбинезону. Пришивает и брюзжит:

— Подумаешь — пуговица! Оторвалась — что тут такого? Так нет же, плохой пример, говорит, показываете подчиненным.

— Но пришил же? Пришил. Тебе не хуже от этого? — говорит Багрянцев.— Стареешь, Андреич, вот и брюзжишь...

Я присаживаюсь рядом с ними, достаю из кобуры и начинаю осматривать свой «тэтэ».

— Да, чуть было не забыл! — спохватывается Сергеев. — Мне ведь оружие надо еще осмотреть. Вечером будет поздно.

Он прокручивает барабан своего нагана, высыпает патроны, волнуясь, смотрит на свет сквозь канал ствола.

— Повесит, вот за это повесит!

Инженер спешит к оружейникам, чтобы организовать осмотр всего оружия и почистить его. А ровно через два часа он уже докладывает командиру:

— Товарищ капитан, все ваши указания выполнены. С оружием полный порядок.

— А говорили — не справиться! — Уманский глядит на инженера подбревшими глазами: — Спасибо вам, Владимир Андреевич...

К полудню туман рассеялся, и в образовавшийся над аэродромом просвет глянуло голубое небо. Командир вызвал к себе Багрянцева, Семенова и меня. Перед капитаном лежала карта с намеченным на ней маршрутом. Рядом, недовольный, будто он проглотил шомпол, стоял Аниканов.

— Разведать дорогу от Чернышова до Косколова, — обращаясь к Багрянцеву, сказал Уманский. — Особенно внимательно осмотреть побережье Лужской губы. Выяснить, не скапливаются ли вражеские войска. Вылет немедленно. Вопросы?

— Нет вопросов.

— По самолетам!

— Есть! — Багрянцев козырнул и, повернувшись по-уставному, вышел. Мы последовали за ним.

Взлетели Багрянцев и я. Семенов почему-то задержался и на задание не пошел.

Из Ропши по нашим самолетам ударила зенитка. Впереди возникли расплывчатые, как медузы, сизые разрывы. Внизу еще держался туман, и только в редкие окна одинокими островками проглядывала земля. Дороги совсем не было видно. Район Косколова и Лужской губы, весь Кургаловский полуостров тоже были закрыты туманом. Просматривался только острый пик мыса Колгомпя.

Кружить было бесполезно, и мы развернулись на обратный курс. Впереди, чуть в стороне, полог тумана разошелся, открыв небольшую полоску земли. «За

мной!» — услышал я по радио голос Багрянцева. Его самолет нырнул вниз. Сняв гашетки с предохранителя, я немедленно последовал за ним. Под нами протянулась дорога. Она была заполнена вражескими войсками. Они двигались в сторону Ленинграда. Пехоту время от времени обгоняли машины. Пользуясь туманной погодой, гитлеровцы совершили переход к линии фронта днем. Они явно не ожидали нашего появления и не успели разбежаться. Пулеметы и пушки ЛАГГ-3 сделали свое дело. Не меньше сотни вражеских трупов осталось на дороге после нашего налета. Багрянцеву удалось еще поджечь легковую автомашину.

Пробив пелену тумана, мы взмыли вверх. Жмурясь от яркого, еще по-летнему светившего солнца, взяли курс на Низино. На аэродроме Уманский, выслушав доклад Багрянцева, попросил нас как можно точнее показать на карте место, где мы атаковали пехоту. Командира интересовало, сколько было фашистских войск, сколько машин и каких. Уточнив все, что ему было нужно, капитан взял телефонную трубку и доложил штабу о результатах разведки.

— А скажите, товарищ Багрянцев, — сказал он минутой позже, — какие выводы вы сделали для себя из этого полета? Что, по-вашему, нужно нам теперь предпринять? И каково на этот счет ваше мнение, товарищ Каберов?

Я почувствовал себя неловко. Мы, истребители, привыкли докладывать о том, что видим во время полета, а тут... выводы. Пока я раздумывал, Багрянцев сказал:

— Вывод мне ясен. От Ропши до берега Финского залива недалеко — каких-то пятнадцать — восемнадцать километров. Немцы стягивают войска к Ропше. Значит, готовятся к прорыву на Петергоф. Наш аэродром у них на пути. Он им очень мешает. Не исключена возможность заброски в район аэродрома диверсионных групп. Я бы, товарищ командир, усилил караулы и посты по охране мест отдыха летного и технического состава.

— Что ж, вы правы, Михаил Иванович, — задумчиво проговорил Уманский, выслушав Багрянцева. — И я рад, что мнения наши совпадают. Признаться, вопрос об охране аэродрома меня волнует...

Вскоре после нашего разговора с командиром над аэродромом появилась четверка МЕ-109. Словно

коршуны, высаживающие добычу, вражеские самолеты делали круг за кругом. Это, несомненно, были разведчики. Не приняв боя с нашими стремительно взмывшими ввысь истребителями, они ушли восьмояси.

Было ясно, что гитлеровские авиаторы заинтересовались нашей новой техникой. Уже на другой день над Ропшой появился небольшой одномоторный фашистский самолет «Хеншель-126», охраняемый шестеркой истребителей. По-видимому, в его задачу входило корректировать огонь немецких артиллерийских батарей, нацеленных на наши стоянки. Медлить было нельзя. Взлетела ракета, и наше дежурное звено (Костылев, Киров и я) поднялось в воздух.

Бой был недолгим, но тяжелым. «Хеншель» скрылся в облаках и больше не появлялся. А истребители, почувствовав свое двойное превосходство, охотно вступили с нами в бой. Но уже через пятнадцать минут два из них были сбиты. Остальные, воспользовавшись облачностью, вышли из боя.

Когда мы приземлились, адъютант объявил мне и Кирову, что после заправки самолетов нам предстоит дежурить по прикрытию аэродрома. Багрянцева, Костылева, Солдатова, Тенюгина, Широбокова и Семенова вызвал командир. Позже товарищи рассказали нам, о чем шла речь в штабной землянке.

Прежде всего командир разъяснил собравшимся обстановку, сложившуюся на нашем участке фронта. Немцы бросали в бой все новые силы. Понимав, что наша авиация ослабела, танки и самоходные орудия, колонны солдат противника шли в открытую даже днем. Наша штурмовая и бомбардировочная авиация, действуя уже с аэродромов, не оставалась на земле ни одной лишней минуты. Но сил не хватало. И задача уничтожения вражеских танков была поставлена также перед истребителями ЛАГГ-3.

Услышав об этом, Багрянцев удивился:

— Не понимаю. Какой вред может причинить двадцатимиллиметровый снарядик самолетной пушки современному танку? Это слону дробина! Пушка-то у нас не противотанковая...

Капитан Уманский выслушал Багрянцева, затем встал из-за стола:

— Это приказ, и не выполнить его мы не имеем права. По самолетам, товарищи!..

И вот семерка ЛАГГ-3, возглавляемая капитаном Уманским, ушла в воздух. Цель — танковая колонна немцев на дороге, идущей в район Ропши. Через сорок минут истребители возвратились. Но возвратились лишь Багрянцев, Костылев, Семенев и Широбоков. Не было капитана Уманского, старшего лейтенанта Солдатова и младшего лейтенанта Тенюгина.

Танковую колонну, которую атаковала семерка советских самолетов, прикрывала большая группа вражеских истребителей. С большим трудом прорвались наши товарищи сквозь этот заслон. Стреляя по колонне из пушек и пулеметов, они сделали только один заход, да и то неполным составом. Самолет старшего лейтенанта Солдатова, подбитый огнем зенитной артиллерии, не достиг цели. Он развернулся и, дымя мотором, ушел к линии фронта.

У фашистских летчиков было преимущество в высоте и численности. Они набросились на нашу шестерку со всех сторон. Поврежденные во время штурмовки огнем зенитных автоматов, самолеты Уманского и Тенюгина не могли выдержать длительного боя. Капитан Уманский вскоре выбросился на парашюте над территорией, занятой противником. Тенюгин еще некоторое время сражался вместе с товарищами. Пятеро против восемнадцати! Не имея больше возможности атаковать танки, возглавивший группу Багрянцев дал сигнал нашим истребителям отходить к линии фронта. Тенюгин набрал высоту, чтобы, если остановится двигатель, спланировать к своим. Четверка «мессершмиттов» бросилась за ним. Отважный летчик вступил в неравный бой, и уже через несколько секунд один из вражеских стервятников загорелся. Остальные с яростью атаковали Владимира Тенюгина. Когда поврежденный зенитным снарядом мотор его машины остановился, Тенюгин выбросился из самолета на парашюте. Осатаневшие от неудачи гитлеровцы расстреляли его в воздухе. При этом они сделали по два захода каждый.

Как это ни горько, друзья не смогли помочь Тенюгину. Они были скованы боем с остальными «мессершмиттами». Правда, Борис Семенов сделал попытку выручить попавшего в беду товарища, но должен был принять бой с тремя вражескими самолетами. Семенову пришлось вертеться юлой, чтобы держать в поле зрения каждого из своих противников. В таких случаях

летчику, как говорится, мало двух глаз, а у Семенова был только один...

Перед войной Борис Семенов испытывал новые самолеты. Во время съемки фильма «Чкалов» кинематографисты попросили его проделать на самолете И-16 каскад фигур высшего пилотажа. Приземляясь после этого полета, самолет согласно сценарию должен был скапотировать, то есть перевернуться через мотор «на спину», потерпеть аварию. Создатели фильма готовились отснять этот момент, переворачивая с помощью специальных тросов стоящий на земле самолет. Но Семенов и в самом деле потерпел аварию. Конечно же, это была случайность. Во время торможения колеса самолета были так «схватчены» колодками, что машина помимо воли летчика встала на нос и перевернулась. Человек высокого роста, Семенов пригнулся, но при этом ударился о ручку управления и лишился правого глаза.

Борис Семенов обладал большим опытом, великолепным профессиональным мастерством. Он не был отстранен от полетов. Больше того, когда началась война, он добился, чтобы его перевели на фронт. Командующий авиацией Военно-Морского Флота удовлетворил просьбу Семенова. Он стал воевать.

В бою, о котором здесь идет речь, Борис Иванович сделал все возможное, чтобы прикрыть отход Тенюгина. Но обстановка была такой тяжелой и сложной, что даже Семенову это не удалось.

Уже на аэродроме мы узнали, что Алексей Солдатов был ранен, но дотянул до линии фронта и произвел посадку на фюзеляж в расположении наших войск.

Вечером летчики собрались, чтобы по обычаяю помянуть горькой чаркой погибших товарищей. Потерять сразу троих — такого у нас еще не было. Жестокость, с какой фашистские летчики расстреляли Тенюгина, заставила каждого задуматься о многом.

— Не люблю понедельника! — сказал вдруг Багрянцев. — Тяжелый день. Я еще утром подумал, не случилось бы чего...

Но причиной беды был, конечно, не понедельник. По моим представлениям, группа, потеряв командира, действовала недостаточно собранно, хотя дрались все мои товарищи геройски. Кто мог знать, что и завтрашний день, вторник, будет необычайно трудным? И кто

мог знать, что за ужином мы опять помолчим и так же, как накануне, не чокаясь, выпьем свои сто граммов, поминая уже самого Михаила Ивановича Багрянцева?..

Никто, никто не мог предвидеть всего, что готовил нам грядущий день.

А пока машина доставила нас в Низино. Каждый устал и жаждал отдыха. Постели Уманского, Тенюгина и Солдатова остались нетронутыми на ночь. Володина койка стояла рядом с моей, и я в тот вечерний час особенно остро ощутил потерю друга. Человеком он был молчаливым, а накануне, ложась спать, вдруг разговаривался, не очень бойко, конечно, а так, задумчиво, что называется, под настроение. Уже свет погас и товарищи наши спали, а Володя Тенюгин все рассказывал мне шепотом про свой Осташков, про Селигер, вспоминал о своей маме Елизавете Федоровне, об отце.

— Батя мой,— говорил он,— строгий и вольностей мне не давал. Но быть никогда не был меня, что бы я ни натворил. Все, бывало, старался внушить мне, как я должен себя вести...

Потом Володя подвинулся на край кровати, чтобы быть поближе ко мне.

— А знаешь,— доверительно зашептал он.— Вот кончится война — я тоже женюсь. Девушка у меня в Осташкове.— Он помолчал и добавил мечтательно: — Хорошая!..

Раньше Тенюгин никогда не говорил мне об этом, но ребята знали, что фото девушки он хранит под обложкой своего комсомольского билета.

Не возвратился в Осташков к своей девушке Володя Тенюгин. Но, если ей доведется прочесть мою книгу, пусть она знает: эти строки написаны для нее...

Мало спал я в ту ночь. Думал о Володе. Думал об Уманском. У Исаака Марковича, как мне было известно, осталась где-то семья — жена и маленькая дочурка.

Что еще я знал об Уманском? Знал, что до прихода к нам он командовал второй эскадрильей нашего полка, на вооружении которой были истребители МИГ-3. Знал, что Исаак Маркович окончил Одесскую школу военных пилотов еще в 1930 году. В прошлом слесарь харьковского завода «Серп и молот», он стал авиатором, опытным командиром. Еще во время военного конфликта с Финляндией Уманский был награжден двумя боевыми орденами...

Я лежал с открытыми глазами и вспоминал, вспоминал... За окном была глубокая ночь. Только ровные шаги часового нарушали опустившуюся на Низино тишину. Я невольно подумал, что это по предложению Уманского усилены посты на аэродроме и здесь, возле нашего фронтового жилья. Да, капитан был внимательным, заботливым командиром, хотя с виду казался сердитым и неприветливым. В памяти всплыл день, когда он пришел в нашу эскадрилью. Пришел, накоротке собрал служебное совещание и уже начал было говорить. Но тут я возвышился и спросил что-то у Костылева. И не успел еще он ответить мне, как до меня донеслось:

— Товарищ Каберов, когда говорит командир, подчиненные слушают.

Я встал.

— Садитесь,— сказал капитан.

Совещание продолжалось. Между тем я, нахохлясь, разглядывал нового командира с явным желанием найти в нем что-нибудь этакое, отрицательное. Но найти мне не удалось. Уже тогда он произвел на меня впечатление очень сдержанного, дорожащего временем, аккуратного человека. Глаза его глядели строго, с прищуром. Щеки и подбородок были гладко прорыты. Пуговицы на кителе сияли. Свежий подворотничок ровной полоской охватывал сильную шею. На груди поблескивали ордена. Поглядел я на него пристально и вдруг поймал себя на том, что шарю ладонью у себя по подбородку (хорошо ли побрит?). Пошарил и успокоился: вроде бы ничего. Потом незаметно потер рукавом пуговицы на кителе...

Между тем совещание подошло к концу. Капитан посмотрел на часы:

— Прошу всех поставить командирское время. Сейчас шестнадцать часов и ровно... двадцать одна минута.

О том, что есть «командирское время», я, признаюсь, услышал тогда впервые. Меня несколько удивило, что Уманский считает свои часы самыми точными в эскадрилье. Проверить, так ли это, мне не привелось. Но что сам он человек исключительной пунктуальности — в этом я успел убедиться. А главное, мне захотелось подражать ему. Тогда же, после проведенного им первого совещания, я с особой тщательностью привел в порядок свое обмундирование. Да и не только я...

Началось вроде бы с мелочей, но и это было важно. Мы стали перенимать у командира все то лучшее, что было ему свойственно. Боевое умение, собранность, решительность, дисциплинированность капитана Уманского становились нашими чертами.

И вот его не стало среди нас. Причем никто не знал, где командир приземлился. Хотелось верить, что он не погиб. Хотелось верить...

Утром нас подняли рано. И опять первой мыслью было: «Тенюгин... Уманский...»

— Что вздыхаешь, Игорек? — ко мне подошел Костылев. — Теперь их уже не воскресишь. Разве что Уманский...

Мы умылись и поспешили к машине. Утро было прохладное. Я накинул на себя реглан и сел в уголок возле кабинки. Тут меньше трясло. «Кто же теперь будет нашим командиром? — думал я. — Халдеев пока лишь лейтенант, и его вряд ли назначат. К тому же, он все еще не возвратился в эскадрилью. Может быть, Михаил Иванович?»

Едва мы подъехали к аэродромной землянке и спрыгнули с машины, как два фашистских истребителя МЕ-109 на огромной скорости и предельно малой высоте пронеслись над нашей стоянкой. Затем они набрали высоту и стали кружить над нами. Багрянцев поспешил к своему самолету и поднялся в воздух. За ним последовал Широбоков. Нам с Костылевым было приказано остаться на земле. Не успели Багрянцев и Широбоков набрать нужную высоту, как фашисты напали на них сверху. Завязался ожесточенный бой. Соседняя эскадрилья послала на помочь нашим товарищам два истребителя МИГ-3. Но едва они подошли к месту боя, как появилась вторая пара немецких истребителей. Атакуя одного из фашистов, Михаил Иванович попал под огонь ведущего этой второй пары. Самолет Багрянцева вспыхнул и, вращаясь, пошел к земле. Техники и наш врач на автостартере помчались к месту катастрофы.

Вскоре они вернулись. Врач достал из машины что-то сложенное в обгорелый комбинезон.

Мы обнажили головы...

Вечером я проходил мимо самолетного ящика. На двери его было мелко написано карандашом: «Здесь с 22 июня по 9 сентября 1941 года жило звено старшего лейтенанта Багрянцева. Все погибли».

БОИ С УТРА ДО ВЕЧЕРА

а рассвете 10 сентября 1941 года машина быстрее, чем обычно, мчала нас на аэродром. Небо в районе Ропши и Красногвардейска высвечивали красные сполохи вражеского артогня. Вспышки недальних орудийных выстрелов — что-то вроде световой морзянки — то на миг, то на несколько секунд освещали пики елей.

Наконец сидевший рядом с шофером лейтенант Халдеев (накануне вечером он прилетел к нам и вскоре принял эскадрилью) остановил машину. Выйдя из кабинки, он прислушался. Все мы тоже встревоженно слушали. Гул отдаленной артиллерийской канонады и грохот близкой орудийной стрельбы не умолкали. Сомнений не было — гитлеровцы предприняли новое наступление на Ленинград.

Снаряды рвались где-то за аэродромом. Халдеев снова сел в кабину, и машина, подпрыгивая на выбоинах, помчалась вперед.

— Да, работенка сегодня будет! — ни к кому не обращаясь, сказал незнакомый мне летчик (он спал минувшую ночь у нас на койке Багрянцева). Ему никто не ответил. Все думали о том, что прорыв фашистов в районе Ропши мог произойти в любое время. Было ясно, что враг стремится выйти к Финскому заливу, чтобы, наступая вдоль берега, прорваться к Ленинграду.

Вскоре мы приехали на аэродром. Это был наш боевой рубеж. Новый командир эскадрильи Володя Халдеев спокойно и деловито выполнял свои непростые обязанности. Казалось, будто он всегда был нашим командиром. Ему помогал комиссар. Невысокого роста, живой, энергичный человек, Исакович, не будучи летчиком, очень многое делал для повышения боеготовности эскадрильи. Володе было на кого опереться в любом деле.

Задача, которая стояла перед нами в тот сентябрьский день, была сформулирована так: «Работать по при-

крытию войск в районе Красногвардейск — Красное Село».

Первыми поднялись в воздух шесть истребителей МИГ-3 соседней эскадрильи. Возвратились на родной аэродром лишь четверо. Затем наступила наша очередь. Ушли на задание Халдеев, Широбоков, Киров и новый летчик Мясников (тот, что прилетел к нам накануне на истребителе ЯК-1). Мне и Костылеву досталось дежурить сидя в самолетах.

Едва я занял свое место в кабине, как ко мне подошел Грицаенко:

— Как думаете — что с теми двумя?

Что я мог ему ответить? Александр Николаевич опустил глаза, помолчал. Потом он вынул из кармана комбинезона чистый носовой платок, протер им и без того чистое стекло прицела, козырек кабины и, похлопав ладонью по капоту, сказал:

— Машина не подведет, товарищ командир...

Я хотел было поблагодарить техника, но в это время до нас донесся нарастающий гул моторов.

— «Мессера»! — крикнул Грицаенко и почему-то присел на корточки. На огромной скорости пронеслись над нашими головами четыре фашистских истребителя.

Не ожидая команды, мы с Егором запускаем моторы и уходим в воздух. Конечно, это опасно. Пока ты не набрал высоту и не можешь маневрировать, твой истребитель, попросту говоря, представляет собой мишень. Но что же делать? Сидеть и ждать, когда «мессера» подожгут твой самолет на земле? Нет, в воздух, и как можно быстрей!..

Гитлеровцы почему-то не тронули нас на взлете. Возможно, это была самонадеянность. Дескать, четверо с двумя и так справятся. Но двадцать минут тяжелого боя не принесли фашистским летчикам победы. Мы устали, но и им пришлось попотеть. Как ни опытны, как ни сильны были эти фашистские вояки, им ничего не осталось, как уйти несолено хлебавши.

Мы с Егором посадили наши самолеты и с трудом покинули кабины. Болела каждая мышца. Тут же приземлилась вся наша четверка: три ЛАГГа и ЯК. Ребята вели бой против десяти вражеских истребителей. При этом Широбоков сбил МЕ-109. На земле он тотчас же с увлечением начал рассказывать возглавлявшему

группу Володе Халдееву, как было дело. Получалось, что это был не бой, а веселая игра в кошки-мышки.

— Но ты тоже хорош, друг ситный! — снимая с головы шлемофон, с улыбочкой подошел к Широбокову наш новичок Мясников. — В бой идешь, а «ноги» за тебя кто убирать будет?

— Что же я сделаю, если стойка выпадает! — стал оправдываться Широбоков. — Нажимаю кнопку — убралась. Кнопка выскочила — и стойка выпала. Что ни делал — никак. Так с одной «ногой» и летал.

— Вот-вот, ты летал, а мы из-под тебя едва успевали выбивать «мессершмитты»...

Широбоков виновато потупился.

— Ничего-ничего, ты все же молодец, — Мясников улыбнулся. — Смелый парень. И «мессершмитт» сбил красиво. Вы заметили, товарищ командир? — обратился он к Халдееву. — Едва этот «мессер» загорелся, как фашисты тут же закончили бой.

Халдеев молча кивнул головой. Он был явно смущен тем, что Мясников назвал его командиром. Наш новый товарищ был старше Володи по возрасту и по званию.

Адъютант эскадрильи Аниканов, чтобы не затруднить летчиков, принес из землянки журнал боевых действий, развернул его на крыле истребителя, как на столе, и стал записывать результаты боя. Без писаря хлопот у адъютанта прибавилось. Дело в том, что Женя Дук во время вражеского налета на Низино получил тяжелую контузию. Пришлось отправить его в госпиталь.

А небо вновь прорезала сигнальная ракета. Вслед за Костылевым и Халдеевым я поднимаюсь в воздух. Под нами Красное Село, Пушкин. Бой идет на окраине Пушкина. А ведь отсюда всего двадцать километров до Ленинграда. Красногвардейск захвачен фашистами. Над ним разгорелась воздушная схватка. Наши армейские истребители перехватили группу пикировщиков Ю-87. Внимательно наблюдаем за боем. Отходить от своего объекта нам строжайше запрещено.

И вдруг откуда ни возьмись разведчик и корректировщик «Хеншель-126». Старый знакомый! Халдеев готовится атаковать «хеншеля», но сам становится объектом атаки пары «мессершмиттов». Хочу помочь ему, но разворачиваться некогда, и я бросаю свой истребитель

в промежуток между самолетом Халдеева и «мессершмиттами». Очередь, предназначенная для Халдеева, ударяет по хвосту моего самолета. Машина вздрогивает, но по-прежнему слушается рулей. А «хеншель» успевает увернуться от атаки, и Халдеев делает над ним «горку».

Попытка Костылева атаковать «хеншель» тоже не приносит успеха. Он вынужден вступить в бой со второй парой «мессершмиттов».

Между тем по радио звучит обращенное к нам требование: «Уничтожить корректировщик!» Но «хеншель» очень маневренная машина, и сбить его нелегко. Со стороны солнца нас атакуют еще четыре фашистских истребителя. Теперь их уже восемь, а нас всего трое. Халдеев уходит. За его самолетом тянется черный дымный след.

— Что с тобой, Володя? — кричит Егор.

— Ничего, нормально, дотяну! — отвечает Халдеев.

Но машина его почему-то перевертывается через крыло и, закручивая штопором тянувшийся за ней дым, направляется в сторону окруженного «мессершмиттами» корректировщика. Впечатление такое, что Халдеева сбили. Но он совершает неожиданный маневр. Огненная трасса пронизывает «хеншель». Вражеская машина вспыхивает и, словно дымящая головня, идет к земле.

Фашистов охватывает замешательство. «Мессершмитты» зачем-то уходят вверх. Халдеев исчезает на фоне задымленной ленинградской земли. Только огненный комок «хеншеля» все еще виден.

Задача выполнена. Мы направляемся домой. А на встречу нам со стороны Ленинграда идут восемь истребителей И-15-бис, старых, доживающих свой век самолетов, прозванных на фронте «королями». Как бы там ни было, фашистские летчики боятся «королей» как огня. Еще бы! Ведь каждый из них несет под крылом восемь реактивных снарядов. Несладко придется тому, кто попадет под огонь этой воздушной артиллерийской батареи.

— Привет, орлы! — кричит по радио Егор. — Спасибо за помощь!

Но у «королей» нет радио, и наши приветы остаются за бортом.

Приземлившись на аэродроме, мы заруливаем, выбираемся из кабин и видим Халдеева. Оказывается, он уже дома.

- Ну как? — подходит к нему Егор. — Не ранен?
- Нет.
- А машина?
- Пустяки, на час работы.
- Мы поздравляем Халдеева с победой.
- Он отмахивается:
- Да ну что вы! Я бил уже подбитого. Так что здесь мы все трое поработали.
- Не скромничай, не скромничай, — говорит Егор и вдруг поворачивается ко мне: — А вот этому сорванцу я бы нарывал уши.
- За что?
- Чтобы под пули не лез.
- А я и не лез.
- Ну-ка, — он поворачивается к самолету, — сколько дыр-то в машине?
- Четыре! — говорит Грицаенко.
- Обед стынет, ребята! — вдруг взлетает над шумом стоянки звонкий девичий голос.
- Ну что ж, не грешно и перекусить, — отзыается Халдеев и смотрит на часы: — Рановато вроде бы. Но коль уж Шурочки к нам приехала...
- Ныряем под брезент палатки, и здесь ожидает нас приятная неожиданность. Пахнет грибами. Откуда им было взяться? Ведь отсюда до грибного леса далеко — он почти у самой линии фронта. Но это не испугало Шурочку. Оказывается, она утром побывала в лесу — и вот, пожалуйста, грибной суп!
- К таким бы грибкам да по фронтовой! — тянет Егор.
- Но в этот момент в палатку просовывает голову мой техник Грицаенко:
- Командир, три «юнкерса» без истребителей сбросили бомбы на Стрельну и разворачиваются к нам!
- Грибной суп остается на столе. Мы опять в воздухе. Машина Халдеева в ремонте. Поэтому третьим с нами летит Киров.
- Набираем высоту. Фашистские летчики, должно быть, видят нас. Не случайно «юнкеры» поворачивают от аэродрома в сторону Гатчины. Тут двое из них идут со снижением, а один набирает высоту, явно рассчитывая войти в грозовое облако, гигантской мохнатой шапкой нависшее над южной границей нашего аэродрома.

Костылев приказывает мне перехватить этот «юнкерс», а сам вместе с Кировым уходит в погоню за двумя другими.

Вражеский бомбардировщик был уже у самого края облака. Я догнал его и поймал в прицел. Но тут мрачная, клубящаяся туча проглотила «юнкерс», а в следующую секунду и меня.

Машину мою сильно тряхнуло, подкинуло. Мокрый снег залепил козырек кабины. Ни земли, ни неба не было видно. Стало темно как ночью. Пришлось пилотировать по приборам.

Вести самолет сквозь грозовые облака очень опасно. Бушующие в них восходящие и нисходящие потоки могут в мгновение превратить машину в груду щепок. Но у гитлеровца не было другого выхода. Преследуя его, я тоже вынужден был войти в грозовое облако. Правда, нижняя кромка его не так опасна, как центр, но и здесь ощущалась достаточно сильная болтанка. Я с трудом удерживал самолет в нужном положении.

Меня охватила тревога. Мой самолет шел быстрее, чем «юнкерс». Значит, вражеский бомбардировщик был где-то рядом. Стремясь избежать столкновения с ним, я убрал газ и стал напряженно вглядываться в непроницаемое для взора пространство. Неожиданно огненная трасса прорезала мрак чуть впереди и левее моего самолета. Я резко бросил машину в сторону. Теперь мне было видно, откуда был вражеский пулемет. Смутно прорисовывались контуры огромного бомбардировщика. До него было не более тридцати метров.

Болтанка усилилась. Фашистский стрелок, видимо, потерял меня, но продолжал вести огонь наугад не переставая. Мне это было на руку. Я видел цель и ударил по ней наверняка.

«Юнкерс» вспыхнул и начал падать. Немного выждав, чтобы не столкнуться с ним, я бросил свою машину вниз. Вскоре яркий дневной свет ударили мне в глаза. Я осмотрелся. Бомбардировщик неудержимо шел к земле. Еще несколько секунд, и он упал прямо на дорогу, ведущую из Стрельны в Ропшу. Высоко над землей взметнулся гигантский столб огня и дыма.

— Вот так, фашист! — кричу я из кабины. — Привет из Низина!..

Невыразимая радость охватывает меня. Ах, как хочется, чтобы кто-либо из друзей увидел, как горит

сбитый мной «юнкерс»! Но ни Костылева, ни Кирова нет поблизости. Утешаю себя тем, что за воздушным боем наверняка следили с аэродрома. Горящий бомбардировщик упал в каких-нибудь двух-трех километрах от Низина.

Кружу, ищу товарищев, но пока что не вижу их. На всякий случай набираю высоту. Красное Село, Пушкин, Красный Бор... Там все горит, все в дыму... Там — фронт...

Мне кажется, что воевать на земле намного сложней и тяжелей, чем в воздухе. Невольно задумываюсь об отце, о братьях Юре и Боре. Всем им привелось воевать на земле. Помню, как в 1939 году добивался Борис, чтобы его взяли в батальон лыжных разведчиков (шли бои на Карельском перешейке). И добился-таки своего: А пришел домой с войны — полы шинели осколками иссечены, каска (командир разрешил взять ее с собой на память) пулей просверлена.

Где он теперь, Борька? Последнюю весточку гордо подписал: «Твой брат, курсант Чкаловского авиационного училища Борис Каберов». Да еще три восклицательных знака поставил. Знай, мол, с кем имеешь дело!..

Воспоминания воспоминаниями, но где же Костылев и Киров? Может быть, уже возвратились на аэродром? Едва я подумал об этом, как подо мной пронеслась пара истребителей. Вот они! Я пристраиваюсь к друзьям, показываю Костылеву на догорающий «юнкерс».

— Молодец! Вижу. Чистая работа! — говорит он. — Наши тоже оба «отдыхают» в районе Красного Села...

На аэродроме техники обступают нас, начинают рассказывать, как выглядел с земли воздушный бой, как падал горящий «юнкерс». Егор уходит на доклад к командиру, и все улыбки друзей, их теплые рукопожатия достаются нам с Кировым. Товарищ мой, как всегда, молчит. Он бы мог рассказать, как сбитая им двухмоторная вражеская машина рухнула на изрытую бомбами и снарядами ленинградскую землю. Но Федор Иванович (все в эскадрилье зовут его по имени-отчеству) не любит похвальбы. Придумав, будто ему надо в землянку, он уходит. Техники принимаются за меня одного:

— Как это вы сбили его, в туче-то? Там же ничего не видно.

— Значит, видно! — с гордостью говорит Грицаенко, направляя самолет.

— Наш командир морковь с детства обожает. А от нее, говорят, человек в темноте видит, как кошка,— шутит моторист Алферов.

Подходят комиссар Исакович и новый летчик Мясников. Звенит голос Шурочки:

— Товарищ лейтенант, а где Федор Иванович? Грибы-то остыли...

После обеда командир приказывает Костылеву, Кирову, Семенову и мне подняться на прикрытие войск в районе Красного Села. Не мешкая взлетаем, набираем высоту, выходим в заданный район, а там туча фашистских истребителей. Прикрывая свои войска, они двумя группами — одна выше, другая ниже — ходят вдоль линии фронта. У них два десятка машин, а нас только четверо. Почти сорок минут длится этот очень тяжелый неравный бой. Только с помощью армейских истребителей, которые пришли нам на смену, нашей четверке удается оторваться от этой фашистской своры.

На земле, покинув кабину, я почувствовал, что чертовски устал. Земля уходила из-под ног, словно палуба попавшего в шторм корабля. Моих товарищей тоже умотало. Костылев и Киров тут же «приняли горизонтальное положение» и уснули на куртках, расстеленных техником Линником. Вместо Костылева докладывать в штабе о результатах боя пришлось мне. Вскоре я возвратился к самолетам. В сторонке от спящих товарищей сидел Борис Семенов. Застенчиво отворачиваясь от меня, он протирал свой стеклянный глаз. И снова я невольно подумал о том, как тяжело этому человеку боеваться. Тяжело, но он не жалуется. Мы стараемся оберегать его в бою. Он знает об этом и переживает, будто в чем-то виноват перед нами.

Борис закурил. Я сел рядом с ним. Мы помолчали, а потом прилегли на траву. Как я задремал, не помню. Уже сквозь сон услышал чей-то крик:

— «Юнкерс»! Командир, «юнкерс»!

Открыв глаза, я сбросил с себя куртку, которой укрыл меня Алферов.

— Что такое?

— «Юнкерс» над аэродромом, товарищ командир!..

Бросаюсь к самолету. Грицаенко закрывает последние замки верхнего капота, а они почему-то не закрываются.

— Быстрее, Саша! — тороплю я техника. — А то ведь уйдет «юнкерс»...

Закрыв последний замок, Грицаенко ударяет ладонью по капоту и спрыгивает со стремянки. Я отрываюсь от земли, стремительно набираю высоту. Следом взлетает Мясников на своем ЯКе. Между тем «юнкерс», что называется, дает ходу.

— Догоняй, а то уйдет! — кричит Мясников.

— Не уйдет!..

Еще несколько мгновений — и «юнкерс» будет сбит. Но тут происходит непонятное. Мой самолет сотрясается от неожиданного удара. Такое впечатление, будто на него что-то упало. Я инстинктивно ныряю с головой в кабину. Разгибаюсь. В чем дело? Оказывается, сорван моторный капот. Сорван не совсем. Он держится на задних замках и, поднятый встречным потоком воздуха, накрывает почти всю кабину. Я лишен обзора. Ничего не вижу ни впереди, ни вверху. Кое-что различаю слева и справа. Остальное пространство закрывают крылья. Выходит, поторопил техника на свою голову. Отворачиваю в сторону и по радио объясняю Мясникову, что со мной произошло. В ответ слышу:

— Уходите на посадку, я вас прикрою. «Юнкерс» ушел, веду бой с четырьмя истребителями.

Я пытаюсь поднять злополучный капот, но бесполезно. Под напором воздушного потока он плотно закрывает кабину. Мне теперь даже не покинуть ее. Вижу сквозь узкую щель слева, как мимо моего самолета проносится «мессершмитт». Бросаю истребитель в сторону и пикирую. Мельком вижу Петергофский парк. На развороте схватываю глазом кусочек Финского залива. Аэродром должен быть впереди. Выпускаю шасси. Лечу почти вслепую. А где-то рядом «мессершмитты». А где-то рядом Мясников — один против четверых фашистов.

Чтобы уменьшить скорость, выпускаю щитки. Вижу сбоку наши ангары. Доворачиваю и планирую. Верчу головой то влево, то вправо. Каждый нерв, каждый мускул напряжены до предела. Снижаюсь. Земля рядом. Вот слева промелькнула водонапорная башня. Выходит, что я захожу под углом к старту. Впереди должна быть стоянка первой эскадрильи. Но исправить что-либо уже невозможно, и я убираю газ. Самолет у самой земли, а в шлемофоне звучит голос Мясникова:

— Садитесь быстрее, Каберов, быстрее!.. Они пикируют, ничего нельзя сделать!..

Малейшая ошибка — и все будет кончено. Но самолет ударяется колесами о землю и «делает козла». Работаю рулями вслепую. Еще удар, но уже слабее, еще «козел». И вот уже самолет катится по земле, а куда — не вижу. Торложу, торможу. Только бы не врезаться во что-нибудь. Наконец, остановился...

Быстро отстегиваю ремни, откидываю этот дьявольский капот и одним махом выскакиваю из кабинки. Между тем «мессершмитт» уже нацелился ударить по моей машине. Отбегаю в сторону и падаю в траву. Вражеский истребитель дает очередь, и снаряды вспахивают землю перед самолетом.

— Мазила! — зло кричу я. — Стрелять-то надо уметь!..

Но сзади пикирует второй, а за ним третий истребитель. Я отползаю в сторону. Второй, к моему удивлению, дает очередь по первому. Так ведь это же Мясников стреляет по фашисту! Но Мясникова, в свою очередь, атакует «мессершмитт».

Вскакиваю с земли, пулей влетаю в кабину, включаю передатчик:

— Мясников, сзади сто девятый!..

ЯК мгновенно разворачивается, да так круто, что фашистский истребитель, не успев открыть огонь, делает «горку» и уходит свечой в небо. «Мессершмитт», по которому Мясников уже ударили, дымит и, как говорится, убирается восьмаями.

Бой закончен. Небо очистилось. ЯК выпускает шасси и заходит на посадку. Я подруливаю к стоянке, и мой самолет окружают техники. Подходит инженер Сергеев. Подходит темнее тучи. Молча поднимает капот, пытается смотреть из-под него, сидя в кабине.

— Надо было Грицаенко посадить в самолет, и пусть бы он там покрутился вслепую, — говорит мне Сергеев.

— Тут и моя вина, товарищ инженер. Это я поторопил техника.

Сергеев угрюмо сводит колючие пучки своих белесых бровей.

— За такое безобразие, товарищ Каберов, в ответе мы, техники. Парадка, выходит, нет. — Он поворачивается к Грицаенко: — Чтобы через двадцать минут самолет был в строю! Вот так...

Посадив свой ЯК, Мясников устало выбирается из кабинки, снимает шлемофон, приглаживает волосы, рукавом стирает пот с лица и подходит к нам. Разглядывая закинутый на кабину капот, покачивает головой:

— Бывает же такое! Как вы сели-то?

— С вашей помощью, товарищ старший лейтенант. Спасибо вам. А что не сломал самолет, так ведь это от его конструкции зависит. И-16 такую посадку ни за что бы не простили.

— Да, «ишаечок» — строгая машина, — соглашается Александр Федорович. — А вы на ЯКе никогда не летали? Исключительно простой. Проще ЛАГГа.

Смотрю я на Мясникова и думаю: «До чего же хороший, душевный человек!»

— Как вам удалось одному задержать четверку «мессеров»? — спрашивая я у него. — Да еще и меня прикрывали.

— Это мой «якушка» такой резвый, — говорит он, поглядывая на самолет. — До этого мы на «чайках» летали. Вот уж на той этажерке мне бы это не удалось. Слетаешь как-нибудь на ЯКе, сам скажешь: «Не самолет — мечта!»

Мясников незаметно для себя стал говорить мне «ты». Теперь мне с ним стало совсем легко и просто. Мы не спеша пошли к землянке. Я спросил у Мясникова, чем он занимался до призыва в армию.

— Счетоводом был, — сказал он, ничуть не удивившись моему вопросу.

— А потом сразу в летную школу?

— Нет, сначала в пехотное училище.

— Где?

— В Ленинграде.

— Вот как? Мой брат Юрий окончил это училище в тридцать девятом году.

— А где он теперь?

— Погиб на финской...

Я вспомнил, что бывал в главном корпусе училища, навещая брата в бытность его курсантом. Это напротив Гостиного двора, на Садовой улице.

— А я окончил это училище в тридцать третьем году, — отозвался Александр Федорович. Он стал рассказывать о курсантских днях своей жизни, о классных занятиях и о пешем переходе в Новгород.

Я остановился.

— Вы бывали в Новгороде?

— Так я же новгородец. Из Мошенского района. Деревня Овинец. А что?

Тут уж я рассказал, что до войны работал в новгородском аэроклубе инструктором и что оттуда уехал в Ейское летное училище.

— Это что же? Выходит, мы с тобой кругом земляки! — воскликнул Мясников. — Летнююто я тоже в Ейске окончил. — И он подал мне руку: — Будем друзьями! А за помочь спасибо. Я действительно не видел этого второго «мессера».

Мы вошли в землянку. В ней было шумно. Обычно молчаливый, уравновешенный человек, Халдеев ругался с кем-то по телефону:

— Да у меня всего семь летчиков в строю. Понимаешь?.. Трое на задании, четверка на земле, заправляется... Что? На незаправленных — в готовность?.. Вы что там с ума посходили?!

Лицо Халдеева покраснело, брови сошлись к переносице, в глазах, казалось, сверкали молнии.

— Какие штурмовики?.. Куда?.. На сопровождение?.. Шестерку? И еще пару в воздух?!. Да вы арифметику-то знаете или нет?..

Он бросил трубку и вышел из землянки. Мы последовали за ним. Над аэродромом опять завязался бой. Четверка И-16 сражалась с четверкой МЕ-109. Немедленно поднялись в воздух два МИГа. Кроме того, наша тройка — Костылев, Киров, Широбоков, — возвращаясь с задания, решила помочь «ишачкам». Фашисты тотчас вышли из боя...

Мы с Халдеевым и Мясниковым снова сидим в кабинах. Уже ставшее привычным дежурство. С ЯКа Мясникова еще сняты капоты: идет пополнение боекомплекта, устранение каких-то неисправностей.

Неожиданно к самолету Халдеева подбегает Анисаков:

— Вот они, товарищ командир!.. Над заливом идут...

— Кто?

— Штурмовики. Вы, Мясников и Каберов идете на прикрытие штурмовиков.

— А прикрытие аэродрома?

— Уже не надо... Запускайте скорее!..

Поднимаемся мы с Халдеевым. Мясников остается на земле из-за какой-то неисправности самолета.

Догоняем штурмовики, пристраиваемся. Семерка ИЛ-2 идет под прикрытием четырех И-16 и двух ЯК-1. По номерам на фюзеляжах видим, что это армейские самолеты. Куда они идут, мы не знаем. Радиосвязь установить не удается. Халдеев передает мне, что у армейцев радиостанции настроены на другую частоту. «Странно,— думаю я.— Задача одна, а частоты разные. Зачем тогда радио?»

В районе Красного Села на нас наваливаются две-надцать истребителей МЕ-109. Штурмовики идут на цель, «шишки» следуют за ними, а мы опять в драку. Нас четверо: два армейских ЯКа и мы с Халдеевым. Связи между парами нет. На земле полыхают пожары. Где же штурмовики и что они делают? Этого мы не видим. Четверка «мессеров» все же увязалась за ними. Восьмерка ведет бой с нами.

Через двадцать минут безрезультатного боя ЯКи начинают оттягиваться к Ленинграду. Мы идем за ними. «Мессершмитты», словно осы, не отстают от нас. Под нами уже Горелово. Рукой подать до Ленинграда. И тут один из ЯКов загорается и падает. Выпрыгнул ли летчик, проследить не удается. А фашисты делятся на две группы. Четверка уходит вверх, другая начинает бой на виражах. Один из «мессеров» пытается зайти мне в хвост. Но я разворачиваюсь так круто, что оказываюсь в выгодном положении. Вражеский истребитель делает «горку» и уходит ввысь. «Не вышло, гад! Нас на вираже не возьмешь!»

Все же и мне, и моим товарищам приходится тяжеловато. Но откуда ни возьмись нам на помощь опять приходят «короли» воздуха (истребители И-15-бис) с их реактивными снарядами. «Мессершмитты» ретирируются.

Мы направляемся к своему аэродрому. Во рту у меня пересохло, дышать нечем. Скорее на посадку! Пошатываясь, иду в землянку. Рядом так же устало шагает Халдеев.

— Вот это денек! — говорит он, валясь на нары. — Сумасшедший какой-то. Изнурительные бои, странные происшествия. Этот твой капот у меня из головы не выходит.

Некоторое время Халдеев лежит молча, потом снова подает голос:

— Именно тот случай, когда летчики говорят: «Хочешь жить — сядешь».

— Капот, Володя, это уже история. Надо бы узнать, вернулись ли домой штурмовики.

Должно быть, мои слова долетели до слуха Аниканова.

— Докладываю,— торжественно объявляет он.— Получено сообщение, что штурмовики благодарят морских истребителей за помощь.— И уже несколько тише добавляет: — Все дома. Летчик с ЯКа жив, только подпалился немного.

На душе становится спокойнее. Я засыпаю. Но вскоре кто-то начинает трясти меня за плечо. Матрос-посыльный говорит, что какой-то летчик очень хочет видеть меня.

Вскакиваю, смотрю на часы, спрашиваю у Аниканова, будут ли еще сегодня вылеты. Тот тоже смотрит на часы, пожимает плечами:

— Вряд ли. Сделали по шесть вылетов. Куда же больше! Из штаба полка получено распоряжение: «Пусть летчики отдыхают...»

Я выхожу из землянки. Пятнадцать минут сна сняли немного усталость. На стоянке никого не нахожу. Грицаенко говорит, что меня спрашивали двое, но куда-то ушли. Впрочем, нет, вот они, спешат мне навстречу.

— Товарищ инструктор, здравия желаю!

— Барановский! Откуда? Какими судьбами?

Мы обнялись.

— Мне сказали, товарищ инструктор, что вы в Низине. Мы с дружком, недолго думая, сели на катер — и в Ораниенбаум. Ну, а теперь вот здесь...

Улыбающееся рябое лицо Барановского сияет радостью.

— Вот это и есть тот человек, о котором я тебе рассказывал,— говорит он своему спутнику.

— Ну что ж, пойдемте к речке,— предлагаю я.— Посидим, поговорим. Вылетов больше не предвидится. Так что времени у нас достаточно...

На берегу было свежо. Ветер с залива дул по-осеннему. Мы зашли в оружейную палатку, стоявшую среди кустарника над обрывом. Завязался разговор о Новгороде, об аэроклубе, о ребятах из нашей летной группы. Алексей был старшиной этой группы. С удовольствием повторял он фамилии своих бывших подчиненных: Рубаев, Алексеев, Горячев, Петров, Лосев, Лутина. Все они, кроме Ивана Лосева и Жени Лутиной, позже закончили

Ейское авиационное училище, и разлетелись по разным флотам. Что касается Барановского, то он бросил якорь здесь, в Кронштадте.

Алексей с гордостью сообщил мне, что он и его товарищи летают на истребителях И-15-бис, которые здесь называют «королями», и что программа ввода в строй уже завершена. Завтра летчики надеются получить свое первое боевое задание. Приятно было видеть воодушевление Барановского, наблюдать за тем, как меняется выражение его голубых глаз, как забавно пошевеливает он меченым оспинками носом. Весь облик Алексея свидетельствовал в тот час о великолепном настроении, об озорной веселости, которая так часто сопутствовала ему.

Алешка.. Передо мной сидел тот самый Алешка Барановский, самостоятельный вылет которого был в аэроклубе моим экзаменом на зрелость. Два года прошло с тех пор, а как возмужал он, бывший мой подопечный! И уже не курсант, а военный летчик-истребитель. Завтра пойдет в бой...

Друзья закурили. Алексей пустил колечко дыма, и оно, невесомо покачиваясь и постепенно истаивая, поплыло по палатке.

— А что! — вдруг ожился он.— Может, завтра вместе будем бить фашистов. Злой я на них, товарищ инструктор, ох и злой! Столько наших городов и сел у них под пятой! И моя родная деревня Бор тоже. Это за Старой Руссой, в Залучском районе. Помните? Осталось ли от нее хоть что-нибудь? И что с моими стариками, с братишкой, с сестренками — не знаю.

Он глубоко затянулся, сдерживая волнение.

— У меня, Алеша,— сказал я,— вся семья была в Новгороде, и вот тоже никаких вестей. Сумели они уйти оттуда или не сумели? Где родители, где Валя? Ничего не знаю...

— Валя...— Барановский задумчиво улыбнулся.— Валя Гальянская... Часто вспоминаю о ней... Как летала!.. Не сердитесь, товарищ инструктор,— я с вами откровенно... По душе она мне всегда была... Еще до вашего приезда в аэроклуб... Большие надежды строил... Да, видать, не судьба...

Он снова глубоко затянулся. Глаза его повлажнели.

— Извините, что-то чересчур расчувствовался... Как никак первый бой... Скажите, а вы волновались?..

— А «мессершмитты» — сильные машины? — настраиваясь на деловой лад, спросил Барановский. — Как фашисты на них воюют?

Но тут вдруг низко, над самой палаткой, с ревом пронеслись самолеты и заглушили последние слова Алексея. Я выскочил наружу. Пара МЕ-109 «горкой» набирала высоту.

— Можешь посмотреть на «мессершмитты», — сказал я Барановскому, тоже выбежавшему из палатки. Мы оба задрали головы к небу. Краем уха я услышал, что кто-то из наших запустил двигатель. А в следующее мгновение передо мной словно из-под земли вырос Аллеров:

— Вам с Костылевым «воздух», товарищ командир!

Я поспешил тряхнуть руку Барановскому, помахал его товарищу и бросился сквозь кусты к самолетам.

— Ну, будь здоров, Алеша!

— Еще увидимся, товарищ инструктор. Ни пуха ни пера! — кричал мне вдогонку Барановский.

— Уви-дим-ся, Але-ша! — отзывался я на бегу...

Костылев уже в воздухе. Взлетаю следом за ним. Взлетаю, застегивая шлемофон. Должно быть, нервничаю: никак не получается. А фашисты — вот они, над головой. Причем их, оказывается, четверо. «Вот тебе и «не будет вылетов»! — вспомнил я уверения адъютанта. — Откуда черт принес эту четверку на ночь глядя?» По почерку видно, что это летчики, выдавшие виды. Уверенно держат превышение. И вот уже первая пара идет в атаку. Мы увертываемся и атакуем сами. Карусель боя завертелась над аэродромом.

— Смотри, берут в клещи! — кричу я Костылеву.

— Спокойно, Игорек, спокойно, — слышу голос Егора.

Какое там спокойствие! Вражеские истребители так близко, что еще секунда — и я окажусь под огнем. Делаю восходящую «бочку». ЛАГГ-3 вздрогивает, но послушно переворачивается через крыло. Трассирующая очередь проходит мимо. Егор резко разворачивается и взмывает вверх. Пристраиваюсь к нему. Два «мессершмитта» оказываются ниже нас. Егор стремительно сближается с ними и с ходу бьет по ведущему. От вражеской машины что-то отлетает, она входит в штопор,

тут же выходит из него, выравнивается и, что называется, дает стрекача.

— Знай наших! — весело кричит по радио Егор.

В кабине держится непомерная жара. Трудно дышать. Пробуем набрать высоту, но это нам не удается. Фашисты по-прежнему держат превышение, сохраняя выгодные для атаки позиции. Земля, небо, самолеты — все вертится, мелькает. Мы с Егором стараемся не упустить друг друга из виду. Вот Костылев заходит в хвост «мессершмитту», а в это время другой вражеский истребитель падает на самолет Костылева. Я бросаю машину в крутой разворот и с набором высоты успеваю дать очередь по этому второму «мессершмитту». Он делает полный оборот через крыло и со снижением, оставляя за собой дымный след, уходит. Следом за ним, сделав круг над аэродромом, уходит последняя пара фашистских самолетов.

Вот это денек! Семь вылетов, один за другим, и каких вылетов! Если у меня и осталось еще сколько-нибудь сил, то разве лишь для посадки. Одно желание — приземлиться, зарулить и спать, спать...

Впрочем, приземлиться в сумерках не так-то просто. Мысленно проверяю себя: все ли я сделал, что нужно? Шасси выпустил, щитки тоже... Напрягая зрение, подвожу самолет к земле. Как приятно слышать шипение тормозов! Самолет замирает на месте, и на душе у меня становится так легко. Будто и не было никакого боя. Работающий на малом газу двигатель убаюкивает. И вот уже все растворяется в полумраке наступившего вечера.

Я прихожу в себя от непонятного шума. Кто-то толкает меня в бок, трясет за плечи, что-то громко кричит мне в самое ухо. Открываю глаза. Вижу встревоженное лицо моего техника Грицаенко.

— Что случилось, товарищ командир?.. Вы не ранены?..

Моргаю глазами, не в состоянии сообразить, где я и что со мной. Нет, кажется, все в порядке. Самолет стоит в конце аэродрома. Мотор работает. Я сижу в кабине. Передо мной Грицаенко, с его огненно-медной щетиной давно не бритой бороды.

— Значит, уснул я, Саша, уснул, — виновато говорю я технику. — Давай порулим...

Он сокрушенно покачивает головой...

ПОСТОЯТЬ У ПОРОГА, ПОТОМ ВОЙТИ

Казалось, невозможно представить себе более трудный день, чем та среда, которая так обессилила нас. Но прошла ночь, и все как бы началось сначала. Четверг 11 сентября 1941 года был ничуть не легче среды, даже, может быть, тяжелее. Опять мы прикрывали наши войска в районе Пушкина, Красного Села и Красного Бора. И снова армады «юнкерсов» шли к линии фронта бомбить наши войска, а мы не давали им прицельно бросать бомбы и вели нескончаемые бои с «мессершмиттами».

Коротки, очень коротки были перерывы между вылетами. В эти минуты каждый из нас испытывал одно желание — полежать под крылом истребителя, накопить силы для очередного боя. Обычно лежишь и с минуты на минуту ждешь — вот-вот раздастся знакомый хлопок сигнальной ракеты. А когда он прозвучал, стараешься как можно быстрей сесть в кабину, запустить мотор и уйти ввысь, навстречу врагу.

От пяти до семи вылетов сделал в тот день каждый из наших истребителей. А сбить удалось только два вражеских самолета — Ю-87 и «Хеншель-126» (он корректировал огонь фашистской артиллерии в районе Красного Села). Ю-87 был сбит нашим командиром Владимиром Халдеевым, а эта «каракатица» — «хеншель» — мной и Костылевым.

При весьма загадочных обстоятельствах гитлеровцы потеряли истребитель МЕ-109. Неожиданно в ходе боя никем из нас не атакованный вражеский летчик выбросился из кабине своего истребителя и раскрыл парашют. Самолет винтом пошел к земле и упал на нашей территории. Скорее всего, он был подбит и стал неуправляемым. Другие МЕ-109 вышли из боя (по-видимому, у них закончилось горючее). Воспользовавшись паузой, мы с Костылевым решили подойти к парашютисту и посмотреть, жив ли он. Костылев, сбавив скорость, вплотную прошел мимо него. Следуя за Егором, я увидел, как фашист вдруг вскинул руку. Этот жест очень

напоминал фашистское приветствие. «Вот до чего вы-
муштрован, подлец! — подумал я про него.— Через не-
сколько минут будет в плену, но и тут продолжает крив-
ляться, да еще кричит небось свое дурацкое „Хайль
Гитлер!”».

Впрочем, нет, я ошибся. Дело было гораздо серь-
езней. Костылев вдруг резко отвернул машину в сто-
рону.

— Он стреляет! — крикнул мне Егор по радио.—
Уходи! У меня уже дырка в кабине... Да еще и в руку
попал, гад...

Возмущению нашему не было предела. Перед нами
был вооруженный фашист. Как он станет вести себя там,
на земле, когда к нему попытаются подойти наши сол-
даты? Скольким из них будет стоить жизни эта попыт-
ка?.. Нет уж, пусть-ка лучше фашист расстанется
с жизнью. Мы в мгновение ока распороли его па-
шют.

Трудным, очень трудным был тот сентябрьский день.
Но зато в конце его нас ждала радость.

Было уже десять часов вечера, когда в землянку во-
шел обросший щетиной, изнуренный до крайности че-
ловек. Высокий, с ястребиным взглядом, он был похож
на абрека Заура из одноименного довоенного
фильма.

— Капитан Уманский!

Мы бросились к нему, что называется, ошалев от
неожиданности.

Да, это был Уманский. Где-то в районе огромного
Порзоловского болота пересек он линию фронта и при-
шел на свой аэродром. Многое пришлось пережить на-
шему командиру. Он опустился на парашюте во враже-
ском тылу. Днем Уманский прятался в лесу или в зарос-
лях кустарника, ночью шел, минуя населенные пункты,
держа курс на север, к линии фронта. Всего шестна-
дцать километров отделяли место приземления от тер-
ритории, не занятой врагом. Но чтобы пройти это рас-
стояние, потребовалось трое суток!

И вот он, родной аэродром, землянка, часовой у
входа в нее. Позже Уманский рассказывал, как он был
взволнован в ту минуту.

— Стою, прислушиваюсь к тишине аэродрома,— го-
ворил он.— Сердце так и стучит от радости. Попросил
у часового закурить, спрятал папиросу в рукав, жадно

втянул дым. Дома! От радости хотелось обнять и этого сдержанного паренька часового, и вообще все вокруг: землю, деревья, небо. Постоял у дверей, провел ладонью по густой щетине бороды, подумал: «Узнают ли?» Узнали...

Известие о возвращении Уманского с быстротой молнии облетело эскадрилью. Люди один за другим заходят в землянку. А он все еще как бы не верит, что пришел наконец домой.

— Раздевайтесь, товарищ командир. Сейчас вам принесут поесть.

— А я сыт,— говорит он.— Не беспокойтесь. У меня даже есть неприкосновенный запас...

Уманский вытаскивает из кармана и высыпает на стол горсть зерен ржи, ягоды клюквы, брусники.

— А тут вот,— он кладет на бумажную скатерть замусоленный огрызок брюквы, сдувает с него табачную пыль,— все витамины, заметьте!..

— Да, с таких харчей, товарищ капитан, и ноги протянуть не долго.

— Наоборот, без них можно было протянуть...

Командир подкрепился, побрился, сверил свои часы с нашими, доложил о своем прибытии в штаб полка, начал у нас расспрашивать, как идут дела в эскадрилье.

Мы поговорили, погоревали о погибших товарищах. Потом Уманский стал рассказывать обо всем, что произошло с ним после потери самолета:

— Приземлился я в лесу. Снял с дерева парашют, спрятал его в кустах и пошел на север. Документы уничтожил, оставил только партбилет — вот он. Думал спрятать его. А куда? Кругом лес, болото. Да и фашисты где-то рядом. Когда стало темно, вышел на дорогу. Хотел перебежать ее и вдруг слышу: «Хальт!» Потом щелкнул затвор и стало тихо. Я замер, тихонько пополз обратно. Почти трое суток прятался в канаве, укрываясь листьями. По дороге бесконечным потоком шли машины, войска. Гитлеровцы-автоматчики прочесывали лес. Только прошлой ночью удалось перейти дорогу. Напился в болоте и шел, шел. Встретился с лесником, подкрепился у него. Вечером мальчишка, внук этого доблестного человека, вывел меня к аэродрому...

ТЯЖЕЛОЕ ЗОЛОТО МУЖЕСТВА

Возвращаясь с боевого задания, я еще с воздуха заметил на земле возле нашей стоянки самолет И-16. Кто это к нам пожаловал?

Планирую и вижу на борту «ястребка» написанный во весь фюзеляж номер: «41». Знакомый самолет. Где-то я его уже видел. Приземлился, а сам все думаю: «Сорок первый номер... Где-то я с ним встречался...» И вдруг вспоминаю снимок, напечатанный в одной из флотских газет. На снимке-то я и видел И-16 № 41. Бринько, вот кто к нам прилетел! Летчик с Ханко — Герой Советского Союза старший лейтенант Бринько! Впрочем, говорят, он уже капитан...

Выключаю мотор, выскакиваю из кабины и, доложив командиру о результатах вылета, бегу к И-16. Около машины собрались люди. Вижу старшего лейтенанта Алексеева, кого-то из летчиков третьей эскадрильи, наших техников. Следом за мной к самолету подходит и Егор Костылев. Алексеев, Бринько и Костылев — старые друзья.

— Сколько лет, сколько зим! — обнимает гостя Егор. — Поздравляю, дружище, поздравляю.

Бринько, не снимая с себя парашюта, садится на траву, обхватывает руками колени. Завязывается разговор о друзьях-товарищах, о довоенных днях.

Летчик, о храбрости которого ходят легенды, — вот он, передо мной. Крепкий, небольшого роста парень. Глаза весело щурятся. Вроде бы ничего особенного, обыкновенный человек. Похож на многих моих товарищей по полку. Но у него на груди сияют орден Ленина и Звезда Героя, которые, кстати сказать, я вижу впервые. Что ж, они ему очень к лицу...

Неожиданно разговор друзей прерывает чей-то истошный крик:

— Братва, фашисты «колбасу» вывесили!

Все оглядываются. Да, верно, противник поднимает над Ропшой аэростат наблюдения. Гигантская «колбаса», покачиваясь на стальных упругих тросах, медленно под-

нимается вверх. Мы с интересом смотрим на нее. В ту же минуту за нами раздается рев мотора. И-16, подняв пыль, мчится по аэродрому и вскоре уже набирает высоту. Между тем в просветах облаков проходит четверка вражеских истребителей — прикрытие аэростата.

— А ну! — кричит Егор. — Надо помочь!

Мы бросаемся на стоянку. Но наши самолеты еще не готовы к вылету. Впрочем, помочь Петру Бринько уже не требуется. Он атакует аэростат. На наших глазах за долю секунды от «колбасы» остается одна шкурка да темное облачко, подгоняемое ветром. И шкурка, и корзина наблюдателя летят вниз. А самолет Бринько уже мчится над аэродромом и заходит на посадку.

— Вот так, Игорек, — говорит мне Егор. — Видал, как работать надо? Зашел, дал по мозгам — и на посадку. Звание Героя, брат, зря не дают...

Приземлившись, Бринько заруливает на прежнее место, ловко выскакивает из кабины, посыпает кого-то из мотористов за бензозаправщиком и, завернув уши шлема за резинки очков, опять садится на свой парашют.

— Ну, Егор, так на чем мы там остановились-то?.. А, вспомнил! — весело говорит он и, улыбаясь, возобновляет прерванную беседу...

Да, это был замечательный человек. Увидел я его в тот раз впервые, но наслышан был о нем немало. Корреспонденции о Петре Бринько часто печатались в нашей дивизионной газете «Победа». С автором этих корреспонденций Михаилом Львовым мы дружили. Он пре- восходно знал прославленного летчика и мог рассказы- вать о нем бесконечно. Небезынтересно заметить, что Львов брал факты только из первых рук, причем не- редко в бою. В качестве воздушного стрелка он участ- вовал в бомбовых ударах по врагу, не раз отражал атаки фашистских истребителей и одного из них сбил. Находясь на полуострове Ханко, Михаил был свидете- лем многих воздушных боев, которые вел Петр Бринько.

Все услышанное и прочитанное мной об этом вели- колепном летчике навсегда врезалось в память. Кое-что я уже после войны уточнил, беседуя с Михаилом Льво- вым, ныне подполковником запаса. Живем мы, правда, в разных городах (он — в Москве, я — в Новгороде), но

ежегодно встречаемся в Ленинграде, куда к 9 Мая съезжаются ветераны Балтийской авиации.

Бринько служил на Дальнем Востоке, когда вспыхнул военный конфликт на финляндско-советской границе. Желающих поехать на фронт было много. Командование выбрало лучших. Петр Антонович и его боевые товарищи на своих истребителях перелетели на Балтику. Лейтенант Бринько принимал участие в штурмовке наземных войск противника, сопровождал наши бомбардировщики, вел воздушную разведку целей. За мужество и отвагу, проявленные в боях зимой сорокового года, молодой летчик был награжден орденом Красного Знамени.

С самого начала Великой Отечественной войны Бринько служил в полку Героя Советского Союза майора Романенко и обороны полуостров Ханко. Здесь-то и раскрылся в полной мере боевой характер этого человека, горячо влюбленного в свою нелегкую и опасную профессию.

3 июля 1941 года два фашистских истребителя неожиданно напали на аэродром. Бринько сумел под огнем поднять свою машину в воздух и набрать высоту. Тут же, над аэродромом, он сбил один из вражеских самолетов.

Через день он уничтожил «юнкерс». Вражеские бомбардировщики приблизились в тот раз к аэродрому, используя низкую облачность. Считанные секунды — и самолет Бринько взмыл в воздух. Он дерзко атаковал «юнкерсы», и вскоре один из них упал на землю.

8 июля, возвращаясь на аэродром после штурмовки вражеских войск, Бринько встретил и атаковал фашистский бомбардировщик неизвестной ему конструкции. Моторные гондолы придавали ему вид Ю-88, а двухкилевый хвост — МЕ-110. Петр Бринько со второй атаки сбил этот воздушный гибрид, и тот плюхнулся в воду. Летчики погибли. Затонувший самолет был извлечен из воды и установлен на центральной площади Ханко. Как выяснилось, он носил наименование Ю-86.

Товарищи восхищались храбростью и боевым умением Петра Бринько, учились у него летному мастерству. Но сам он, как правило, был недоволен собой:

— Нет-нет, и на этот раз я поздно взлетел. Надо быстрей. Надо больше тренироваться.

Все было у него рассчитано и расписано до секунды: что в том или ином случае должен делать техник, что моторист, а что он сам.

— Если я вылечу на секунду раньше,— говорил Бринько,— погибнет враг. Если задержусь на одну секунду — погибну сам.

Как-то во время обеда Бринько, не доев суп, выскочил из землянки и стремглав кинулся к своему самолету. Многие тоже поднялись с мест, думая, что объявлена тревога. Но обедавший вместе с летчиками командир полка майор Романенко успокоил их, пояснив, что никакой тревоги нет. Тем не менее некоторые из любопытства вышли из землянки посмотреть, чем занят Бринько. А он подбежал к самолету, сунул руки в лямки парашюта, для удобства повешенного на куст, кинулся в кабину, завел мотор и поглядел на часы. Возвратясь в землянку, досадливо махнул рукой:

— Опять не уложился...

Кто-то упрекнул Бринько:

— Баламутишь, Петро, честной народ. Тебе что — больше всех надо?

Бринько ответил лишь коротким сердитым взглядом. Да, когда речь шла о деле, ему надо было больше всех. Кстати, таким же беспокойным и отважным человеком был и его боевой товарищ — ведущий пары Алексей Антоненко, с кем Бринько летал с первых дней войны. 14 июля 1941 года и тот и другой получили высокое звание Героя Советского Союза. А через два дня это памятное событие было ознаменовано новой победой над врагом.

На рассвете 16 июля в землянку, где спали Антоненко и Бринько, вбежал дежурный.

— Два «фиата» над аэродромом! — крикнул он.

Через минуту Антоненко и Бринько были уже в воздухе. А еще через десять минут оба «фиата» додорали на землю.

23 июля Антоненко и Бринько вылетели на разведку. Выполнив задание, они решили заглянуть на морской аэродром противника. А там покачивались на воде фашистские гидропланы. Сделав несколько стремительных заходов, друзья подожгли четыре вражеских самолета. Потом они возвратились домой, доложили

командиру о результатах разведки, а вечером в сопровождении двух «чаек» повторили налет на морской аэродром.

Но теперь их тут встретила шестерка самолетов противника. Завязался бой. Четыре наших истребителя одержали победу над пятью «фоккерами». Два из них сбил Бринько. Так в один день он уничтожил четыре вражеских самолета.

Неиссякаем был боевой порыв этого человека. 2 августа звено «фоккеров» пришло штурмовать аэродром. И опять первым под огнем врага поднялся в воздух самолет Бринько. Набрав высоту, он с первой же атаки уничтожил фашистский истребитель. А 7 августа отважный летчик сбил над островом Даго фашистский бомбардировщик Ю-88.

И еще один поистине редкий эпизод. Машина Бринько требовала ремонта. Командир приказал Петру леть в Таллин, где были авиаремонтные мастерские. Приземлившись на таллинском аэродроме, старший лейтенант сдал самолет технику и уже собирался было идти в мастерские, но в это время загрохотали зенитки. Над городом шел разведчик Ю-88. Петр бросился к своему самолету. Но, как выяснилось, техник уже взял из кабине истребителя парашют. Сесть прямо в низкое чащебразное сиденье? Но в таком положении ничего не увидишь. Да и прицел будет выше уровня глаз. Что же делать? И вот Бринько упирается ногами в педали управления рулем поворота, а спиной в спинку сиденья — и взлетает. Нечего и говорить, сколь это было опасно. Но Бринько думал только о том, чтобы сбить появившийся над городом разведывательный самолет противника. И он сбил его на глазах изумленных таллинцев. Один из членов экипажа Ю-88 погиб вместе с машиной, а трое приземлились на парашютах и были взяты в плен. Они оказались матерыми воздушными волками: все были награждены гитлеровскими «железными крестами».

Бринько благополучно посадил свой самолет.

— Ну вот, теперь можно и ремонтировать! — сказал он не на шутку встревоженному технику...

Я невольно вспоминал все, что знал о Бринько, пока тот беседовал со своими друзьями у нас на аэродроме. Было известно, что Петр Антонович прилетел сюда по

какому-то неотложному делу и что скоро он возвратится к себе на Ханко. Держался прославленный летчик очень просто, вызывая к себе дружеское расположение каждого, кто был рядом с ним. Я, может быть, несколько наивно попросил у Бринько разрешения поближе посмотреть на его золотую звездочку. Он добродушно улыбнулся, сдвинул в сторону закрывавшую медаль лямку парашюта:

— Пожалуйста...

Я приподнял звездочку на пальцах, ощущая тяжесть металла, потом повернул обратной стороной. «Герой СССР» — значилось на ней.

— Большая награда, — сказал я, бережно опуская медаль на китель Бринько. — Здорово воюете, товарищ капитан!

Он опять улыбнулся:

— Всяко бывает...

У меня была мысль попросить Петра Антоновича рассказать нам кое-что о своих боевых делах. Помешал мне хлопок ракеты. Со стоянки донесся возглас:

— Звену Костылева — вылет!

Мы с Егором поспешили к своим самолетам.

Уже в воздухе, внимательно следя за машиной своего ведущего, я все еще думал о Бринько, этом простом, душевном человеке, Герое Советского Союза. Сбить пятнадцать вражеских самолетов и аэростат — для этого надо быть поистине асом.

Мог ли я знать, что больше никогда не увижу Петра Бринько! Через день его не стало. Атаковав еще один аэростат противника, он был смертельно ранен осколком зенитного снаряда. Попытка зайти на посадку не удалась Бринько. Подбитый самолет резко потерял высоту, задел крылом за высоковольтную опору линии электропередачи и упал...

Друзья похоронили Петра Бринько рядом с Гусейном Алиевым под сенью березок. А на другой день по этим местам прошли фашистские войска. Гитлеровцы разрушили наше Низино, уничтожили аэродром, срубили березки и сравняли с землей могильные холмики. Вандалы, они обрушивали свою слепую и бессмысленную ярость даже на мертвых.

ВОРОНКИ НА ЛЕТНОМ ПОЛЕ

Моросит мелкий, точно пропущенный сквозь сито, нудный дождь. С залива дует холодный, порывистый ветер. Он злово срывает с кустов последние листья, и они летят над аэродромом, устилают влажную землю. Еще вчера так ярко светило солнце и было так тепло! А сегодня уже настоящая осень.

Грицаенко и Алферов открыли капот, тщательно осматривают самолет. Идет подготовка к выполнению очередного боевого задания. Я выхожу из кабины, разминаю уставшие в полете ноги.

А дождь все идет и идет.

В такую погоду посидеть бы дома возле теплой печки да почитать интересную книгу. Но где он теперь, твой дом? Может, и в нем уже поселились захватчики. Новенький пятистенок — еще и трех лет нет, как срублен. А сад? Сохранился ли сад? И где вы, мои родные, жена с дочуркой? Живы ли? Удалось ли вам эвакуироваться? Ну а если нет? Что вас ждет впереди?

Я прихожу в землянку. Ребята уже спят на нарах. Пристраиваюсь в ногах у Костылева и устало закрываю глаза. Но мысли снова возвращают меня в Новгород. Наши войска оставили его еще 15 августа, а сегодня 13 сентября! И с тех пор ни одной весточки от близких. Письма вообще идут плохо. Говорят, что теперь их доставляют с Большой земли пароходами по Ладожскому озеру. «Большая земля»! Как странно это звучит! А мы, выходит, на «малой». Как быстро все изменилось! Еще недавно мы переживали, что нам не приходится участвовать в воздушных боях. А теперь...

Сегодня, например, многие из нас уже сделали по пять боевых вылетов. И каждый раз одна и та же задача — прикрытие войск в районе Пушкина и Пулкова. Говорят, там, на земле, идет ожесточенное сражение.

Летчикам-истребителям в эти дни редко приходится действовать на малых высотах. И нам далеко не ясно,

что делается внизу. Но по частым вспышкам артиллерийских выстрелов то с одной, то с другой стороны, по пыли, поднимаемой танками, по многочисленным пожарищам мы почти точно определяем, где проходит линия фронта. Представляю себе, как тяжело приходится нашим товарищам — бойцам и командирам наземных войск — там, на этой огненной черте...

Тревожные мысли не дают уснуть.

— Ты что примостился в ногах? — Костылев смотрит на меня заспанными глазами. — Иди, ложись к нам. Места всем хватит.

— Спасибо, Егор. Я лучше пройдусь...

Выхожу осторожно, чтобы не разбудить ребят, прикрываю дверь землянки, и в этот момент оглушительный, громоподобный звук прокатывается по аэродрому. Столб огня и земли высотой до крыши поднимается возле ангаров. Не прошло и десяти секунд, как последовал новый взрыв. Скорей к самолету! Вместе с техником и мотористом смотрю на фонтаны земли, взлетающие то там, то тут. Смотрю и не понимаю, что происходит.

— Уходите в укрытия! — кричит кто-то. — Обстрел!..

— Какой обстрел, откуда? — спрашивает Грицаенко.

— Из Ропши, должно быть, — соображаю я. — Отсюда до переднего края шесть километров... Вы вот что — быстро по щелям... Мне надо в землянку...

Но не успел я добежать до нее, как пронзительный свист над самой головой вынудил меня броситься на землю. Снаряд разорвался в кустах за стоянкой. Я встал. Мои руки, одежда — все было в липкой глине. Но не успел я после стремительного рывка нырнуть в землянку, как новый снаряд оглушительно разорвался метрах в пяти от нее. Опять пришлось плюхнуться в грязь...

Наконец я в землянке. Еще от дверей слышу голос адъютанта. Он объявляет приказ командира полка:

— Всему летному составу через двадцать минут покинуть аэродром. Посадка на запасном аэродроме. Взлет по готовности самостоятельно.

— Что же это, Андреич? — говорю я стоящему рядом Ефимову. — Выходит, мы Низино отдаем...

Ефимов два дня назад прилетел к нам с Эзеля. Прилетел как пассажир (у него еще нет своего самолета). Он глядит на меня, что-то обдумывая, потом говорит вполголоса:

— Звонили из штаба... Тебе получать партбилет... Представитель политотдела ждет в «доте»... Идем быстрей...

Я беру свою трехрядку, накидываю на себя плащ, и мы с Ефимовым покидаем землянку. «Дотом» у нас почему-то стали называть небольшое укрытие, врытое в берег речки. До него рукой подать — всего каких-то полсотни метров. Но пробежать эти метры не так-то просто. Новый взрыв сотрясает землю. Снаряд разрывается справа от нас, не причинив никому вреда. Мы падаем, встаем, а над головой опять раздается свист. И снова приходится кланяться этому летающему идолу.

Вымокшие, перепачканные глиной, мы добираемся наконец до «дота». Полковой комиссар Кожемяко встречает нас у дверей.

— Нет ли спичек? Мы тоже пострадали немножко, — шутливо говорит он. — Коптилка вот потухла.

Ефимов достает спички. Вскоре тусклое, колеблющееся пламя коптилки высвечивает цементные стены. Под ногами хрустит стекло, выпавшее из выбитого окошечка. Дверь сорвана с верхней петли и косо держится на нижней.

— Это последний снаряд так поддал, — видя, что мы смотрим на дверь, говорит комиссар и наклоняется возле стола, чтобы поднять сметенные на пол взрывной волной документы. Мы помогаем ему.

— Вот видите, и так бывает, — говорит Кожемяко, протирая стол обрывком газеты и сдувая пыль с документов.

Потом он становится строже. Мы умолкаем.

В руках у комиссара мой партийный билет. Подавая его мне, Кожемяко с некоторой торжественностью говорит:

— Помните, товарищ Каберов, каким непримиримым к врагам революции был Ленин. Вам выпала честь сражаться с врагами Родины под знаменем его партии. Будьте достойны этой высокой чести!

Вручив мне билет, он тепло, по-товарищески поздравляет и напутствует меня:

— Дерись, понимаешь, как дерутся большевики!..

Самолеты под обстрелом покидают низинский аэродром.

Фашисты ведут огонь с интервалами, неодинаковыми по времени. Воспользовавшись паузой, я вырываюсь из укрытия. Надо успеть взлететь до очередного выстрела. На учете доли секунды, но я прикасаюсь ладонью к груди. Здесь, над самым сердцем, лежит в кармане кителя только что полученный мной партбилет. И гордое сознание того, что я теперь коммунист, и щемящее чувство потери (ведь мы покидаем Низино) сливаются воедино.

Даю полный газ. Истребитель прямо со стоянки, перек аэродрома, идет на взлет. Впереди видны комья вывороченной земли. Пытаюсь обойти воронку, но уже поздно. Тяну ручку управления на себя. Самолет взмывает, и я, с трудом удерживая его в воздухе, пересекаю через воронку. Сильный мотор уводит машину от земли. Но впереди новое препятствие — самолеты соседней эскадрильи. Нажимаю на кнопку уборки шасси, и истребитель, подбрав под себя колеса, благополучно проносится над стоянкой.

Слева занятая противником Ропша. «Прижимаю» машину к лесу и, набрав скорость, разворачиваюсь на обратный курс. Три зенитных разрыва неожиданно впечатываются в воздух перед самым носом истребителя. Выходит, вражеские наблюдатели уже заметили меня. Почти над самыми макушками деревьев ухожу к зливу.

Город на Неве одет густой дымкой. Его почти не видно. До свидания, Низино! Прости нас, Ленинград! Мы, твои солдаты, только временно оставляем боевой рубеж.

Мы уходим из Низина, но мы с тобой. И мы до последнего дыхания будем защищать тебя, наш геройческий город!..

Наш новый аэродром лежит среди лесов.

Он лежит большой и ровный, как стол.

Для каждого самолета здесь построен отдельный капонир, надежно укрывающий машину от бомб и артиллерийских снарядов.

Мы с Костылевым осматриваем бревенчатые, глубоко врытые в землю стены и трехслойный накат. Засыпанное сверху и с боков землей и покрытое дерном сооружение — это настоящая крепость. В сознании не укладывается, что построили ее женщины. Но вот и они, скромные ленинградские труженицы, — стоят и застен-

чиво улыбаются, слушая наши похвалы. Среди них много совсем еще юных девушек.

Егор поднимается на крышу капонира, восхищается посаженными там елочками, подпрыгивает, проверяя надежность перекрытий.

— Неужели вы сами это построили?

— А кто же еще? — Молодая, одетая в телогрейку женщина поднимает свои огрубевшие на работе руки: — Что они у нас — не такие, как у мужиков?

Слышится звонкий девичий смех.

Я вспоминаю, что в самолете лежат мои вещи, и вытаскиваю из фюзеляжа чехол с завернутым в него чемоданом и кирилловской трехрядкой. Все называют ее баяном. Да она и похожа на баян. Правда, в эти минуты выглядит гармонь невзрачно. Во время обстрела она была испачкана в глине.

— Слушай, баянист! — обращается ко мне женщина. — Сыграл бы, что ли, по такому случаю.

Она быстро счищает с гармошки грязь, тщательно протирает ее рукавом телогрейки.

— Ну-ка, повеселей что-нибудь, товарищ летчик! — А сама лопату в сторону, по-цыгански тряхнула плечом, притопнула ногой и замерла в позе ожидания.

Зазвучали голоса и басы трехрядки, и озарились улыбками лица ленинградок.

— Э-эх, к черту горе!.. Наши соколы прилетели... Пляши, девчата! — Молодуха вышла на круг, и комки грязи с ее растоптанных ботинок полетели по сторонам.

К нашему капониру отовсюду тянутся люди. Какая-то девчушка увлекла в круг Костылева, и они завертелись в пляске. Высокий, смеющийся Егор выделяет такие коленца, что, глядя на него, можно забыть обо всем на свете.

Пляску и музыку обрывает команда: «Летный состав — к командиру!»

Мы идем в соседний капонир, куда техники закатили самолет Костылева.

Заместитель командира полка капитан Корешков с горечью сообщает нам, что при взлете с низинского аэродрома, попав в свежую воронку, разбил самолет и сам получил серьезные травмы старший лейтенант Киров. Пострадал также старший лейтенант Семенов. Он должен был перегнать на Карельский перешеек самолет УТ-1. Взрывная волна немецкого снаряда перевер-

ула оторвавшийся от земли самолет. Он перелетел через ангар и упал. Извлеченный из-под обломков Борис Семенов в тяжелом состоянии отправлен в госпиталь.

Мы расходимся, подавленные случившимся. Ленинград в беде, а нас, защищающих его с воздуха, так мало остается.

Через два дня приходит известие, что Борис Иванович Семенов скончался, так и не прийдя в сознание. Страна отняла у нас еще одного замечательного летчика, человека доброй души и большого мужества.

ПОКА ПИСЬМО НЕ ВСКРЫТО

Штаб полка и авиационные техники прибыли на новый аэродром поздно ночью. Однако никакого перерыва в боевой работе не произошло. Утром истребители, как обычно, были подняты в воздух.

Под нами был Финский залив. В тот ранний час ни единий корабль не бороздил его воды. Свинцовые волны, гонимые северным ветром, бились о берег, оставляя на нем кружево пены. Эта белая полоса тянулась вдоль всего южного побережья.

Внимательно всматривался я в тревожное ленинградское небо. Время от времени взгляд невольно тянулся в сторону Петергофа, оставленного нами Низина, разрушенной и сожженной фашистами Ропши. На северной стороне ее полыхал большой пожар. Казалось бы, и гореть уже было нечему, и все же что-то горело. Фашистские войска в районе Ропши перешли в наступление и рвались к заливу...

В воздухе нас пятеро: Мясников, Халдеев, Широбоков, Костылев и я. Ведет группу старший лейтенант Мясников. Он на своем ЯКе, как Чапай на лихом коне, держится впереди. Взят курс на Пулково, на Пушкин. Там идут решающие сражения за Ленинград. И именно там нам предстоит прикрывать наземные войска от авиации противника.

Восточнее Пушкина разрастаются два очага пожара;
Горит что-то и в Красном Селе. Бой идет близ Пулковских высот. Из кабинны самолета мне хорошо видны вспышки артиллерийских выстрелов. Это совсем недалеко от Ленинграда...

Не могу не думать без тревоги о судьбе этого великого города. Испытываю чувство глубочайшей ненависти к фашистским захватчикам, разрушающим великие исторические ценности нашего народа. Но как бы ни беспокоились господа фашисты, в Ленинград мы их непустим! Я повторяю про себя написанные накануне строки стихов:

Пусть день и ночь грохочет канонада.
Мы выстоим! И вас из блиндажей,
Как погань, вышвырнем.
И Ленинграда
Вам не видать, как собственных ушей.

И здесь, высоко в поднебесье синем,
Где облака сверкают сединой,
За жизнь и счастье Родины любимой
Выходим мы на правый смертный бой....

Мы-тоходим. Но где же фашистские самолеты? Они обычно висят здесь с утра до вечера. То, что их на этот раз нет, настораживает. Не попытаться ли прочесть письмо, которое лежит у меня в нагрудном кармане? Вот оно, долгожданное! Грицаенко ночью привез его из Низина и передал мне, когда я уже сел в кабину. На конверте штамп Вологды. Адрес написан рукой жены. Я всего лишь перекладываю письмо в потайной карман, чтобы не потерять. Спокойнее на душе уже от того, что оно из Вологды. Значит, жена сумела оставить Новгород и уехать к моим родителям. Как-то они там?..

Мясников то и дело кренит свой самолет то в одну, то в другую сторону. Его тоже беспокоит это затишье в воздухе. Захватив гатчинский аэродром, фашисты получили возможность в любую минуту появиться над линией фронта.

Рассматриваю железную дорогу, ведущую на Гатчину. Хочется увидеть Дудергоф и ту гору, с которой я в 1936 году летал на планере с начлетом школы. В школу меня так и не приняли. «Дис-про-пор-ция... Да-с!» — звучит в памяти моей голос сурового доктора. Как это

сн забавно указывал тогда пальцем на потолок. «Самолеты там разные... А у вас диспропорция...»

Машина Мясникова делает вдруг резкий бросок в сторону. Костылев и я следуем за ней. Огненный пунктир пересекает наш строй. Четверка «мессершмиттов» безрезультатно атакует нас и «горкой» уходит в синеву неба. Провожаю их взглядом и, кажется, впервые замечаю, как зловеще выглядят фашистские самолеты. Желтые концы крыльев, а на них черные с белой окантовкой кресты. Что-то гадкое, змеевидное. Зазевался — ужалит.

«Мессершмитты» уходят. Такая уж у них тактика. Подкрался, ударили, а в случае неудачи — скорей вверх. Там, вверху, безопасней. Вот и будут теперь кружить, как ястребы, и высматривать добычу. Не дай бог комунибудь из нас оторваться от группы или зазеваться на секунду. Тут уж они все набрасываются на одного. Но мы тоже набираем высоту и сами навязываем им бой.

Со стороны солнца появляется еще четверка вражеских истребителей. Я сразу же замечаю их. Теперь у нас светофильтровые очки, и солнце нам не помеха. Сообщаю о второй группе «мессершмиттов» Мясникову, и он сразу же кидается на них. Пятерка наших и восьмерка фашистских истребителей закружились в вихре воздушного боя.

Под нами идет группа штурмовиков под прикрытием «чаек». Пара «мессершмиттов» пытается атаковать их.

— Игорек!.. — успевает крикнуть Егор. Я понимаю, что он имеет в виду, и бросаюсь за «мессерами». Между тем им дают отпор «чайки». Ведущий МЕ-109, закручивая спиралью тянувшийся за ним дым, падает. Второй, видя такое дело, пытается уйти вверх. Но тут подоспеваю я. Выбрав удобный момент, даю очередь. Фашист переворачивается и некоторое время летит на спине. Потом он принимает нормальное положение и вдруг, резко развернув самолет, срывается в штопор. Я следую за ним, но огня не веду. Что будет дальше? Возможно, он имитирует падение. Егор рассказывал как-то, что гитлеровцы прибегают иногда к такого рода уловкам. И действительно, на высоте около пятисот метров мой противник выводит самолет из штопора и, набирая скорость, прижимается к земле.

Ну нет, не ускользнешь, сегодня мой верх! Я даю полный газ и иду за «мессером». Фашист резко кладет машину в разворот. Я тоже. Он делает «горку». А мне

только это и надо. Нажимаю общую гашетку, и «мессершмитт», в последний раз качнув крыльями, опускает нос. Описав кривую, он ударяется о землю под самой Пулковской высотой. Яркое пламя и густой черный дым поднимаются к небу. Эх, показать бы все это тому суровому доктору, который ни в какую не хотел признать меня годным для службы в авиации! Наверное, не поверил бы он своим глазам. Нет, вы все же в чем-то ошиблись, доктор. Ваша «диспропорция», несмотря ни на что, ведет боевой самолет, защищает с воздуха Ленинград. Да-сл..

На полной скорости проношусь я над полем боя ниже Пулковских высот. Успеваю заметить скособочившийся в воронке танк с крестом, перевернутое орудие, многочисленные зигзаги траншей, перебегающих солдат. И все это вперемешку с пылью, с фонтанами взметенной снарядами земли. Пулковская высота, как пробудившийся вулкан, окутана дымом.

Сквозь этот дым прорисовывается полуразрушенное здание обсерватории. Не занято ли оно противником? Такое чувство, что по мне с горы сейчас ударят. На всякий случай пригибаюсь к прицелу. Удастся ли пройти нейтральным? Напрасная тревога! В сизом чаду на развалинах главного корпуса виден красный флаг. Он вьется на ветру, точно пламя, выбившееся из кратера вулкана.

— Наши Пулковские высоты! Наши! — кричу я в полный голос. — Они не пройдут! — ору я во всю силу своих легких и, взяв ручку на себя, свечой ухожу в небо, туда, где ведут неравный бой мои друзья.

Еще десять минут — и он, этот бой, заканчивается. Набрав высоту и объединившись в группу, шестерка МЕ-109 разворачивается в сторону Гатчины. Мы еще некоторое время охраняем район действия наших войск и, лишь получив специальную команду по радио, возвращаемся домой.

Мы уходим, и я почему-то только теперь обнаруживаю, что вся земля под нами испещрена воронками от бомб, снарядов и мин.

Эти воронки, словно пустые глазницы мертвцевов, смотрят на нас, взывая к отмщению.

Родная ленинградская земля! Сердце разрывается от боли: нет сил видеть тебя такой. Потерпи еще немного. Мы отстоим, защитим тебя. И ты будешь снова зеленеть и цвести...

После посадки я докладываю Мясникову о полете и возвращаюсь к самолету.

— Ну, как там, в Вологде? Что пишет жена? — спрашивает Грицаенко.

— Сейчас будем читать, Саша.

Техник заканчивает осмотр самолета, поручает Алферову заправить истребитель и, вытирая руки ветошью, подходит ко мне. Я присаживаюсь на край крыла. Читаю письмо вслух от строчки до строчки. Так уж у нас принято. Письмо от близких — общая радость. Грех ею не поделиться.

«Игорек, милый! — пишет жена. — Вот мы и добрались до твоих старичков. Из Тихвина до Вологды ехали в товарном вагоне. Здесь тихо и войны нет. Даже странно. Я не знала, что к тишине нужно привыкать.

Новгород наполовину был разрушен и горел, как костер, когда мы покидали его ночью. Мост через Волхов был еще цел, но подготовлен к взрыву. Нас с трудом пропустили. Бегу с Ниночкой на руках и глазам своим не верю. Что сделали эти варвары с нашим городом! От четвертой школы, где я училась, остались одни стены. Первая школа (мы пробежали и мимо нее) тоже разрушена. Много домов сгорело. По Ленинградской не пройти. Разрушенные дома завалили улицу. Жертвы, увечья... Всего не рассказать. Какой-то добрый шофер взял нас на машину. Он ехал в Чудово. Дорога была сухая, и к утру мы добрались. Из Чудова многие поехали баржой куда-то на Волгу. Мы с мамой и Ниночкой пошли пешком через Будогощь на Тихвин. С нами Маша Иванова и Пелагея Николаевна.

Неделю провели в Чудове как в аду: бомбежка с утра до вечера. Чудово больше не существует. Убитые, раненые... Сколько их! Среди них и маленькие дети. Около дома, где мы остановились, взорвалась бомба. Вылетели рамы, а из них стекла. Стеклом поранило Ниночке щеку. Ранение неопасное. Щечка уже заживает. Папа остался в Чудове, эвакуирует участок связи. По дороге на Будогощь — поток беженцев. Несколько раз на нас нападали фашистские истребители. Многие из тех, с кем мы шли, погибли. Как мы уцелели, не знаю. Видели воздушный бой. Два наших «ястребка» (тупоносые И-16, на каких ты летаешь) дрались с четырьмя вражескими. Когда фашист падал, все радовались за наших смелых летчиков. Я смотрела и все думала, что

это ты сбил фашиста. Увидел наши страдания, прилетел и сбил его. И сейчас хочется верить в это, хотя хорошо знаю, что ты там, далеко под Ленинградом.

Была в военкомате, встала на учет. Здесь, в Вологде, создается аэроклуб. Устраиваюсь инструктором-летчиком.

Игорек, о нас не беспокойся. У нас опять все хорошо. Привет тебе от родителей и от всех нас.

Передай привет твоим боевым товарищам: технику Володе Дикову, Михаилу Ивановичу Багрянцеву, Мише Федорову, Гусейну.

Целую, твоя Валя».

Грицаенко слушает письмо стоя. Он держит в руке фуражку. Я дочитываю последние строчки. И он все еще некоторое время стоит передо мной молча.

— Да,— наконец тяжело выдавливает он.— Привет Багрянцеву, Федорову, Гусейну...

Снова наступает молчание. Я еще раз, теперь уже про себя, перечитываю письмо.

— А знаешь,— несколько позже говорит Грицаенко,— хорошо, что в мыслях других людей они живы.— Я понимаю, что это он о Багрянцеве, Федорове и Гусейне.— И пусть Валя верит в это. Тепло письмо написано.— Лицо его светлеет.— Душевно как-то... Спасибо, командир...

Он надевает фуражку, поглаживает фюзеляж самолета:

— А «ястребок»-то у нас не тупоносый, а вон какой. Вы напишите жене о нем. Привет от нас с Борисом передайте. Добрая она у вас. На трудности не жалуется, и все у нее хорошо...

Саша снова привычно хлопочет возле самолета, раздумывая о чем-то своем. Накануне войны, 21 июня, он с разрешения командира уехал с семьей в Ленинград, а на другой день утром, еще не зная о начале войны, проводил свою Анну Петровну с ребятишками к родителям на Украину, в их родную Новую Карловку. А ребятишек-то четверо, и все мал мала меньше: Вере—шесть лет, Толику — четыре, Коле — два годика, а Гене—всего десять месяцев. «Пусть отдохнут,— думал Саша, махая рукой вслед отошедшему от перрона поезду.— Молочка попьют, фруктов поедят вдоволь, на солнышке позагорают. А уж побегать там есть где: степь — глазом не окинуть, и рядом речка Конка...»

О том, что началась война, Саша узнал, возвращаясь в Низино. В тот час эскадрилья совершила уже боевые вылеты.

Теперь он, должно быть, думает о том, что фашисты где-то недалеко от Запорожья. Не продвинулся ли фронт к Новой Карловке? Не летают ли над ней вражеские самолеты? Писем от родных Саша уже давно не получал. Как-то они там? Что будет делать Анна Петровна, куда уйдет с такой оравой? Да и стариков не на кого оставить. Думы, думы...

ОН БОЛЬШЕ НЕ МОГ БЕЗ НЕБА

остепенно обживаем новое место. Полным ходом идет строительство землянок, сооружаются печки, заготавливается топливо. Грицаенко, Алферов и я устроились пока в калонире. Алферов притащил откуда-то целый ворох соломы, прикрыл ее самолетными чехлами. Получилось роскошное ложе.

Первые две ночи спать было не очень холодно, а сегодня уже по-настоящему зябко. Зябко, как мне кажется, потому, что нет в калонире моего самолета. Мы укрылись с головой чехлами. А осенний ветер свистит и как будто говорит мне: «Не будешь давать машину другим... Не будешь.... Не будешь...» — «А как быть? — спрашиваю я. — Как быть, если человеку летать не на чем? Мы идем на задание, а он на земле остается. День не летает, два не летает. Что делать, если машина его неисправна? Друзья ведут бой за Ленинград, а он, этот летчик, ходит взад-вперед, будто чужой, будто никому не нужный. И тычется он без дела во все углы. Мучается человек. И все на небо смотрят: не идем ли мы, как там у нас? Пытается, засучив рукава, помочь техникам, чтобы быстрее ввести в строй свою машину. Да разве они позволят! Они сами ночи напролет спать не будут, а силы летчика сберегут: „Отдыхайте, товарищ лейтенант, вам еще в бой идти”...»

Высовываю голову из-под чехла, смотрю в темноту капонира, и тяжко мне: капонир действительно пустой. За две ночи соседства с самолетом я уже привык различать в темноте его сильные крылья, устремленный вперед острый нос и похожие на уши гигантского животного лопасти винта. Грицаенко обычно ставит винт в такое положение, чтобы одна из лопастей смотрела вниз, а две другие — вверх. Мне всегда кажется, что истребитель, как чуткий молодой конь, вслушивается в ночную тишину прифронтового аэродрома...

И вот нет его, моего боевого коня. Нет, и никогда больше не будет моего истребителя № 13. А всего тяжелее и горше, что нет в живых нашего замечательного летчика — Владимира Широбокова, не вернувшегося сегодня с боевого задания. А как просил он меня, чтобы я позволил ему хоть разочек слетать на моей машине «Только один раз, Игорек... Товарищи спасли мне жизнь в том полете... Не могу же я теперь сидеть без дела на земле, когда им так трудно», — твердил он, уговаривая меня отдохнуть и выпустить «боевой листок»...

Теперь я ругаю себя, что согласился. Уж лучше бы сам...

И как это только получилось? Я сидел уже в кабине, готовясь к вылету, когда он ко мне подошел. Подошел, как всегда, подтянутый, аккуратный даже в этом своем поношенном, видавшем виды реглане, положил руки на борт кабины и с такой надеждой взглянул на меня:

— Понимаешь?.. Я сейчас был у командира... Говорит: «Спроси у Каберова. Разрешит — я не возражаю»... А, Игорек?.. Нужно будет — и я поделюсь с тобой... Ведь починят же когда-нибудь мою одногоную...

Каким тихим, каким застенчивым был в кругу друзей на земле и как дерзко сражался в воздушных боях истребитель Володя Широбоков!..

Лежу и думаю, думаю под свист ветра. И не могу представить себе, что где-то на другом берегу залива, в районе Стрельны, лежит груда обломков самолета, а под ней, под ней...

— Не спите, командир? — ко мне поворачивается Алферов. — Ах, Володя, Володя...

— Да, Борис, хорошим человеком был Широбоков, смелым, честным, добрым. Прекрасный летчик, великолепный товарищ...

— Что верно, то верно.— Алферов тяжело вздыхает.— И все же вам надо уснуть. Утром снова работа. Мы-то на земле останемся, а вам в воздух.

— На чем в воздух-то?

— На самолете, конечно. Дадут же чай-нибудь.

— А чай? Лишних-то нет.

— Ну как же? Широбокова машина теперь, наверно, будет нашей... Завтра ее починят...

Алферов умолкает, и я больше не беспокою его. Человек он своеобразный. Борис убежден, что в авиации укоренилась вониющая несправедливость. Техники, по его мнению, живут на фронте «как у христа за пазухой», а летчики несут неправомерно большую нагрузку. «Мне даже в глаза прилетевшему после боя домой летчику смотреть стыдно», — признается подчас Алферов.

«Да, хороший ты парень, Борис, добрый, мужественный, — мысленно говорю я ему.— Но в этих своих суждениях ты не прав. Да разве мыслима боевая работа летчика, его победа в воздушной схватке без твоего участия!..»

Потом я снова припоминаю подробности боя, в котором погиб Широбоков. Об этом бое уже несколько раз рассказывал нам Костылев. Мне кажется теперь, будто я своими глазами вижу, как все было. Вот пикируют со стороны солнца «мессершмитты». Вот наши разворачиваются, но не успевают контратаковать. Костылев — ведущий группы, и первый удар фашисты нацелили на него. Чтобы спасти командира, Широбоков бросается в промежуток между вражеским самолетом и истребителем Костылева. Очередь, предназначенная Костылеву, осыпает машину Широбокова...

Я лежу, укрывшись чехлом, смотрю в темноту ночи и только сейчас, кажется, начинаю по-настоящему понимать, каким человеком был этот Широбоков, какое благородное сердце билось в его груди. И подвиг Володи кажется мне в чем-то похожим на подвиг бесстрашного пехотинца, который в бою под Новгородом, выручая своих товарищей, попавших под огонь фашистского пулемета, бросился на него и ценой своей жизни спас положение. Неделю назад, когда мы были еще в Низине, в эскадрилью приезжал из Кронштадта политработник. Он-то и рассказал нам о славном герое-пехотинце. Политработник проводил политинформацию вечером. А утром я перебрал все имевшиеся у нас газеты, однако упомина-

ния о советском бойце, бросившемся на вражеский пулемет, нигде не нашел. Но спустя много лет мне стали известны и подробности этого подвига, и имя героя. 24 августа 1941 года под Новгородом, штурмую Кирилловский монастырь, превращенный фашистами в свой опорный пункт, группа младшего политрука Александра Панкратова попала под губительный огонь пулемета. Вырвавшись вперед, Панкратов бросил гранату и ранил вражеского пулеметчика. Огонь прекратился, но недолго. Когда раздалась новая очередь, Панкратов сделал последний рывок и навалился на пулемет всем телом. Рота завязала бой внутри монастырских стен...

И еще я узнал, что Александр Панкратов — мой земляк. Это был тот самый Саша Панкратов, с которым мы вместе учились в школе ФЗУ и работали на Вологодском паровозовагоноремонтном заводе. Теперь в Новгороде на берегу реки Малый Волховец стоит обелиск. Золотом сияет на нем надпись:

Стала вечною славой
мгновенная смерть
ПАНКРАТОВ
Александр Константинович
закрыл своим телом вражеский пулемет
24 августа 1941 г. в боях за Новгород

И каждый раз, останавливаясь перед этим обелиском, я вспоминаю не только о Саше, но и о Володе. В жизни они не знали друг друга. Но в подвиге они — братья,

**ТРУДНЫЙ
ЧАС
ЛИНКОРА
„МАРАТ“**

машина Широбокова отремонтирована. Ее передают нам. Техники собрались возле самолета. Все как бы чего-то ждут. Так и кажется, что сейчас придет сюда Володя. Придет, застенчиво улыбнется, сядет в кабину. Но подходит командир эскад-

рильи капитан Уманский. Подходит, осматривает самолет, притрагивается к латкам на месте пробоин, постукивает по ним, будто проверяя на прочность, похлопывает ладонью по фюзеляжу и поворачивается ко мне:

— Хороший был человек Широбоков... Берегите, товарищ Каберов, его машину...

Наши ребята сделали сегодня уже по четыре вылета и теперь отдыхают. Ефимов прилег прямо под крылом самолета на разостланной техником куртке. Костылев ушел в наш капонир. Мясников, Львов и Халдеев с мыслью «прихватить минут по шестьдесят на каждый глаз» устроились в землянке. Я же, приняв самолет, решил дождаться очередного вылета прямо в кабине и тоже прикорнул малость.

Но недолг сон летчиков. Вскоре над стоянкой взываются две зеленые ракеты.

— Вылет! — кричат всполошившиеся техники, едва успевшие заправить самолеты.

— На выручку к морякам!.. Воздушный налет на «Марат»! — разносится по стоянке.

Подняв облака пыли, наша шестерка идет на взлет. Два самолета ЯК-1 и четыре ЛАГГ-3 — все богатство нашей эскадрильи.

Ведет группу старший лейтенант Мясников на своем «якушке». Его ведомый — новый летчик нашей эскадрильи старший лейтенант Львов немножко знаком мне. Мы встречались перед войной на стрелковых соревнованиях. Я тогда вроде бы неплохо вел огонь по воздушным целям. Но когда самолет-буксировщик сбросил матерчатый конус, по которому стрелял Львов, все диву дались: конус был буквально изрешечен. Казалось, для этого статного, с лукавым прищуром живых серых глаз, русского парня такого понятия, как «закон рассеивания», вообще не существует.

Теперь он у нас в эскадрилье. И это не беспомощный новичок. На кителе Львова сверкает орден Красного Знамени, полученный им за отвагу и боевое мастерство, проявленные в пору советско-финляндского конфликта 1939—1940 годов.

Грозно гудят моторы взлетающих истребителей. Мы с Егором Костылевым идем последними. Окутанный сизым дымом, линкор «Марат» стоит в Морском канале напротив Стрельны и бьет из своих гигантских орудий по наступающим фашистским войскам, уже захватившим

Низино, Петергоф и устремившимся к Ленинграду. Горит Стрельна, горит Урицк. Стреляют зенитные пушки линкора. Небо усеяно черными шапками взрывов. Мне не терпится поскорее сразиться с вражескими бомбардировщиками. Но надо же, именно в этот момент левая стойка шасси срывается с замка и предательски повисает под крылом моего самолета. И тут же с аэродрома по радио доносится властная команда: «У кого выпала стойка шасси, немедленно произвести посадку!»

Как-то машинально, повинуясь команде, я отворачиваю от строя, делаю круг над аэродромом, докладываю, что случилось это у меня, и пытаюсь убрать стойку. Но она выпадает снова и снова. Что делать? Товарищи уходят впятером. А к «Марату» приближается множество фашистских самолетов. Зенитная артиллерия линкора усиливает огонь.

Чертова стойка! Идти на посадку, в то время как товарищи вот-вот столкнутся с такой сворой? Нет, это невозможно. Еще раз нажимаю на красную кнопку уборки шасси, держу ее, крепко придавив большим пальцем. Докладываю, что стойку убрал и что все у меня в порядке, а сам круто разворачиваю самолет и на полном газу ухожу к линкору. Но кнопка бьет по онемевшему пальцу. Держать ее нет никаких сил. Что делать? Приходится мириться с тем, что стойка опять висит под крылом. По радио продолжают звучать приказания возвратиться на аэродром. Но я их уже «не слышу». Наши истребители врезаются в середину боевого порядка «юнкерсов» и «мессершмиттов». Прибавляю газ и мчусь на помощь друзьям. Они уже ведут воздушный бой с врагом, который раз в десять превосходит их по численности.

Линкор ведет не только зенитный огонь. Из орудий главного калибра он бьет по наступающим фашистским войскам. Потому-то противник и бросил на него пикирующие бомбардировщики. Но их бомбы пока не достигают цели. Они падают в залив, поднимая столбы воды — что-то вроде большого каскада петергофских фонтанов.

Я подхожу к кораблю один, никем не атакуемый, и с ходу устремляюсь к ближайшему «юнкерсу». Он, этот «лапотник» (так называем мы фашистский бомбардировщик Ю-87 за его неубирающееся шасси), уже переходит

в пике. Я следую за ним. Машина моя идет боком — скавывается выпадение стойки. Целиться мне неудобно. Но сейчас уже ничего не исправить. Я догоняю «юнкерс» и прицеливаюсь с поправкой на боковое смещение. Очередь пришлась в самый раз! Бомбардировщик как бы передернуло. Отделившаяся от него тяжелая бомба идет мимо цели. А сам он, охваченный пламенем, стремительно теряет высоту.

— Есть один! — кричу я, включив передатчик.

— Есть другой! — будто по заказу, отзыается Егор Костылев. Волоча за собой шлейф черного дыма, тяжело падает еще один «юнкерс».

Между тем зажженный мной самолет все еще некоторое время летит над водой — пытается дотянуть до берега. До берега он дотягивает, но ударяется о него. Высокий столб огня и густого, жирного чада поднимается к небу. Я пролетаю над упавшим фашистским самолетом.

— Это тебе за Широбокова, гад!..

Пролетаю и, взяв ручку на себя, снова устремляюсь ввысь, где ведут тяжелый бой мои товарищи. С ходу пытаюсь атаковать второй бомбардировщик. Но пара «мессершмиттов» уже режет мне курс. Я стремительно разворачиваюсь. Они ведут по мне огонь. Стрекотнув по крылу, пули пробивают обшивку. Пробоины неопасные. Бросая истребитель то вверх, то вниз, то нападая, то увертываясь от наседающих на меня «мессершмиттов», я включаюсь в сумасшедшую круговорть.

Идет тяжелый, очень тяжелый бой. Но в какой-то момент я все же замечаю, что недосчитываюсь одного из ЛАГГов. Неужели кто-то из наших сбит? Кто? Нас пятеро, а фашистов тьма. Такое впечатление, будто вокруг меня только вражеские самолеты и что все они одновременно атакуют. Едва успеваю выйти из-под удара, как новый сноп трассирующих пуль проносится над головой. А по радио слышу:

— Да убери же ты стойку-то!.. У кого «нога» выпала?.. Уберите!..

Но убрать ее я не в силах, хотя она привлекает внимание и моих товарищ, и вражеских летчиков. Свои понимают, как мне тяжело вести бой, а противник видит во мне легкую добычу. Я уже не наблюдаю ни за линкором, ни за бомбардировщиками. Перед глазами мелькают одни «мессершмитты». Сколько их? Голова идет

кругом. Мне кажется, будто я слышу, как трещат мои шейные позвонки.

Почти одновременно яркими кострами вспыхивают два самолета. Волнуюсь. Не наши ли? Нет, «юнкерсы»! А позади два ЯКа. Молодцы, ребята!

И снова меня атакуют. Выпавшая стойка не дает покоя вражеским истребителям. Но мощный мотор, хорошая маневренность моей машины, а также забота товарищей обо мне делают безрезультатными все атаки фашистов.

«Мессершмитт» сзади, он уже совсем близко. Я бросаю самолет в глубокое скольжение и убираю газ. Мой ЛАГГ как бы вдруг останавливается. Едва не столкнувшись с ним, «мессершмитт» проносится мимо. Больше того, он загорается. Кто же его? Кто выручил меня в столь трудный момент? За фашистом промчался ЛАГГ-3 № 63. Это самолет Ефимова. Спасибо, Матвей, спасибо, друг!

Фашистские летчики, потеряв в бою четыре Ю-87 и один истребитель, уходят на свой аэродром.

А «Марат» все бьет из своих орудий. Пороховой дым над ним образует что-то вроде парусов. Кажется, будто линкор плывет под этими парусами, как старинный фрегат, ведя огонь с ходу. Но это обман зрения. Корабль стоит на месте. И он по-прежнему обрушивает на врага лавину огня.

Мы собираемся впятером. Кого же нет среди нас? Вижу — нет Володи Халдеева. Неужели сбит? Но ведь никто из наших не падал. Обычно поврежденный в воздушном бою самолет, горит он или не горит, отчетливо заметен. Да и из радиопереговоров мы могли бы понять, в чем дело. А Мясников? Неужели он не видит, что нас пятеро, а не шестеро?

Мы пересекаем залив, идем к аэродрому. Оглядываемся назад. Темный силуэт «Марата» хорошо виден. Перед войной я бывал на этом линкоре, видел его могучие орудия. Видел гигантские снаряды, которые летели сегодня на головы фашистских пехотинцев. Героическая команда на линкоре! Выдержать такой налет «юнкерсов»! Возможно, не все вражеские бомбы упали мимо. В таком случае на «Марата» могли быть потери...

После посадки мы собираемся возле машины командаира. Долго молча всматриваемся в небо, ожидая возможного появления товарища.

— Неужели так никто и не заметил, куда девался Халдеев? — озабоченно спрашивает, глядя из-под руки на море, Мясников.

— Я здесь, товарищ командир, здесь!

Каково же было наше удивление, когда мы обернулись и увидели улыбающегося Халдеева!

— Жив?! — Командир обнял летчика. — Ну, теперь хоть душа на месте. Как же это ты? Где был? Что случилось?..

Оказывается, в первые же минуты боя вражеский истребитель повредил на самолете Халдеева масляную систему. Летчик удачно вышел из боя и произвел посадку на Комендантском аэродроме. Оттуда на самолете У-2 он и возвратился домой.

А теперь мне хотелось бы рассказать хотя бы вкратце об одном интересном человеке, с которым судьба свела меня уже в послевоенные годы.

Живет у нас в Новгороде, неподалеку от меня, капитан первого ранга в отставке Виктор Иванович Новиков. Ему уже за шестьдесят. Здоровье Виктора Ивановича, понятное дело, не стопроцентное, но он не унывает, продолжает работать на одном из предприятий города и известен у нас как активный общественник. Я тоже не только своей книгой занят, а возглавляю авиационный спортивный клуб ДОСААФ, летаю на самолете, веду общественную работу. И все же мы с Виктором Ивановичем выкраиваем иногда часок-другой, чтобы по-соседски встретиться, посидеть, поговорить.

Как-то под вечер зашел он к нам. Жена накрыла на стол. Мы поужинали, побеседовали о том о сем, вспомнили о войне. Я начал рассказывать, как мы с воздуха защищали линкор «Марат».

— Так это была ваша работа? — Виктор Иванович оживился. — Ну, как же! Отлично помню тот бой. Помню и дату: 16 сентября 1941 года. Я ведь служил на «Марате». Был парторгом этого корабля...

Тут я достал свой фронтовой дневник и, найдя нужную страницу, подал его Виктору Ивановичу. Вооружившись очками, он прочитал: «16 сентября 1941 года. Тяжелый воздушный бой над линкором «Марат», в составе шестерки истребителей против сорока Ю-87 и двадцати МЕ-109...»

Новиков снял очки и удивленно посмотрел на меня:

— Так что же это мы, батенька мой? Давно с вами дружим и до сих пор не знали, что были в одном бою!..— Старый моряк вздохнул: — Да, это была баталия! Мы прикрывали огнем приморский фланг наших войск, когда на нас напали «юнкерсы». Орудия главного калибра вели огонь по наземным фашистским войскам. Стреляли двадцативосьмипудовыми снарядами, начиненными сферическими пулями. Помнится, грохот на корабле стоял неимоверный. Почти две тысячи человек команды работали слаженно. Каждый делал свое дело. Труднее всего было зенитчикам. Правда, вы им хорошо помогли. Но две бомбы все же попали в корабль. Только две. Остальные не достигли цели...

Долго беседовали мы с Виктором Ивановичем в тот вечер. Каждый заново переживал события давних лет.

ПРОБОИНА НА КОНСОЛИ

Не сумев с ходу ворваться в Ленинград, фашисты крупные силы своей авиации обрушили на главную базу флота. Вот уже несколько дней подряд над ней идут невиданные по своей ожесточенности бои. Группы по сорок, пятьдесят бомбардировщиков, прикрытие большим количеством истребителей, направляются на Кронштадт одна за другой. Ни зенитная артиллерия, ни малочисленные подразделения наших истребителей не в состоянии противодействовать такой силе. Но мы собираем все, что у нас есть, и наши МИГи, ЯКи, ЛАГГи снова и снова уходят в воздух.

Кронштадт горит. Дым пожарищ застилает его кварталы, и города почти не видно. Четверка наших истребителей взлетает и, едва набрав высоту, бросается в бой. На ЛАГГах — Уманский и я, на ЯКах — Мясников и младший лейтенант Чепелкин, недавно прибывший в эскадрилью летчик. Мы не успели с ним как следует познакомиться, но нам уже ясно, что у этого веселого малого в бою железная хватка.

Сегодня около сорока Ю-87 тройками одна за другой пикируют на корабли и объекты базы. Вокруг бомбардировщиков буквально кишат «мессершмитты». Они тотчас перехватывают нас. Ошалело бьют зенитки. Снаряды рвутся подчас на сплетенных в клубок трассах воздушного боя. Наши попытки помешать «юнкерсам» тщетны. Ни Мясников, ни Чепелкин, ни мы с Уманским не можем вырваться из цепких лап «мессершмиттов».

В кабине жарко, нечем дышать. А тут еще двойная опасность: вражеские истребители и зенитные снаряды. Но что делать! Кронштадт обороняется. Он должен вести зенитный огонь. Вот вспыхнули два «юнкера». Оба падают. За ними еще один прокручивает на небе дымный след. Кто их сбил — зенитчики или мои друзья-летчики? Впрочем, рядом со мной только ЯК Чепелкина. Где остальные — не вижу.

А высоко в небе ровным квадратом, как на параде, идет еще примерно шестьдесят двухмоторных бомбардировщиков Ю-88. Коршуны со свастикой на крыльях затмили солнце. Почти полтысячи бомб одновременно высыпают они с горизонтального полета на город и на корабли. Самолеты идут намного выше нас, и я вижу, как бомбы, вначале плашмя, а потом кувыркаясь, устремляются вниз. Мы ведем бой с «мессершмиттами», а бомбы уже совсем близко, над самой головой. Пытаюсь увернуться от них, но вокруг мельтешат самолеты, свои и чужие. Разрывы зенитных снарядов усеяли кронштадтское небо.

Все же я бросаю машину в сторону. Вой падающих бомб заглушает рев мотора. Внутри у меня похолодело. Взрыв страшной силы сотрясает все вокруг. Как бы чьи-то гигантские руки подхватили мой истребитель, бросили его вверх, перевернули. С трудом удерживаю машину и все еще не понимаю, что произошло. Подо мной, в самой гуще боя, клубится черное облако. Из него во все стороны летят обломки самолета. Нет сомнения, что одна из бомб угодила в истребитель. Только в чей — наш или вражеский?

Вот это бой! Посмотрел бы Алиев, что творится сейчас над «Маркизовой лужей», сравнил бы наши недавние прогулки над ней с этим воздушным сражением!..

Впрочем, оно, кажется, затихает. Шаражнувшись в сторону от взрыва, «мессершмитты» уходят. Уходят бомбардировщики противника. С трудом разыскиваем мы

друг друга в медленно остывающем и проясняющемся небе Кронштадта. Собираемся втроем. Нет Уманского... Неужели тот взрыв?.. Не могу поверить... Возвращаемся домой молча. Производим посадку. Я выскакиваю из кабинки и бегу к Мясникову:

— Уманский?

— Да,— тяжело произносит он, смахивая рукавом пот с разгоряченного лица.

Стою опустив голову. Перед глазами маячат клубы дыма и летящие во все стороны обломки самолета. Мясников медленно выбирается из самолета, поднимает валиющуюся под крылом щепку и вычерчивает ею на земле контуры острова Котлин.

— Вот здесь,— обведя щепкой восточную часть острова, говорит Мясников,— опускался он на парашюте. Причем был ниже меня. Его зенитка, по-моему...

— Какой парашют? Какая зенитка? Вы что, Александр Федорович? Там такой взрыв был. Одни обломки летели.

— Да, обломки «мессершмитта»,— снимая с головы шлемофон, говорит Чепелкин.— Бомба ударила в «мессершмитт». Я гнался за ним, понимаете, а в это время... И вот,— он указывает на распоротый конец крыла своего самолета,— досталось и мне немножко...

— Ну, а где же командир? — спрашиваю я.

— А командир выпрыгнул с парашютом. Это и я видел,— говорит Чепелкин.— Он выпрыгнул. Точно вам говорю. Где опустился — не знаю. Боюсь, что его зенитка...

Вечером в эскадрилье стало известно, что выбросившийся с парашютом капитан Уманский почти час провел в воде где-то близ Кронштадта, а потом был подобран нашим спасательным катером и отправлен в госпиталь.

Через день, 23 сентября, фашистская авиация вновь начала свирепствовать над главной базой нашего флота. Тысячи бомб различного калибра обрушились на нее. Казалось, там не могло остаться камня на камне. Но вот улетели последние вражеские самолеты. Все, что могло гореть, сгорело. Но Кронштадт жив. Мы хорошо видим это сверху. Догорают последние головешки. Слабый, как бы папиресный дымок тянется над пепелищами. Может, хотя бы к концу дня город, а с ним заодно и мы получим передышку? Так нет же. Опять появились «юнкерсы». Правда, на этот раз они пришли только втроем.

Нас тоже трое: Мясников, Бабернов (он прибыл в эскадрилью вместе с Чепелкиным) и я.

Мои товарищи погнались за двумя «юнкерсами», идущими впереди. Третий летит на почтительном расстоянии от них, но, как и они, держит курс на базу. Экипажи фашистских самолетов, увидя наши ЯКи, явно струхнули. Передние «юнкеры» переходят в пикирование и, сбросив бомбы, устремляются к Стрельне.

Меня интересует третий вражеский самолет. У него необычный вид: такие же, как у Ю-88, длинные, выступающие вперед гондолы моторов и двухкилевое, как у МЕ-110, оперение хвоста. Однако, разглядев самолет внимательней, я припоминаю: да это же Ю-86! Именно такой старый фашистский бомбардировщик сбил на Ханко Бринько. По поведению Ю-86 вижу — экипаж занят фотосъемкой.

Наша зенитка открывает по нему огонь, и мне никак не подойти к бомбардировщику. Вражеский стрелок с большой дистанции лупит без передышки. Его положение понятно. А вот зачем бьют зенитчики, в то время как я захожу в атаку? Это не очень ясно. Все же я догоняю бомбардировщик, сближаюсь с ним до предельно короткой дистанции и расстреливаю его почти в упор.

«Фотограф» горит — «проявляет» в огне свою пленку. Стрелок висит на турели. Вроде бы все в порядке.

Однако в этот момент мой истребитель получает толчок. Он едва не переворачивается. Мне слышится гул. Такое впечатление, будто где-то вдалеке произошел взрыв. Выравниваю самолет и вижу: на левой консоли крыла зияет рваная дыра величиной с блюдце. Зенитный снаряд? Да, по-видимому. Должно быть, он разорвался слева под крылом, и осколок пробил консоль.

— Прекратите стрельбу! Куда же вы бьете по своим-то, черти? — кричу я, словно голос мой может дойти до зенитчиков.

Но стрельба и в самом деле прекращается. Подбитый мной «юнкерс» уходит. Он уже развернулся к Петергофу и теперь скользит на крыло — пытается сорвать пламя. Я догоняю его и даю еще одну очередь. Опустив нос и кренясь вправо, «юнкерс» идет к берегу. Падает он на прибрежной части Петергофского парка, недалеку от фонтанов. На месте его падения образуется яркий костер.

Я делаю круг над берегом. Под крылом проходят руины Петергофа. Вижу разрушенное здание дворца, разбитый вокзал, печные трубы сгоревших домов.

Беру чуть южнее, хочу глянуть на Низино. Но там словно смерч прошел. Каких-нибудь десять дней назад все еще было на месте, а сейчас... Ладно, Низино... Но Петергоф-то, Петергоф... Это же гордость человечества!.. Его музей посещали когда-то и немцы. Что же сделали с ним фашистские варвары!..

Ухожу домой, смотрю на город, шепчу про себя строки стихов, которые порой приходят ко мне даже в такие, как эти, невеселые минуты.

Вот Петергоф, его дворцы, фонтаны,
Здесь возвышался бронзовый Самсон.
Был городок людской овеян славой,
Сейчас стоит разрушен и сожжен...

Чтобы запомнить неожиданно возникшее четверостишие, повторяю его несколько раз.

Старшему лейтенанту Бабернову в этом бою не повезло. Вместе с командиром атаковал он «юнкерс». Но при этом самолет Бабернова, не дотянув до берега, приземлился в Финском заливе. У побережья в районе Лахты мелко, и это спасло летчика.

Мы с Мясниковым пролетаем над ним. Из воды торчит киль самолета и лопасть винта. Виден фонарь кабин. Сам Бабернов стоит в воде, машет нам шлемофоном, показывает, что намеревается идти к берегу.

Едва мы приземлились на нашем аэродроме, как Грицаенко тотчас вцепился взглядом в пробоину на консоли крыла моего самолета:

— Кто-то вас угостили...

— Это, Саша, привет нам от кронштадтских зенитчиков.

Подошел Алферов:

— Они что — ошалели там? По своим лупят?

— Промахнулись немножко и вот задели, — объясняю я.

— По-моему, они попали, а не промахнулись, — замечает Грицаенко.

— По «юнкерсу», говорю, промахнулись.

— Понимаю. Но где же «юнкерс»?

— Там, около Петергофа, на берегу дрогает.

— Так, значит, сбили его? — спрашивает Борис и, получив утвердительный ответ, кричит на всю стоянку: — Ура! Еще один! Здорово!..

Часа через два пришел на аэродром вымокший до нитки старший лейтенант Бабернов.

Прошло несколько дней, и в эскадрилье нашей снова многое изменилось. Были и радостные, были и невеселые события. Вернулись из госпиталя Сергей Сухов и Николай Соседин. А через несколько дней Николай погиб, выполняя боевое задание. В районе Пушкина его истребитель был подбит, загорелся, и Соседин выбросился из самолета. Товарищи видели падающего летчика, ждали, что он раскроет парашют. Но фигурка Соседина стремительно уменьшалась в размерах. Наконец она стала сливаться с фоном земли и исчезла из глаз...

Некоторые позже высказывали предположение, что Николай, зная ошибку Тенюгина, сделал задержку и раскрыл парашют у самой земли. Но никто парашюта не видел. Время шло, а Соседин не возвращался. Стало ясно, что мы потеряли еще одного товарища. Эскадрильская комсомолия лишилась своего боевого вожака. Комсогром был вскоре избран один из наших младших авиационных специалистов — сержант Паша Хаустов.

Через некоторое время Халдеев и Киров убыли в командировку. На Балтику они больше не вернулись.

Раненный в голову капитан Уманский был отправлен в тыл. Командиром эскадрильи стал Мясников.

Из числа молодых летчиков, начинавших войну в составе нашей эскадрильи, остались только Сергей Сухов и я. Но нас молодыми уже не считали.

Эскадрилья располагала двумя типами истребителей: ЛАГГ-3 и ЯК-1. Оба самолета имели один и тот же двигатель. Только деревянная машина ЛАГГ-3 была тяжелей, а истребитель смешанной конструкции ЯК-1 — легче и маневренней. Мясников, Львов, Бабернов и Чепелкин предпочитали ЯК-1. Костылев, Ефимов, Сухов и я были убежденными «лагговцами», «Группа Яков», «группа ЛАГГов» — так в шутку называли мы себя в ту пору.

Были у нас названные братья — старшие лейтенанты Львов Семен Иванович, Бабернов Василий Иванович и Сухов Сергей Иванович. Львов и Бабернов имели ордена Красного Знамени, Сухов — знак ГТО.

— Это чтобы потом дырочку на кителе не сверлить, — шутил Сергей.

НИКТО НЕ ВЕРИЛ ТИШИНЕ

ретий день над главной базой Балтийского флота стоит тишина. Погода хорошая, а в воздухе ни одного вражеского самолета. Будто и войны нет.

Ефимову, Сухову и мне выпало с утра дежурить. Сначала мы сидели в кабинах, потом командир разрешил нам покинуть их, но приказал никуда не уходить от истребителей. Мы втроем собирались возле моей машины. Холодновато. Попрыгиваем, разминаемся.

— Что, озябли? — говорит, подходя к нам, инженер Сергеев. — Ну, погрейтесь, погрейтесь.

— Кабы подраться сейчас, враз бы согрелись! — отзыается Сухов. — А так что?

— А правда, товарищ командир... Что это мы все дежурим? Почему не летаем? — спрашивает у меня мото-рист Алферов.

— Не летаем потому, что фашисты не летают.

— А почему они не летают?..

Инженер кладет руку на плечо мото-риста:

— Ох и дотошный же ты, Алферов! А я вот что тебе скажу. Фашисты в эти дни сбитых нами стервятников хоронят — это раз. Поминки справляют — это два. Починяются — это три!..

Все мы улыбаемся. Нам по душе оптимистическое настроение Сергеева.

— Знаешь, сколько их после боев не вернулось на базы? Ого! — продолжает он между тем. — Зенитный огонь Кронштадта, — инженер многозначительно поднимает палец, — над Берлином такого нет! Да еще наши истребители фашистов потрепали. Ну, а бомбардировщик починить, сам понимаешь, — это не нашу пичугу. Вот и не летают...

Алферов слушает инженера, приняв положение «смирно». Потом он благодарит его и уходит в капонир, где у мото-риста всегда немало дел.

— Нам бы недельку затишья, — раздумывает вслух Сергеев. — Отдохнули бы немножко. А то ведь техни-

ки прямо на ходу спят. Ну да ладно,— спохватывается он.— Забалакался я тут с вами. У меня ведь тоже дела...

Инженер уходит, а Сухов вдруг, озорно похлопывая, схватывает меня за руку:

— Тебя, что ли, отпустить?

— Медведь чертов,— вырываюсь я.— Привык на маленьких нападать. Ты вон с Матвеем попробуй.

— А ну что ж, давай!— задорно откликается Ефимов и подходит к Сергею, широко расставляя ноги.

— С тобой неинтересно,— отмахивается Сухов.— Да и жалко тебя. Парторг как-никак.— Он дружески обнимает Ефимова.— А ведь правда, Матвей, так и врезал бы я сейчас какому-нибудь «мессеру». Аж руки чешутся...

— Еще успеешь,— говорю я.— До Берлина путь дальний.

Мы присаживаемся на сложенные в кучу чехлы. Разговор идет о том пока что отдаленном будущем, когда наша армия погонит фашистов от Ленинграда.

— Поскорей бы уж!— мечтательно говорит Сергей.— Последний фашистский самолет я хотел бы сбить над Берлином...

После дежурства я бегу к нашему писарю. Женя Дук недавно возвратился из госпиталя и уже трудится над очередным «боевым листком».

— Женька, есть мысль!.. Не мешай только: сочинять буду...

Незадолго перед обедом мы вывешиваем очередной номер листка. В нем только что написанное мной стихотворение:

Мы с врагами будем квить.
Наш расчет с врагами прост:
Пусть-ка сунутся бандиты —
Всех отправим на погост.
И в стремлении орлином
Мы еще уйдем в полет —
Сбить над городом Берлином
Их последний самолет.
Сбить, увидеть,

как, объятый
Дымом едким и огнем,
Упадет фашист треклятый
В черном логове своем...
Но пока что нет работы,
Как ни щурь на небо глаз...
А подраться так охота —
Руки чешутся у нас!..

ДРУГ
ИЛИ
ВРАГ?

Вдалеке от Ленинграда, во вражеском тылу, вплоть до декабря 1941 года сражался героический советский гарнизон полуострова Ханко. Но держать и дальше на Ханко наши войска не было смысла, и Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение эвакуировать их в осажденный Ленинград.

Эвакуация производится в несколько этапов.

Сегодня 2 ноября 1941 года. Западная часть Финского залива вплоть до самого Гогланда закрыта сплошным туманом. Пользуясь этим, группа кораблей Краснознаменного Балтийского флота вышла с полуострова Ханко и направилась в Кронштадт. Соблюдая скрытность, корабли идут без радиосвязи.

Командир полка Герой Советского Союза майор П. В. Кондратьев показывает нам на карте предполагаемое место нахождения кораблей и предупреждает, что радиосвязь в полете до цели строжайше запрещена. Наша задача — обнаружить выходящие из тумана корабли и донести условным кодом по радио, сколько их и где они находятся. На основе этих данных будет организовано прикрытие группы.

И вот истребители в воздухе. Нас трое: Матвей Ефимов (командир звена), Егор Костылев и я.

Погода ясная, тихая. Минуем Кронштадт. Я внимательно наблюдаю за воздухом. Слева от нас встречным курсом идет самолет. «Видимо, кто-то из наших вел разведку и вот возвращается», — думаю я, но на всякий случай снимаю гашетки с предохранителя. Впрочем, для тревоги нет оснований. Бомбардировщик СБ, заметив нас, покачивает крыльями и проходит стороной. Мы отвечаляем на его приветствие таким же покачиванием.

Однако профессиональный интерес заставляет меня обернуться. Я смотрю вслед самолету. Интересно, почему у него выпущено шасси. Ведь все-таки над морем. Да и высота большая. СБ уже почти не виден, а у меня такое чувство, что мы в чем-то сплоховали. Жаль, нельзя перемолвиться словцом-другим с ведущим. Разговор по

радио запрещен. Силуэт бомбардировщика окончательно растворился в синеве неба, а я все еще взволнованно думаю: «В такую ясную погоду и один, без истребителей. Да его запросто сбить могут. Нет, тут что-то не так. К тому же нам совсем недавно зачитывали приказ, что все части и соединения, вооруженные самолетами СБ, в связи с большими потерями этих самолетов от огня истребителей противника переходят наочные боевые действия. А он днем...»

Вскоре наше звено приближается к самой границе тумана, под которым где-то идут корабли. Едва мы успеваем сделать круг, как из тумана показывается первый корабль. За ним второй, третий... Выходит, командирский расчет был точным. Мы снижаемся до бреющего полета, проходим вдоль строя кораблей. Палубы полны народа. Солдаты и матросы — героические защитники Ханко, приветствуя нас, кричат, машут руками, бросают вверх пилотки, бескозырки. Мы для них сейчас добрые вестники, первые ласточки Родины, от которой они так долго были вдали.

После того как Ефимов уводит звено от группы кораблей и сообщает командованию данные о них, я открытым текстом докладываю ему о своих сомнениях, вызванных встречей с СБ.

— Какой там еще СБ? Давай не отставай! — говорит Ефимов. Он и слушать меня не хочет, держит большую скорость, торопится домой.

И все же я внимательно разглядываю то морскую гладь, то небо над ней. Пока никого не видно. Но в какой-то момент, свалив машину на крыло, внезапно обнаруживаю внизу двухмоторный самолет, летящий над самой водой.

— Вот он! — кричу я по радио друзьям и бросаю свою машину вниз. Да, это тот самый СБ. Только сейчас он держит курс на Выборг. Кажется, пилот заметил меня. Бомбардировщик снова покачивает крыльями. Нет, любезный, мы уже здоровались. А теперь давай-ка пристальней поглядим один на другого.

Пикируя, не перестаю терзаться сомнениями. Неужели это враг? Сколько раз мы сопровождали в бой точно такие же самолеты! Их пилотировали наши русские парни. А кто управляет машиной, которую я вижу перед собой? Почему так странно ведет себя этот самолет? Что он делает здесь один средь бела дня? Почему у него

выпущено шасси? А может, это все-таки наш самолет, который выполняет какое-то особое задание? Может, он выискивает фашистские подводные лодки, чтобы оградить от них корабли, идущие с Ханко в Кронштадт?

И вдруг меня словно огнем обжигает. Смотрю и глазам своим не верю: на крыльях СБ отчетливо видны вражеские опознавательные знаки! Резко разворачиваюсь и догоняю бомбардировщик. Он пытается уйти в сторону от меня. Знает кошка, чье мясо съела!

— Нет, не уйдешь, гадина! Твоя песенка спета!..

Но я еще не успеваю как следует прицелиться, а бомбардировщик между тем исчезает в белой пелене тумана, повисшей в районе острова Сомерс. Верхняя граница тумана всего в ста метрах от воды. Вхожу в него и думаю: «А вдруг он начинается от самой воды?.. Не нырнуть бы в залив... Но пелена тумана оказывается не толще двух-трех метров. Едва я прорываюсь сквозь нее, как вражеский стрелок дает по мне очередь. Пулеметные трассы проходят рядом, а СБ снова скрывается в тумане. Я следую за ним, и стрелок вторично осыпает меня градом пуль. Бомбардировщик еще раз ныряет в туман. Он пытается спрятаться от меня. Но я вижу снизу его колеса. Они похожи на мух, бегущих по белому потолку. Беру их в прицел. Короткая очередь решает исход поединка. А тут и туман остался позади. Я отчетливо вижу: у СБ горит левый мотор. Летчик бросает машину в скольжение, пытается сорвать пламя, а высоты нет. Остаются последние считанные метры бесславного пути вражеского разведчика. И в этот момент Ефимов с Костылевым на огромной скорости проносятся над горящей машиной и зажигают ее второй двигатель. Объятый огнем СБ ударяется о каменистую отмель возле острова Сомерс и, разваливаясь на части, полыхает на прибрежных камнях.

Мы на малой высоте делаем круг над островом. Я хорошо вижу, как три солдата бегут к месту падения самолета. Один из них останавливается и поднимает руку. Завершая круг, замечаю, что он грозит нам кулаком. Должно быть, там внизу думают, что мы сбили своего. Ничего, потом разберутся...

Что ж, разобраться-то разобрались, но не сразу. Вначале с острова Сомерс поступила телеграмма, в которой говорилось, что истребители ЛАГГ-3 сбили самолет СБ. Мы еще не возвратились, а начальство уже

потребовало у командира нашего полка объяснений. После посадки попало и нам за то, что мы якобы сбили свой СБ. Дело принимало крутой оборот. Мне было приказано сдать оружие.

Но вторая телеграмма внесла в дело ясность. Самолет СБ оказался вражеским разведчиком. При падении машины на камни летчик и штурман погибли, а стрелок выпал из своей машины в воду и остался жив.

Об этой телеграмме я еще не знал, когда в землянке зазвонил телефон. Кто-то так громко, что даже мне было слышно, сказал: «Верните Каберову оружие и извинитесь». Офицер, которому это было приказано, облегченно вздохнув, отчеканил «Есть!» и положил трубку на рычаг. А я молча взял со стола свой пистолет, козырнул и вышел из землянки.

Чем же все-таки объяснялось появление злополучного СБ над Финским заливом?

Противник, разумеется, ничего не знал об эвакуации военно-морской базы с Ханко, но его беспокоило затишье в боевых действиях в районе полуострова. Для разгадки тайны враг решил предпринять глубокую воздушную разведку над водами Финского залива. С этой целью и был восстановлен доставшийся противнику неисправный самолет СБ. Что касается шасси, то оно, по-видимому, оставалось неисправным и во время полета.

Однако, как это уже известно читателю, коварство обошлось врагу недешево.

ПОГРЕЙСЯ ВОЗЛЕ ПЕСНИ

Огода испортилась. Днем моросит дождь, к вечеру подмрачивает. Туман белым пологом закрывает аэродром. Иногда он такой густой, что в трех шагах ничего не видно. Мы уже второй день не летаем.

Сегодня 6 ноября — канун двадцать четвертой годовщины Октября. Говорят, к нам приезжает известная

певица Клавдия Шульженко, и все спешат в клуб на концерт.

Мы с Дуком только что закончили оформление газетного номера нашей стенной газеты «За Родину!». Женя сразу же умчался к друзьям. Я намеревался идти в клуб вместе с Чепелкиным. Но и он как сквозь землю провалился. Встречаю инженера Сергеева, спрашиваю, не видел ли он Чепелкина.

— В капонире на самолете,— говорит мне Сергеев на ухо.

Прибегаю в капонир. Петро сидит в кабине. На голове у него шлемофон.

— Это что — ночной дежурство? А если нет, то почему в клуб не идешь?

— В клуб потом. Дай послушать. В Москве торжественное собрание идет.

— А разве наша станция принимает Москву?

— Да, когда Ленинград транслирует. Я вот покрутил ручки и поймал. Правда, временами помехи.

Чепелкин выворачивает левое ухо шлемофона. Я пытаюсь слушать вместе с Пилотом. Но это очень неудобно. Нет, уж лучше перейти к своему самолету.

Мы с Грицаенко пускаем в ход запасной аккумулятор, тоже включаем радио и слышим знакомый голос Сталина.

В докладе речь идет о причинах наших временных неудач, о том, что фашисты еще превосходят нас в танках и что необходимо ликвидировать это преимущество врага. Сталин говорит о сущности национал-социализма, сущности гитлеровской фашистской партии. Она охарактеризована как партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов...

Я слушаю доклад и думаю, думаю. Вот идет жестокая битва, в которой решается судьба Родины. Враг у ворот Москвы, и все же в ней по традиции проводится торжественное заседание, посвященное двадцать четвертой годовщине Октября. О чем это свидетельствует, как не о нашей силе! Советское правительство, Центральный Комитет нашей партии твердо верят в то, что ненавистные фашистские захватчики будут наголову разгромлены!..

Пользоваться радиостанцией самолета на земле категорически запрещено. Поэтому, как только появляется

дежурный техник (он пришел закрыть стоянку и сдать ее под охрану), я поспешил выключить радио и выскакиваю из кабинки. Ко мне подходит Чепелкин:

— Ну как?

— Да немного послушал. Жаль, что помехи...

— А про Геринга-то слышал? Во гад кровожадный, во людоед-то!.. Убивайте, убивайте, говорит, я за все отвечаю... Выходит, убийцы у власти... Ничего, доберемся и до них... Да, время-то! — Чепелкин смотрит на часы.— Мы, наверно, еще на концерт успеем. Пошли скорей!..

— Идите, а я вас догоню! — кричит нам вслед Гриценко.

Тропинка, ведущая в клуб, петляет между соснами. За разговором о московском торжественном заседании мы и не заметили, как подошли к зданию клуба.

Народу в зале — не протолкнуться. Клавдия Шульженко в сопровождении джаз-оркестра под управлением Владимира Коралли исполняет веселую песенку «Курносый». В клубе холодно. Зрители одеты по-зимнему, а артисты выступают налегке, будто на летней эстрадной сцене. На Клавдии Ивановне легкое безрукавное платье. Ей бы теперь теплый пилотский реглан!..

Едва Шульженко заканчивает песню, как в зале раздается гром аплодисментов. То и дело слышатся возгласы: «Бис!.. Клавдия Ивановна, бис!..» Выйдя из-за кулис, артистка повторяет полюбившуюся воинам песню. Кто-то из летчиков поднимается на сцену и преподносит певице еловую веточку с висящими на ней шишками. Чувствуется, что этот парень обладает художественным вкусом. Клавдия Ивановна по достоинству оценивает его дар. Взволнованно произносит она слова благодарности и желает воинам славных боевых побед над фашистскими захватчиками.

Мимо нас к выходу пробивается командир полка майор Кондратьев. Он дает мне знать, чтобы я тоже вышел.

— По окончании концерта возьмешь мою машину, — говорит он мне уже в фойе, — и отвезешь Клавдию Ивановну с мужем и сыном на Поклонную гору. В столовой штаба накорми артистов. Понял? Ну, действуй.

— А остальных как?

— Остальных попробуем накормить здесь. Что-нибудь придумаем. Давай!..

В поздний час приезжаем мы к Поклонной горе. Я передаю повару распоряжение командира. Повар, что называется, рад стараться. Артисты ужинают, отогреваются горячим чаем. За столом Клавдия Ивановна расспрашивает меня, как мы воюем, не страшно ли нам в воздухе драться с фашистами. Ее интересует, где на самолете стоят пушки и как выглядят гитлеровцы.

На обратном пути Шульженко спрашивает у меня о летчике Каберове.

— Командир сказал, будто он пишет стихи,— говорит она.— Так вот хотелось бы узнать, нет ли у него лирики. Мы бы переложили стихи на музыку, чтобы петь с эстрады.

Хорошо, что в машине темно и моя собеседница не видит, как я краснею.

— Клавдия Ивановна, Каберов — это я. Но что поэт — ошибка. Пишу для «боевого листка» — и только. Вас неточно информировали.

Однако на прощание она снова возвращается к своей мысли о стихах:

— Товарищ старший лейтенант, если все-таки появится лирика — присылайте, будем петь...

На другой день мы с Чепелкиным по указанию комиссара Исаковича провели политинформации по докладу Сталина. Петр беседовал с младшими авиационными специалистами, я — с техническим составом. Потом, пока аэродром был окутан туманом, все мы помылись в бане. Помылись с паром да с веничком. Настроение стало еще более бодрым и веселым. Я написал письма домой, привел в порядок свои дневниковые записи, потолковал с младшим сержантом Хаустовым, нашим новым комсоргом, о заметках для «боевого листка».

Потом я пошел в штаб полка.

Иду, подняв голову вверх и разглядывая зеленые макушки сосен, купающиеся в туманной дымке. Едва не сталкиваюсь с капитаном Корешковым.

— Здравия желаю, товарищ капитан!

— Здравствуй, Каберов! А я как раз хотел тебя видеть.

Он достает из-под реглана свежий номер газеты и протягивает мне:

— Читал?

— А что тут?

— Орденом тебя наградили, Игорек! — во весь голос кричит Корешков. — Орденом Красного Знамени. Понял — нет?!

Я поднимаю глаза на капитана, гляжу в его сияющее, расплывшееся в улыбке доброе лицо и не знаю, что сказать.

— Поздравляю, — трясет он мне руку. — От всей души поздравляю. Я только что из Ленинграда. Тут, — он указывает на газету, — и о тебе, и о Костылеве, и о Сухове, и о Ефимове... В общем, прочтешь...

Корешков достает портсигар и раскрывает его передо мной:

— Закури. «Беломор». Ленинградские!

— Не курю, товарищ капитан.

— По такому слушаю можно.

Я беру папиросу, раскатываю, разминаю ее, как это делают заправские курильщики. Капитан зажигает спичку. Прикуриваю, затягиваюсь и кашляю, кашляю до слез.

— Эх ты, а еще истребитель! — раскурив свою папиросу, говорит капитан. — Ты поглубже затягивайся, со смаком, вот так...

Он делает такую затяжку, что его папироса, ярко вспыхнув, сгорает чуть ли не наполовину.

— Вот так, маленький истребитель! — Корешков обнимает меня, похлопывает сильной рукой по спине. — Хорошие люди собрались у вас в эскадрилье. И летчики, и командир, и комиссар, и парторг. Дружные, боевые. Настоящий фронтовой коллектив. Молодцы!

Он снова затягивается, медленно выпускает дым, смотрит на меня:

— А знаешь, тебя еще и орденом Ленина, кажется...

— Да вы что, товарищ капитан! Не может быть.

— Правда, об этом пока молчок, — предупреждает он. — Нужно уточнить. А впрочем, сведения из весьма надежных источников.

Ошеломленный таким известием, я прямо-таки теряю дар речи. Курю и не кашляю. А капитан достает еще одну папиросу и сует ее мне за ухо:

— Это за второй орден дымок пустишь. Ну, пока...

ПОБЕГ НА КОСТЫЛЯХ

Д а, Корешков был прав. Вскоре я прочел в газете Указ Верховного Совета СССР о награждении отличившихся в боях летчиков, в том числе и меня, орденами, а через некоторое время получил сразу две боевые награды. Было это 26 ноября.

Вспоминая тот день, вижу себя в кабине самолета. Сижу в боевой готовности. Уже настоящая зима. Снег белеет на крышах землянок и капониров, подушечками лежит на разлапистых ветках сосен.

В кабине холодно. Я надвинул фонарь и поглядываю сквозь стекло на все вокруг. Неподалеку между деревьями вижу присыпанный снегом земляной холмик с деревянным обелиском, увенчанным красной звездочкой. Наизусть знаю слова, написанные на табличке: «Младший сержант Павел Хаустов — комсорг эскадрильи. Погиб 16 ноября 1941 года...»

Немцы в тот день налетели на наш аэродром неожиданно. Мы только что приземлились. Самолеты были на заправке. Начальник штаба майор Кузов и я стояли возле капонира. Разговор шел о наших близких. Трофим Петрович радовался тому, что его семья эвакуировалась в Ташкент. И в этот момент над аэродромом появились вражеские бомбардировщики.

— Всем в крытую щель! — крикнул Кузов, ныряя под землю. Я почему-то остался наверху. «Юнкера» повисли над первой эскадрильей. Было отчетливо видно, как от них отделились бомбы. В то же самое время на нашу эскадрилью стала пикировать вторая группа бомбардировщиков. Я бросился в щель, вырытую рядом с капониром. В ней уже был Хаустов.

— Здорово, Паша!

— Они прямо на нас пикируют! — закричал он, выскочил из щели и побежал в другую. И в этот момент бомба с нарастающим свистом упала где-то рядом. Взрыв потряс все вокруг.

— Паша, где ты? — позвал я.— Паша!..

Сдвинувшаяся от взрыва земля сузила щель, и мне никак не удавалось выбраться из нее. Полузасыпанный и сдавленный, я лежал на дне своего укрытия, не зная, что с Хаустовым. А бомбы продолжали рваться одна за другой. Причем я ощущал каждый взрыв не только барабанными перепонками, но и боками. Земля колебалась и вздрогивала.

Когда «юнкеры» ушли, товарищи помогли мне выбраться из щели, и я увидел Павла. Широко раскинув руки, как бы обнимая землю, он лежал лицом вниз на присыпанной снегом траве...

Вспоминаю обо всем этом, и так тяжело становится на сердце. Голос Сухова выводит меня из раздумья:

— Эй, страж воздушный! — Сергей стучит по фонарю кабины.— Пошли на построение!

— А что там? По какому слушаю?

— Начальство большое приехало. Наверное, указания давать будет.

— Не могу, время не вышло. Еще двадцать минут.

— Ну давай, померзни немножко...

И начальство, и все наши собираются поблизости от капонира, в котором стоит самолет Костылева. Я вижу стол, покрытый красной материей, а возле него — незнакомых мне людей. Здесь же стоят командир полка Кондратьев, командир нашей эскадрильи Мясников, комиссар Исакович. Техник сообщает мне, что приехал член Военного совета КБФ контр-адмирал Н. К. Смирнов с представителями штаба ВВС. Большой группе наших летчиков и техников будут вручены боевые награды.

Из кабины истребителя я с интересом наблюдаю за торжественной церемонией вручения орденов. Один за другим подходят мои друзья к столу, на котором лежат коробочки с боевыми наградами. Я слышу взволнованно звучащие слова: «Служу Советскому Союзу!» — и вместе со всеми аплодирую награжденным.

Неожиданно там, возле стола, прозвучала моя фамилия. Товарищи машут мне руками: ну-ка, быстрай!

Не снимая шлемофона, поспешно подхожу к столу. Адмирал сам расстегивает мой реглан, шилом просверливает на гимнастерке дырочки и прикрепляет к ней орден Ленина и орден Красного Знамени.

— Слышал, вы мой земляк, вологодский,— говорит он, пожимая мне руку.

— Так точно, товарищ адмирал.

— Много раз приходилось мне вручать награды. Но чтобы вот так — сразу два ордена, да еще каких! — этого не припомню.— Он еще крепче стискивает мою руку: — Молодец, земляк!

Я отвечаю уставным «Служу Советскому Союзу!» и бегу к самолету. Но друзья окружают меня и наперебой поздравляют с наградами. Я тоже поздравляю их. И в это время к нам подходит комиссар Исакович.

— Ну-ка, покажись, орденоносец, дай-ка и я тебя поздравлю! — говорит он, заключая меня в могучие объятия. И тут происходит неожиданное. Чтобы не упасть, мне приходится сделать шаг назад. А там ямка, занесенная снегом. Нога подвертывается. Я вскрикиваю от боли. Михаил Захарович отпускает меня, но все еще трясет мою руку. А я опускаюсь на снег, тру ногу, но боль не проходит. Пытаюсь снять сапог. Но это мне не удается. Тогда Матвей Ефимов берет финку и разрезает сапог. С удивлением обнаруживаю, что нога распухла от стопы до самого колена. С помощью друзей кое-как добираюсь до землянки.

Вечером меня отвозят в дивизионный госпиталь, а на следующий день я уже в Ленинграде, в военно-морском госпитале.

Госпиталь переполнен ранеными. Врач осматривает мою ногу:

— Ну что ж, все ясно...

Помедлив, он произносит зловеще звучащее слово «блокада» и делает мне двенадцать уколов в области повреждения.

— А теперь попробуйте пройтись по палате без костылей.

Ступить распухшей ногой страшновато, но я пытаюсь сделать это и, к удивлению своему, особой боли не ощащаю.

— Ну вот и хорошо. Спадет опухоль — поедете в часть,— говорит хирург...

На четвертый день я уговорил няню помочь мне получить одежду и, прихватив на всякий случай костили, тайком покинул госпиталь. Мне казалось, что все здесь должны были втайне посмеиваться надо мной. Ну как

же! Человек повредил ногу в таких веселых обстоятельствах — принимая поздравления друзей.

Трамвайная остановка была рядом, но ждать трамвай, который шел на Поклонную гору, пришлось минут двадцать. Наконец он появился. Подняться в вагон помогла мне пожилая женщина. Она же уступила мне свое место. Я уверял ее, что могу постоять, но женщина заставила меня сесть.

— Вы летчик? У вас ранение?

В ответ я пробормотал что-то невнятное, чувствуя, как краснею.

— Какие отважные вы люди! — продолжала она. — Я недавно наблюдала бой над городом. Впервые видела, как наши «ястребки» сбили немецкий самолет, как он дымил и падал. Потом стал падать наш. Я закрыла лицо руками. Не могу этого видеть. Вы знаете, мы готовы, не уходя с завода, работать день и ночь, чтобы только поскорей разбить фашистов.

— Ничего, разобъем, — сказал стоявший рядом мужчина. — Я этих псов-рыцарей и в германскую и в граждансскую лупил. — Он поднял свои могучие кулаки. — А нужно будет, сынок, — опять винтовку возьму...

Неожиданно он расстегнул пуговицы своего старенького пальто, распахнул его:

— Вот она, старая гвардия-то!..

Все стоявшие поблизости увидели на пиджаке этого немолодого уже человека Георгиевский крест на полосатой поблекшей ленточке и орден «Знак Почета».

— Спасибо, отец! — Я покал ему руку.

Между тем ко мне придинулся старишок, сидевший до этого молча.

— Скажите, молодой человек, — поинтересовался он, — а у вас есть награды?

— Он же еще только начал воевать, — ответил за меня орденоносец. — У него все впереди. Так, сынок?..

Я не знал, что сказать. Признаться, мне хотелось показать этим людям свои ордена. Но я опасался, не будет ли это выглядеть как позерство и хвастовство.

— Нет-нет, вы не стесняйтесь, — видимо понимая, что меня удерживает, заговорил старишок. — Наградами можно только гордиться.

Я слегка отогнул борт реглана. Старишок округлил глаза:

— Орден Ленина?.. Орден Красного Знамени?.. Это за что же?..

— А ну?.. Покажи, покажи! — повернулся ко мне старый солдат и сам распахнул мой реглан. — Вот это да! — протянул он и, окончательно повергая меня в смущение, снял шапку со своей седой уже головы.

Тут я совсем стушевался. Но, к счастью, мы уже приехали на Поклонную гору, и едва трамвай остановился, как я поспешил выбраться из него и, превозмогая боль в ноге, дал ходу на костылях.

«Болван, хвастунишка!» — ругал я себя.

Но где-то в душе осталось теплое чувство к моим спутникам, простым рабочим людям, принимающим так близко к сердцу успехи и неудачи нашей армии.

В штабе соединения мне сообщили, что наш полк покинул прежний аэродром и перебазировался в район Ладоги, но что мой самолет остался на старом месте. Утром я снова отправился в путь и в полдень кое-как прикостылял на аэродром. На стоянке было пусто. Сиротливо стоял в капонире мой истребитель. И вдруг:

— Кирилл, ура!.. Командир приехал!..

Из землянки выбежал Алферов, а следом за ним техник Евсеев.

— Вот неожиданность! Как ты тут оказался? — удивился я.

— Меня инженер оставил здесь как «безлошадного», чтобы я выпустил вас, — пояснил Евсеев.

— А Грицаенко?

— Саша на новом аэродроме. Прилетите туда и сразу же начнете работать с вашим техником.

— Да, пожалуй, это сделано разумно. Ну что ж, приглашайте в дом.

Мы вошли в землянку. Кирилл протянул руку к раскаленной печурке.

— Обогреть — обогреем, а угостить нечем. Два дня сидим без еды...

Я растер озябшие руки и вытащил из кармана все, что у меня было: триста граммов хлеба, полученных в столовой на дорогу, и кусочек, оставшийся от завтрака. Кирилл и Борис подкрепились и начали расспрашивать меня о Ленинграде.

— В Ленинграде большие трудности, ребята. Хлебные пайки уменьшены. По рабочей карточке теперь приходится двести пятьдесят граммов на день. Служащие, иж-

дивенцы и дети получают по сто двадцать пять граммов...

Алферов и Евсеев задумались. Особенно приуныл Борис. Еще бы! В Ленинграде живут его родители...

Всю ночь трактор укатывал снег. К утру полоса для взлета была готова. Ребята смели снег с самолета, прогрели двигатель. С большим трудом забрался я в кабину самолета. Костили лежали в фюзеляже, прикрытые чехлом.

— Не знаю, как вы будете с одной ногой-то,— усомнился Алферов.

— Ничего, как-нибудь...

Нажимать на педаль правой ногой я не мог. Обмотанная чем-то мягким, она лежала поверх педали. Чтобы мне удобнее было действовать здоровой ногой, Евсеев привязал ее шпагатом к левой педали. Алферов смотрел на все эти наши ухищрения и только покачивал головой:

— Интересно, командир, что сказали бы по этому случаю медики...

В конце концов я, подняв облако снежной пыли, вырулил для взлета, помахал друзьям из кабины и дал газ.

Вот я и дома, в кабине своего устремленного вперед истребителя. Это мой укромный уголок, моя светлая небесная горница. Здесь тепло, уютно, удобно. К самолету я отношусь как к живому существу. Я разговариваю с ним. Мы с ним друзья. Ему тяжело — он может положиться на мою помощь. Мне трудно — я могу на него положиться. Почти неделю не было меня на аэродроме. Он ждал. Ждал в промороженном капонире один на всей стоянке. Зябко ему было. А стоило прийти мне, и ожил «ястребок», встрепенулся и вынес меня на своих сильных крыльях в тревожное ленинградское небо.

Но прежде чем уйти по маршруту, я разворачиваюсь, снижаюсь до бреющего и проношу над головами машущих руками Евсеева и Алферова.

До скорой встречи, друзья!

Набираю высоту. Как все знакомо вокруг! Заснеженный Кронштадт и едва схваченный молодым льдом Финский залив. В легкой дымке просматривается зловеще притихший, занятый фашистами петергофский берег. До боли знакомые контуры блокированного врагом Ленинграда проплывают под крыльями.

ТРЕТЬЯ ФРОНТОВАЯ ЗЕМЛЯНКА

На новом аэродроме я сразу же попал в руки медиков.

— Постельный режим. Ногу греть,— последовало распоряжение.

Я достал из-за печки унты, натянул их на ноги.

Командир эскадрильи капитан Мясников объяснил мне, что наш полк прикрывает ледовую дорогу, и показал ее на карте. Я узнал также, что на здешнем аэродроме базируется только наша эскадрилья истребителей (остальные вместе со штабом полка обосновались за Волховом). Вместе с нами здесь поселились штурмовики. Наша задача — прикрывать их в полете.

Комиссар Исакович принес мне перекусить, а командир из каких-то запасов налил в кружку:

— Ну-ка, с мороза-то...

Один за другим в землянку приходят летчики. Петро Чепелкин сидит рядом со мной. Егорушка Костылев и Семен Львов лежат на нарах. Не вижу Ефимова и Сухова. Намереваюсь спросить, где они, но рев снижающихся самолетов заглушает мой голос.

— Вот и наши пришли,— выглянув в окошко, говорит Мясников.— На дорогу ходили.

Вскоре Ефимов и Сухов появляются на пороге.

— Смотри, Матвей, он действительно дома! — кричит с порога Сухов.— Здорово, одногоний! Как дела? Как в Питере?..

Всех интересует Ленинград. К сожалению, ничего утешительного о положении города я сообщить не могу.

Видя хмурые лица друзей, Ефимов достает из-под стола наш новый баян в запылившемся футляре.

— Сто дней войны — сто «боевых листков»! — многозначительно говорит он. Дело в том, что в сотый день войны, 29 сентября 1941 года, бригадная газета «Победа» всю первую страницу посвятила ста номерам «боевого листка» нашей эскадрильи. Здесь же был помещен приказ командира бригады о награждении редактора «боевого листка» капитаном Мясниковым.

вого листка» ценным подарком. Вслед за тем Герой Советского Союза полковник Иван Григорьевич Романенко, издавший этот приказ, прилетел к нам на аэродром.

— Раз уж ты гармонист,— сказал он, побеседовав со мной,— то вот тебе гроши, дуй в Ленинград и сам выбери себе инструмент по душе.

Крепко сжав мою руку в своей огромной ладони, он дружески тряхнул ее:

— Играй, весели эскадрилью!..

Вскоре после этого появился у нас баян, сменивший мою видавшую виды старенькую трехрядку. Постепенно я освоил его и ко времени нашего перебазирования в район Ладоги научился довольно-таки сносно играть.

Да иначе и нельзя было. В часы досуга ребята наперебой требовали музыки. Вот и сейчас.

— Сыграй, сыграй,— говорит Ефимов.

— Что-нибудь наше, новгородское,— заказывает Мясников.— Ну, хотя бы «Катюшу»...

С каких это пор «Катюша» стала новгородской песней? Ребята смеются. Я медленно нащупываю знакомую мелодию. «Расцветали яблони и груши...» Играю, смотрю на поющих друзей и прислушиваюсь к голосам и басам баяна. Нет, хороший инструмент, что ни говори!..

На звуки песни в землянку заглядывает Сергеев.

— Вот это хорошо! — говорит он и, сняв шапку, усаживается на полу возле стенки. Допев вместе со всеми «Катюшу», инженер обращается к Мясникову: — Товарищ командир, все самолеты к вылету готовы, а вот погода портится.

Мясников смотрит в окно, потом звонит по телефону в штаб полка. Узнав, что вылетов в ближайшее время не будет, он поворачивается ко мне:

— Знаешь, что? Пока погоды нет, почитай-ка нам свои вирши... А начни с этого... Как оно называется?.. «Летчику-балтиецу»...

Преодолевая смущение, я читаю стихи ребятам:

Если ты вышел с фашистами драться,
Насмерть рази их в упорном бою!
Помни, товарищ, что все ленинградцы
Смотрят с земли на работу твою.
Нам нелегко, это ясно без споров,
Но родились-то мы в русском kraю.
Нам завещал полководец Суворов
Мужество, стойкость и славу свою.

В драке с фашистом отбрасывай жалость,
Так ему двинь, чтоб задохся в дыму!
Чтобы с овчинку оно показалось —
Наше балтийское небо ему!..

Песня, стихи, неторопливый, вдумчивый разговор, а потом опять баян на колени — и «Русскую! Веселая музыка подогревает настроение ребят. Командир уже готов пуститься в пляс, но телефонный звонок останавливает его. Мясников берет трубку, слушает, произносит краткое «Есть!». Отойдя от телефона, он объясняет нам, что через десять минут, как о том сообщили из штаба, снежный заряд иссякнет. Штурмовики под прикрытием истребителей пойдут на выполнение боевого задания.

— По самолетам!

Быстро пустеет землянка (кстати, это наша третья по счету фронтовая землянка). В какой-то момент я остаюсь в ней один. Но мне не сидится. Выхожу на берег Волхова. Он скован льдом. Ветер развеял снег. Лед отполирован как зеркало. Глядя на реку, я думаю о Новгороде, стоящем на ее берегах, о захваченном врагами Новгороде. Неужели он, как и Петергоф, весь в руинах?..

Возвращаюсь домой, обдумываю план очередного номера «боевого листка». Хочется сделать его как можно более ярким и интересным. Пока мне нельзя летать, времени для «боевого листка» будет у меня достаточно.

Идут день за днем, и каждый приносит с собой какое-либо важное событие.

Войска Южного фронта выбили фашистов из Ростова-на-Дону. Войска Волховского фронта взяли город Тихвин. 13 декабря радио сообщает о грандиозном наступлении наших войск под Москвой.

Приятно видеть, как повеселел Сергей Сухов. Еще был 16 декабря освобожден его родной Калинин. Матвей Ефимов в свободное от полетов и дежурств время буквально не отходит от карты. Старательно переставляет он на ней флаги, обозначая освобожденные города и даже сравнительно небольшие населенные пункты.

— Эх, на Можайск бы ударили! — разглядывая карту, мечтательно говорит Ефимов. — От него и Вязьмы недалеко. От Вязьмы до нашего Ярцева рукой подать. А там и родной Бережок рядом.

— А ты, Матвей, в Ставку налиши, — шутя советует Сухов. — Мол, так и так, мы, смоляне, просим...

Ефимов старше Сухова на шесть лет. Он командир звена. Сергей летает в паре с Матвеем с первого дня войны. Большие друзья, они неразлучны ни на земле, ни в воздухе. Сухов умеет дорожить этой дружбой. Он высоко ценит жизненный опыт Ефимова. Известно, что Матвей был комсомольским вожаком колхоза, потом председателем сельсовета. Он прослужил два года в наземных войсках, командовал танковым экипажем. Ко всему тому Ефимов окончил Коммунистический университет имени Свердлова в Москве.

— Тебе бы комиссаром быть, а не летчиком, — говорит иногда Сергей. Но он знает также об огромной любви Матвея к авиации. Эта любовь и привела Ефимова после окончания университета в стены Ейского авиационного училища...

Матвей отмечает на карте маршруты побед нашей армии. И мы все следим за перемещением красных флагов на запад от столицы. Для нас это праздник. А какой подъем вызывает у авиаторов, прикрывающих Ладожскую ледовую трассу, то, что наши войска погнали немцев от станции Войбокало и города Волхова. По железной дороге Тихвин — Волхов снова текут грузы к ледовой трассе. Не удалось и не удастся противнику окружить вторым кольцом блокады Ленинград!

Мне уже невмоготу сидеть без дела.

— Я здоров! — говорю я доктору.

Но отек ноги еще не прошел, и приговор доктора краток: «Сидеть и не рыпаться!»

Показываю ему, что я уже не только могу ходить, но и бегать. Наконец, шумно возмущаюсь. Но не помогает даже эта мера. Мне напоминают, что в бою летчик вынужден иногда пользоваться парашютом. Приземлиться с больной ногой не так просто: можно вызвать травму здоровой. А это в зимнее время, да еще вдалеке от жилья, означает для человека гибель.

Последнее, что я делаю в доказательство своего выздоровления, производит впечатление. Я забираюсь на сосну и с довольно приличной высоты ссыгаю вниз. Медицина фиксирует этот факт и сдается.

И вот я летаю в паре с Петром Чепелкиным. Летаем мы над ледовой трассой. Машин на ней много. Погода стоит плохая, и фашистов в воздухе нет.

Новый год мы отмечаем скромно. 1 января — усиленная готовность с рассвета. Дежурим, сидим в кабинах,

а погоды нет и нет. Выбираемся немного размяться. Петр начинает рассказывать мне о девушке, с которой он недавно познакомился.

— Зовут Мотей. Работает медсестрой. Очень-очень хорошенъкая. Как-нибудь познакомлю...

— Какой же подарок ты приготовил ей к Новому году? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами, задумывается и весь как бы светится изнутри. Хлопок сигнальной ракеты прерывает наш разговор.

— Воздух! — кричат техники.

Выруливаем, взлетаем. Идем на высоте пятидесяти метров. Кругом белым-бело. Только лес да редкий кустарник помогают ориентироваться в пространстве. Над озером плывем как в молоке. Скорей бы выйти на трассу. Вглядываюсь в беспростивое белое марево и наконец вижу машины. Дорога!

Петр идет рядом, не отстает. Молодец, дело свое знает. По радио ни слова. Раз подняли в такую погоду, значит, над дорогой где-то шныряют фашистские истребители. Между тем автомашины идут и идут. Хотя нет, вот одна из них стоит под углом к направлению движения. На снегу возле нее лежат люди, должно быть пострадавшие от воздушного налета.

Мы с Петром переходим на правую сторону дороги, чтобы не встретиться лоб в лоб с «мессершмиттами», если они пойдут нам навстречу. Но ледовая трасса окончилась. Под нами станция Ладожское Озеро, карельский берег. Разворачиваемся обратно и видим скопление машин. Здесь тоже что-то случилось. Люди машут нам руками в сторону озера. Значит, фашисты только что улетели.

Опять мы идем правее дороги, теперь уже в сторону Кобоны. Забираемся под самые облака, чтобы быть менее заметными. Проходят каких-нибудь две минуты, и под нами поперек трассы курсом на север проскакивает пара фашистских истребителей. Пока мы развертываемся, они исчезают. Прикидываю: вражеские пилоты вряд ли видели нас. Они, должно быть, только что пришли сюда на смену своим предшественникам. При такой плохой видимости «мессершмитты» наверняка будут разворачиваться влево. Летчик-истребитель держит ручку управления правой рукой. Наблюдать и разворачиваться ему всегда удобнее влево, а в сложных

метеорологических условиях да еще на малой высоте — тем более. Это значит, что фашисты сейчас выйдут на дорогу около станции Ладожское Озеро, где так много машин.

Даю полный газ. Чепелкин идет рядом. Только бы не упустить их! Только бы не упустить!..

— Вот они, Петро! — кричу я по радио Чепелкину. Между тем пара «мессершмиттов» снижается над колонной грузовиков. Я прицеливаюсь сначала в «мессершмитт», идущий сзади. Но он неожиданно отваливает в сторону и исчезает из виду. Тогда я догоняю ведущего. Он уже дал очередь по одной из автомашин. Открываю огонь. Окутанный черным дымом вражеский истребитель резко отворачивает в сторону, но тут же переворачивается на спину и падает на лед.

Вот так, фашист, с Новым годом!

Красное пламя и космы черного дыма на белом снегу.

Люди бегут по снежной целине озера к месту падения «мессершмитта».

Но где же второй самолет? Мы не видим его. Должно быть, у противника в этом районе есть где-то станция подслушивания. Неспроста ведомый «мессершмитт» ушел, стоило мне только крикнуть: «Вот они, Петро!» Ведущий, видимо, надеялся ударить по автомашине и тоже ускользнуть, но ему это не удалось.

Мы трижды проходим над дорогой до Кобоны и обратно, но с самолетами противника больше не встречаемся.

На стоянке ко мне подбегает сияющий Чепелкин.

— Красиво! — говорит он, имея в виду атаку на «мессершмитт». А немного погодя Петр по-мальчишески предлагает мне: — Чтобы весь год был победным, давай меняться регланами!

— Что ж, это дело.

Мы переодеваемся, и выходит, что мой реглан лучше сидит на Чепелкине, а его — на мне. Под одобрительные возгласы присутствовавших при обмене техников бежим в землянку доложить Мясникову о выполнении задания.

— Значит, с Новым годом! — пожимает он нам руки.

— С новой победой! — обнимает нас Михаил Захарович.

— А как нога? — интересуется медсестра Лиза Боровкова.

Приняв положение «смирно», я торжественно произношу заранее заготовленную стихотворную фразу:

Милый доктор Айболит,
Я теперь не инвалид.
Вам сердечное спасибо.
Нога больше не болит!

Все смеются, а Лиза целует меня в щеку и оставляет на ней красный лепесток. Такой же лепесток оставляет она и на щеке смущившегося Петра.

Весь тот день патрулировали над дорогой наши самолеты, но встреч с врагом больше не было. Вечером поднялись в воздух Чепелкин и командир. Два ЯКа развернулись над аэродромом и ушли в беспросветную мглу Ладоги. И в этот-то час над ледовой трассой разгорелся бой. Фашисты атаковали командира. Но Петр вовремя подоспел на помощь ему и сбил МЕ-109. Второй вражеский истребитель предпочел больше не ввязываться в драку.

Это уже пятая победа Чепелкина над фашистскими летчиками. Недаром на его груди сияет орден Красного Знамени. Командир благодарит Петра за выручку в бою, а тот не знает, куда глядеть от смущения. Голубые глаза его личатся. «Вот и сделал мой друг подарок девушке», — думаю я. А еще меня радует, что новый год наша эскадрилья так хорошо начала: как-никак два сбитых вражеских самолета!

Командующий ВВС доложил о наших победах А. А. Жданову, и уже утром 2 января командир полка получил по этому случаю приветственную телеграмму от Военного совета Ленинградского фронта. К сожалению, я не помню ее дословно, но там было упоминание о Чепелкине и обо мне.

2 января Семен Львов и Петр Чепелкин над ледовой трассой сбили еще один истребитель МЕ-109, пытавшийся обстрелять идущие в Ленинград автомашины.

— Да, хорошо мы ему дали, — говорил, возвращаясь из полета, Чепелкин Львову. — А второй опять ушел. Что-то фашисты слишком осторожничать стали. Ты за ведущим бросился, а я отстал немного. Ведомый был надо мной и чуть сзади. Он ведь мог меня рубануть,

а вместо этого ушел в облака. Вот я и поспешил тебе на помощь.

— Видно, молодой был, неопытный, этот второй,— заключил Львов.— Выдыхается фашист. Не тот стал, каким был раньше. Сбили мы с него наглость и спесь.

— Да нет, еще не до конца,— возразил Чепелкин.— Вчера мы с командиром напоролись на опасных противников. Ни видимости, ни высоты, а схватились с нами — будь жив. И ведущий и ведомый, видать, стреляные волки. Носы самолетов желтым покрашены, в первый раз вижу желтоносых. А гоняли на виражах — только держись. Причем видели, что мы на ЯКах, и знали, конечно, что крен в девяносто градусов заложить мы тоже как-нибудь умеем. И все-таки дрались, пока мы не сбили ведущего. Так что мы еще у них не всех наглецов переколотили.

— Ладно,— Львов улыбнулся,— еще переколотим.

Вскоре капитан Мясников был вызван в штаб 57-го штурмового полка, базировавшегося на нашем аэродроме. Вернувшись, он сообщил, что нам приказано время от времени сопровождать штурмовики в полете до цели и обратно. Само собой разумеется, прикрытие ледовой трассы остается для нас главной задачей.

Командир подошел к карте и объяснил обстановку на нашем фронте. Продолжая успешно наступать, наземные войска вышли на железную дорогу Мга — Будогощь, обошли Кириши и, форсировав Волхов, захватили плацдарм на его западном берегу. Немецкое командование снимает часть сил с других участков фронта, чтобы оказать более упорное сопротивление нашим войскам, и они теперь особенно нуждаются в помощи авиации.

С того дня мы все чаще стали ходить со штурмовиками, нанося вместе с ними удары по врагу близ станций Малукса, Погостье, в районе Шапок и Посадникова острова.

Имена отважных летчиков 57-го штурмового полка Карасева, Клименко, Потапова, Степаняна, Мазуренко не сходили в ту пору с газетных полос. Жили эти славные ребята вместе с нами. В плохую погоду, когда не было вылетов, они вместе с нами любили спеть под баян задушевную песню.

Веселый, жизнерадостный человек, Нельсон Степанян произношением напоминал мне Гусейна Алиева. Помнится, как-то зашли мы с Петром Чепелкиным на стоянку

штурмовиков. Оружейники в тот час подвешивали под самолет Степаняна бомбы, устанавливали на балках 132-миллиметровые снаряды РС.

— Кого вижу? Игорь, Петро! — с кавказским акцентом воскликнул Нельсон Георгиевич.

— Пришли посмотреть на твой штурмовик, — сказал я.

— Это не только штурмовик, но и истребитель! — стал расхваливать свою машину Степанян.

— У него же бомбы висят, Нельсон, а ты говоришь — «истребитель».

— Это смотря кто им управляет! — горделиво заметил Степанян и стал рассказывать нам, как еще в октябре 1941 года при штурмовке одного из аэродромов противника самолично в воздухе сбил два бомбардировщика Ю-88: — Дело было так, понимаешь. Мы вышли на цель и уже заходим в атаку, а над аэродромом два «юнкерса». Ну, я ударил по стоянке самолетов, а потом — кинулся за Ю-88. Зашел сзади да как дам изо всех пушек сначала по одному, а потом по другому. Покончил с ними и продолжил штурмовку аэродрома...

— Нельсон Георгиевич, — спросил в тот раз Петро, — вот вы в день делаете иногда до четырех вылетов. И каждый раз попадаете под ураганный огонь с земли. Скажите откровенно: вам не страшно?

— Огонь? Какой огонь? Почему страшно? — удивился Степанян и взял из штабеля огромный РС. — Смотри, какой красавец! С таким ничего не страшно.

Он нежно погладил головку снаряда и, приложив кончики пальцев к губам, смачно чмокнул:

— Не снаряд — персик!.. Понимаешь?..

„ПОГИБАТЬ
НЕ ИМЕЕШЬ
ПРАВА“

Вот уже и январь на исходе. Зима выдалась снежная, морозная. А в землянке нашей тепло и уютно. Сегодня утром получены хорошие вести: войска, защищавшие Москву, продолжают наступление. Комиссар и парторг снова колдуют возле

карты. Красными флагками помечены на ней Калуга, Су-хиничи, Киров, Можайск, Торопец.

Горячо обсуждаем мы ход наступления наших войск под Москвой. А глаза наши невольно тянутся к карте, на которой обозначены боевые рубежи Волховского фронта. Рубежи эти тоже помечены флагками, но передвигать их некуда. Надежды, что наши войска с ходу прорвут блокаду Ленинграда, остаются пока надеждами. Фашисты яростно сопротивляются и с невиданным ожесточением цепляются здесь за каждый клочок захваченной ими земли.

Замерли на карте наши флагки на линии Грузино — Кириши — Погостье — Вороново — Липки. От Липок по берегу озера всего двенадцать километров до Шлиссельбурга. Неужели противник так силен на Синявинских высотах, что его никак не одолеть?

— Надо сюда наши штурмовики послать, — говорит Сухов. — Они на этих двенадцати километрах все разнесут в пух и прах. Только успевай наступать за ними!..

Но рекомендации Сухова почему-то не приняты в расчет. В район Вороново — Липки приказано послать не штурмовики, а истребители. Задача — прикрывать с воздуха в течение часа этот участок линии фронта. Получив столь неожиданное задание, командир опускает телефонную трубку на рычаг и смотрит на меня:

— Давай-ка сходи туда с нашими новичками. Вылет через десять минут.

Громодвинников, Борисов, Кочур и я одеваемся. И в этот момент командир подает мне письмо:

— Чуть не забыл. Из Вологды. Наверное, от жены.

Точно, из Вологды. Открываю конверт и прежде всего нахожу в нем фото. Валя держит на руках дочурку. Глаза у малышки веселые. Она так бойко смотрит на меня. На обороте снимка написано: «Мой папа на фьонте бьет фасиску гадину!» Жена в письме рассказывает, что Нинушка говорит так, когда спрашивают, где ее папа.

— Вот, товарищ командир, какая у меня дома помощница растет. Причем уже в политике разбирается.

Мясников с улыбкой рассматривает фото:

— «Бьет фасиску гадину...» Молодец!.. Мой Юрка постарше. Ему уже скоро шесть. Все в войну играет с ребятами. Авиатором хочет стать, как папа...

Новые летчики нашей эскадрильи капитан Громодвинников и старший лейтенант Кочур прибыли к нам из граж-

данской авиации. Капитан Борисов — из пожарной (нес патрульную службу — охранял леса). В первые месяцы войны они освоили истребитель и недавно прибыли к нам.

Мы садимся в самолеты и уходим на задание. Письма я кладу в карман, а фото укрепляю в рамке графика девиации. Пусть Валя и Ниночка смотрят на меня в полете. И не беда, что карточка закрывает часть графика. Девиация — это отклонение компаса от магнитного меридиана под влиянием находящегося вблизи железа. Но мы не заблудимся — район хорошо изучен.

На протяжении пятидесяти минут прикрываем мы участок линии фронта. Признаться, мне больше по душе ходить вот так, над передним краем, чем сопровождать штурмовики. Здесь мы сами себе хозяева. Здесь, что называется, инициатива в наших руках.

Почти под нами темнеют захваченные врагом станция Мга и Шлиссельбург. Мы видим Колпино и дымящий трубами возле самой линии фронта героический Ижорский завод. Скованная льдом Нева теряется в белесой дымке, нависшей над Ленинградом. Хорошо просматривается ледовая трасса с черными точками бегущих по ней машин.

Но противника в воздухе нет как нет. Мы идем на высоте трех тысяч метров чуть ниже облаков. Я поглядываю на часы и слышу по радио:

— Пушка-46, вам трава!

— Вас понял, выполняю, — отзываюсь я и не без досады веду группу на посадку. Целый час пустого полета! Но коль приказано домой, значит, домой. Под крылом станция Назия. И вот тут-то курсом строго на нас из облаков вываливаются два МЕ-109. Увидя перед собой четверку советских истребителей, ведущий дает очередь. Он стреляет, должно быть, не целясь и делает «горку». Оба вражеских истребителя уходят. Мы бросаемся за ними. Но они исчезают в серой массе облаков.

Снова подаю команду следовать домой. Сам иду позади группы. В какой-то момент мотор моего самолета вдруг почему-то «обрезает». Потом он начинает работать и снова дает перебои. Из-под капота выбивается пар. Температура воды — больше ста градусов. Я уменьшаю обороты, чтобы охладить двигатель, но стрелка термометра воды стоит на максимуме. Температура масла тоже на пределе, а давление его, наоборот, упало. Не остановился бы мотор!

Как бы в ответ на эту мысль в моторе раздается резкий стук. Трехлопастный винт беспомощно остановился.

Что такое? Неужели шальная пуля? Вот тебе и неприятная очередь.

Хочу сообщить о случившемся товарищам, но радио тоже не работает. Вижу впереди станцию Войбокало, а за ней — деревню. Узкой лентой ведет через лес дорога на Ладогу. Должно быть, здесь, на открытом месте близ деревни, придется мне приземляться. Как-никак это все же не ржаное поле среди валунов, на котором посадил я свой самолет в Большой Вруде. Без шасси на снег — ничего страшного. Истребитель проползет, как на лыжах, метров пятьдесят, и будет полный порядок...

Пока я раздумываю об этом, машина снижается. Высота уже двести метров. Вот и деревня. Справа лес. Надеюсь сесть между лесом и деревней. Слежу за скоростью. И вдруг (сколько же этих «вдруг» в нашей работе!) все скрывается из глаз. На высоте ста метров от земли самолет погружается в белый как снег туман. Какие-то мгновения — и кисея тумана прорвана. Подо мной щетинится островерхими елями густой лес. Разворачиваю машину влево, к краю леса. Но высоты не хватает. Крылья уже рубят макушки деревьев. Летят сучья. Я ничего не вижу перед собой, но ощущаю неожиданный рывок. Такое впечатление, будто кто-то схватил машину за хвост. Она на миг останавливается в воздухе, а затем резко опускает нос и срывается вниз. Успеваю выбросить руки вперед, чтобы не удариться головой. Но следует мягкий толчок, и я, полувыброшенный из самолета (удержали приязненные ремни), повисаю на козырьке кабины. Оседает облако снежной пыли. Становится тихо. Ощупываю себя. Кажется, цел. Отстегиваю ремни, осматриваю кабину, снимаю с приборной доски фотокарточку. Жена и дочурка глядят на меня добрыми глазами. Не волнуйтесь, родные, беду пронесло. Как видите, я жив и разговариваю с вами. Правда, самолет мой не в лучшем виде. Но на войне, к сожалению, бывает и так.

Выбравшись из кабины, я увязаю в глубоком снегу. Пытаюсь выбраться, но меня ставит в тупик строгий оклик:

— Стой! Руки вверх!

Надо мной на берегу оврага, раздвинув ветки кустарника, стоит боец. Его автомат нацелен на меня. Решитель-

ный вид бойца не сулит мне ничего доброго. Сделай я хоть одно неосторожное движение...

— Ты фашист? — кричит он. — Оружие!

— Я свой. Я русский, советский. А оружие подать не могу. Руки подняты.

— Все вы свои, мать вашу... Бросай сюда оружие!..

Я расстегиваю ремень и бросаю пистолет и все мое снаряжение к ногам бойца.

— А ну, выходи! — воинственно кричит он. — Сейчас разберемся, кто ты такой.

— Потише, товарищ боец. Вы же видите, — показываю я на уголок красной звезды, оставшийся на уцелевшей части фюзеляжа. — Это советский, а не фашистский самолет. К тому же я капитан. Прошу вести себя вежливее.

— Знаем мы вас, — не сдается он. — На днях тут тоже схватили одного. И тоже говорил по-русски. Мол, на ЯКе летел, немцы сбили. И в реглане таком же. А морда бандитская, и парашют где-то в кустах спрятал...

Я вспомнил о своем парашюте и, забравшись на центроплан, вытащил его из кабины:

— Мой здесь, его прятать не надо.

Только сейчас я по-настоящему разглядел, что у самолета нет ни крыльев, ни хвоста. Мотор с центропланом зарылся в снег, попав в какой-то карьер. Кабина и часть фюзеляжа снаружи. Вторая половина фюзеляжа с хвостовым оперением раскачивается на высоковольтных проводах. Ее удерживает на них стойка костыльного колеса.

— Линия не действует, — говорю я бойцу. — Иначе убило бы током... Не действует... Значит, голодный Ленинград остался еще и без электричества...

Солдат смотрит на линию электропередачи, на раскаивающийся вверху хвост моего самолета и уже несколько мягче велит мне выбираться из оврага. Больше того, он бросает мне свои лыжи. Выйдя на тропу, я возвращаю их своему конвоиру. Через некоторое время он приводит меня в деревню, к дому, возле которого стоит часовой.

В доме нам навстречу поднимается из-за стола майор в общевойсковой форме.

— Поймал немецкого летчика, товарищ майор! — бойко докладывает ему боец. Они оба глядят на меня. И тут я обнаруживаю, что на реглане, который достался мне от Чепелкина, нет голубых петлиц. Воротник моей

гимнастерки не виден из-под шерстяного свитера. Вот почему я и кажусь бойцу подозрительным.

Впрочем, майор сразу уясняет, что к чему. Он командует пехотным батальоном, отведенным после тяжелых наступательных боев в район станции Войбокало на отдых. Отпустив бойца, командир просит меня подробно рассказать обо всем случившемся.

— Да, вам очень повезло, — говорит он, внимательно выслушав меня. — Можете быть уверены, мы ничего не тронем на машине. Я прикажу выставить возле нее караул до приезда ваших товарищей.

Комбат отдает распоряжение накормить меня и сожалеет, что не имеет возможности доставить на аэродром. Однако он дает мне провожатого, знающего, как выйти на дорогу.

— Будьте осторожны, — советует на прощание майор. — В лесу иногда шныряет разведка противника. Не напоритесь. А боец, доставивший вас... — Мой собеседник улыбается. — За бдительность мы объявим ему благодарность.

Сначала с провожатым, а потом один иду я с парашютом на плечах по лесной дороге. На всякий случай держу наготове пистолет. Снег морозно хрустит в тишине, и кажется, что хруст этот слышен во всех уголках глухого леса.

К нашему дому подхожу только в восемь часов вечера. Меня встречает новенький, еще незнакомый мне матрос-дневальный.

— А где все остальные?

— Ужинают.

На столе лежит небольшая записка. Глаз невольно улавливает на бумаге мою фамилию. В чем дело? Читаю: «Тов. Исакович! Бери нашу машину, поговори с Мясниковым, где искать Каберова. Заедешь в Шум, поговори с Львовым. Может, он знает что-нибудь об Игоре. Возьми карту и фонарик. Поговори с населением. Прими все меры, чтобы Игоря найти. Лукьяннов».

Все ясно. Иду в столовую. В ней как-то чересчур уж тихо. Все говорят вполголоса. Вот так же разговаривали неделю назад, когда в воздушном бою был поврежден самолет Сергея Сухова. С каким волнением ждали мы его возвращения! И он действительно возвратился. Возвратился во втором часу ночи...

Сейчас здесь ждут меня.

— Понимаешь, ведь шли-то мы домой, к Войбокало подходили,— слышу я, отворяя дверь столовой, голос капитана Громодвинникова.— Ты помнишь, как он подал команду собираться в группу? Подал команду, а о себе сказал, что идет сзади, догоняет. Потом он не ответил на мой запрос. Пропал куда-то...

Я потихоньку закрываю за собой дверь.

— Может быть, все же эти два «мессершмитта»?..— говорит Ефимов.

— Нет!— возражает Сухов.— скорее всего, просто сел где-то на вынужденную. Придет, вот увидите, придет...

Тут уж я не выдерживаю:

— Правильно, Сергей! Вот я и пришел...

Что было дальше, описывать не берусь, все равно не получится. Скажу только, что это было опаснее, чем приземление на краю леса. Как Сергея неделю назад, друзья чуть не задушили меня от радости. Закончилось тем, что мне налили в кружку сто граммов, дали поесть. А потом, выспросив все о моих похождениях, принесли баян и потребовали сыграть плясовую.

И уж конечно, первым вышел в круг Сережка. Началась отчаянная пляска, посыпались озорные частушки.

— Играй, играй, Игорек!.. Погибать не имеешь права... Потому баянист единственный в эскадрилье...

На следующий день техники побывали на месте падения моего самолета и привезли на аэродром пробитый пулей водяной радиатор.

— Смотрите, товарищ командир.— Сергеев демонстрирует Мясникову пробоину.— Всего одна пуля, а что наделала!

Мясников внимательно рассматривает развороченные сотовы:

— Ничего не поделаешь. Водяное охлаждение. В этом главный недостаток нашего самолета.

— А командир батальона действительно душевный человек,— рассказывает Сергеев.— Все нам рассказал, дал людей в помощь. Извинился, что Каберова под конвоем вели. Служба, говорит. Ну, а с самолетом ничего уже не сделаешь. Хвостовую часть с проводов мы, конечно, сняли. Жалею, что не было фотоаппарата. Получились бы редкие снимки. Видел я аварии, но чтобы так разнести машину и не получить ни одной царяпины...— Инженер покачивает головой.— Нет, Каберов, ты наверняка в рубашке родился!..

ПЕШКОМ ПО ЛЕНИНГРАДУ

В тот день командир эскадрильи, встретив меня на аэродроме, заговорил со мной строже обычного:

— Почему вы здесь, товарищ Каберов?
— А где же мне быть, если не здесь?
— Насколько я помню, сегодня у вас выходной.
— Как же так, товарищ капитан? На днях вы дали мне отдохнуть после «мягкой» посадки. А сегодня опять выходной?

— Ничего не знаю.— Мясников ведет меня в землянку.— Вот, пожалуйста, список. Вчера отдыхал Сухов, сегодня ваша очередь.

— Но что я буду делать дома один?

— А вы в Питер поезжайте,— не то в шутку, не то всерьез говорит командир и, сняв шапку, приглаживает свои редкие волосы. Это у него такая манера— помедлить, посмотреть, какое впечатление производит высказанная им мысль на собеседника.

— В Ленинград?— переспрашиваю я.

— А почему бы нет? Заодно тридцать пятую в ремонт перегоните. Вот вам и выходной.— Мясников улыбается.— Обратно на отремонтированном У-2 прилетите. На Комендантском вас ждут.

Что ж, задание мне по душе. На машине я еду в столовую, беру на два дня сухой паек. Адъютант выдает мне командировочное предписание. Уже возле самолета ко мне опять подходит командир:

— Ваши знакомые в Ленинграде курят?

— Да, курят.

— Передайте им от нас подарочек.— Мясников подает мне коробку легкого табака.

— Большое спасибо...

Я выруливаю, взлетаю и, сделав круг над аэродромом, беру курс на Ленинград.

Выходной день! Казалось бы, о каком выходном можно говорить на войне? Но еще в ходе первых боев

комиссар Исакович предложил ввести такой день с целью сбережения сил летчиков эскадрильи. Отдыхали мы по очереди. Отдыхающий мог поехать в Ленинград к родственникам или знакомым. Он мог остаться дома, отоспаться, написать письма близким, почитать, привести в порядок обмундирование. Но ему не разрешалось появляться на аэродроме. Одновременно с летчиком могли отдыхать техник самолета и моторист. Впрочем, они тот день использовали для тщательного, всестороннего осмотра самолета, для устранения мельчайших дефектов, которые могли оказаться на работе машины. Когда техника и моториста пытались выпроводить с аэродрома, они обычно говорили:

— Мы не упадем. А упадем — поднимут. Летчику труднее. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы машина его подвела...

Сегодня морозный, ясный день. До Ленинграда на истребителе по прямой пятнадцать минут полета. Но место здесь боевое. Ледовая трасса — ленинградская Дорога жизни. Я беру чуть севернее ее, где обычно спокойнее. Тем не менее зорко слежу за воздухом. Еще издалека различаю берег Карельского перешейка. На горизонте в морозной дымке виден Ленинград. На северной окраине его лежит Комендантский аэродром — сравнительно небольшая площадка при авиационных мастерских. Выпускаю шасси, щитки, благополучно приземляюсь.

Договориться в мастерских о ремонте самолета, осмотреть уже отремонтированный У-2 и уточнить время перелета на нем в свой полк — дело недолгое. Я спешу на трамвайную остановку, но не вижу на ней ни души. Оглядываюсь по сторонам — улицы пустынны. Редкие прохожие с трудом бредут по узеньким тропкам. На панели лежит неубранный снег. Снегом засыпаны трамвайные пути. И тут я снова вспоминаю о своей неудачной посадке в овраге недалеко от станции Войбокало, о проводах волховской электролинии. В них не было тока. Видимо, Волховская ГЭС не работает. Ленинград лишен одного из крупнейших источников энергии. Вот почему пустуют трамвайные линии.

От Комендантского аэродрома до центра города путь не близкий, но ничего не поделаешь, придется идти пешком.

Многое поражает меня на этом пути.

Где-то близ площади Льва Толстого на панели ничком лежит человек. Подхожу, пытаюсь приподнять его («Гражданин... Гражданин...»), поворачиваю лицом вверх и убеждаюсь, что передо мной мертвый. Говорю об этом идущей мимо женщине. Спрашиваю, куда надо позвонить, чтобы мертвое тело убрали. Но женщина смотрит на меня измученными, ничего не выражаяющими глазами и медленно идет дальше.

Только теперь я догадываюсь, что человек этот умер от голода. Он умер от голода! Это потрясает меня. У Кировского моста я останавливаю еще одну женщину и из разговора с ней узнаю много такого, о чем раньше не имел ни малейшего представления. Узнаю, например, что по городу ходят специальные машины. В них увозят на кладбище трупы людей, умерших на улицах и площадях.

— И этого человека увезут,— говорит женщина.— Так что вы не волнуйтесь...

По Садовой я выхожу к Невскому проспекту и вижу полуобгоревшее, закопченное здание Гостиного двора с черными провалами некогда ярко освещенных торговых витрин. Заснеженный, перечеркнутый множеством узких тропинок Невский. Трамваи, стынившие на январском ветру. Присыпанные снегом, вереницей стоят они вдоль проспекта.

Правда, здесь все же несколько более оживленно, чем в других местах города. Здесь больше людей. Здесь ходят машины. Но это уже не прежний красавец Невский. Всюду видны следы бомбёжек и жестоких обстрелов. Многие витрины магазинов закрыты мешками с песком. В основаниях угловых зданий чернеют амбразуры. Один из переулков превращен в склад металлических «ежей». На всякий случай город готовится к уличным боям.

По проезжей части проспекта идут девушки — бойцы противовоздушной обороны. Они несут аэростат заграждения. Несут, придерживая его за веревки. Я впервые вижу аэростат так близко. До чего же он большой!

Неожиданно меня останавливает патруль:

— Ваши документы!

Внимательно просмотрев мое удостоверение личности и командировочное предписание, старший патруля советует мне перейти на противоположную сторону проспекта. Возможен обстрел.

От здания Дворца пионеров смотрю на Аничков мост и не узнаю его. Где же знаменитые кони Клодта? Прохожие поясняют мне, что скульптуры сняты в ноябре сорок первого года. И еще я в какой-то момент обнаруживаю, что город почти лишен характерных для него звуков: говора толпы, шуршания шин, гула моторов. На Невском стоит необычайная тишина. Тихо бредут по своим делам пешеходы. Тихо в очереди за хлебом, стоящей у магазина. Лишь в морозной синеве неба в полный голос поют свою песню моторы патрулирующих над городом истребителей.

Недалеко от Московского вокзала из-под арки углового дома выходит женщина. Она с трудом везет саночки, на которых лежат завернутые в простыни мертвые человеческие тела. На повороте саночки опрокидываются, и поклажа оказывается на снегу. Подбегаю помочь женщине, спрашиваю, кого она везет. В ответ доносится слабый полуслепот:

— Муж и два сына. Муж умер позавчера, дети вчера.

— Куда же вы их?

— На Охту...

Ни слезинки в глазах, ни единой нотки жалобы в голосе многострадальной матери и жены. Я прикидываю расстояние до Охты: нет, ей этот путь не по силам. Поднимаю с мостовой веревку и везу санки. Везу медленно: женщина не может быстро идти. Мы минуем Московский вокзал и выходим к Суворовскому проспекту.

— Спасибо вам. Теперь я сама, — говорит она и задерживает взгляд на моих петлицах: — Вы летчик?.. Мой старший-то... Ему бы вот уже шестнадцать было... Как он хотел стать летчиком...

Она умолкает, отворачивается, закрывает лицо руками. Я стою в оцепенении. Не в моих силах утешить ее. Где-то за вокзалом разрывается снаряд, а через несколько секунд — другой.

Вытирая варежкой глаза, женщина приподнимает голову:

— Простите, не выдержала...

Обстрел затягивается почти на час. Улица Восстания перекрыта патрулем. Чтобы попасть к своим знакомым Соколовым, я иду по улице Маяковского. Груда камней на панели и мостовой преграждает мне путь. Полуразрушенное большое здание зияет провалами окон. Оста-

навливаюсь, смотрю, припоминаю: да ведь это больница имени Куйбышева.

Вот и Ковенский переулок. Угловое здание, стоявшее рядом с костелом, обращено в груду развалин. Но дом Соколовых цел. Останавливаюсь, ищу знакомые окна. Их не так-то просто узнать. Одно заткнуто подушкой, другое закрыто фанерой. В подъезде дома стоит старушка:

— Куда это вы, молодой человек?

Я удивленно пожимаю плечами:

— К знакомым.

— Не время, сынок, по знакомым ходить.

— Бабуся, тут Соколовы живут, я к ним.

— Какая я тебе бабуся? Я есть часовой при доме, и пускать посторонних мне не велено.

Она воинственно загораживает нужную мне дверь.

— Товарищ часовой,— обращаюсь я к старушке.— Человек я военный и порядки, конечно, признаю. Но здесь живут Соколовы— понимаете? И мне непременно надо побывать у них. Тетя Лида, дядя Ваня и Нина— их дочка. Квартира на третьем этаже.

— Твои Соколовы эвакуировались, наверно.

— Да нет же, они здесь. Вон их окна.

— Ну ладно, показывай документ.

Строгий часовой берет в руки мое командировочное предписание:

— А личность где? При документе должна быть личность.

— Есть и с личностью, пожалуйста.— Я подаю ей удостоверение.

Бабуся прищуривает глаза, несколько раз взглядывает то на меня, то на удостоверение:

— Не вижу я без очков-то. Да ладно уж, верю тебе, ступай.

Я поднимаюсь на третий этаж, стучу в дверь.

— Вы живы тут?!

— Живы,— открывая мне, спокойно говорит тетя Лида.— Темновато, правда, но пока живем.

Как она похудела! Но держится вроде бы бодро. Из своей комнаты выходит Нина:

— А, Игорек!..

У меня не так много времени. Я вытаскиваю из чебоданчика сухой пакет (полбуханки хлеба и несколько кусочков сахара) и предлагаю устроить чаепитие.

— Ну, а поскольку вы обе курите,— говорю я,— мои друзья прислали вам табачку. Сам командир просил передать.

— «Золотое руно! Силен табак,— Нина вертит в руках коробку.— Спасибо твоему командиру. Жаль, что ты сам не куришь. Имей в виду — табак успокаивает нервы.

— Нервы — это ерунда,— говорит тетя Лида.— Теперь главное достоинство табака в том, что он отвлекает от мысли о еде.

Обе они немедленно закуривают, и табачный аромат плывет по квартире.

Глава семьи Иван Ильич Соколов воюет где-то под Ленинградом. Он старший лейтенант войск связи. Сидя за столом, мы вспоминаем о нем, обо всех наших родных и близких. Тетя Лида приносит кипяток, кладет каждому по кусочку сахара и небольшому ломтику хлеба. По радио звучит музыка. За окном уже темно.

— Скажи,— спрашивает Нина,— мы сейчас в состоянии прорвать эту чертову блокаду?

Я пожимаю плечами.

— Товарищ летчик, тебе сверху все должно быть видно,— говорит она и, затянувшись, пускает на меня колечки сизого дыма.

— Понимаешь, Нина,— говорю я,— фашисты были в Тихвине и в шести километрах от Волховстроя. А теперь линия фронта проходит в пятнадцати километрах от станции Мга и в двенадцати от Шлиссельбурга. Наши войска отогнали противника от Волховстроя почти на семьдесят километров. А какое грандиозное наступление идет под Москвой! Значит, прорвем и блокаду. Надо только закрепить успехи и собраться с силами.

— А Ленинград голодает,— вздыхает тетя Лида, подливая мне в стакан кипятку.

Вой сирены прерывает наш разговор. Воздушная тревога. На чердак по лестнице поднимаются люди. Тетя Лида и Нина спешно одеваются. Они будут дежурить на крыше, обезвреживать «зажигалки». Я выбегаю сначала на улицу, чтобы посмотреть, что происходит в ленинградском небе. Но оно загорожено высокими домами. Постояв, я поднимаюсь на крышу. Здесь совсем другое дело — все как на ладони. Фашисты бомбят район Васильевского острова, порт. В небе висят осветительные

бомбы. Лучи прожекторов рассекают темноту, то и дело выхватывая из нее вражеские самолеты. Бьют зенитки. Иногда в ночном небе прорисовываются силуэты наших истребителей. Взаимодействуя с зенитной артиллерией, они атакуют освещенные цели. И вот уже четвертый сбитый вражеский бомбардировщик падает на землю. И каждый раз люди, стоящие рядом со мною на крыше, громко кричат «ура»...

Покидая Ленинград, я увожу с собой воспоминание об этих волнующих минутах. Увожу как подтверждение несгибаемого мужества ленинградцев, их стремления нанести врагу смертельный удар, одержать над ними полную победу.

ПРИЗЕМЛЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО

5 февраля 1942 года. Ясный, холодный день. С Ладоги дует сильный ветер. Он гонит по земку и тоскливо воет в макушках сосен, словно жалуется на что-то.

Мои друзья ушли в полет. Их машины, приняв боевой порядок, стремительно отдаляются от аэродрома по направлению к ледовой трассе. А я остаюсь на земле. У меня нет крыльев. Мой старый самолет в ремонте, а новый остался в лесу около Войбокала.

Что делать! Направляюсь в землянку. Тяжело пилоту без самолета. Сейчас в Ленинграде ремонтируются два наших истребителя: «тридцать пятый» и мой «восемьдесят восмой». Хорошо, если я получу свою машину хотя бы к апрелю. И дернуло же меня дать ее на один полет нашему новому летчику Борисову! Отличная машина повреждена в момент посадки. Зла у меня не хватает на этого человека.

В землянке за столом сидит Женя Дук. Он оформляет штабные документы. На нарах лежит Борисов. Лежит, курит, рассказывает Жене какую-то забавную историю. Дыму в землянке — не прдохнуть, словно в бане, истопленной по-черному. Я не выдерживаю:

— Почему курите в землянке, товарищ Борисов? Вы же знаете, что командир запретил это.

— Виноват, сейчас проветрим.—Борисов гасит цигарку и открывает форточку...

Иду на стоянку. На ней ни самолетов, ни техников. Пронизывающий ветер да белая поземка. Состояние подавленное. «Вот так же чувствовал себя и Володя Широбоков,—вспоминаю я о погибшем товарище.—Но его машина была на месте, техники ремонтировали ее всего несколько дней. А моя...» Нет сил бесцельно слоняться вокруг землянки. Ребята дерутся, а я бездельничаю. На днях Львов и Костылев сбили в районе Лидова МЕ-109. Львов и Ефимов, прикрывая линию фронта в районе Вороново—Липки, тоже уничтожили вражеский самолет. Мясников и Чепелкин сегодня сбили «мессершмитт» над ледовой трассой, в районе Выстава, а Ефимов и Сухов—над Кобоной.

— Нельзя, господин «мессершмитт», трогать наши машины!—крикнул по радио Сергей Сухов, когда МЕ-109 вспыхнул от меткой пулеметной очереди.—Они хлебушко везут в Ленинград, а ты их...

Ефимов так увлекательно рассказывал в землянке про этот бой, что я еще острее почувствовал невыносимость своего положения...

Гул моторов отвлекает меня от невеселых мыслей: возвращаются наши. Задрав голову, смотрю на проносящиеся над стоянкой самолеты. Один за другим они быстро приземляются, заруливают. Командир собирает летчиков в землянке, делает разбор полета и дает указание быстрее подготовить машины к предстоящему вылету со штурмовиками. Я подхожу к Мясникову:

— Разрешите обратиться, товарищ командир?

— Знаю, знаю, о чем будешь вести речь. Но что я могу придумать?

— Есть предложение,—говорю я.—Раз самолетов не хватает, давайте летать по очереди.

Командир задумывается:

— Все это не так просто. Но пока суть да дело, не мешало бы тебе изучить ЯК. Кстати, я тебе обещал както...

— На какой самолет прикажете, товарищ капитан?

— Иди на мой, к Макарову. Пусть он тебе покажет кабину. Слетаешь по кружочку, а вечером, когда будет спокойнее, сходишь в зону, попилотируешь.

— Есть!

Я немедленно бегу к Макарову:

— Ну, Сергей Сергеевич, показывай аппарат. Як осваивать будем. Командир послал.

Макаров — опытный техник. Он обслуживал самолет майора Ивана Романовича Новикова, когда тот сражался с японскими самураями на Халхин-Голе. Участвовал Сергей Сергеевич и в боях на Карельском перешейке во время советско-финляндского конфликта перед Великой Отечественной войной.

Когда же разразилась эта большая война, он был назначен техником на самолет Багрянцева. И еще одна важная подробность из фронтового послужного списка техника Макарова. Когда противник прорвал нашу оборону севернее Ленинграда, Сергей Сергеевич достал из чемодана старую бескозырку, расправил ленты, надел ее, взял автомат и вместе с некоторыми другими своими товарищами в составе батальона морской пехоты отправился на Карельский участок фронта. Врагу надолго запомнятся атаки советских моряков, в рядах которых сражался Макаров. Потом он был тяжело ранен, лежал в госпитале, а когда выздоровел, вновь возвратился в родной полк.

Сидя в кабине, я невольно обращаю внимание на сильные руки Сергея и представляю себе, как этот здоровенный, косая сажень в плечах, парень дрался в рукопашной, как строчил из автомата, как резал проволочное заграждение, идя в ночную разведку.

— Что ж, начнем слева по порядку, — встав на левую плоскость, говорит Макаров. — Здесь стоит мотор М-105, тот же, что и на ЛАГГе. Приборы точно такие же. А вот система уборки и выпуска шасси из щитков иная — воздушная. Вот это кран воздушной сети. Это кран шасси. — Он указывает на большой рычаг. — Этой ручкой вы будете пользоваться, когда потребуется выпустить посадочные щитки. С помощью этого барабанка изменяется шаг винта. Тут все просто, — улыбается Сергей, — запускайте мотор и летите. Правда, есть маленькая хитрость, но мы сейчас все по порядку...

Хлопок ракеты прерывает его объяснения.

— Вылет! — кричат техники и срывают с моторов теплые чехлы.

Капитан Мясников подбегает к самолету. Высвобождая ему место, я покидаю кабину.

— Да ознакомился! Разница тут небольшая.

— Это верно. Все очень просто. А на посадке прямо-таки чудо — сама приземляется! — шутит Мясников и уже серьезно продолжает: — Группу в район Малуксы ведет Ефимов. Меня срочно вызывают в штаб полка. Больше лететь некому. Может, пойдешь в паре с капитаном Львовым? Заодно и к машине присмотришься.

— Понял, товарищ капитан!

Я обрадованно возвращаюсь в кабину.

Взлетают штурмовики, за ними выруливают истребители.

— Давай, Сергей, показывай, как запускается мотор, — тороплю я Макарова.

Он нервничает, лезет с головой в кабину:

— Шприцуйте, шприцуйте!.. Отвертывайте кран запуска!.. Да не этот, а вон тот...

Наконец мотор подает голос, и я прямо со стоянки, чуть довернув, мчусь по аэродрому. Машина мягко бежит по укатанному снегу и, оторвавшись от него, устремляется в высоту. «Ух ты какая легкая!» Я убираю шасси, устанавливаю обороты и, догнав группу, пристраиваюсь к Львову.

Далеко внизу перед нами идет восьмерка штурмовиков. За ними по сторонам следуют четыре истребителя ЛАГГ-3 — группа непосредственного прикрытия, возглавляемая Ефимовым. Пройдя западнее Волховстроя, Семен Львов по радио предлагает мне подняться выше и осмотреть «просторы Ладоги». И вот мы уже на высоте трех тысяч метров. Ярко светит солнце. Осматриваю. Нигде никого. Я включаю оружие и, слегка отвернув самолет в сторону от Львова, даю короткую очередь. Все в порядке.

— Пошли вниз, — говорит Львов и делает переворот. Я намереваюсь последовать за ним, но, оглянувшись, замечаю в слепящих лучах солнца какие-то тени. Резко разворачиваюсь в их сторону и теперь уже несколько яснее вижу пикирующую на меня четверку МЕ-109.

Львов ушел. Он уже где-то возле группы. Позвать его на помощь я не могу. Вражеские летчики тотчас обнаружат штурмовики и уж, конечно, погонятся за ними. Нет, я должен задержать эту группу «мессершмиттов», а тем временем наши самолеты выполнят поставленную перед ними задачу.

Солнце мешает мне наблюдать и целиться, а истребители противника идут на меня. Можно не сомневаться, что они вот-вот откроют огонь. Уйти невозможно,— от четверых не увернешься. Не раздумывая (где уж тут раздумывать!), я делаю «бочку». ЯК легко переворачивается через крыло. Отпрянувшие от неожиданности фашисты проносятся надо мной.

Вот это мне и надо было. Теперь я занимаю выгодное для меня положение со стороны солнца и все хорошо вижу. Вражеские истребители делятся на две группы. Одна пара идет на меня в лоб, другая обходит стороной, чтобы напасть сзади. Зная, что наша группа, нанеся удар по цели, будет возвращаться этим же путем, я стараюсь оттянуть фашистов в сторону. Двадцать минут длится этот неравный бой. Мы уже над станцией Войбокало. В удобный момент наношу удар. Один «мессершмитт» дымит и уходит куда-то в сторону. Троє оставшихся буквально сатают от неудачи. Я немало наслышан о маневренных качествах ЯКа и стараюсь вести бой на вертикалях, как это делают обычно мои друзья. Какая легкая машина, этот ЯК! Прав командир: не самолет — мечта!

Но мне уже тяжеловато. Да и немцы, чувствуется, умотались. До сих пор я благополучно выскользывал из их цепких лап. Каких только фигур не выполнял при этом! Но вражеские истребители все плотнее сжимают меня со всех сторон. Атака следует за атакой. С вертикали, на которой ЯК — непобедимая машина, «мессершмитты» загнали меня в вираж. Тяну ручку на себя, а самолет дрожит, тряется весь, будто в смертельном испуге, того и гляди сорвется в штопор. Не бойся, дружок. Если что — помирать вместе будем! А фашист уже сзади. Он все ближе, ближе. Удар! Такое впечатление, будто молот обрушился на рули.

Ручка управления вырывается у меня из рук. Машина переворачивается и переходит в штопор. С высоты трех тысяч метров она несется к земле и вращается с такой скоростью, что кажется, голова моя вот-вот сорвется с плеч.

Попытка вывести самолет из штопора не приносит успеха. Я отстегиваю ремни и пытаюсь выброситься из кабины. Но какая-то дьявольская сила прижимает меня к бронеспинке. Наполовину свешиваюсь за борт кабины, но оторваться от нее у меня не хватает сил. Кажется,

перестает вращаться.

Плюхнувшись на сиденье, резко тяну ручку управления на себя. Машина неохотно поднимает нос и метрах в трехстах от земли проносится над лесом. С трудомдерживаю нервную дрожь. Осматриваюсь. «Мессершмиттов» нет. Видимо, решив, что я сбит, фашисты ушли. Пытаюсь перевести самолет в горизонтальный полет, но он не подчиняется мне и продолжает набирать высоту. Неужели отказали рули? Тогда остается надежда только на парашют. Но разве можно бросить такую машину, да еще командирскую? Нет, надо попробовать спасти ее. Я резко до отказа отдаю ручку вперед и жду. Медленно, нехотя истребитель опускает нос. Значит, руль высоты еще действует, но эффективность его так мала, что машина подчиняется только при условии резкого и полного отклонения ручки. И я отклоняю ее, как только нос самолета начинает подниматься выше горизонта. Но стоит ему опуститься — и я снова беру ручку рывком на себя. Лечу, ныряя то вверх, то вниз. Высота — тысяча двести метров. Оба крыла продырявлены осколками снаряда. Руль поворота не реагирует на отклонение педалей, а сами педали не возвращаются в нейтральное положение.

Хочется посмотреть, что случилось с рулями. Но высокий гаргрот (закабинная часть фюзеляжа) загораживает от меня хвостовое оперение. Мотор работает хорошо. Радио молчит. Тихонько накреняю самолет вправо, и машина за счет элеронов медленно разворачивается. Пять минут лечу вдоль железной дороги. Вот уже виден Волховстрой. А тут и наши на подходе. Разворачиваюсь с таким расчетом, чтобы с ходу пристроиться к группе. Все машины в ней на своих местах. Целы и штурмовики, и истребители. Сразу становится легче на душе. Хорошо, что мне удалось задержать вражеские истребители и увести их в район Войбокала. Машину жаль, конечно, но зато друзья спокойно выполнили свою задачу.

Подхожу к ним сбоку. Усиленно работаю ручкой управления. Самолет мой оказывается то ниже, то выше группы. Львов приближается ко мне, знаками спрашивает, вижу ли я, что случилось с моей машиной. Похлопывает ладонью по наушнику своего шлемофона: дескать, слышишь ли? Получив отрицательный ответ на тот и дру-

Но вот штурмовики и истребители приземляются на аэродроме. Я с помощью элеронов с трудом делаю большой круг, на высоте тысячи метров выпускаю шасси, чтобы проверить, как будет вести себя самолет. Прибавляю обороты — ничего, машина держится, лететь можно. Выпускаю посадочные щитки. Скорость сразу уменьшается, и истребитель перестает подчиняться рулю высоты. Убираю щитки и даю полный газ. С трудом удерживаю самолет в воздухе. Неужели придется все-таки прыгать? Нет, надо попытаться посадить машину. Надо зайти по дальше и на пологом снижении без щитков выдержать прямую на посадочном курсе.

А на аэродроме уже чернеет крест из двух полотнищ. Мне запрещено приземление. Возле полотнищ толпятся люди. Мчится какая-то машина. Я все это хорошо вижу. Но решение принято. Снижаюсь, иду на посадку. Шасси выпущено, посадочные щитки уbraneы. Скорость большая, но что делать! Весь в поту, орудую ручкой управления, точно насосом.

Со старта летят три красные ракеты, запрещающие посадку. Тем не менее я снижаюсь. Самолет по-прежнему качается как на волнах. Мотор то надрывно ревет на полных оборотах, то резко затихает. Наконец, машина, удариившись колесами о снег, подскакивает и как бы зависает в воздухе. В следующий момент она вновь падает на колеса. Подскочив еще раз, самолет беззвучно мчится по аэродрому и в самом конце его останавливается.

Подрулив к стоянке и выключив мотор, я выскакиваю из кабины, снимаю шлем, вытираю вспотевший лоб. Намереваюсь доложить командиру обо всем случившемся, но Мясников машет рукой, обнимает меня, похлопывает ладонями по спине:

— Спасибо тебе, спасибо...

Потом он удивленно ходит вокруг да около машины, покачивая головой, разглядывает разбитое хвостовое оперение.

— Не понимаю, как она держалась в воздухе. Тут и лететь не на чем. Руль поворота начисто отбит. Нет левой половины руля высоты. Правая процентов на двадцать повреждена... Долететь на такой машине до аэродрома и сесть...

Мясников пересчитывает пробоины на крыльях и фюзеляже, на сохранившейся половине руля высоты

— Нет, это не зениткой. Тут был бой, и, судя по всему, тяжелый.

— Так точно, товарищ командир,— подтверждаю я и докладываю, как все было.

— Теперь тебе ясно, Матвей Андреевич,— обращается Мясников к Ефимову,— почему у вас не состоялась встреча с противником?..— Глянув на меня, он тепл улыбается:— А как в бою мой самолет? Как вел себя «якушка»?

— Добрая машина, товарищ командир.

В голосе Мясникова звучит лукавая нотка:

— Ну, а как на посадке?

— А на посадке как — видели. Сама садится...

Все весело смеются. Все довольны, что беда прошла стороной.

ОБ УНТАТАХ, ЗЛЕРОНАХ, И ЮПИТЕРАХ

Весенняя землянка. Сколько спето песен об этом немудром творении рук человеческих! Присыпанная снегом, стоит она на самом краю дремучего леса, как сказочный теремок. Тускло светится подслеповатое оконце. Над трубой кудрявится дым. А там, внутри этого фронтового жилья, «бьется в тесной печурке огонь». И на поленьях, которые подбрасывает в печку Женя Дук, закипает «смола, как слеза».

Мы только что вернулись с боевого задания, пришли в землянку и поем «Землянку». Басы и голоса баяна сливаются с голосами моих друзей. Но неожиданно распахивается дверь, и несколько решительных парней вносят в землянку прожектор на треноге, зажигают яркий свет. Человек в белом полушибке включает киноаппарат.

— Очень хорошо!.. Продолжайте, товарищи... Чудесный кадр!.. Дадим дубль! — кричит кому-то оператор и снова обращается к нам:— Играйте, играйте, пойте, пожалуйста... Вот так, большое спасибо!..

Дверь закрывается, прожектор гаснет.

— Вы — исторические люди, — выспренно заключает оператор, — и поэтому должны терпеть. История скажет о вас доброе слово...

На наш маленький, затерявшийся в лесу аэродром время от времени заглядывают не только фотографы и кинооператоры, но и художники, актеры, журналисты. В разное время побывали здесь известные мастера кисти и карандаша Борис Пророков и Николай Павлов, группа кинохроников во главе с Сергеем Ивановым. Немало очерков о лучших летчиках, техниках, мотористах, оружейниках полка опубликовали военные корреспонденты В. Азаров, Г. Мирошниченко, В. Шалман, Е. Павлов, С. Варшавский, Б. Рест, П. Чайка. Много замечательных снимков, сделанных у нас на аэродроме, поместил в газетах неутомимый фотокорреспондент А. Дудченко.

Мы всегда рады этим людям. Через них мы прочными узами связаны с Ленинградом и ленинградцами. Особенно часто приезжают к нам литераторы теперь, когда полк стал гвардейским. Это большое для нас событие произошло в канун двадцать четвертой годовщины Красной Армии. Перед праздником командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц и член Военного совета адмирал Н. К. Смирнов вручили нам гвардейское знамя. Отныне наш полк именуется 3-м гвардейским истребительным авиационным полком ВВС КБФ.

Мы по-прежнему охраняем Дорогу жизни, сопровождаем штурмовики, насмерть бьемся с нападающими на них вражескими истребителями. Правда, столь напряженных, как над Кронштадтом, сражений в воздухе нет. Но три-четыре вылета за короткий зимний день — это тоже немало.

У нас своя работа, у художников, журналистов, кинооператоров — своя. Мы помогаем им как можем, но порой подшучиваем над ними. Откуда нам знать, что из отдельных набросков, сделанных художником Н. А. Павловым, возникнет цикл работ, которые будут высоко оценены советскими людьми, что эти работы побывают не только во многих городах нашей страны, но и в США, и в Латинской Америке? Откуда нам знать, что из отдельных отснятых у нас лент будет сделан интересный короткометражный фильм «Третий гвардейский»? Откуда нам знать, что приехавший в полк писатель Николай Чуковский через пятнадцать лет опубликует роман

«Балтийское небо» и что книга эта будет перезадана на десятки языков и издана многими советскими и зарубежными издательствами?

Нужно было обладать особым корреспондентским даром, чтобы так вежливо и настойчиво брать интервью, как это делал Николай Чуковский. На стоянке около самолета, на дежурстве в промороженной кабине, в землянке он подходил к нам с заранее заготовленными, подчас казавшимися летчикам пустячными вопросами.

— Вы кушайте, кушайте,— говорит он, бывало, а сам ложку в сторону, блокнот на стол — и за карандаш.

— Николай Корнеевич, вы сами-то ешьте. Вам же нужно поправляться. Вон вы какой худой.

— Ничего, голубчик, я успею. А не припомните ли вы?..

В ту суровую пору Николай Чуковский был хорошо известен как военный корреспондент. Политическое управление флота, учитывая его давнее желание поработать в «интересной части», послало Николая Корнеевича в наш гвардейский истребительный полк.

Как-то утром я пришел на стоянку и увидел Чуковского возле моей машины. Вернее, он сидел под самолетом и что-то там рассматривал. Его интересовало, как убирается шасси. Потом Чуковский выбрался из-под машины и обратился к технику с новым вопросом:

— Простите, Александр Николаевич, я только хотел уточнить... Извините, вот и товарищ Каберов тут, кстати... Понимаете, есть слово «элерон»...

Я подошел к крылу:

— Вот они, элероны.

— Да? — Писатель не то чтобы удивился, а еще больше заинтересовался.— Любопытно... А как они хлопают?

— Хлопают? — Мы только пожали плечами.— Элероны отклоняются вверх и вниз. Это поперечные рули. С их помощью самолет делает крен влево или вправо.

— Ах вот оно что! — Чуковский вдруг так рассмеялся, что на глазах его выступили слезы.— Ну, подвели, черти, ну, подвели!..

И он рассказал нам, что вечером случайно услышал разговор Сухова и Громодвинникова. Один из них вспомнил, как в бою «мессершмитт» повредил его самолет, а второй резко заметил: «Ты бы меньше элеронами хлопал!..»

Тут и мы с Грицаенко рассмеялись. Пришлось объяснить Николаю Корнеевичу, что в среде летчиков бытует выражение «хлопать элеронами», равносильное словам «хлопать ушами».

В тот раз Чуковский уточнил еще кое-что из авиационной терминологии.

— Видите ли, — говорил он, — писатель должен знать раз в десять больше того, что он потом напишет в своей книге.

— А вы собираетесь писать книгу?

— Да, материал, который я здесь собрал, так интересен, что мне хотелось бы...

— Значит, почитаем когда-нибудь, — сказал я и неосторожно глянул на часы.

Чуковский тотчас же закрыл блокнот:

— Вы спешите? Я пройду с вами до землянки... Скажите, товарищ Каберов: у истребителей бывают две кабины?.. Понимаете, я хотел бы слетать с вами в бой, в настоящий бой, со стрельбой.

— Николай Корнеевич, это очень опасно.

— Ничего. Зато я там увижу вас в деле...

Уже возле землянки Николай Корнеевич попросил меня задержаться еще на одну минуту.

— У меня к вам всего один маленький вопрос, — сказал он. — Что такое унты? Вот на вас унты, а эти самые унты...

Но тут до меня донесся голос часового:

— Капитан Каберов, вас к командиру!

Я убежал, так и не успев сообщить писателю, что унты — это всего-навсего меховые чулки, которые надевают, прежде чем натянуть на ноги унты.

Чуковский работал в эскадрилье без отдыха, работал не только днем, но иногда и ночью. Как-то вечером у меня выдалась свободная минута, и я подошел к нему, когда он что-то писал. Николай Корнеевич, отодвинув бумаги, охотно заговорил со мной. Он сказал, что хотел бы посмотреть наши «боевые листки», и попросил переписать для него мою поэму «Месть», которая печаталась в них отдельными кусками. К тому времени у меня уже был начисто переписанный текст поэмы. Я с удовольствием передал ее Николаю Корнеевичу, сделав над заглавием короткую дарственную надпись.

Рассказывая мне в тот раз о своей работе, Чуковский откинулся крышку небольшого дорожного чемодана:

— Вот, смотрите.

В чемодане стопками лежали его знаменитые блокноты.

— Видите, сколько? А надо бы еще столько же. Вот подробные записи, сделанные после бесед с вами, с Костылевым, Львовым, Ефимовым, Суховым, техником Грицаенко. Теперь мне нужны Чепелкин и Мясников...

А однажды мы обидели Николая Корнеевича, и мне до сих пор стыдно за это.

Чуковский договорился с Петром Чепелкиным, что тот придет к нему побеседовать после полета. Но мы с Петром неожиданно узнали, что у нас идет фильм «Истребители», и, выполнив боевое задание, убежали в кино: Убежали, как зайцы, сделав большой круг по лесу, чтобы не попасть на глаза Николаю Корнеевичу.

А он ждал Чепелкина. И он обиделся. Обиделся и почти на сутки исчез из эскадрильи. Все мы встревожились. Но вскоре выяснилось, что Чуковский работает у штурмовиков. Он исписал там целый блокнот, причем пытался уговорить командира взять его с собой в боевой полет на штурмовике в качестве воздушного стрелка. Писатель утверждал, что умеет стрелять из пулемета и что готов доказать это на деле. К счастью, согласия на такой полет Чуковский не получил.

В мрачном настроении возвратился он в нашу землянку. Чтобы как-то развеять это настроение, мы весь тот вечер рассказывали ему о воздушных боях, о разного рода забавных случаях из жизни летчиков. И к нему опять возвратились всегдашнее добродушие, общительность и жизнерадостность.

АТАКУЕТ АЛЕША БАРАНОВСКИЙ

Во второй половине мая 1942 года наш полк перелетел на тыловую базу, чтобы получить новые самолеты. Между тем Мясников, Ефимов, Львов, Сухов и я остались на месте. Мы продолжаем работать. У нас четыре самолета на пятерых. Я летаю

все еще на ЯКе командира эскадрильи. Сергей Макаров поставил на эту машину новые рули. Техники заделали пробоины на ее крыльях и фюзеляже.

Как только подсохли аэродромы, мы рас прощались с Ладогой и перелетели под Ленинград. Но истребители наши настолько изношены, что редко все четыре самолета находятся в строю. Случается, что после посадки на фюзеляж приходится выправлять согнутые лопасти винта. На самолете Мясникова во время такой операции обломился конец лопасти. Пришлось обрезать и две остальные. Так и летаем мы с командиром на истребителе с укороченными на восемнадцать сантиметров лопастями. Правда, мотор перегревается немножко, однако летать можно.

На смену нам уже прибыл полк, вооруженный новенькими ЯКами. Но летчики этой части молоды. Оыта по прикрытию самолетов ИЛ-2 они не имеют. Наши друзья-штурмовики просят нас оказать помощь молодым истребителям. Вот и возглавляем мы, выполняя боевые задания, группы летчиков нового полка. Вместе с ними сопровождаем штурмовики, которые наносят удары по вражеским кораблям, аэродромам и другим важным военным объектам. Мне иногда доводится вести воздушную разведку. Я уже дважды фотографировал порт Котку.

Однажды, возвратясь из полета, я, что называется, лицом к лицу встретился с Женей Сусаниным, бывшим курсантом нашего новгородского аэроклуба. Высокий, возмужалый, уже видавший виды летчик с орденом Красного Знамени на груди, Сусанин на этот раз был невесел. Он привез мне горькую весть: погиб Алеша Барановский.

— Да что ты, Женя?.. Когда?..

— Еще одиннадцатого февраля...

Алексей Барановский... Мой веселый курсант, которому в 1939 году я дал путевку в небо. Это он и его товарищ разыскали меня в Низине. Кажется, будто только вчера мы беседовали втроем в оружейной палатке. Фашистские самолеты, появившиеся тогда над аэродромом, прервали наш разговор.

Я спрашиваю у Жени, как Алеша погиб.

— К сожалению, я не был в том полете, — говорит Сусанин. — А дело было так. Одиннадцатого февраля разведка донесла, что на станции Шапки обнаружено

скопление железнодорожных эшелонов и что среди них стоит состав цистерн с горючим. Немедленно к этому объекту была послана группа истребителей И-15 с бомбами. С нею летел и Барановский. Но на его самолете были не бомбы, а снаряды РС для атаки наземных целей. Что же получилось? Взрывы бомб перевернули на станции Шапки многие вагоны вражеских эшелонов. Образовался завал, но пожара не было. Лешка, наверно, решил ударить непременно по цистернам. Двумя реактивными снарядами он зажег одну из них. Охваченная огнем, она распустила по ветру шлейф черного дыма. Между тем у Барановского оставалось еще четыре снаряда. Он сделал резкий разворот, вошел в пике и двумя снарядами вызвал новый взрыв и новый очаг пожара. Пламя перекинулось на другие эшелоны. Сочтя задание выполненным, командир повел группу обратным курсом. Самолеты не были радиофицированы, и попросить ребят, чтобы они его подождали, Алексей не мог. И все же он решил сделать еще один заход. А над Шапками уже появились «мессершмитты». Тем не менее Барановский идет в третью атаку. Сброшенные им реактивные снаряды накрывают цель. Когда же он выходит из атаки и набирает высоту, ему ничего не остается, как вступить в бой с целой сворой фашистских истребителей. Как только товарищи увидели это, они немедленно бросились на выручку к Алеше. Но фашисты уже успели зажечь его самолет. Алексей покинул горящую кабину и, очевидно, из опасения, что ему не хватит высоты, тут же дернулся за кольцо парашюта. Парашют зацепился за хвостовое оперение истребителя. Вот так и погиб наш Алеша.

Женя умолкает, и я молчу. А перед глазами у меня Низино и бегущий мне навстречу Алеша Барановский; его руки, тянувшиеся к моим рукам. «Товарищ инструктор, здравия желаю!...» Трудно поверить в то, что произошло там, над станцией Шапки.

Земляк и боевой товарищ Алеши Женя Сусанин был очень дружен с ним. Они вместе учились в аэроклубе, а потом в Ейском училище, вместе, в одном полку, в одной эскадрилье, служили на Балтике, вместе летали на своих «королях». А сколько раз в боях выручали друг друга!

В большой группе летчиков-сержантов прибыли они на фронт. И только им двоим уже через четыре месяца было присвоено звание «лейтенант».

Алешка, Алешка, какой боевой и душевный был парень!

Много лет прошло с тех пор. Отважный балтийский летчик-истребитель Евгений Иванович Сусанин, защищая Ленинград, совершил шестьсот двадцать боевых вылетов, сбил в воздушных боях восемь фашистских самолетов. Тыне он подполковник запаса. Его грудь украшают четыре ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали. Живет и работает Евгений Иванович в нашем городе Новгороде. Мы с ним часто встречаемся, вспоминаем о суровых днях войны, о фронтовых товарищах. Вспоминаем об Алеше Барановском, нашем славном друге и земляке.

„ВОТ
НА ПУТИ
СЕЛО
РОДНОЕ“

Всё, отвоевалась наша маленькая группа на своих видавших виды, потрепанных и залатанных истребителях. Пришел срок получать новые самолеты. Подняв в воздух три последние исправные машины, Ефимов, Львов и я сделали круг над аэродромом и взяли курс на восток. Остальные наши товарищи должны были вылететь на другой день транспортным самолетом.

Завершив свой последний совместный полет, мы приземлились на аэродроме нашей тыловой базы. Бывшее ржаное колхозное поле, приспособленное под аэродром, примыкало к большому сосновому бору. Шел первый день лета. Было тихо и солнечно. Неподалеку от аэродрома катила свои воды извилистая живописная речка. Выскочив из кабин, мы сняли шлемофоны и сразу же направились к реке. На бережке разделись и немедля кинулись в воду. Разыгрались, расшумелись, как дети. Не заметили, что недалеко от нас сидит рыбак.

— Тихо, братцы!.. Не помешать бы...

Матвей и Семен поплыли к другому берегу, а я побежал к рыбаку. Извинился за шум, попросил удочку,

поймал одного за другим трех серебристых голавликов и побежал к друзьям показать улов...

Так началась новая пора в нашей жизни.

Штаб эскадрильи разместился в небольшом деревенском доме. К нам прибыл новый адъютант капитан Н. В. Дармограй. Мы знаем о нем, что он участвовал в боях за столицу Эстонии, в историческом переходе кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт. Вместо уехавшего на учебу Исааковича комиссаром эскадрильи назначен капитан Ефимов. Парторгом коммунисты единодушно избрали отличного техника звена Снигирева. Майор Никитин стал командиром полка, а подполковник Кондратьев — командиром бригады.

Вечером было объявлено, что мы скоро поедем изучать новые самолеты. Мне же командир полка неожиданно предложил навестить родных (до Вологды от нашей базы несколько часов полета). Я должен был лететь на У-2, но он оказался неисправным. Ничего! Окрыленный радостью, я отправился в далекий путь на попутном транспорте (до Череповца — машина, а дальше — поезд) и на следующий день рано утром был уже у порога родного дома.

Никогда не забуду тех минут. Ах, какой начался в доме переполох! Ну еще бы — не ждали! Мать залилась слезами («Живой, здоровый... Сынок ты мой!..»). Отец засуетился, разбудил Валю, Нинушку.

— Вставайте, глядите-ко, кто приехал-то! — Он торопливо протер очки, начал разглядывать мои петлицы. — Стало быть, капитан уже? — Он важно качал головой. — Слыши, мать, капитан Игорь-то!

Мать захлопотала у стола, а я вошел в спальню:

— Валюша, Ниночка, родные вы мои!..

Нет, не передать словами, какая это была радость.

— Ну-ка, покажись, покажись папе! — Я взял на руки дочку.

— Третий годик уже пошел, — немножко растерянно говорила жена, поправляя волосы дочери, упавшие на глаза. — Вот, Ниночка, это и есть твой папа...

Нинушка посмотрела на меня внимательно, сокользнула с моих рук на пол и, не спуская с меня глаз, ухватилась за мамину юбку.

А в соседней комнате уже накрыт стол. Проснулась сестренка Надя, пришла тетя Лиза, наша соседка по квартире.

Для начала, как водится, выпили по рюмочке за встречу, и пошли, пошли разговоры. Закипел самовар. Отец принес его из кухни, поставил на стол. Мать, как она всегда это делала, бросила в трубу самовара кусочек сахара. Характерный, знакомый с детства запах чаепития наполнил квартиру. А мама все хлопотала и хлопотала у стола. Она нарезала ломтиками сушеную соленую треску и залила ее в блюдце крутым кипятком. Чешуйки стали дыбом, ломтики изогнулись, размякли — моя любимая еда. Эх, если бы еще рассыпчатой, или, как у нас говорят, «хочочущей», картошки! Но и картошка уже появилась на столе. Между тем отец налил по второй. Он сидел напротив меня и пристально глядел на мои ордена:

— Вот это, слева, орден Ленина. А рядом?

— А рядом орден Красного Знамени...

Глядя на отца, на мать, на Валю с Нинушкой — на всех сидевших за столом, я все еще не мог поверить, что я дома. И одна мысль билась в моем мозгу: «Как все-таки это здорово, когда у человека есть свой дом, свой родной уголок, есть дорогие сердцу люди!..»

Между тем отец принес из спальни мою старенькую двухрядку, смахнул с нее рукавом пыль:

— Ну-ка, сыграй, не забыл, наверно...

И я еще не успел заиграть, как он запел:

...Вот на пути село родное,
В него ямщик приворотил...

У нашего нового адъютанта капитана Дармограя жена с малышом тоже эвакуировалась в Вологду. Он отправился к семье следом за мной. Мы познакомились в родных местах и замечательно провели отпуск. Но чем счастливее дни, тем они короче. Вскоре за нами прилетел санитарный У-2. Мы рас прощались с близкими, а через некоторое время были уже в своем полку.

Здесь нас ждали новенькие английские истребители «Хаукер харрикейн».

Прежде всего бросились в глаза размеры машины. «Харрикейн» и по длине и по размаху крыльев был почти в полтора раза больше нашего ЯКа. Горбатый, на высоких «ногах», он показался нам довольно странным. Все таблички в кабине, различные другие надписи были сделаны на английском языке. Впрочем, это не помешало нам быстро изучить новый самолет. Мы начали

летать на нем и вскоре закончили программу переучивания.

Высота в футах, скорость в милях, бензин не в литрах, а в галлонах — ко всему этому надо было, конечно, привыкнуть, и мы привыкли. Однако никак не могли мы смириться с вооружением «харрикейна». На нем было двенадцать пулеметов винтовочного калибра (крыльевые установки — по шесть пулеметов в каждой плоскости). После наших советских пушек и крупнокалиберных пулеметов мы сочли это недостаточным. Не понравилась нам и бронеспинка. Она представляла собой две расположенные вертикально одна над другой четырехмиллиметровые пластины. И это во времена скоростных пушек и бронебойных снарядов!

— Да ее палкой пробить можно, — сказал Сухов, и все мы с ним согласились.

О нашем недовольстве узнало командование. Чтобы заменить бронеспинки и оружие на «харрикейнах», нам было приказано срочно перелететь в Москву.

И вот она, наша белокаменная столица. Мы приземлились на бетонной дорожке аэродрома. Без промедления сдаем машины на завод.

— Через десять дней, — говорит представитель завода, — ваш заказ будет выполнен. А сейчас отдохните, знакомьтесь с Москвой.

Получив место в гостинице, я обращаюсь к Мясникову за разрешением навестить брата. Он учится под Москвой в школе лейтенантов. Само собой разумеется, разрешение получено. Скорее на Рязанский вокзал! Сорок минут езды на электричке, и я вижу большие деревянные казармы, живописный, весь в зелени, военный городок. Спрашиваю, не здесь ли размещается пулеметная школа лейтенантов. Да, она размещается здесь.

Начальник школы, высокий, общительный человек, приветливо встречает меня, расспрашивает, кто я и с какой целью прибыл, хорошо отзывается о моем брате.

— Он, кажется, старше вас?

— Да, на восемь лет...

— Это один из самых скромных и образованных курсантов, — говорит капитан. — Впрочем, он не только курсант. Александр Каберов ведет в школе военную топографию и пулеметное дело. Скажу по секрету: при выпуске он получит звание старшего лейтенанта и будет оставлен у нас. Нам нужны хорошие преподаватели.

Я благодарю капитана за добрые слова и выхожу на улицу. В ожидании брата (его уже вызвали ко мне) брошу по шлаковой дорожке. И вот смотрю — бежит он. В гимнастерке необычного, свинцового, цвета, в бриджах, ботинках с обмотками, с винтовкой и скаткой на плечах, бежит Шура к зданию штаба. Мимо меня проходит строевым шагом, по всем правилам отдает честь и снова бежит. Не узнал. Да и не мудрено. В последний раз мы виделись в 1934 году. Я тогда учился в школе ФЗУ, а он на физико-математическом факультете педагогического института в Вологде. Окончив институт, брат уехал работать в одну из районных школ. Сначала он преподавал, потом директорствовал. Перед самой войной возвратился в Вологду и некоторое время тоже был директором средней школы-девяностилетки. Но меня в ту пору уже не было дома.

— Шурка!

Он замирает на месте, потом поправляет пилотку и поворачивается ко мне. Поворачивается и стоит, будто на посту.

— Шурка, это же я, Игорь!

Мы бросаемся друг к другу.

Глаза брата становятся влажными. Он с радостью и недоверием смотрит на меня:

— Неужели это ты, Игорь?

— Как видишь!

Он трогает мои ордена:

— Ты сам сбивал фашистские самолеты?.. А я вот никогда не видел воздушного боя... Наверное, это очень страшно... Не на земле ведь...

Разговор идет то о Ленинграде, то о Вологде. Я рассказываю о своей поездке домой, спрашиваю у Шуры, получает ли он письма от жены. Перед самой войной она с четырьмя детьми поехала отдохнуть к родителям на Кавказ. Война застала их в Орджоникидзе. Выехать обратно было уже невозможно.

Зайдя к начальнику школы, мы с Шурой оформляем увольнительную для него и едем в Москву. Новая выходная форма защитного цвета хорошо сидит на Шурке. Вечер мы проводим в гостинице среди моих боевых друзей. Я знакомлю брата с командиром нашей эскадрильи Мясниковым, с комиссаром Ефимовым, получившим недавно звание Героя Советского Союза. Широкий кругозор брата, его техническая осведомленность,

способность свободно ориентироваться в вопросах внешней политики производят впечатление. Далеко за полночь продолжается наша беседа.

Утром мы едем смотреть Москву. Погуляв по улицам и площадям, направляемся в ЦПКиО на выставку трофеевого оружия. Здесь представлены сбитые нашей авиацией и зенитной артиллерией немецкие самолеты Ю-88, МЕ-109, «Хейнкель-111», «Дорнье-217». Рядом с самолетами стоят вражеские танки, толстенная броня которых насеквоздь прожжена советскими бронебойными снарядами.

Из ЦПКиО мы направляемся в цирк, из цирка — в кино. Поздно вечером я провожаю брата в его военную школу.

— Шурка, а что, если тебя после выпускных экзаменов оставят в школе на преподавательской работе? Может такое быть? — спрашиваю я.

Брат молчит, обдумывает что-то.

— Нет, Игорь, — отзыается он наконец. — Мне это не подходит. В Вологде я четыре рапорта написал — все добивался, чтобы меня отпустили на фронт. А меня зачислили в эту школу. Но теперь-то уж я добьюсь своего.

— Поразмысли хорошенъко, — осторожно говорю я. — Ты здесь куда нужнее, чем там, на поле боя.

— Я уже поразмыслил. — Шурка начинает горячиться. — Пойми ты. Отец наш воевал. Юрка воевал и погиб на Карельском перешейке. Борька — и тот финскую отстукал! Вот и ты воюешь. А я, значит, некая избранная личность? Получил высшее образование, военную подготовку и отсиживайся в тылу? Так выходит?

— Думаю, что не так. Твои отличные знания нужны курсантам школы. Плохо обученные командиры гибнут на войне, хорошо обученные — побеждают. Это была бы и твоя победа...

Переубедить его мне не удалось. С последней электричкой я возвратился на Рязанский вокзал и уже глубокой ночью добрался до гостиницы.

Нет, не внял моему совету Шура. Позже я узнал, что он не захотел остаться в школе. В бою под Орлом, командуя ротой, брат был тяжело ранен. Выздоравлив (он лежал в одном из госпиталей Тулы), Шура снова ушел на фронт. В боях под Тернополем, выводя роту из окружения, он погиб...

Ни тогда в Москве, ни позже мне больше не довелось увидеться с братом...

Остался в памяти день, когда мы покидали столицу. Я запустил двигатель самолета и ждал, когда он прогреется. В это время и подкатила ко мне легковая автомашинка. Из автомашины вышел человек в кожаной куртке на молнии:

— Чей самолет?

— Мой самолет,—говорю я, а сам думаю: какое знакомое у этого человека лицо!

— Я Коккинаки, летчик-испытатель,—представляется он.—Нельзя ли подлетнуть на вашем истребителе, посмотреть, что собой представляет английская техника?

— Можно, конечно,—отвечаю я.

Коккинаки задает мне несколько технических вопросов, садится в кабину и поднимается в воздух. Полет занимает немного времени. Выполнив на «харрикейне» ряд фигур высшего пилотажа, Владимир Владимирович ведет самолет на посадку.

— Спасибо! — говорит он, вылезая из кабины.—Конечно, это не ЯК, но с такими пушками, какие теперь поставлены на «харрикейне», воевать, я думаю, можно...

Распрощавшись, Коккинаки уезжает. А через час наша группа из десяти самолетов делает прощальный круг над Москвой и берет курс на свой аэродром.

Горы причудливых кучевых облаков величественно проплывают мимо покачивающихся «харрикейнов». «„Харитоша“ идет-идет, кланяется-кланяется», — сказал как-то об английском истребителе Костылев. И это действительно так. Особенность конструкции: в спокойном горизонтальном полете самолет сам то опускает, то поднимает нос. Так и летит — кланяясь.

Под широко распластертыми крыльями машины видны Волга и город Калязин. «А не приходилось ли им, этим крыльям, парить над Темзой и Лондоном?» — думаю я. А еще я думаю, что название «харрикейн» (это слово в переводе на русский язык означает «ураган») вряд ли соответствует техническим данным машины. Оружие на ней теперь доброе — две двадцатимиллиметровые пушки и два крупнокалиберных пулемета. Одна очередь — и от любого самолета полетят щепки. И бронеспинка лагговская хороша. За ней — как за каменной стеной. Авиагоризонт — тоже великолепная вещь. С ним в облаках летать можно запросто. Радио великолепно

работает, как домашний телефон: ни шуму, ни треску. Но скорость, скорость... Нет, далеко этому самолету до урагана. Высоту набирает медленно, пикирует плохо. Вертикальный маневр? Какой там маневр! Правильно сказал как-то наш комиссар Ефимов: «Самолет хороший, металлический, не загорится. Стрелять есть из чего. А вместо маневра и скорости — русская смекалка!»

ЛЕТЕЛА НАД ЗАЛИВОМ „ЧАЙКА“...

Вдни нашего кратковременного пребывания на тыловой базе меня ожидал еще один приятный сюрприз.

10 августа мы с утра подготовили машины к полету, упаковали вещички. Баян я тоже положил в самолет. Сидим, ждем, когда будет дано разрешение подняться в воздух. Но разрешения все нет. И вот после обеда под окном штаба останавливается машина. Я выглядываю в окно и вижу: в кузове машины сидит моя жена. Выбегаю из дома:

— Валя!
— Игорь!.. Как хорошо!.. Все же я тебя нашла!..
— Но как ты добралась сюда?
— Очень просто. Из Вологды — поездом. А из Петрова ваш шофер подвез...

Веселая, радостная, спрыгивает она на землю, стряхивает с платья пыль, откидывает упавшую на глаза прядь волос.

— Здравствуй!.. Что же ты со мной не поздоровалась?..

Мы входим в дом. Как со старыми друзьями встречается Валя с Ефимовым, Костылевым и Суховым. Потом она знакомится с Чепелкиным и Львовым, которых раньше не знала.

Из своей комнаты выходит командир.

— Это ваша супруга? — спрашивает он у меня. — Очень приятно.

Он галантно представляется Вале и целует ей руку.

— А орденов-то у всех! — удивляется жена.— Какие же вы молодцы!.. Только вот не очень уютно у вас... И ни одного цветочка!..

Поле рядом, мы с Валей идем за цветами иносим целый букет ромашек и незабудок.

Жена быстро наводит порядок в нашей комнате. Поставленные на стол цветы придают холостяцкому жилью некоторый уют.

Улетаем мы только на следующий день. Жена провожает нас на аэродроме. Она поднялась на крыло, и я, сидя в кабине, знакомлю ее с самолетом.

— Ух как здесь много-то всего! — Валя рассматривает кабину.— Да, это не У-2!

Потом я по радио веду разговор с Чепелкиным.

— Где Валя? — спрашивает он.

— Здесь, рядом.

— Валюша! — кричит Петро. Я снимаю с головы шлем, чтобы было слышно жене.— Валюша,— между тем продолжает Чепелкин.— Привет тебе от всей нашей гвардии. Поцелуй дочку. Ждите нас с победой!..

— Желаю вам всем удачи! — кричит в наушник шлемофона Валя. Я передаю по радио Чепелкину ее слова.

Взлетает ракета, и мы запускаем двигатели.

— Игорек! — торопится Валя.— О нас не беспокойся. Пиши, мы очень ждем твоих писем.

Она целует меня и спрыгивает с крыла.

Мы взлетаем и, сделав круг над аэродромом, собираемся в группу.

На жене светлое платье, и я еще некоторое время вижу ее на земле. Потом она превращается в белое пятнышко и наконец совсем исчезает из виду. До свидания, родная! Когда-то теперь мы встретимся!..

Группа минует Тихвин, Новую Ладогу, Ленинград, пересекает Финский залив и приземляется на небольшой площадке, окруженной со всех сторон лесом. Это и есть наш теперешний аэродром.

Адъютант Дармограй и писарь Дук обживают новую эскадрильскую землянку, поставленную для нас аэродромными строителями. Сколько сделали эти люди за время войны различного рода укрытий, сколько вырыли, перекрыли, утеплили таких вот землянок, оборудовали командных пунктов! Сколько они построили новых аэродромов! Аэродромов, которых не было до войны и

не будет наверняка после нее. Их распашут, и заколосятся на них тучные колхозные нивы...

К нашей стоянке вплотную примыкает чудесный сосновый бор. Воздух здесь, что называется, курортный. Но у нас нет времени наслаждаться красотами природы. Уже на следующий день мы заступаем на боевое дежурство. Из штаба предупреждают, что финские истребители, как никогда раньше, проявляют активность. Большинами группами барражируют они над Финским заливом и зачастую вступают в бой с нашими самолетами. Были случаи, когда авиаторы противника летали на «чайках» с нашими опознавательными знаками.

— Ну, это уж хамство! — говорит Костылев (мы с ним вдвоем сегодня дежурим). — То на наших СБ летали, а теперь на «чайках»...

Я сижу в кабине и чувствую, как ко мне подкрадывается дрема. На мгновение закрываю глаза и слышу тревожный голос техника:

— Товарищ командир, ракета!.. Вам вылет!..

Запускаю двигатель и, едва поспевая за Егором, взлетаю.

По радио получен приказ идти курсом на Кронштадт. Где-то там, на высоте пяти тысяч метров, появились вражеские истребители. Пять тысяч метров — это примерно пятнадцать тысяч футов. Мы с Костылевым лезем вверх, скребем эти «футы-нуты». Но ни над Кронштадтом, ни на подступах к нему самолетов противника мы не обнаруживаем. Только минут через десять из района Териок показывается какой-то самолет. Он идет на бреющем прямо на Кронштадт.

— Егор! — кричу я Костылеву. — Смотри — над самой водой... По-моему, «чайка» со стороны Финляндии.

Костылев молниеносно снижается. Я следую за ним. Теперь мы видим «чайку» уже более отчетливо.

— Звездами замаскировалась! — кричит Егор и заходит в атаку.

Идущий над водой самолет разворачивается к аэродрому, где стоит 4-й гвардейский полк нашей бригады. Мы не отстаем от «чайки». Костылев открывает огонь. Она переворачивается в воздухе. Я тоже даю по ней очередь. Машина падает возле самого аэродрома.

— Хорошо, что успели, — кричит Егор. — А то бы она наделала дел!..

Мы набираем высоту и еще минут десять барражируем над заливом, пока не получаем команду на посадку.

Приземляемся. Егор докладывает Мясникову:

— Товарищ командир, задание выполнено.

Мясников стоит спиной к нам. Егор снимает шлем и, устало покряхтывая, вешает его на гвоздь.

— Обнаружили финскую «чайку», — говорит он. — Ну и...

— Не надо! — обрывает Мясников. — Что сбили, знаю. А вот знаете ли вы, кого сбили?!

Мы в недоумении переглядываемся. Командир по-прежнему стоит лицом к тусклому окну землянки.

— Называется, открыли счет, истребители хреноны!..

— Товарищ командир, — подаю я голос. — «Чайку» мы заметили почти у самых Териок. Шла курсом на Кронштадт. В чем же наша ошибка?

— В чем? Вы сбили начальника штаба четвертого полка подполковника Бискупа.

Меня прошибает озноб. Костылев точно окаменел. Мы хорошо знаем Бискупа. Как же так получилось?

Раздается телефонный звонок. Майор снимает с аппарата трубку.

— Так, ясно... Невредим?.. Вас понял... А сам слет?.. Вдребезги...

Не вешая трубки, Мясников смотрит на нас. Лицо его несколько проясняется. Он пытается улыбнуться, но тут же снова становится серьезным.

— Так, понимаю... Облетывал после ремонта?.. Но почему же он к Териокам-то пошел?.. Ах, решил прогуляться... Так, ясно... Есть, товарищ полковник, всыпать обоим за... бдительность!..

Командир вешает трубку на рычаг телефона.

Целый день все мы ходим под впечатлением происшедшего. Да мне, признаться, и ночью не дает покоя мысль о Бискупе и его «чайке».

Утром на зеленом пригорке, служащем крышей командного пункта полка, летчики собираются покурить. Ко мне подсаживается Сережка Сухов:

— Да, теперь вам с Егором в четвертый полк лучше не наведываться!

— А что? Мы бдительность проявили. Так, Егор?

Из землянки выходит начальник штаба майор Куцев:

— Вы что это с утра пораньше табунитесь? Крышу не провалите.

— Трофим Петрович, не звонили в четвертый? — спрашивает у него Ефимов. — Как там ваш коллега себя чувствует?

— Звонил, — щурясь на солнце, неторопливо отвечает Куцев. — Отходит понемногу. Просил не наказывать Костылева и Каберова. Сам, говорит, виноват. Считает, что они действовали правильно.

Что ж, Бискупа мы знаем как великодушного человека. Он иначе сказать не мог. Но нам понятно также, что мы поступили очень опрометчиво.

Как получилось, что ни один из нас не попытался установить, не является ли злополучная «чайка» нашим самолетом? Как получилось, что ни Костылев, ни я не задумались над тем, почему она так спокойно идет по курсу, не реагируя на наше приближение? Можно было бы проследить, как она поведет себя, дойдя до аэродрома. Уничтожить ее мы могли бы в любой момент в два счета. Более того, ее можно было вынудить к посадке. Теперь нам ясно, что мы погорячились. Но что было, то было!

Майор Куцев грозит мне пальцем:

— Смотри, не сбивай больше своих!..

В этот момент на КП звонит телефон, и начальник штаба спускается к себе. Через минуту становится известно, что Ефимову, Сухову, Львову и Чепелкину предстоит вылет.

На нашем аэродроме стоят штурмовики. Члены их экипажей — наши старые друзья. Тяжело нагруженные бомбами машины их уходят в воздух. И вместе с ними поднимается в воздух группа Ефимова. Цель — нанести удар по кораблям противника. Но обнаружить корабли почему-то не удается. На обратном пути на наши штурмовики пытается напасть семерка финских «капронов». Группа Ефимова завязывает с ними бой. На помощь ей идет по тревоге наша четверка во главе с Егором Костылевым.

При этом в самом начале дела происходит недоразумение. Летчик Борисов в спешке садится в мою машину и поднимает ее в воздух. Мне волей-неволей приходится лететь на его истребителе.

Над заливом мы встречаемся со штурмовиками. Истребителей с ними нет. По радио нами принята коман-

да: «Быстрее помочь Ефимову!» Немедленно набираем высоту, но вражеские истребители уже уходят на свой аэродром. В группе Ефимова видим только три самолета. Где же четвертый? Возвращаемся домой и узнаем, что Чепелкин погиб. Истребитель его был подбит. Петр пытался дотянуть машину до берега, но не смог, стал садиться на воду и почему-то выпустил посадочные щитки. Возможно, он был ранен и сделал это автоматически. Машина коснулась воды и сразу же ушла в глубину. Петр не успел покинуть кабину самолета.

Это был трудный день.

В довершение всех бед Борисов повредил мой самолет. Придя с задания, он ни с того ни с сего стал приземляться против старта в направлении к посадочному знаку. Самолет в мгновение ока выкатился за пределы рабочей площади аэродрома, неожиданно налетел на зенитное орудие, скапотировал и, конечно, разбился. Летчик же (ему везло в подобных случаях) невредимым выбрался из кабины. Причем так получилось, что до этого Борисов разбил два моих самолета. Теперь он разбил третий.

А между тем этот человек не был новичком в нашем деле. До войны он водил самолеты гражданской авиации, потом переучился и стал истребителем. Но ему, как мы в этом убедились, недоставало быстроты реакции, которая так необходима летчику! И еще ему недоставало натренированности. В воздушном бою некогда думать, как надо поступить, что включить, на что нажать. Сплошь и рядом приходится действовать автоматически. Но такого рода автоматизм — следствие бесчисленных тренировок, отличного знания машины. Борисов же не особенно заботился о повышении своего воинского мастерства и в результате за восемь месяцев пребывания в части не сбил ни одного вражеского самолета.

Стало очевидным, что летчик-истребитель из него не получился. В конце концов Борисов был отчислен из полка, и я стал летать на его машине. Обслуживал ее техник Владимир Тараканов.

Мы, истребители, продолжали сопровождать штурмовики. Запомнился мне один из таких вылетов. Это было 16 августа 1942 года. Одиннадцать ИЛ-2 и восемь «харрикейнов» в районе островов Сейскари и Лавен-сари атаковали четыре вражеских корабля. Фашистские

морские транспорты направлялись через залив в Финляндию.

Группу наших штурмовиков вел Герой Советского Союза Антон Андреевич Карасев, в недавнем прошлом слесарь Кировского завода. «Горбатые» (так мы называли в шутку штурмовики) несли на себе не только бомбы, но и реактивные снаряды. Это были поистине «танки с крыльями», вооруженные пушками и пулеметами. В тот раз Антон Карасев первым обрушил бомбовый груз на головной вражеский корабль. Тот взорвался и в мгновение ока исчез под водой. На поверхности плавали лишь обломки корабля, слабо видимые сквозь большое облако пара.

В следующую минуту загорелся второй транспорт. Загорелся так сильно, что потушить его экипажу не удалось. Черные клубы дыма как бы срывались с корабля. Видимо, на нем был бензин. Третий транспорт осел на корму и на левый борт, высоко подняв над водой нос. Мы с Костылевым снизились, чтобы сопровождать уходящие над водой штурмовики, и в этот момент корабль встал на дыбы и, точно поплавок при хорошей поклевке, быстро исчез под водой. С четвертого корабля команда спускала спасательные шлюпки.

Наша группа самолетов приближалась к острову Сейскари, когда слева появились восьмерка истребителей «капрони» и два МЕ-109. Мы насторожились. Но они прошли стороной курсом на тонущие корабли.

ГОРЯТ „МЕССЕРШМИТЫ“ И „ЮНКЕРСЫ“

На следующее утро мы вместе со штурмовиками перелетаем на площадку для заправки (не так давно здесь было картофельное поле), а потом берем курс на далекую Лахденпохью, к северному берегу Ладожского озера. Встречно-боковой ветер гонит по озеру волны. Берегов не видно. Штурмовики идут впереди, ниже нас, жмутся к самой воде.

Согласно разведданным противник строит в этой Лахденпохье какие-то баржи, похоже, что десантные.

Вот уже позади остров Валаам. Подходим к берегу, видим цель. Штурмовики набирают высоту и идут в атаку. Хочется получше рассмотреть, что там за баржи. Но нам уже не до них. Сверху на нашу четверку (Мясников, Львов, Костылев и я) наваливаются шесть «фоккеров».

Терехин и Рыбин где-то внизу охраняют штурмовики. Между тем они уже что-то зажгли на берегу. Ветер косматит дым, и ИЛы слабо видны на его фоне.

А в воздухе тоже бушует пожар. Падает объятый пламенем «фоккер». Один, потом второй. Истребители противника дерутся упорно. Они дерутся поблизости от своей базы. А нам до дому топать еще почти двести километров, из них около ста семидесяти — над водой, вдоль берега, захваченного врагом.

Оставшись вчетвером, вражеские летчики бьются ожесточенно. Двое из них прорываются к штурмовикам. Но Терехин и Рыбин начеку. Они вступают в бой с «фоккерами» и спасают положение.

Что же в итоге? Сбив два вражеских истребителя, мы без потерь возвращаемся домой. Разбор нашего совместного со штурмовиками полета проводит заместитель командующего ВВС полковник Дзюба. Он еще раз просматривает снимки, сделанные с воздуха над Лахденпохьей и сообщает нам, что противник строит баржи явно для десантных операций на Ладоге.

— Штаб флота обеспокоен этим, — говорит полковник. — Завтра на рассвете вам предстоит сделать повторный налет.

Однако вскоре обстановка меняется. Вместе со штурмовиками мы меняем место дислокации. Проходит немного времени. Едва успев освоиться с обстановкой, мы получаем команду перелететь на новое место. Как это было уже не раз, вместе с нами летят штурмовики.

Наш новый аэродром — обычное, не очень ровное поле. Все мы сели хорошо. Только истребитель старшего лейтенанта Евгения Теплова уже при зарулевании попал одним колесом в яму и повредил лопасть винта. Досада летчика только усилилась, когда штурмовики сообщили, что они готовятся нанести удар по врагу в районе Невской Дубровки. Все мы были воодушевлены этим сообщением. А Женя Теплов с тоской стоял возле своего

самолета и смотрел на отломанный конец лопасти винта.

Подошел инженер Сергеев.

— Неси пилу,— сказал он технику.— Какую? Обыкновенную. Ножовку по дереву.

Он собственноручно подравнял поврежденную лопасть, а затем отпилил ровно столько же от двух целых лопастей и велел техникам заделать концы.

Минут через сорок винт был отремонтирован. Сергеев попробовал его, запустив мотор.

— Ничего, потянет!— Инженер улыбнулся.— А вы, товарищ Теплов,— обратился он к летчику,— должны помнить: техника у нас заграницная, любит, понимаешь, деликатное обращение. Это тебе не на нашем самолете. Сел ты, к примеру, на фюзеляж — винт в барабан рог. Ну что ж, ничего страшного. Мы с капитаном Гаркушенко зажимаем тот винт между бревнами да как дазанем! И он опять идет в дело и тащит не хуже прежнего. Опять же пули от нашего отскакивают, а этот в щепки дробят. Вот так...

Еще раз осмотрев винт, Сергеев покачал головой:

— На боевом истребителе деревянный винт!.. Эх, за-граница... Запад хреновый, вас еще учить надо!..

И вот мы снова в воздухе. Женя Теплов идет рядом со мной. Винт на его «харрикейне» обрезан, но Женя не отстает. Мы подходим к Неве и видим множество наших самолетов. Тут и штурмовики, и бомбардировщики. Сыплют столько бомб на вражеские позиции, что кажется — вся земля должна вывернуться наизнанку. И при этом никакого противодействия. Правда, зенитки бьют вовсю, но где же фашистские истребители? Едва я подумал об этом, как увидел несколько «мессершмиттов».

Сразу же завязался нелегкий бой. Но мы выполнили стоявшую перед нами задачу и не подпустили истребителей противника к нашим штурмовикам.

В это время с другого аэродрома поднялась еще одна группа «харрикейнов». Она сопровождала бомбардировщики ПЕ-2, которые должны были нанести удар по вражеским укреплениям. Над этими укреплениями тоже был бой с «мессершмиттами». В бою трагически погиб капитан Е. П. Рыбин, отважный и опытный воздушный боец. На его истребителе была перебита тяга управления рулем высоты. Самолет падал, и Рыбину ничего не оста-

валось, как выброситься из кабины. Но отделяясь от самолета, он ударился головой о хвостовое оперение и потерял сознание. Парашют летчика остался нераскрытым...

Два последних дня шел проливной дождь. Мы не летали, но мысленно все были там, в районе Синявина, с нашими доблестными пехотинцами, штурмовавшими позиции противника. Когда же дождь прекратился, на нашем аэродроме сел малюсенький самолетик УТ-1. Из него выбрался полковник Даюба. Собрав всех вместе — и штурмовиков и истребителей, он показал нам снимки, доставленные утром воздушным разведчиком. А через час одиннадцать штурмовиков ИЛ-2 и восемь «харрикейнов» поднялись в воздух и снова взяли курс на Лахденпохью. Возглавлял группу истребителей капитан Костылев. Я был у него ведомым. С нами летели Корсуков, Хаметов, Евграфов, Черненко, Буряк, Терехин.

Опять мы шли над озером, стараясь до поры до времени не привлекать к себе внимания противника. Синевозовые волны Ладоги, украшенные белой пеной, катились внизу. Случись что с мотором — и все, поминай как звали. В Финском заливе — там хотя бы на островах Сейскари и Лавен-сари в случае чего можно приземлиться. А здешние острова Валаам и Коневиц захвачены врагом.

Районы Лахденпохьи и Кексгольма противник прикрыл истребителями, но мы уверенно шли к цели. Остров Валаам был уже позади. Мы видели Лахденпохью. На берегу были новенькие баржи, струганые бревна. Штурмовики развернулись и стали пикировать на цель. Взрывы бомб сотрясали поселок. Как и в первый раз, вспыхнул пожар. Дым заволакивал берег.

Нанеся удар, штурмовики повернули в обратный путь. Прижимаясь к воде, они уходили все дальше. Но над островом Коневиц нас ожидала засада. Едва мы поравнялись с ним, как с высоты на нас обрушилась шестерка «капронов». Истребители противника уверенно вступили в бой. Но уже через пять минут три вражеские машины были охвачены огнем и рухнули наземь. В суматохе боя один «капрон» все же прорвался к нашим штурмовикам. Однако находившийся в группе прикрытия Ханяфи Хаметов метнулся наперерез ему и сам попал под вражеский огонь. Мы не знали, что там произошло, но услышали голос Хаметова:

— Ребята, помогите!.. Атакует... Заклинило...

— Каберов!..

Это Егор поручает мне поддержать Ханяфи. Я камнем бросаюсь вниз. Вижу, как «харрикейн» делает круг над самой водой. Истребитель противника сзади, не замечая меня, зная строчит по нему. Я догоняю «капрони», беру его в прицел. Огонь! Вражеская машина резко кренится, описывает кривую и, ударив левым крылом по воде, разваливается на части.

— Все, Ханяфи! — кричу я.— Пошли домой. Он тебя больше не тронет.

Да, он больше не тронет Ханяфи. Только что над водой было видно крыло «капрони», теперь и оно исчезло в пучине. На волнах еще держатся мелкие обломки самолета. Во все стороны расходятся неровные круги.

А на машине Хаметова заклинило элероны. Она разворачивается влево, и Ханяфи никак не может справиться с ней. Помогаю ему советом, оберегаю его от вражеских истребителей, веду домой. ИЛы уходят от нас все дальше на юг. «Харрикейны» сопровождают их. Только мы — Хаметов и я — летим потихоньку над разгулявшимся озером. Сильный боковой ветер катит по нему пенистые волны. Кажется, будто именно они, эти волны, мешают нам идти.

Дотянет ли Хаметов до аэродрома? По моему совету он уменьшает скорость и двумя ногами держит правую педаль управления рулем поворота. Только бы не отказал дающий перебои мотор. Только бы хватило сил у летчика! Ведь впереди еще почти восемьдесят километров пути над озером.

Но Хаметов держится. В районе Морыина Носа мы пересекаем береговую черту. Километров пятнадцать полета над сушей, и мотор машины Ханяфи вдруг резко сбавляет обороты. Все, он больше не тянет, и в конце концов Хаметов удачно приземляется на фюзеляж на небольшой полянке. Он выскакивает из кабины и машет мне рукой. Я делаю над ним круг и, запомнив это место, лечу домой. Вскоре техники привозят самолет Хаметова на аэродром.

По сей день я храню фотопродукцию плаката, на котором запечатлено одно из мгновений воздушного боя наших истребителей с вражескими «капрони». В правом верхнем углу плаката художник поместил портреты всех наших летчиков — участников этого боя. Репродукции были подарены нам политотделом ВВС. А еще я хра-

нюю фотокарточку Хаметова. На обороте снимка его рукой написано: «Моему спасителю и хорошему другу И. Каберову от Ханяфи».

Вот и опять мы дома, на Ораниенбаумском плацдарме. Немцы здесь неподалеку, но на этом участке фронта стоит пока что затишье. Только несметное войско сосен, охраняющее аэродром, о чем-то все время шумит, что-то таинственно шепчет.

30 августа к нам снова прилетает маленький УТ-1 полковника Дзюбы. Следом за ним на аэродроме приземляются пять штурмовиков, а немного погодя — семь истребителей «китти-хаук». Из кабин высекают молодые веселые хлопцы с гвардейскими значками на кителях.

— Куда путь держите, гвардейцы? — интересуется мы.

— Хотим кое-кому дать прикурить, — весело отзыается высокий, белокурый сержант.

— Нас возьмете или одни полетите?

— А мы к вам на помошь прилетели, — не то шутя, не то всерьез говорит он.

Мы переглядываемся. Армейские летчики прилетели помочь нам? И полковник Дзюба здесь. Значит, предстоит какое-то интересное задание. Вскоре всем нам (и армейцам тоже) приказано собраться в одном помещении.

— Перед вами, — Дзюба ведет указкой по карте, а потом по большому фото, — аэродром Городец. Расположен он в двадцати пяти километрах южнее Луги. На аэродроме, как вы видите, стоят Ю-88. Идет заправка самолетов. Снимок сделан два часа назад. Видимо, бомбардировщики недавно прилетели откуда-то. Ваша задача — уничтожить их на аэродроме. В северной части его насчитывается двадцать пять истребителей МЕ-109. Следите, чтобы они не взлетели. Маршрут: наш аэродром, озеро Самро, Городец. В районе, затушеванном красным, — полковник Дзюба снова поднимает указку, — партизаны. На случай вынужденной посадки приземляться здесь...

Определив обязанности ведущих групп, Дзюба подал команду «По самолетам!». Восемь штурмовиков ИЛ-2, семнадцать «харрикейнов», семь истребителей

«китти-хаук» и один ПЕ-2 (фотограф) поднялись в воздух. Пятнадцать «харрикейнов» вооружены «эресами». На двух истребителях (майора Мясникова и моем) поставлены фотоаппараты. Мы тоже должны снимать.

Пересекаем линию фронта. Под нами железная дорога. Слева Волосово, а под крылом Большая Вруда, где 10 августа 1941 года я вынужден был приземлиться. Вспоминаю о Зинаиде Михайловне Петровой и мысленно обращаюсь к ней: «Жива ли ты, добрая русская женщина, приютившая меня в трудный час? Взгляни, мы идем над твоей многострадальной деревней, на которую сбросили столько бомб фашистские стервятники. Мы идем, чтобы отомстить. Мы обрушим бомбы на головы тех, кто принес тебе горе и несчастья. И уже скоро, скоро снова вздохнет полной грудью наша земля. И уже скоро, скоро вздохнет полной грудью Большая Вруда. В день нашей победы ставь самовар, дорогая Зинаида Михайловна. Встретимся, посидим за чайком, вспомним былое...»

Пока я про себя разговаривал с Зинаидой Михайловной, мы уже прошли озеро Самро и подошли к Городцу. Вот он, фашистский аэродром. Все как на снимке. В три ряда стоят «юнкеры», а рядом с ними — бензозаправщики. Штурмовики сразу же идут в атаку, за ними следуют «харрикейны». Взрывы бомб, «эресов». Стоянку охватывает пламя. А наши самолеты снова и снова проносятся над ней. Одна за другой вспыхивают машины врага.

— Это вам за Низино! Это за Большую Вруду! Это вам за Ленинград! — кричу я.

Четыре «мессершмитта» пытаются вырулить для взлета. Два «харрикейна» обрушаивают на них шквал огня. Выскочившие из кабин летчики бегут по аэродрому. Бегут, падают и не поднимаются.

Жидкие выстрелы зениток не смущают нас. Завершив начатое дело, штурмовики, «харрикейны», сфотографировавший результаты налета самолет ПЕ-2, истребители «китти-хаук» уходят домой. Мы с Александром Федоровичем тоже фотографируем пылающий аэродром. Но вот аппараты отщелкали, и я слышу голос Мясникова:

— Дадим?

Командир вопросительно смотрит на меня из кабины. Я киваю головой. Он переворачивает истребитель и бросается вниз. Мы проносимся над северной границей

аэродрома и из всех пушек и пулеметов бьем по стоянке истребителей. Вспыхивают еще два вражеских самолета. Собравшиеся было в большую группу гитлеровцы в панике разбегаются. Мы еще некоторое время ведем по ним огонь, потом на полной скорости догоняем своих товарищей. Я оглядываюсь. Хорошо горят фашистские самолеты! При полном безветрии густой черный дым взметнулся высоко к небу и растекается по сторонам, закрывая аэродром и окружающий его лес.

Дома мы узнали, что одновременно с налетом на аэродром Городец был нанесен удар по Сиверской, где скопились в основном вражеские истребители. Вот почему нам никто не помешал. Не потеряв ни одного своего самолета, мы уничтожили в Городце семнадцать бомбардировщиков Ю-88 и два «мессершмитта». В счет шли только те, что сгорели или были разнесены на части бомбами и «эрсами». Но ведь там были и поврежденные, возможно, даже совсем непригодные к дальнейшему использованию машины.

„КАПИТАН,
КАПИТАН,
УЛЫБНИТЕСЬ! . .“

Бои, бои. Самолетов у нас становится меньше, и командир полка формирует сводные группы из летчиков разных эскадрилий.

2 сентября утром потребовался вылет восьми наших «харрикейнов» на охрану войск в район Красного Бора. Эту восьмерку повел комиссар Ефимов. Второй восьмерке во главе со Львовым (в нее входжу и я) приказано быть в боевой готовности. Спешу к самолету и вижу: моторист, дозаправлявший машину, разлил столько бензина, что под ней образовалась лужа. «Ну и разгильдяй!» — думаю я, подходя к мотористу.

— Это вы льете горючее на землю?

Матрос сначала пытается оправдываться, но потом умолкает и, покраснев, опускает голову.

— Вы знаете, как дорог этот бензин и как трудно доставить его сюда?

— Виноват, товарищ капитан. Больше это не повторится.

Занимаю место в кабине, усаживаюсь на парашют, привязываюсь ремнями, и все во мне кипит. Откуда у этого человека такое наплевательское отношение к делу? Надо написать о нем в «боевом листке».

Семен Львов, направляясь к своему самолету, останавливается на минутку возле меня. Вижу, он чем-то обеспокоен.

— Восьмерку вызвали по тревоге,— говорит Семен, глядя на небо.— Как думаешь, с чего бы это?

— Трудно сказать. Может быть, фашисты бросили «юнкеры» против нашей пехоты.

— А по-моему, противник решил дать бой в воздухе за Городец,— раздумывает вслух Семен.— Если будет вылет, давай наберем высоту тысячи три. И главное, чтобы никто не оторвался от группы...

Я соглашаюсь с Львовым. Но меня волнует еще один вопрос:

— Скажи, Семен, как ты понимаешь выступление Ефимова на партсобрании? Он считает, что десантные баржи в Лахденпохье и стягивание бомбардировщиков под Ленинград — дело одной задумки.

— Не знаю.— Семен пожимает плечами.— А вообще комиссару трудно отказать в логике. В самом деле, тут есть какая-то связь. Правда, Егор считает, что это рыбакские баржи.

— Егор не прав. Я вчера ему говорил об этом. Рыбакам не нужны такие громадные баржи. Да и форма у них не та. А потом, скажи, Семен: где видано, чтобы рыбак строил себе лодку под охраной зенитной пушки? А ведь над Лахденпохьей рвались зенитные снаряды.

— А я вот думаю,— говорит Львов.— Немцы в Киришах, а финны на реке Свири. И между ними каких-то сто двадцать километров. Не помышляют ли они опять об окружении Ленинграда вторым кольцом блокады? Не готовятся ли к совместному наступлению?..

Семен уходит к своему самолету, а я сижу в своем. Сижу и думаю: выдержит ли «харрикейн» бой против МЕ-109? «Харрикейн» — это не ЛАГГ-3 и уж, конечно, не ЯК-1. С «фиатами» и «фоккерами» было проще. А вот «мессершмитты»... Правда, мы, что называется, видали виды. Да и «харрикейнами» управлять научились. И все ж...

Возле землянки стоит Дук. Вспомнив о пролитом горючем, я подзываю Женю к себе и уславливаюсь с ним о выпуске очередного номера «боевого листка». Он должен быть посвящен сбережению бензина и масла. Наш разговор прерывает рев моторов. Из-за леса на бреющем появляются три «харрикейна». Они тут же заходят на посадку. Женя беспокойно поглядывает то на них, то на меня:

— А где остальные?..

Ефимов, выскочив из машины, бежит к моему самолету. Между тем воздух прорезает ракета. Это сигнал вылета. Мы запускаем двигатели.

— Что, Андреич? — встревоженно спрашиваю я комиссара, поднимающегося на крыло моего «харрикейна».

— Игорек, видимо, будет тяжело. Имей голову на плечах...

Он хочет сказать еще что-то, но я уже даю газ. Мне надо поспеть за Львовым. Ефимов спрыгивает с крыла и машет мне рукой.

Группа поднялась в воздух. Набирая высоту, я припоминаю по номерам, кто вернулся с Ефимовым. Вернулись Сухов и Киреев. Не вернулись пятеро. Среди них Хаметов и Седов. Кто же еще?..

Львов ведет нас над захваченной фашистами территорией к Красному Бору. Я внимательно наблюдаю за воздухом, а в голове сидит вопрос: «Кто же еще?» К какой-то заскок в памяти. Да, кажется, с Ефимовым ходил Буряк. А еще кто?

Неприятное, щемящее чувство угнетает меня. Неужели мне страшно? Нет-нет, это надо отбросить. Рядом ведет истребитель молодой летчик Черненко. Ему особенно тяжело. Но он не подает виду. Я вижу, как Василий Иванович (мы уже успели полюбить этого веселого, бесстрашного в бою паренька и почему-то называем его иногда по имени-отчеству) вертит головой, внимательно смотрит по сторонам. Мне становится неудобно перед ним. «А ну-ка, капитан Каберов, — командую я себе. — Гашетки к бою! Так ли бывало, и то носа не вешал. А ну, запевай!» И я во все горло ору, пытаясь перекричать гул мотора:

Капитан, капитан, улыбнитесь!
Ведь улыбка — это флаг корабля.
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым...

— Приготовиться к бою! — прерывает этот неуместный концерт властная команда Львова. — Справа «юнкерсы»!

— «Мессершмитты» сзади! — вторит ему кто-то.

Я насчитываю пятнадцать Ю-87 и десять МЕ-109. К «юнкерсам» не подойти. «Мессершмитты» атакуют и атакуют. Усыченко и Теплов (он все еще летает на истребителе с укороченными лопастями винта) вынуждены выйти из боя: их машины повреждены. Мы остаемся вшестером. Руденко сумел все же прорваться к «юнкерсам» и уничтожить один из них. Бомбардировщики уходят, и мы деремся с «мессершмиттами». Львов, Черненко и я сбиваем по одному истребителю противника каждый. Бой идет уже пятьдесят минут. Число «мессеров» не уменьшается, а увеличивается. Но в конце концов и к нам на помощь приходит группа армейских истребителей. У нас заканчивается горючее. Поглядывая на бензиномеры, мы берем курс на свой аэродром. Здесь выясняется, что у Львова и Черненко самолеты повреждены. На машинах Руденко, Ткачева, Косорукова, на моем «харрикейне» пробоин нет. Усыченко и Теплов приземлились на других наших аэродромах.

Мы нанесли врагу урон и никого из своей группы не потеряли. Это хорошо, конечно. На душе становится легче. Но в ней все еще остался некий осадок от пережитой в начале полета минутной слабости. Наверное, уж так устроен человек, что ему иногда бывает страшно. Важно найти в себе силы подавить это чувство.

Только возвратясь после боя домой, мы узнали, что летчики группы Ефимова на восьми машинах целый час дрались с двадцатью шестью МЕ-109. Буряк, Седов и Хаметов посадили свои поврежденные истребители на одной из площадок под Ленинградом. Вражеский снаряд разорвался в кабине Хаметова, и он только чудом остался жив. Старший лейтенант Казин выпрыгнул из горящего самолета на парашюте. Мужественно дрался с фашистами старший лейтенант Алексей Евграфов. Он погиб в этом бою.

Группа Ефимова сбила четыре МЕ-109. А всего за два вылета мы уничтожили восемь вражеских машин.

На другой день погода резко ухудшилась. Техники чинили самолеты, а мы под руководством подполковника Никитина обсуждали, кто как действовал в бою, анализировали свои ошибки и удачи, боевые качества «хар-

рикейна». В конце концов все сошлись на том, что машина эта далеко не ураган, хотя она так и названа, но что драться на ней с МЕ-109 можно. А против «юнкерсов» — тем более. Много значат пушки! Когда я в поединке с «мессершмиттом» ударил из них, это сразу решило исход боя. От разбитого крыла вражеского самолета отлетел элерон. Машина вошла в штопор и так летела до самой земли. Пилот не смог воспользоваться парашютом.

После обеда мы узнали, что в полк приехал инструктор политотдела политрук М. Р. Голод. Беседуя с нами, он говорил в основном о Ленинграде. О том, что жители города стойко переносят трудности блокады. О том, что каждый из них героически трудится на своем посту. Идет соревнование за выпуск продукции для фронта. Театры готовят новые пьесы. Композитор Шостакович посвятил свою седьмую симфонию обороне Невской твердыни. Наши флотские литераторы Вишневский, Азаров и Крон пишут пьесу «Раскинулось море широко». Она будет ставиться в театре музыкальной комедии.

Крона я не знаю. А с Вишневским и Азаровым мне доводилось встречаться. Помнится, и тот, и другой, познакомившись с моими поэтическими опытами, советовали мне больше работать над словом. Теперь, через тридцать лет, я впервые прочел военные дневники Вишневского и с волнением встретил в них свое имя. Вот запись, сделанная 17 октября 1941 года: «Беседа с летчиком Каберовым». Вот пометка, оставленная в дневнике 31 марта 1942 года: «Прочел стихи И. Каберова (летчика-истребителя), с темпераментом написаны!» Всеволод Азаров много раз бывал в нашей части, писал о нас стихи, очерки. Это он уже после войны, в 1963 году, заставил меня взяться за перо, сказав, как когда-то говорил Вишневский: «Увидишь, получится...»

Но я, кажется, снова отвлекся. Возвращаюсь к нашим фронтовым будням, к беседе с инструктором политотдела Михаилом Романовичем Голодом. Помню, после его упоминания о пьесе Вишневского, Азарова и Крона Егор Костылев, большой любитель пошутить, сказал:

— Что же нам-то делать? Симфонию мы написать не сможем, пьесу тоже. Вот на борту самолета черкнуть что-нибудь такое, чтобы у фашиста мураски по коже побежали, — это да!..

На левом борту своего самолета Костылев в тот же день начертал: «За Русь!» По предложению техника Тарраканова мы на нашем «харрикейне» написали: «За Ленинград!» В это время к нам подошел Сергей Сухов.

— Хорошо, но не очень,— сказал он.— Слишком обычно и невыразительно. Мурашки от этих слов у фашиста по хребту не побегут. Надо проще и выразительней.

Утром, когда Сергей возвратился из полета, я услышал на стоянке хохот техников:

— Во дает Сухов!

— Ну и ну!..

Только тут все мы увидели на фюзеляже машины Сергея крупную надпись: «По разэтакой буржуазии огонь!!!» Разумеется, я привожу ее, эту надпись, не словно. Сергей отпустил по адресу буржуазии такое словцо, крепче которого вряд ли кто смог бы найти. Смех долго еще не умолкал на стоянке. Между тем Сухов вышел из кабины навстречу приближающемуся к нему Ефимову.

— Что это они, комиссар? Нашли над чем смеяться! А вот фашист отреагировал на эту надпись иначе. Как увидел — сразу в штопор. Правда, пушки тоже помогли...

Ефимов, сам нахохотавшись до слез, вытер платком глаза и велел технику Кудрявцеву закрасить крепкое словцо на фюзеляже Суховского «харрикейна».

Вскоре мы узнали, что начали наступление войска Волховского фронта. Воздушные бои переместились в район Шлиссельбурга, и нам снова пришлось перебазироваться на Карельский перешеек.

Это были тяжелейшие бои. Никогда не забуду первый вылет.

Едва наша шестерка подошла к линии фронта, как на нее напали шестнадцать истребителей МЕ-109. Между тем над позициями наших наземных войск появились «юнкерсы». Мы с Мясниковым прорвались к ним, и я первой же очередью уничтожил Ю-88. Не будь proximity командира, это могло бы стоить мне жизни. Мясников успел развернуться и сбить пикировавший на меня вражеский истребитель. Фашисты рассвирепели. Им удалось разделиться на две группы и поджечь машину Евгения Теплова. Объятый пламенем «харрикейн» стал падать.

— Женька, прыгай! — кричал кто-то по радио.

Но Женя, по-видимому, был не в силах воспользоваться парашютом.

В конце концов нам удалось соединиться в одну группу. И все же мы и тут не обошлись без потерь. Вскоре фашистские стервятники подбили самолет комиссара первой эскадрильи политрука Косорукова. Командир приказал мне прикрывать его вплоть до посадки. Удачно вырвавшись из боя, я догнал Косорукова. Он шел в сторону Новой Ладоги, должно быть надеясь приземлиться на одной из площадок на берегу озера. Вражеский снаряд разбил правую плоскость истребителя. Ка-пот с мотора был сорван. За самолетом тянулся слабый дымок.

— Вы слышите меня? — позвал я Николая Михайловича по радио.

Ответа не последовало.

— Развернитесь влево! — дал я команду.

Косоруков развернул самолет.

— Теперь снижайтесь.

Машина пошла на снижение.

— Выпускайте шасси!.. Шасси, шасси выпускайте!..

На эту команду Николай Михайлович не отреагировал. Тогда я потребовал, чтобы он убрал газ и планировал, так как площадка была уже рядом. Но машина Косорукова вдруг вздыбилась, перевернулась через крыло и, войдя в штопор, ударила о землю.

Не стало замечательного летчика, комиссара, душевного человека Николая Михайловича Косорукова.

На свой аэродром мы возвратились подавленные гибелью друзей и усталые донельзя. Помнится, я едва выбрался из кабины. Болела каждая клетка тела. Шею, казалось, невозможно было повернуть. Но отдохнуть не пришлось. Мотористы заправили самолеты, и снова взлетела ракета, и снова мы поднялись в задымленное небо, где нас ждал не менее тяжкий бой.

Фашистское командование бросало против наших войск в районе Синявина все новые полки и дивизии, снимая их с других участков фронта, чтобы любой ценой удержать под Ленинградом свои позиции. И все новые авиационные подразделения противника появлялись в раскаленном небе над Невой. С тех пор как наш полк принял «харрикейны», мы уничтожили в воздушных боях двадцать девять фашистских самолетов, потеряв при этом пять своих.

Воздушное сражение нередко длится около часа. «Харрикейны» неудобны для вертикального маневра, и мы часто вынуждены в схватках со сворой «мессершмиттов» обороняться. Мы обороныемся, но используем каждый подходящий случай, чтобы меткой очередью сразить вражеский самолет.

Фашистский истребитель МЕ-109 «Ф» превосходит «харрикейн» в скорости почти на сто километров. А у кого скорость, тот владеет и высотой. Высота обеспечивает все: и свободу выбора цели, и маскировку солнцем, и внезапность нападения, и скоротечность атаки. Но ни эти преимущества, ни численное превосходство не спасают авиаторов противника от потерь. Гитлеровцы, кажется, разобрались наконец, что воюют не над Ла-Мадешем. Это там они похвалялись в 1940 году, что встречи с «харрикейнами» напоминают охоту на куропаток. А здесь на «харрикейнах» советские летчики и советские пушки, разящие наверняка.

СЛОВО О КОМАНДИРЕ

В 1936 году группа советских авиаторов прибыла в Испанию, чтобы защищать молодую республику. Среди них были два тогда еще совсем молодых летчика — Никитин и Багров. Как-то в обеденное время над аэродромом, где стояли их самолеты, появились фашистские истребители «мессершмитт» и «фиат». В считанные минуты Никитин и Багров поднялись в воздух. Бой был непродолжительным. От меткой очереди Никитина загорелся «мессер». Багров сбил «фиат».

Испанские летчики-республиканцы с ликованием встретили эту победу. Николай Никитин (или Николас, как они его звали) сразу, что называется, вырос в их глазах. Как и его товарищ, он был отличным пилотом и отважным воином. Республиканские летчики многое переняли у него. За героизм и мужество, проявленные в боях той поры, Николай Михайлович Никитин был награжден орденом Красного Знамени. Еще один такой орден

получил он после советско-финляндского военного конфликта. Великую Отечественную войну Никитин встретил закаленным в воздушных схватках летчиком. Он командовал эскадрильей и, сражаясь в небе Ленинграда, сбросил на землю не одного фашистского аса. Орденом Ленина, третьим орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды увенчала страна его подвиги в эти годы.

В самый разгар напряженных боев на южном берегу Невы подполковник Никитин вдруг приказал собрать всех наших летчиков на совещание. Мы недоумевали: какое может быть совещание, если вылет следует за вылетом, если техники едва успевают заправлять самолеты горючим и пополнять боезапас? Но командир знал, что делал. Он устроил строгий и поучительный разбор ошибок, допускаемых нами в бою. Он не признавал никаких ссылок на малочисленность наших боевых групп, на недостаточную маневренность «харрикейнов».

— Да, нас немного, елки-палки, но мы воюем не числом,— говорил Николай Михайлович.— Маневренность у нашей машины слабая, зато пушки сильные! А ошибок допускать не имеем права. Летчики, как и минеры, ошибаются только раз.

Закончив разбор, Никитин посмотрел на часы:

— Думаю, что двадцать минут, которые нам удалось выкроить для этого разговора, оставят след. А сейчас вылет. Группу поведу я. Моим ведомым,— командир обернулся ко мне,— пойдет капитан Каберов.

Наша восьмерка столкнулась в том бою с двадцатью истребителями противника. Они держались в воздухе двумя ярусами: «мессершмитты» снизу, «фокке-вульфы» над ними. И те, и другие сразу же обрушились на нас, едва мы оказались в зоне их досягаемости. Атаки вражеских самолетов следовали одна за другой. Враг использовал свое преимущество в высоте и численности. Но Никитин умело руководил боем, и вскоре вспыхнул первый подбитый нами «мессершмитт». За ним пошел к земле второй. Однако фашистским истребителям все же удалось оттеснить нашу ведущую пару от остальных шести самолетов. Мы с командиром попали в трудное положение. Он передал управление шестеркой «харрикейнов» капитану Ефимову, а мне сказал по радио:

— Держись крепче, елки-палки, не пропадем!

И мы держались. «Мессершмитты» ничего не могли с нами сделать, пока четверка «фокке-вульфов» не пошла на нас в лобовую атаку. Прикрывая «харрикейн» Никитина от атак сзади, я не в силах был помешать «фокке-вульфам». Поврежденный мотор командирского самолета задымил, и Николаю Михайловичу волей-неволей пришлось выйти из боя. Я отбил несколько новых наскоков «мессершмиттов» и вывел командира из опасной зоны. С трудом дотянув до границы аэродрома, он благополучно приземлился.

Вскоре возвратилась на аэродром вся наша группа. Итог боя радовал: не потеряв ни одного своего самолета, мы сбили три вражеских истребителя.

Позже я не раз еще летал в паре с Николаем Михайловичем Никитиным.

— Сейчас мы им, елки-палки! — воинственно настраивался он, готовясь к новому бою против вражеских истребителей.

В веселую минуту ребята так и называли его, бывало, — «Елки-палки». И командир не обижался. В деле он был строгим, а на отдыхе — удивительно душевным человеком.

И еще хотелось бы упомянуть здесь об одной свойственной Никитину черте — о его удивительной находчивости, боевой сметке. Приведу такой пример.

Николай Михайлович ведет шестерку «харрикейнов» к Колпину. Мы прикрываем свои наземные войска на линии фронта. Когда до окончания срока прикрытия остается каких-то десять минут, по радио поступает сообщение: «Со стороны Гатчины курсом на Колпино — самолеты противника!» Едва мы развертываемся против них, как следует команда: «Задержать самолеты противника, не допустить к Колпину!» Легко сказать — задержать около сорока бомбардировщиков Ю-87 в сопровождении истребителей! Но мы вслед за Никитиным на полной скорости врезаемся в группу фашистских самолетов. Опасаясь столкновения с нами, они шарахаются в стороны. И все же два «юнкерса» сталкиваются и, объятые пламенем, падают на землю. Вражеские истребители теряют нас в строю бомбардировщиков.

Ю-87 и «харрикейн» — одномоторные самолеты. «Горбатый» истребитель английского производства по форме и размерам слегка напоминает «юнкерс». Но у того постоянно выпущено шасси. И Никитин идет на хитрость.

Он приказывает нам всем выпустить шасси. «Как это выпустить шасси? — думаю я. — В бою нужны скорость, маневр, а тут...» Но приказ есть приказ...

Мы проходим сквозь строй «юнкерсов» и развертываемся, следя за ними. На какие-то секунды фашисты принимают «харрикейны» с торчащими снизу колесами за свои самолеты. Этого достаточно, чтобы каждый из нас выбрал себе цель. Сбито сразу четыре бомбардировщика, два повреждены. Противник бросает бомбы, не дойдя до цели. Разворачиваясь в разные стороны, Ю-87 уходят на свой аэродром.

Уходим и мы. Но фашистские истребители бросаются в погоню за нами. Выручает нас группа капитана Ефимова, вышедшая нам навстречу.

Воздушный массированный удар по Колпину был сорван. Сорван благодаря мужеству и находчивости нашего командира.

НЕ НА ТОЙ ВОЛНЕ

— Где это я? — спрашиваю себя, вдруг очнувшись. В недоумении гляжу в круглые глаза приборов. Выходит, я все еще в кабине истребителя? Вот они, рычаги управления, тумблеры, кнопки. Сижу, пытаюсь очухаться. Кровь стучит в виски, во рту пересохло. Пробую подняться — не хватает сил.

Что же все-таки произошло? Самолет стоит на самой границе аэродрома. Мотор не работает. «Да ведь он же остановился в воздухе на последней прямой», — вспоминаю я.

Товарищи подбегают ко мне, спрашивают, не ранен ли я. Спрашивают, почему меня так долго не было. Спрашивают, почему я один, где майор Мясников.

Мясников... Силюсь припомнить, что произошло с Мясниковым. Но в голове все перемешалось. Иду на стоянку как пьяный. Вот она, наша растрепавшаяся на ветру палатка. Вот капитан Дармсграй. Ему нужны сведения о результатах полета. Нас обоих — меня

и Мясникова — считали здесь погибшими. Но я жив. А Мясников?..

Да, да, мы сопровождали бомбардировщики ПЕ-2 из 73-го полка. Кто-то из летчиков на ПЕ-2 был другом Александра Федоровича, и Мясников прямо-таки с детской радостью пошел на это задание. В воздухе они перекликались по радио.

А утром, еще до вылета, Александр Федорович был у нас в эскадрилье, где стоял его самолет. Став заместителем командира полка, он летал по-прежнему с нами. В ранний час Мясников успел обыграть кого-то в шахматы и был в добром, веселом настроении — много шутил, смеялся, рассказывал что-то веселое. Потом он написал письмо своей Матрене Макаровне и шестилетнему сынишке Юрке. Но последовал телефонный звонок из штаба, и вскоре мы были в воздухе.

Бомбардировщики ПЕ-2 с бомбовой нагрузкой оказались быстроходнее наших «харрикейнов». Набирая высоту, мы отстали от них и встретились с «мессершмиттами». Их было много, этих фашистских хищников со свастикой на крыльях. Но наши бомбардировщики уже пиктировали и, не обращая внимания на ураганный зенитный огонь, сбрасывали свой смертоносный груз на головы фашистов, укрепившихся на левом берегу Невы.

Около часа вели мы бой с истребителями противника. Уже давно ушли наши бомбардировщики и вражеские зенитки умолкли, а мы все еще никак не могли оторваться от «мессершмиттов». Их было двенадцать, нас только восемь. Они прикрывались солнцем. И все же нам удалось сбить два «мессера». Тогда фашисты изменили тактику. Одна их группа атаковала нас сверху, а другая снизу. Но Мясников вовремя разгадал этот маневр. В мгновение ока от ведущего нижней пары «мессершмиттов» полетели щепки. Машина перешла в беспорядочное падение и скрылась на фоне леса.

Неожиданно появилась еще шестерка вражеских истребителей. Они оттеснили нас с Мясниковым от общей группы. Мы вынуждены были вдвоем биться с этой шестеркой.

За этой воздушной схваткой наблюдал со своего командного пункта при штабе сухопутной армии командир нашей бригады Герой Советского Союза полковник П. В. Кондратьев. Внимательно следя за боем, он помогал нам в трудные мгновения — давал по радио свои

советы, предупреждал об опасности. Но время было на исходе, и Кондратьев дал нам сигнал идти на посадку. Я слышал голос Ефимова, собиравшего группу и с боем уводившего ее на аэродром. Однако мы с Мясниковым не могли последовать за ним. Фашисты атаковали и атаковали. Командир бригады взывал к нам, чтобы мы подержались еще немного. Он сообщил, что со стороны «большого» (то есть от Ленинграда) идет группа Яков.

— Видите группу? — спрашивал он.

— Видим! — кричал я, опережая Мясникова.

— Им даны указания, сейчас они вам помогут...

Действительно, к нам приближалась шестерка истребителей ЯК-1. Фашистские летчики сразу же оставили нас в покое и убрались восвояси.

— Спасибо, братцы, за помощь! — прокричали мы по радио своим спасителям и, покачивая машины с крыла на крыло, взяли курс на аэродром. Надо сказать, что горючее у нас было уже на исходе.

Но, видимо, радиостанции на ЯКах были настроены на другую волну. Между тем наши неизвестные друзья приняли «харрикейны» за вражеские истребители. Два ЯКа неожиданно вырвались вперед и пошли на нас в атаку.

— Они атакуют, — предупредил я Мясникова.

— Это же ЯКи, — спокойно отозвался Александр Федорович. — Наши ЯКи. Они шутят.

Но ведущий ЯК не шутил. Он дал очередь по самолету майора Мясникова. Машина вспыхнула и стала падать.

— Что вы делаете, разбойники! — кричал я по радио, видя, как охваченный пламенем падает самолет командира. Но голос мой тонул в эфире. Армейские летчики не слышали меня. Меня слышал только полковник Кондратьев. И он видел все происходившее в воздухе. Командир бригады передал мне, что «ЯКам сейчас подскажут». Но они уже развернулись и бросились на меня с двух сторон.

Что делать? Бить по своим я не мог. Я стал уклоняться, увертываться от Яков. Но их было шестеро. К тому же они пришли со свежими силами. А у меня не оставалось ни горючего, ни сил. Мотор мог остановиться в любую секунду. Оставалось одно: сделать вид, будто моя машина сбита. А как? Ввести самолет в штопор? Но табличка, укрепленная на приборной доске «харрикейна»,

предупреждала (и я это знал наизусть): «Если до высоты двух тысяч метров машина не вышла из штопора, покидай самолет и пользуйся парашютом». Надпись была сделана неспроста: английский истребитель, войдя в штопор, мог из него не выйти.

Но выбора не было. Улучив удобный момент, я загнал машину в штопор. Виток, второй, третий. Земля и Ленинград вместе с ней превращаются в набирающую скорость карусель. Четвертый, пятый, седьмой, девятый виток. «Вывод!» — кричу я зачем-то самому себе, видя, как вращающаяся земля стремительно надвигается на меня. Вопреки ожиданиям «харрикейн» подчиняется рулям. Он выходит из штопора и, опустив нос, набирает скорость. Вот я уже в горизонтальном полете. Подо мной лес. Высота — четыреста метров. Позади никого. Я даю газ и беру курс на аэродром. На чем работает мотор — не знаю. Бензиномеры показывают нули.

«Ну, „Харитоша“, дотяни, милый, тут же недалеко».

Выпускаю шасси, планирую на аэродром. И в этот момент раздается сильный хлопок. Мотор останавливается. Словно тараканы усы, прорисовываются перед глазами лопасти винта. И вот посадка...

Записав все, что я смог сказать ему, Дармограй мчится докладывать начальству. Я с трудом добираюсь до кровати и забываюсь в тяжелом сне. Но отдых недолг. Самолет заправлен, и Дармограй поднимает меня. Вскакиваю, а в мыслях Мясников.

— Понимаю, — говорит адъютант. — Но что делать? Александра Федоровича уже не вернешь. Разберутся, накажут кого следует. А сейчас садись и пиши объяснительную. Командир полка велел.

Я пишу короткую объяснительную записку и отдаю ее адъютанту.

В палатку заходит комиссар полка Лукьянов. Он только что возвратился с боевого задания. Он тоже очень устал, но, узнав о гибели Мясникова, немедля поспешил к нам. Я докладываю ему обо всем. Потом мы еще некоторое время сидим молча. А о чем говорить?

Вскоре нас снова поднимают в воздух. И снова завязывается дикий бой. Мы сбиваем три «мессершмитта» и теряем один свой самолет. Да что самолет! Гибнет Сергей Сухов. Его «харрикейн» падает, переходит в плоский штопор и, вращаясь, как липовое семечко,

устремляется к земле. Товарищи кричат Сухову, чтобы он прыгал. Но Сергей уже не реагирует ни на что...

Самолет падает на нашей территории, севернее Невской Дубровки.

А я, возвратясь, на аэродром, снова и снова вспоминаю, каким жизнерадостным человеком был Сережа Сухов. И как весело был настроен еще сегодня утром Александр Федорович Мясников. И вот их нет. Нет и никогда больше не будет.

Их койки свободны. Их дети осиротели. И во всем этом виновата война.

Дорогая Матрена Макаровна, дорогая Леночка! Через несколько дней вы получите извещения о гибели мужей. Мы не в силах вас утешить. Но мы в силах бить фашистских извергов. Мы будем уничтожать их, как бешеных собак. Потому что все наши беды от них.

БОМБЫ, ШТОРМ И МУЗЫКА

Вторая блокадная осень властно вступает в свои права. Холодный ветер с Ладоги зло срывает с деревьев последние листья, устилая землю ярким ковром. Один из листочков долго кружится в воздухе. Он то поднимается над деревьями, окаймляющими берег канала, то опускается к самой воде, а затем, подхваченный вихрем, снова взлетает.

Наш пароход медленно рассекает воды Старо-Ладожского канала. Мы стоим на палубе и смотрим, как отодвигается от нас Новая Ладога. Странно возвращаться в полк столь неудобным транспортом.

Мои спутники — сержанты-летчики, только что окончившие Ейское авиационное училище, следуют в наш полк под командованием начальника штаба майора Кучева. Ребята шутят, смеются, обращая на себя внимание окружающих. Они еще, что называется, не нюхали пороха. Представление о боях у них довольно-таки романтическое. Трофим Петрович весело балагурит с ними.

Однако тяжелые мысли снова возвращаются ко мне. Просто не укладывается в голове: на войне — и вдруг дом отдыха. Правда, с выходным днем тоже поначалу трудно было смириться. Но уж дом отдыха...

Все мои друзья улетели на Карельский перешеек. Там их ждет настоящее дело. А мне и командиру первой эскадрильи капитану Бондаренко приказано отдыхать. Да еще: «Не вздумайте рыпаться!» Не чьи-нибудь, а самого командира полка напутственные слова.

Что делать? Помахали мы фуражками поднявшимся в воздух ребятам и пошли месить грязь на дороге, ведущей в этот самый дом отдыха. Ни много ни мало — восемь километров, и вот перед нами деревня, окруженная лесом. Небольшой уютный домик на ее окраине, а рядом речка. Питание отменное, и делать нечего. День, второй, третий. Наконец мы с Бондаренко не выдерживаем и отправляемся в Новую Ладогу. Звоним по телефону в полк, слезно просим взять нас отсюда, но сердитый голос командира лишает нас какой бы то ни было надежды на это.

А на другой день меня самого вдруг вызывают в гарнизон. Я бегу, пот градом. Встречает меня Виктор Неделин. Мы с ним друзья. Знали друг друга еще в Ейском училище. Он сообщает мне, что над Синявином снова начались тяжелейшие воздушные бои, что погиб Алексей Руденко и что ему, Неделину, приказано лететь на фронт на моем «харрикейне».

— Погиб Руденко?!. Алекся, Алекся!.. Такой летчик!.. Нет, Витя, лучше я сам полечу. А ты отдохни здесь за меня.

— Но командир полка приказал лететь мне, — говорит Неделин. — Я тебе У-2 оставлю. Отдохнешь и доберешься на нем до полка...

Что же делать? Опять берут мой самолет. Плохо это, когда летят в бой на чужом самолете. Это не суеверие. Тут что-то другое. Видимо, надо с машиной, что называется, сжиться, как следует, досконально изучить все ее особенности, все повадки и только потом идти на нее в бой. Разве можно забыть, как был подбит на моем самолете Широбоков? То же самое случилось с Сосединым. Да и командир бригады был подбит, когда вот так же поспешно взлетел на моем истребителе. Я уж не говорю о Борисове...

— Ты не волнуйся! — заметив, что я нервничаю, успокаивает меня Неделин. — Я полетаю немножко и возвращу тебе самолет в целости и сохранности.

Виктор трогает свои коленки, морщится от боли, потом через силу улыбается:

— Ревматизм вот меня опять корежит. А так я живучий!..

Он быстро садится в кабину моего самолета, взлетает, делает круг над аэродромом и скрывается за лесом. Я подхожу к оставшемуся на стоянке У-2, барабаню пальцами по перкалевой обшивке крыла, едва сдерживаюсь, чтобы не зареветь от обиды.

На следующее утро до нас доходят тяжелые известия. В неравном бою погибли капитаны Николай Ткачев и Дмитрий Буряк — комиссар третьей эскадрильи, совершивший сто семьдесят боевых вылетов и уничтоживший десять самолетов противника. Погиб и Виктор Неделин. Погиб вечером, вскоре после того, как мы с ним расстались. Это был его первый вылет на моем «харрикейне»...

Из дома отдыха в полк я возвращаюсь не на У-2 (на нем улетел кто-то из штабного начальства), а на пароходе. Идет он медленно. Я стою на палубе и смотрю на волны, бегущие за судном, с трудом умещающимся в узком канале. Шипя и пенясь, они набегают на берега, смывая с них мелкие камешки.

В Кобону мы прибываем уже затемно. Здесь нас размещают в какой-то огромной металлической коробке, прицепленной тросом к небольшому буксиру. И еще не успеваем мы отплыть от берега, как над Кобоной и над караванами судов, тянувшимися по озеру, появляются самолеты противника. В небе загораются осветительные ракеты.

Бушует Ладога. Неистовствуют над ней фашисты. То голубые, то золотистые лучи прожекторов беспокойно обшаривают небо. Уже не слышно веселого смеха молодых летчиков. Напряженно смотрят они вверх, где мелькают какие-то тени, рубят сумрак прожекторные лучи, рвутся зенитные снаряды.

— Сбили!.. Сбили!.. Ура!..

Фашистский бомбардировщик чертит по небу свою последнюю огненную кривую.

Железная посудина, в которую нас поместили, бьется о причал. Мы видим, как сосредоточенно работают

портовики. У многих за спиной винтовки. Здесь выдерживается строгий трудовой ритм. Несмотря на опасность, объявлено отплытие.

— Ну вот, осваивайтесь с фронтовой обстановкой, — говорит майор Куцев своим подопечным. — Это обычная ночь на Ладоге.

Берег отодвигается от нас. Качаясь в своей «консервной банке» под осветительными бомбами, мы чувствуем себя, мягко говоря, несколько неуверенно.

— А ну-ка, Каберов, бери баян! — говорит Куцев.

— И правда, сыграйте, товарищ капитан. Зря, что ли, я тащу эту бандуру в ящике? — поддерживает его оружейник Шутов. — Говорят, бомбы боятся музыки.

Не знаю, боятся ли музыки бомбы, а нам от нее становится сразу легче. Рождая странное эхо в железных стенах, льется старинная русская песня «Раскинулось море широко». И веселее смотрит народ, и загораются вроде бы неуместной радостью взгляды.

С песней мы добираемся к утру до Морья. Но до полка еще далеко. Только на следующий день в обеденный час прибываем мы на аэродром.

На стоянке я насчитываю девять самолетов — все, что у нас теперь есть. Стоят эти самолеты на большом расстоянии один от другого. Похоже на то, что инженер специально оставляет незанятыми места сбитых в воздушных сражениях истребителей. Похоже на то, что он все еще верит в их возвращение. Но не возвращаются ни самолеты, ни люди, сгоревшие в пламени войны. Я гляжу в небо и вижу в нем стаю журавлей. Я слышу их далекое курлыкание. И чудится мне, будто птицы плачут, пролетая над притихшим аэродромом, над нашей сиротливо выглядящей стоянкой. И невольно перед глазами проходят лица друзей, которых мы потеряли, и невидимые тиски сдавливают мое сердце.

Мысленно я подсчитываю, сколько самолетов противника сбили мы после того, как полк получил «харрикейны», оснащенные советскими пушками и пулеметами. Выходит, что нами уничтожено за это время шестьдесят восемь фашистских истребителей и бомбардировщиков. При этом мы потеряли одиннадцать наших товарищей и четырнадцать боевых машин. Нет сомнения, что полк получит новую технику. Новые люди придут на место погибших летчиков. Но боль тяжелой утраты останется в наших сердцах навсегда,

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ САМОЛЕТ

Всё новые перемены. Всё новые организационные мероприятия, или, как их иногда называют, «орги». В октябре 1942 года Семен Львов становится командиром эскадрильи, я назначен его заместителем. Иван Петрович Лукьянов уезжает учиться. Его должность заместителя командира полка по политчасти передана Матвею Ефимову.

Егорушка Костылев, сбивший в боях больше двадцати самолетов противника и удостоенный звания Героя Советского Союза, будет возглавлять эскадрилью в другой части. Я очень жалею, что он уходит от нас. Мы так много летали в паре, не раз выручали друг друга в бою!

Золотые Звезды Героев засверкали на гимнастерках наших замечательных друзей-штурмовиков Нельсона Степаняна, Михаила Клименко, Алексея Мазуренко.

Огорчает меня только то, что я уже две недели не летаю. А сегодня вот по служебным делам оказался на Ораниенбаумском плацдарме. Сижу в землянке с единственным ее обитателем Евгением Дуком. Горит коптилка из снарядной гильзы. Женя рассказывает мне о своем житье-бытье, а я ему — о своем. Но чего бы ни коснулся разговор, он снова и снова возвращается к потерям, которые полк понес в боях.

— Взяли бы вы меня в летчики, — говорит Дук.

Говорит не шутки ради. Стать воздушным бойцом — его давнишняя мечта.

— Возьмете, а? — спрашивает он.

— Эх, Женя! Если бы все это было так просто. Сам знаешь: чтобы освоить технику, надо время.

— А я быстро овладею истребителем, — обещает он. — Я уже изучил все наставления, весь курс летной подготовки, знаю назубок инструкцию по эксплуатации самолета ЛАГГ-3.

Женя смотрит на меня своими полными надежды глазами.

— Да-да, я это вполне серьезно...

Телефонный звонок прерывает нашу беседу. Поступает распоряжение из штаба. Мне приказано срочно, не дожидаясь утра, прибыть в полк. Самолет, который должен доставить меня, уже вылетел. Ну что ж, сборы коротки, мы с Женей покидаем землянку, а в вечернем небе уже слышен знакомый рокот вездесущего У-2. Проводить меня приходят заместитель начальника штаба полка старший лейтенант М. С. Гожев и старший политрук М. Р. Голод.

Самолет приземляется и подруливает к нам на свет фонарика. Не выключая мотора, из кабины выскакивает Виктор Терехин.

— Игорек, здорово! — Он трясет мне руку. — Я за тобой.

— Привет, привет. Но с чего это вдруг за мной присылают персональный самолет, да еще с таким боевым летчиком?

— А, сейчас объясню, — говорит Терехин. — Вы с Ефимовым у нас единственные, кто летал на истребителе ЛАГГ-3.

— Значит, нам дадут ЛАГГи?.. Ура, Витька!.. Вот это да!.. Снова будем летать на наших отечественных!.. А ты, Женя, как в воду глядел. Не зря изучал инструкцию по эксплуатации ЛАГГа...

Я забираюсь в заднюю кабину У-2. Виктор дает газ. Фуражка срывается с моей головы и улетает куда-то в темноту. Михаил Романович Голод надевает на меня свою фуражку, и мы взлетаем.

Туман. Видимость плохая. Нигде ни огонька. Противник слева, противник справа. Нельзя допустить ни малейшего отклонения в сторону. Но капитан Терехин уверенно ведет самолет. Высота — семьдесят метров. Мы проходим над окраиной Ленинграда, минуем Комендантский аэродром. А туман опускается все ниже. К нашему аэродрому пробиться нет никакой возможности. Мы возвращаемся. По времени нам пора бы уже подойти к Кронштадту. В какой-то момент мне кажется, будто я вижу корабль. Но, как выясняется, это один из кронштадтских фортов. Мы ориентируемся и идем уже уверенное.

— Давай ракету! — приказывает Терехин.

Я достаю ракетницу, взвожу курок, но допускаю при этом какую-то оплошность. Раздается преждевременный выстрел. Ракета, словно мотоциклист по вертикальной

стенке, ошалело кружится по кабине. Потом она прожигает перкаль борта и гаснет где-то в темноте.

На несколько мгновений ослепленный, порядком напуганный, я перезаряжаю ракетницу и, теперь уже выставив ее за борт, стреляю. С земли отвечают ракетой и подсвечивают прожектором. Мы садимся. Что делать! Придется здесь заночевать.

До аэродрома, близ которого размещается штаб полка, нам удалось добраться только на другой день к вечеру. Меня действительно ожидало дело большой срочности. Я должен был принять в одной из частей два истребителя ЛАГГ-3 и перегнать их на нашу тыловую базу. Пока в полк не поступила новая техника, нам предстояло совершать тренировочные полеты на этих истребителях.

Помню, как мы с молодым летчиком Алексеем Пархоменко принимали подготовленные для нас самолеты. На первом из них стоял номер «58». Это был наш старый полковой ЛАГГ. Когда-то мы обнаружили его на болоте под Новой Ладогой. Полуразбитый, он был восстановлен техниками и, как теперь выяснилось, доныне продолжал летать. А рядом с ним (я сначала даже не поверил своим глазам) стоял мой ЛАГГ № 88.

История его тоже примечательна. В один из тех дней, когда я остался без самолета, Егор Костылев поехал в Ленинград, обратился к начальству, выхлопотал для меня только что отремонтированную машину и перегнал ее на наш аэродром. Это и был ЛАГГ № 88. И это на нем я несчетное число раз поднимался в воздух навстречу врагу. Истребитель снова был отправлен в ремонт, после того как на нем неудачно приземлился летчик Борисов.

Теперь же мой боевой «коњ» снова стоял передо мной в добром здравии.

— Здравствуй, дорогой! — с волнением говорю я и почтительно снимаю фуражку.

— Что это вы, товарищ капитан? — интересуется сержант Пархоменко.

— Ну как же, он мой старый добрый товарищ! — отвечаю я и на радостях обнимаю самолет, насколько мне это удается, как обнимает конник своего верного скакуна. — Мы с ним вместе не раз смотрели смерти в глаза...

Пархоменко подходит к истребителю:

— Заслуженный, значит?

— Да.

Я сажусь в кабину. От самолета веет чем-то родным. Смотрю на него и не налюбуюсь. Какая неожиданная и приятная встреча!

Мы взлетаем, проносимся над стоянкой и «свечой» уходим в небо. Вот он, настоящий-то истребитель! Ничего, что деревянный, зато какая скорость и маневренность! Да и ударить по врагу есть чем.

Посадка на промежуточном аэродроме, заправка — и дальнейший путь. Оставляем самолет на нашей тыловой базе и вскоре отправляемся за вторым истребителем. Подготавливать его к полету помогает нам техник А. В. Лузин. Неожиданно нас отрывает от работы чей-то крик:

— Самолет горит в воздухе!..

Со стороны озера к аэродрому подходит объятым пламенем штурмовик ИЛ-2. Дотянет или не дотянет? Кто-то зовет доктора, требует носилки. А штурмовик уже рубит кусты на подходе к аэродрому и, не долетев до него, падает на фюзеляж, подняв облако пыли. Летчика и стрелка, получивших серьезные ожоги, спешно увозят в госпиталь. Самолет догорает.

Мы теряемся в догадках. Откуда он взялся, этот штурмовик, какую задачу выполнял? Между тем к аэродрому с того же направления подходит еще один ИЛ-2. У него разбито крыло. Он тащит за собою хвост дыма. Не выпуская шасси, машина падает на аэродром. Медперсонал оказывает летчикам помощь. Мы узнаем, что в тридцати шести километрах севернее Новой Ладоги идет бой за остров Сухо. Противник на катерах и баржах подошел к острову и высадил десант.

Кто-то рассказывает историю возникновения крохотного кусочка суши с выразительным названием Сухо. Оказывается, во времена Петра Первого на этом месте была мель. Корабли часто садились на нее. И вот Петр приказал превратить мель в остров. На нее насыпали земли, и поскольку здесь стало сухо, от этого слова и пошло название новорожденного острова. В прошлом столетии на Сухо был поставлен маяк. В годы этой войны, когда враг стал угрожать Ленинграду, на острове обосновался небольшой гарнизон.

Теперь там шел бой.

«Вот они, баржи-то в Лахденпохье!» — вспомнил я. Прав был полковник Дзюба. Это были десантные баржи. И видимо, мы их тогда не все уничтижили.

Позже стало известно, что, стремясь перехватить наши коммуникации, фашистское командование перебросило на Ладожское озеро большое число десантных судов и катеров, построенных в Германии, Италии и Финляндии. Эти суда были сведены в так называемый «отряд восточной переправы». В его задачу входило нарушить связь Ленинграда с Большой землей. С этой целью утром 22 октября 1942 года тридцать восемь вражеских катеров и самоходных барж с десантом под прикрытием авиации и артиллерийского огня подошли к Сухо и начали высаживать десант. Защитники острова оказали ожесточенное сопротивление противнику. Орудийным и пулеметным огнем, штыковыми атаками они сдерживали его наиск. Вскоре в бой вступили корабли Ладожской флотилии. По вражескому десанту нанесла удар наша авиация. Потеряв пятнадцать самолетов и девятнадцать судов, противник отступил. Наши истребители и штурмовики преследовали его.

ЗЕМЛЯКИ МОИ, ВОЛОГЖАНЕ

то была большая работа — помочь молодым летчикам освоить истребитель ЛАГГ-3. Изодня в день шли упорные тренировки. Когда же они были закончены, я неожиданно получил поручение командования на самолете У-2 слетать в Вологду.

Домой на самолете! Настроение радужное. Собираю документы, прокладываю маршрут, сую карту в планшет — и скорее на аэродром! До чего же добрая машина, этот У-2. Пробегает полсотни метров и отрывается от земли. Причем все в нем просто — никаких премудростей: мотор, кабина, рули, крылья, постоянно выпущенное шасси — и все. Скорость самолета — сто

километров в час. Урчит себе и летит, летит. И я как бы знакомлюсь с ним заново.

«Скажи, старина, сколько выучил ты на своем веку летчиков. А теперь еще и воюешь!..»

О том, что он воюет, я узнал, побывав по служебным делам в прифронтовой полосе на так называемой «площадке подскока», куда в то же время прилетела большая группа самолетов У-2. Под крыльями каждого из них были укреплены бомбодержатели. Я не верил своим глазам, наблюдая, как пилоты готовятся к ночному вылету, чтобы нанести бомбовый удар по вражеским укреплениям вблизи линии фронта. Летчики тепло отзывались о своих машинах.

— Вот уже полгода работаем без потерь,— сказал один из них.

Я удивился:

— Да, но ведь он, ваш У-2, тоже деревянный и перекалевый. А пули? А осколки зенитных снарядов?..

И тогда летчик достал из самолета сковороду. Обыкновенную сковороду, на которой жарят картошку.

— Вот она, наша броня. Сажусь на нее — и полетел.

Мы посмеялись его находчивости. «Лихой народ!» — думал я, глядя на этого летчика и его товарищей.

— А где-то на юге сражается женский полк, оснащенный самолетами У-2,— говорит между тем мой собеседник.— Большой урон наносят фашистам эти самолеты...

Слушаю гул мотора, вспоминаю разговор на «площадке подскока», любуюсь родными просторами, над которыми лечу. Курс на Череповец. Прохожу Устюжну. Это уже Вологодская область, земля отцов. Настроение такое, что его можно выразить разве что только в стихах.

Внизу плывет чудесная картина,
Земля прикрыта дымкою едва.
Большая вологодская равнина
Под голубыми крыльями У-2.

Нет, что ни говори, а домой, к отчemu очагу, человека всегда тянет. Кто из фронтовиков не отмахал бы пешком по шпалам сотни километров, чтобы только глянуть одним глазком на родных и близких: как они там? А мне привалила такая удача! Лечу домой на У-2. Лечу с новым орденом Красного Знамени, только вчера вру-

ченным мне полковником Дзюбой. Как тут не ликовать!..

Прохожу Череповец. Впереди видна станция. Снижаюсь, иду чуть правее полотна железной дороги, читаю название: «Кипелово». Уже, считай, дома. Когда-то ездил сюда за грибами. Лумба. Дикая. Молочное. Впереди сияет золотой купол вологодского собора. А вот и завод ВПВРЗ, на котором я когда-то работал. Делаю вираж. Разглядываю наш паровозный цех, кирпичную надстройку, венчающую конек закоптелой стеклянной крыши. Бывало, весь обеденный перерыв просиживал я на ней, головой упираясь в небо, воображая, будто лечу на самолете. А теперь вот...

Рабочие идут с завода (по времени — конец трудовой смены). Они останавливаются, смотрят на самолет. Я снижаюсь, проношусь над проходной, делаю «горку» и ухожу ввысь. Не могу отказать себе в удовольствии пролететь над домом, в котором живет наша семья. Вот она, его красная железная крыша. Рядом возвышается пожарная каланча. Не зацепить бы. Делаю круг, второй, третий и ухожу на посадку.

Сдав самолет на стоянке строгому сторожу аэроклуба, спешу домой.

Валя и Ниночка встречают меня на крыльце.

Нет слов, чтобы выразить чувства, которыми мы охвачены. Оказывается, не только горе, но и радость может так перехватить горло, что на некоторое время теряешь дар речи. Только Ниночка что-то рассказывает. Рассказывает так быстро и сбивчиво, что я не могу ее понять. Беру дочку на руки, и мы идем вверх по лестнице. Теперь уже Валя помогает Ниночке рассказать, как они увидели круживший над домом самолет и кто первым догадался, что это прилетел я. Нинушка пытается голосом передать гул мотора, показывает ручонками, как кружился самолет, и васильковые глаза ее сияют от счастья. А мама плачет. А отец, чтобы не выдать волнения, как и в прошлый раз, сосредоточивает внимание на моих знаках различия и орденах...

И опять два дня, проведенных дома, пролетели как один миг. Но я управился со всеми порученными мне делами и успел навестить моего старого друга Николая Николаевича Гуляева, бывшего секретаря комсомольской организации нашего цеха, а во время войны — секретаря горкома ВЛКСМ. Помнится, сидим мы с ним за

столом, разговариваем, а Валя с хозяйкой дома что-то маракуют на кухне. И вдруг Николай сообщает мне сногсшибательную новость. Он говорит, что вологжане собирают деньги на самолет для своего героя-земляка.

— Для какого героя? — спрашиваю я.

— Ну как же! Для тебя, — отвечает Николай.

— Да не может быть. Какой я герой!

— Ладно-ладно! — Он дружески хлопает меня по плечу. — Ты нам не порти музыку. Собрали уже двадцать пять миллионов рублей.

— Сколько?

— Двадцать пять миллионов. И сбор средств еще продолжается.

— Послушай, но ведь это на целый полк героев.

— Ну что ж, мы не возражаем, — говорит Николай. — А насчет тебя — ты это брось. С такими орденами. Нина! — окликает он свою жену. — Ты слышишь, что говорит этот бывший наш паровозник?

— Слышу, слышу!

Веселая, входит она с Валей в комнату.

— По такому случаю надо — за содружество фронта и тыла!..

Возвращаясь с женой домой по притихшим улицам Вологды, мы все еще ведем разговор о двадцати пяти миллионах рублей. Ведь это не просто рубли. В них нашли неожиданное выражение характеры наших земляков, их сплоченность, их любовь к Родине, их безмерная вера в нас, своих защитников. Оправдать их надежды, оправдать их доверие — нет большего долга и нет большего счастья.

Утром я снова на аэродроме. Прощаюсь с близкими, взлетаю. Все дальше и дальше уносит меня самолет от родных мест. Уже скрылась из виду золотая маковка собора, растаял в дымке город. Но мыслью я все еще там, в стенах отчего дома. Вижу жену. Слышу ее застенчиво, стыдливо звучащий голос:

— Игорек, а весной у нас будет малыш... Светлоглазый, курносый, с ямочками на щеках...

Я целую ее, между тем она задумывается:

— А вдруг девочка?

— И хорошо! — говорю я. — Опять косички, бантики — славно!

— Нет, — она поднимает счастливое лицо, — будет малыш, почему-то мне так кажется...

Под крылом проплывают дороги, речушки, деревни, перелески. Ровно поет свою песню неутомимый мотор. Он будто вторит моей мысли: «У нас будет сын, и мы назовем его, как Чкалова,— Валерий! Может быть, он тоже станет летчиком...»

Большой двухмоторный самолет ИЛ-4 поднялся над аэродромом и тут же упал посредине летного поля. Он глухо ударился о землю и, разваливаясь на части, вспыхнул огромным костром.

Мы выключаем моторы истребителей, выскакиваем из кабин, что есть силы бежим к месту трагического происшествия. Кто-то кричит: «Не подходите, взорвется!» И действительно, в ту же секунду раздается глухой взрыв, и мы падаем в снег. Головы не поднять. Во все стороны со свистом летят пули рвущегося боекомплекта. А звонкий повелительный голос все кричит и кричит кому-то: «Не подходите, взорвется!»

Там, в этом гигантском костре, гибнут наши товарищи: Матвей Ефимов, Трофим Куцев, Ханяфи Хаметов, Виктор Сиголаев, Борис Борисов, экипаж самолета во главе с командиром — старшим лейтенантом Григорием Червонооким. Но помочь им нет никакой возможности. Только минут через двадцать нам удается подойти к тому, что недавно было самолетом.

Подходим, снимаем шлемофоны...

Гаснут последние языки пламени, и среди обгорелых обломков машины мы отыскиваем обугленные тела друзей. Куцева узнаем по богатырской фигуре, Ефимова — по расплавившейся на его груди Золотой Звезде Героя. Остальных опознать невозможно...

Как же все это произошло?

Экипаж бомбардировщика ночью сделал три вылета. Это были удары по дальним аэродромам противника. Едва Червоноокий и его товарищи прилегли, как возникла необходимость снова поднять их. Последовало

срочное задание: перелететь к нам, на аэродром 3-го гвардейского полка, и перебросить наших летчиков на тыловую базу за четырьмя истребителями, которые мы недополучили. Конечно, было бы лучше послать на такое задание один из транспортных самолетов, но все они перебрасывали срочные грузы в Ленинград.

Бомбардировщик ИЛ-4 должна была сопровождать до Новой Ладоги восьмерка истребителей. Звено старшего лейтенанта Черненко сразу же взлетело. Моя четверка непосредственного прикрытия запустила двигатели. ИЛ-4 вырулил для взлета. И тут откуда ни возьмись майор Куцев. С маленьким чемоданчиком в руках он подбежал к самолету и стал упрашивать летчика взять его на борт.

— Возьмите, пожалуйста, товарищ старший лейтенант! — умолял Куцев Червоноокого. — Вот, получил телеграмму. Умерла жена. Дочка одна осталась. Понимаете? Мне только через Ладогу. А там до Ташкента я доберусь. Возьмите...

Машина была заполнена, поместить Куцеваказалось невозможным. Но, добрый человек, Червоноокий после некоторых колебаний приказал спустить трап.

Возможно, взволнованный разговор с Куцевым выбил летчика из колеи. Возможно, усталость сделала свое дело. Как бы там ни было, пилот забыл после посадки поставить триммер руля высоты во взлетное положение и начал разбег. Машина вздыбилась и свечой ушла в небо. На стометровой высоте она потеряла скорость, опустила нос и, сделав полвитка штопора, ударилась о землю.

Я гляжу на дымное кострище и вспоминаю вчерашний разговор командира полка и его заместителя по политчасти. Был вечерний час. Летчики читали газеты, играли в шахматы. Я писал письмо жене, а рядом со мной сидел подполковник Никитин, составлявший список тех, кто должен был лететь с ним на базу, чтобы получить истребители. Матвей Андреевич, подойдя к столу и заглянув через плечо Никитина в список, сказал, что лучше было бы возглавить эту группу летчиков ему, Ефимову. У командира много дел и здесь, в части. Полк получил новые самолеты, а за молодыми, неопытными летчиками нужен глаз да глаз.

— Я постараюсь побыстрее обернуться, — сказал со своей доброй, мягкой улыбкой Ефимов.

Никитин на мгновение задумался:

— Ладно, убедил, Андреич. Так и быть, лети.

Зачеркнув свою фамилию, командир написал над ней: «Ефимов».

Ах, какой это был великолепный человек, Матвей Андреевич Ефимов!

Это он в начале войны, узнав о том, что формируется группа истребителей для прикрытия бомбардировщиков, предназначенных для удара по Берлину, первым подал рапорт с просьбой включить его в эту группу.

За время войны не погиб ни один из ведомых Ефимова. Он, как никто другой, зорко следил за ходом боя и в случае возникновения острой ситуации немедленно бросался на помощь товарищу. Лично меня Матвей Андреевич дважды выручал из беды.

Он обладал феноменальной зрительной памятью. Как-то специальный самолет-разведчик привез фото вражеского аэродрома Котлы. А перед вылетом штурмовиков Ефимова послали на разведку этого аэродрома. Возвратившись, он нарисовал аэродром и расположенные на нем самолеты. Представитель штаба BBC был потрясен сходством рисунка и снимка.

Вызывали удивление и восхищение редкая работоспособность Матвея Андреевича. Он летал не меньше, а больше всех нас и при всем при том успевал подготовить собрание, выступить с лекцией или докладом, ознакомиться с литературными новинками, побеседовать с летчиками и техниками, побывать в кубриках у матросов.

А уж в часы отдыха не было у нас более веселого и остроумного человека. Спеть ли песню, сплясать ли, рассказать ли о чем-либо интересном — на все Ефимов был большой мастер. И все это получалось у него удивительно легко, просто, от души.

Он был заместителем командира по политчасти (так с некоторых пор стала именоваться эта должность), но мы по привычке называли его комиссаром. Он оставался для нас комиссаром. И в этом тоже был особый смысл. Люди полка видели в Матвее Андреевиче человека партийной, ленинской закалки, жившего по славным законам старой большевистской гвардии.

— Фурманов ты, Матвей! — сказал ему как-то Сухов.

Ефимов учил нас: «Победа — дело не случая, а умения!» И это он, наш Андреич, начал — причем не без

успеха! — применять училищные навыки инструктора-воспитателя в бою. Когда молодому летчику Михаилу Алексееву стало казаться, что ему «попросту не везет», его взял с собой в очередной вылет Матвей. Встретясь с фашистскими самолетами, он правильно построил маневр, дерзко атаковал их, ударили «слегка» по одному из «юнкерсов», отошел в сторону и закричал по радио ведомому:

— Добивай, чего смотришь? Смелей, я прикрою!..

Михаил нанес удар. Вражеская машина, чадя, пошла к земле.

— Ну вот! — восторженно закричал Ефимов. — А говорил — не везет!..

За полтора военных года наш комиссар сделал триста пятьдесят два боевых вылета, провел девяносто один воздушный бой и сбил двадцать пять самолетов врага.

Ни одна пуля, ни один осколок не тронули Ефимова на войне. Он не потерял в бою ни одной машины. Вражеские истребители не в силах были сбить его, хотя постоянно охотились за ним. Как позже стало известно, гитлеровцы даже завели на него специальное дело. В этом деле была фотокарточка нашего комиссара, и он именовался как «цель № 1».

Трагический случай вырвал его из наших рядов вместе с несколькими другими летчиками полка. Но как воздушный боец он остался непобежденным. И образ его навсегда сохранился в сердце каждого, кто его знал.

ПУТЫ БЛОКАДЫ ПОРВАНЫ

Снова, как это было уже не раз, полк поднят по тревоге. Проходит немного времени, и мы обосновываемся на другом аэродроме. Чувствуется, что идет усиленная подготовка к какому-то большому делу. Но что нам предстоит делать, никто не знает. Впрочем, мы пребываем в неведении недолго. Вечером на командном пункте полка нам объявляют, что войска Ленинградского и Волховского фронтов 12 ян-

варя 1943 года переходят в наступление с целью прорыва блокады Ленинграда.

Командир обводит собравшихся многозначительным взглядом:

— К утру второй и третьей эскадрильям в полном составе быть готовыми к выполнению задачи по прикрытию войск над полем боя.

Землянку командного пункта сотрясает «ура».

Даже не верится, что мы будем наступать. У всех какое-то предпраздничное, торжественное настроение. Наводим образцовый порядок в наших земляных жилищах. Надраиваем пуговицы на гимнастерках, пришиваем чистые подворотнички, с вечера бреемся. На рассвете спешим на аэродром, где техники уже прогревают самолеты.

В девять часов тридцать минут до аэродрома докатывается могучий гул. Это артиллерия Ленинградского, Волховского фронтов и Краснознаменного Балтийского флота обрушила на позиции врага лавину огня и стали. От нашей стоянки до Шлиссельбурга двадцать километров, но даже здесь чувствуется, как дрожит под ногами земля. Позже мы узнали, что по противнику стреляли более четырех с половиной тысяч орудий и минометов. Огненная буря чудовищной силы бушевала над вражескими укреплениями. Артиллерийская подготовка на Ленинградском фронте длилась два часа двадцать минут, на Волховском — час сорок пять минут.

Несмотря на низкую облачность, первая группа наших истребителей уходит на задание и возвращается с победой. Молодой летчик Шилков, ведя бой на двухсотметровой высоте, сбил истребитель ME-109. Едва выйдя из кабинки, он начинает взволнованно рассказывать друзьям, как зашел в хвост «мессершмитту». Но мы, к сожалению, не можем выслушать до конца его рассказ. Воздух режет ракета. Наша группа взлетает. Погода между тем разгуливается, и у нас завязывается над Синявином схватка с «фокке-вульфами». Я впервые встречаюсь с ФВ-190 в бою. Однако на малой высоте невозможно проверить, на что способна эта машина.

С земли боем руководит полковник Кондратьев. Я слышу по радио его голос, и кажется, будто вижу этого жизнерадостного, энергичного, подвижного человека. Три полка, выполняющих различные задачи, раскиданы по разным аэродромам, а он везде успевает. Это о нем

у нас говорят: «Мал командир ростом, а делами большими ворочает».

На другой день с утра погода опять устанавливается неважная, но мы продолжаем боевую работу. Нам приказано прикрывать войска, завязавшие бои с противником на левом берегу Невы. Высота полета — сто пятьдесят — двести метров. Ходим вдоль Невы от Невской Дубровки до Шлиссельбурга и обратно. В районе Марьина через реку переправляются пехотинцы. Они поспешно выходят на левый, изрытый снарядами берег. От Рабочего поселка № 2 до Шлиссельбурга идет ожесточенный бой. Наши штурмовики наносят удары по узлам сопротивления противника. Не встретив в воздухе фашистских самолетов, мы уходим домой.

А вот группу капитана Татаренко, вылетающую после нас, уже подстерегают «мессершмитты». В коротком бою Татаренко сбивает один из вражеских истребителей. Фашистский летчик выбрасывается из машины на парашюте и приземляется на нашей территории.

14 января в полдень я опять веду шестерку над линией фронта. Барражируем над Шлиссельбургом. Под нами обрабатывают позиции противника штурмовики. Вижу, как они уходят от цели, и в это время за ними устремляется пара МЕ-109. Оставляю четверку с Шилковым наверху, а сам с Шестопаловым атакую «мессершмитты». Даю очередь по ведущему самолету, готовящемуся открыть огонь по нашим штурмовикам. Он переворачивается на спину, потом медленно переваливается на нос и ударяется о землю на берегу в районе Черной речки. Второй вражеский истребитель делает «горку» и пускается наутек. Шилков и Прасолов следуют за ним. «Мессершмитт» направляется в сторону станции Мга, под защиту своих зенитных орудий. И зенитчики противника немедленно начинают стрелять по нашим самолетам. Машины Шилкова и Прасолова серьезно повреждены. Так и не сбив «мессершмитт», ребята возвращаются на аэродром.

Вечером во главе пятерки истребителей я вылетаю в направлении Шлиссельбурга. Неожиданно по радио доносится четкая и ясная команда: «Пушка-46, вам трава». Это значит, что мы должны возвратиться. Что ж, идем на посадку. Александр Шилков и Николай Шестопалов успевают приземлиться. Но нас посылают обратно. Оказывается, никакой дополнительной команды с КП никто

нам не подавал. Значит, это фашисты дезориентируют по радио наших летчиков.

Мы идем к Шлиссельбургу втроем: наш новый командир звена капитан Цапов, сержант Саша Потемкин и я. Над линией фронта барражируют два МЕ-109. Завязываем бой. Между тем сверху сваливается еще пара «мессершмиттов». Они проносятся куда-то вниз, вроде бы минута нас, но тотчас же атакуют и зажигают самолет Потемкина. Саша покидает кабину и раскрывает парашют на высоте двух тысяч метров над самой Невой. Северо-западный ветер относит его к позициям противника. Вражеские истребители набрасываются на Потемкина, пытаясь расстрелять его. Мы отбиваем атаки.

Как же помочь Потемкину? Я подаю Цапову команду следовать за мной и, улучив момент, провожу свою машину под самыми ногами Саши. Попав в воздушную струю, его парашют скользит в сторону нашего берега. Пока я отбиваю атаки «мессеров», под ногами Потемкина проносится Иван Цапов. Чередуясь, мы проделываем этот маневр около пятнадцати раз. Вот уже Саша над береговой кромкой. Но уберечь его парашют от пули нам не удается. «Мессера» все же продырявили его, и он только чудом держит напор воздуха. Когда же до земли остается несколько десятков метров, ткань парашюта рвется и он, блеснув белой змейкой, исчезает из глаз. По месту падения Саши фашистские минометчики открывают с противоположного берега огонь. Видя, что нас не взять и что парашютист уже на земле, вражеские истребители уходят.

Мы с Цаповым пролетаем над изрытым минами берегом, где наш товарищ должен был приземлиться, но не обнаруживаем его и возвращаемся на аэродром с горькой вестью: Потемкин, видимо, погиб.

Но, к счастью, это была ошибка. Поздно вечером поступило сообщение о чудесном спасении Саши. А на другой день он возвратился к нам. Возвратился в бинтах, но, как всегда, бодрый, неунывающий.

— На этот раз мне, кажется, повезло, — рассказывает Саша. — Парашют окончательно порвался метрах в семидесяти от земли. В общем, рухнул я под обрыв Невы и проделал в снегу глубокую нору. Лежу на дне, ощущаю себя. Вроде бы жив. Слышу, как рвутся мины на берегу. Потом все затихло. И вдруг вверху над моей головой: «Хенде хох!» Смотрю — а там стоит наш

солдат с автоматом. Стоит, трясет за стропы парашюта и кричит: «А ну вылезь, стерва!» К этому моменту я уже пришел в себя. Поправляю его: «Не стерва, а товарищ сержант». В общем, ребята-артиллеристы вытащили меня наверх из моей норы и оказали мне первую медицинскую помощь.

Помолчав и поправив одну из своих повязок, Саша сам не без удивления говорит:

— А ведь это был мой первый прыжок с парашютом.

— Не может быть! Как же тебя из училища-то выпустили?

— А вот так. Когда мои друзья прыгали, я приболел и несколько дней пролежал в санчасти. Решено было, что при первой же возможности прыгну и я. Но нас перевели на сокращенную программу обучения, и вскоре состоялся выпуск. Совершить прыжок мне не удалось. Уже здесь, на фронте, веду, бывало, самолет, а как о прыжке подумаю, страшно становится. Сегодня же все само собой получилось. Вижу — горит самолет. Пламя обжигает лицо и руки. Не помню, как из кабины выскочил. Чувствую, что падаю, и первая мысль: «Кольцо!» Но где оно? Хватаю и не нахожу. Потом посмотрел — вот оно. Сразу потянул. Ну, конечно, рывок, и я болтаюсь вниз ногами. А над головой тугой, как парус, купол. Чуть не запел я от радости. Но уже в следующую секунду понял, что песня моя может быть последней. «Мессершмитт» повернул в мою сторону. Вот-вот прогремит очередь. В это мгновение кто-то из вас вышел наперерез «мессеру», и фашистские пули не задели меня. Только одна стропа была перебита.

— А ты видел, что тебя к немцам-то несет? — спрашиваю я у Саши.

— Ну как же, за боем я наблюдал. Но что меня ветерок в сторону противника оттаскивает, понял, когда вы проскочили подо мной и парашют основательно качнуло. Понял и, конечно, забеспокоился.

Потемкин посмотрел на свои забинтованные руки. Из-под бинтов видна была сорванная с ладоней и пальцев кожа.

— Стропы тянул, чтобы меньше сносило.

Цапов многозначаще поглядывает на меня и покачивает головой. «Сколько опасностей свалилось на человека за четыре минуты спуска на парашюте!» — как бы говорит его взгляд..

Сегодня 18 января 1943 года. По случаю годовщины со дня присвоения нашему полку гвардейского звания к нам приехали артисты из Ленинграда. Идет концерт. Объявляя очередной номер программы, конферансье загадочно говорит:

— Выступает заслуженный радиост...

Кто-то весело поправляет его:

— Артист, вы хотели сказать.

Но конферансье, оказывается, не ошибся.

— Выступает заслуженный — вы сейчас убедитесь в этом сами — радиост вашего полка!

Он жестом приглашает его на сцену и добавляет:

— В последний час!

Все мы замираем от неожиданности. А радиост откашливается и прямо-таки с артистическими интонациями в голосе произносит:

— Войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились, товарищи! Блокада прорвана!

Что тут начинается, описать невозможно.

— Ура! — кричит зал. В овации участвуют и зрители и артисты. Наши ребята бросаются на сцену. Они хотят качнуть радиоста, но тот своевременно исчезает за кулисами, предпочитая остаться в добром здравии.

С концерта я прихожу несколько позже Дармограя и Дука. Они поджидают меня. Львов вызван к командиру полка. Дармограй в темном углу землянки колдует над чем-то. Вскоре на столе уже стоят три кружки и кое-какая закуска.

При свете коптилки мы пьем за победу, возглашаем «ура» городу на Неве. Когда же ребята ложатся спать, я достаю бумагу, карандаш, придвигаю к себе коптилку и пишу стихотворение «Ленинград». К утру оно готово. Отрывок из него Дук помещает в «боевом листке».

Победивший в яростном сраженьи,
Выстоявший в муках и борьбе,
Город воли, мужества, терпенья,
Мир не знает равного тебе.
Снова ты в объятиях России,
И с тобою Родина поет.
С гордостью в высокой неба сини
Над Невой веду я самолет...

Блокада прорвана, но ожесточенные бои продолжаются. Фашистское командование спешно перебрасывает к Ленинграду все новые авиационные части. С утра

до вечера в районе Синявина идут тяжелые воздушные бои.

Накануне я сбил двухмоторный неприятельский многоцелевой самолет МЕ-110. Машина загорелась в воздухе, еле-еле перетянула через станцию Мга и упала близ деревни Горы. А сегодня вот новый нелегкий бой. Нас пятеро. Со мной Цапов, Шилков, Прасолов и Шестопалов. Иван Цапов и Николай Шестопалов отражают атаки истребителей, а мы втроем наносим удары по врагу. В какой-то момент у меня в прицеле оказывается МЕ-110. Открываю огонь. Правый двигатель вражеской машины дымит. Вспомнив, как учили молодых летчиков Матвей Ефимов, я кричу Прасолову:

— Бей, Петя, добивай его!

Он стреляет, и от «мессершмитта» летят моторные капоты. Объятый пламенем, он входит в свое последнее пике.

— Молодец! — говорю я Прасолову. — Пристраивайся, не отставай...

Вражеские истребители никак не хотят отвязаться от нас. Где-то вверху ведет бой пара Цапова. Неожиданно в наушниках раздается его на удивление спокойный голос:

— Так, еще один пошел...

И точно. Сбитый Цаповым истребитель МЕ-109 винтом идет к земле.

Но за первой группой фашистских самолетов появляется вторая. Мы вклиниваемся в нее и, четко взаимодействуя, зажигаем еще один МЕ-110. Он долго мечется, сваливаясь то на правое, то на левое крыло. Но огонь есть огонь, и машина падает на землю.

Итак, уничтожив три самолета противника, наша пятерка победно возвращается домой.

Сбил первый фашистский бомбардировщик Петр Прасолов, невысокий чернявый хлопец, с виду совсем еще мальчик. Ему двадцать лет, а он уже грозный военный летчик-истребитель. Петр смущен похвалами товарищей и вместе с тем горд своей победой.

Все наши ребята дерутся с большим подъемом. Мою группу обычно сменяет в воздухе группа, возглавляемая командиром эскадрильи Семеном Ивановичем Льзовым. В одном из боев он уничтожил МЕ-109, в другом, атакуя противника в паре с Петром Прасоловым, поджег

МЕ-110. Еще через день Львов и Шилков сбивают два «мессера».

Дерзко воюют летчики третьей эскадрильи, которой командует отважный балтиец Дмитрий Татаренко. Напав на группу «юнкерсов» и отбиваясь от истребителей врага, они уничтожили в одном бою четыре бомбардировщика Ю-88 и без потерь вернулись домой.

Уже не первый вражеский бомбардировщик сбивает командир звена нашей эскадрильи Иван Цапов. Земляк комиссара Ефимова, уроженец земли Смоленской, Иван в бою очень напоминает Матвея Андреевича. Умный, расчетливый, беспредельно храбрый, он не раз выручал из беды своих товарищней. Выручил однажды и меня. Это была тяжелая воздушная схватка над линией фронта. Мы с сержантом Алексеем Пархоменко отражали атаки четверки «мессершмиттов». У Пархоменко недоставало боевого опыта, он часто отрывался от меня, но все же мы выдержали натиск фашистов. «Мессера» ушли. Но тут на смену им явилась четверка «фокке-вульфов». Они неожиданно ударили по самолету Алеши. Машина его переломилась на две части и стала падать. Почти пятнадцать минут пришлось мне одному драться с четырьмя истребителями противника. Трудно сказать, чем все это закончилось бы, не приди мне на помощь Иван Цапов. Вместе с Сашей Шилковым он набрал высоту и со стороны солнца атаковал «фокке-вульфы». Через минуту они потеряли одного из своих ведущих, оставшись втроем, ушли восвояси.

Особенно тяжело пришлось в дни прорыва блокады Ленинграда молодым летчикам нашего полка. Помнится, один из них, Юрий Шорин, допустил в полете ошибку и должен был посадить истребитель на фюзеляж. Не имея опыта такой посадки, Юрий ударился о прицел. На другой день лицо его так распухло, что не было видно глаз.

Наша четверка дежурила в тот день, соблюдая «готовность № 1». Было холодно, и я попросил техника закрыть мою кабину чехлом. Через некоторое время кто-то постучал по фонарю. Как оказалось, стучал подполковник Никитин. Он привел на стоянку молодых пилотов, чтобы я объяснил им, как следует садиться на фюзеляж, поделился с ними своим опытом.

Сидя в кабине, я рассказал все, что следовало, по порядку. Вспомнил, как мне самому доводилось призем-

ляться в некоторых случаях. А приходилось по-разному: и на шасси, и без шасси, и на полусогнутые стойки, и на одно колесо.

— Ну как, поняли? — спросил я в заключение у ребят.

— Поняли, — ответили они хором.

— А понял ли товарищ Шорин?

Шорин раздвинул двумя пальцами опухшие веки правого глаза и, глянув на меня одним оком, четко ответил:

— Так точно, понял, товарищ капитан!

Молодые летчики от души посмеялись над своим незадачливым сверстником.

И именно в эту минуту последовал сигнал вылета.

Техники сдергивают с моего истребителя чехлы. Толпившиеся возле него ребята отбегают в сторону, и я поднимаюсь в воздух. Вместе со мной летят Шестопалов, Шилков и Прасолов. В то время как мы набираем высоту, нам с земли передают по радио всего одно слово: «Колпино!» Что ж, понятно. Видимо, фашистская авиация угрожает Ижорскому заводу. Я разворачиваюсь и вижу приближающиеся к Колпину фашистские самолеты. На подступах к городу в небе белеют шапки зенитных разрывов. Насчитываю восемь бомбардировщиков Ю-88 и столько же истребителей МЕ-109. А нас всего четверо. Причем со мной идут новички, малоопытные летчики. Но пока фашисты соображают, что к чему, мы атакуем «юнкерсы». Молниеносный удар — и трех вражеских бомбардировщиков как не было. Два горят, третий, медленно вращаясь, отвесно идет к земле.

Впрочем, стрелок атакованного мной «юнкера» в последний момент успел дать очередь, и крупнокалиберные пули сорвали с моего истребителя капоты. Стрелка давления масла на моей машине показывает нуль. Кабину заполняет дым. Я смутно вижу, как падает «юнкерс», сраженный Шестопаловым. Об одержанной им победе кричит Шилков. А над нашими головами уже нависли истребители врага. Я резко набираю высоту. Мимо проносится «мессершмитт». Доворачиваю истребитель и стреляю. Стреляю в дыму, почти вслепую.

— Отлично, командир, отлично! — кричит Шестопалов. — «Мессер» пошел к земле!..

Волей-неволей я должен выйти из боя. Прошу Шестопалова прикрыть меня. Мотор моего истребителя уже дает перебои, и ведомый отбивает атаки против-

ника одну за другой. Ему еще нет двадцати, моему телохранителю Коле Шестопалову. И ему, конечно же, недостает боевых навыков. Но он компенсирует эту нехватку дерзостью. Неторопливый на земле, в воздухе Николай метеором мчится навстречу врагу.

До аэродрома остается километров десять, когда мотор моей машины останавливается. В кабине становится тихо. Летящий рядом Шестопалов хорошо знает, что на наших новых истребителях ЛАГГ-3 нет аварийной системы выпуска шасси. Коль уж мотор отказал, значит, остается садиться на фюзеляж. Николай спрашивает, как я себя чувствую.

— Отлично! Сейчас садиться будем! — кричу я ему.

Вот и аэродром, а у меня еще остается небольшой запас высоты. Чтобы избавиться от этого излишка, я сваливаю машину в скольжение. Приземляюсь поближе к стоянке бомбардировщиков, высвобождая место для посадки остальных истребителей. Машина касается земли, подгибая две лопасти винта, и в последнее мгновение ползет на животе. За нею поднимается снежное облако.

К месту посадки мчится автомобиль. Я выхожу из кабины и вижу инженера Сергеева, техника Тараканова, полкового врача Петрова и нескольких сержантов-летчиков во главе с Шориным. Летчики удивленно смотрят то на меня, то на беспомощно лежащий на земле самолет.

— Ничего, ребятки, машину мы починим! — говорит Сергеев. Он отдает какие-то распоряжения технику и шепчет мне на ухо: — Ну как, игра стоила свеч?

Я показываю ему два пальца.

— О, поздравляю! — Инженер трясет мне руку. — Слыши, Тараканов, командир двух рубанул.

— Вы вон кого поздравляйте-то. — Я обертываюсь к бегущему к нам Шестопалову. — Он и «юнкерс» успел сбить, и меня прикрыл. Если бы не он...

Все поворачиваются к нему.

— Вот отмеряет! Он и по земле-то словно на истребителе летит, — говорит кто-то из летчиков, наблюдая, как длинноногий Шестопалов в шлеме, в унтах и в короткой, не по росту ему куртке поспешает к нам. Вот он останавливается, докладывает о выполнении задания, а сам не отрывает глаз от лежащего на снегу истребителя, от его согнутого винта.

— Как себя чувствуете, товарищ капитан?

— Нормально.

Шестопалов заговорщики поглядывает на меня:

— Носом в прицел не стукнулись, как некоторые вененные?

Камушек брошен явно в огород Шорина. Он улавливает это, и по заплывшему лицу его растекается необыдчивая улыбка...

Колпино. Ижорский завод. От него всего несколько километров до переднего края. Его трубы дымят под самым носом противника и не дают фашистам покоя. Видимо, они знают, что завод кует оружие для фронта, и потому каждый день пытаются бомбить его. Над Колпином идут жестокие воздушные бои. Командующий закрепляет этот «объект охраны номер один» за нашим полком.

Сегодня я снова сижу в кабине истребителя, ожидая сигнала вылета. Как всегда в таких случаях, клонит ко сну. И как всегда, едва сомкнешь глаза — начинают стучать по фонарю кабины. На этот раз стучит Дармограй. Откидываю назад фонарь:

— Что такое?

— Колпино бомбят.

— А почему нет ракеты на вылет?

— Не знаю, — пожимает плечами адъютант. — Я звонил на КП, но начальник штаба говорит, что никакой команды не было. А по селектору прослушивается ругань! Шумят, запрашивают, почему нет истребителей.

— Запуск! — кричу я, и в ту же секунду техник сдергивает чехол с мотора.

— Воздух! — разносится по стоянке.

Через минуту мы уже над аэродромом. Я веду шестерку истребителей. Докладываю по радио командиру бригады полковнику Кондратьеву:

— Я — Пушка-46, иду на цель.

— Скорей! — кричит Петр Васильевич. — Вижу вас, снижайтесь. По курсу впереди заходит последняя четверка «юнкерсов»!

Мы немедля перехватываем эту четверку. Пару Ивана Цапова я посыпаю наверх, чтобы она прикрыла нашу атаку. «Юнкеры» переходят в пикирование, но они еще не сбросили бомб. Истребителей противника не видно.

Догоняю ведущий «юнкерс» уже на пикировании. Вижу, как растет в прицеле вражеская машина, как мечется в своей кабине верхний стрелок. Ему мешает вести огонь из пулемета высокий киль бомбардировщика. Стрелок боится повредить хвостовое оперение своей машины и бьет мимо меня. Каких-то полсотни метров отделяют мой истребитель от «юнкерса». Я нажимаю на общую гашетку и, убедившись, что бомбардировщик загорается, отваливаю в сторону и набираю высоту. Вражеская машина вместе с грузом бомб идет к земле.

Мои друзья разделались с остальными тремя «юнкерсами» и следуют за мной. Теперь мы в небе одни. Фашистские истребители почему-то не появляются. Между тем у нас на аэродроме (об этом мы узнаем после приземления) складывается странная ситуация. С опозданием на четыре минуты на КП полка поступает телефонограмма: «Дежурную шестерку — в воздух!» Подполковник Никитин, схватив ракетницу, пулей высекивает из землянки. Но на поданный им сигнал никто не реагирует. Не слышно гула запущенных моторов. Не видно ни выруливающих, ни взлетающих самолетов.

Как нам позже рассказывали, командир полка спустился в землянку и позвонил по телефону в эскадрилью:

— Где самолеты? Почему Каберов не вылетает?
— Шестерка уже улетела, — взволнованно отозвался Дармограй.
— Как улетела? Куда? Почему без команды?
— Минут шесть назад она ушла на Колпино и уже ведет бой.

Командир вытер пот со лба.
— Да, но кто Каберова послал и точно ли, что он повел истребителей на Колпино?

Капитан Дармограй объяснил все по порядку, и Никитин больше ни о чем у него не спрашивал. Он включил приемник, услышал наши голоса и немного успокоился. Когда же мы приземлились, командир встретил нас на стоянке. Я вышел из кабинки и хотел было, как положено, доложить ему о выполнении задания. Но он взял мою руку и крепко пожал ее:

— Ну, знаешь... А впрочем, спасибо, молодцы!.. В обстановке такой напряженности и ответственности взлететь без команды с КП... Только вот почему нам вовремя не сообщили об этом деле?..

На командном пункте надрывно звонили телефоны. Начальство выясняло, почему поздно вылетели истребители, кто виноват в задержке. Ответ держали связисты. Это была их вина. Нам за решительные действия командование ВВС объявило благодарность.

Итак, блокада прорвана. Из Москвы в Ленинград через Вологду и Шлиссельбург проследовал первый поезд.

Фашисты выдохлись. Уже несколько дней подряд в воздухе нет их самолетов. А вообще в январе и феврале, хотя погода нас в это время не баловала и многие дни были нелетными, две наши эскадрильи сбили двадцать четыре вражеские машины. Мы потеряли в боях трех молодых летчиков — А. Пархоменко, В. Андрющенко и А. Лобко, героически сражавшихся в небе Ленинграда.

С Карельского перешейка мы снова возвращаемся на Ораниенбаумский плацдарм. Семен Львов в начале февраля сдает мне дела и готовится лететь в Москву. Он будет работать в главной инспекции авиации Военно-Морского Флота. Молодежь с уважением поглядывает на Семена Ивановича. Орден Ленина и три ордена Красного Знамени украшают его грудь. Около тридцати самолетов сбил он в боях за город Ленина.

В день его отлета мы сидим на командном пункте в окружении молодых летчиков и вспоминаем минувшие дни.

Наступает час расставания. Семен собирается в путь, прощается с нами. И в это время ко мне подходит командир полка:

— Собирай восьмерку. Через десять минут пойдешь на прикрытие войск в район Синявина.

— Да, но у меня только семь летчиков, — говорю я.

— Разреши, я пойду восьмым, — немедленно откликается Львов. — Слетаю последний разок, врежу фашистам как следует, отведу душу, а потом уж в Москву подамся.

— Брось-ка ты, — возражаю я. — У тебя уже документы в кармане. Ты уже, считай, в Москве. А тут все-таки война.

— Ерунду какую-то говоришь! — обижается Семен.

— Пусть сходит, — соглашается командир полка. — Он же тебе помочь хочет.

— Я парой с кем-нибудь в сковывающую группу,— подсказывает мне Львов.— А ты командуй всем пародом.

Он раскрывает чемодан, вытаскивает уложенный туда шлемофон, надевает его. Мы идем к самолетам, поднимаемся в воздух и некоторое время барражируем возле Синявина. Сначала противник не показывается. Потом мы замечаем идущий в сторону Ленинграда двухмоторный «дорнье». Он идет выше нас.

— Семен! — кричу я по радио Львову.— Видишь?

— Вижу!

— Действуй!

— Есть!

Семен набирает высоту. Проходит несколько минут, и атакованный им вражеский самолет-разведчик падает, переломившись надвое, в районе Ивановских порогов, на северном берегу Невы.

Спокойно, как ни в чем не бывало, Львов докладывает мне, что задание выполнено, и занимает свое место в боевом порядке истребителей.

После посадки мы еще раз тепло прощаемся с Семеном Ивановичем. Провожать его выходит вся эскадрилья. Он машет нам из кабинны У-2. Машина берет курс на Ладогу, откуда она пойдет на нашу тыловую базу, чтобы дозаправиться, а уж потом — в Москву.

И еще два характерных эпизода, оставшихся в моей памяти от той поры.

13 января 1943 года один из фашистских летчиков на истребителе «Фокке-вульф-190» должен был пройтись над Ладожской ледовой трассой. А незадолго до этого он велел своему механику отрегулировать работу отрывающего механизма пушек, стрелявших через винт. Над Ладогой пилот, видя идущие по льду машины, поймал их в прицел и нажал на гашетки. В то же время снаряды неудачно отрегулированных пушек отрубили все лопасти винта. Мотор взывил, машину затрясло, и летчику ничего не оставалось, как посадить ее на фюзеляж тут же, возле самой дороги. Разумеется, гитлеровец оказался в плену. Его самолет был доставлен на Комендантский аэродром Ленинграда. 4 февраля вечером нас, летчиков-истребителей, привезли на этот аэродром познакомить с технической новинкой противника. Пленный через переводчика давал объяснения. Это был среднего роста, молодой, энергичный брюнет. Он бойко отвечал на наши

вопросы, касавшиеся особенностей машины, и сам рассказал, как подвел его механик.

— Наверно, он коммунист,— сказал летчик.

Мы по очереди занимали место в кабине «фокке-вульфа», рассматривали оборудование. Что и говорить, машина была неплохая. Высокие стойки шасси, электрическое управление. Звездообразный мотор. Бронированное стекло перед прицелом и толстая бронеспинка с заголовником отлично защищали летчика. Но обзор из кабины при закрытом фонаре был довольно-таки ограниченным.

— Машина скоростная,— утверждал ее бывший хозяин.— Сбить этот самолет в воздухе невозможно.

— Поживем — увидим! — посмеиваясь, говорили ребята.

Прошло немного времени, и в воздушных боях против фашистских авиаторов советские летчики доказали уязвимость «Фокке-вульфа-190».

Ну, и в заключение случай совсем иного характера.

Вскоре после ознакомления с новым немецким самолетом мы были приглашены на премьеру спектакля «Раскинулось море широко».

Не раздеваясь, в полной летной форме, в меховых унтах, занимаем мы места в зрительном зале Ленинградского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина. И вот идет уже второй акт музыкальной комедии. Артисты играют превосходно. Но неожиданно голоса их начинает заглушать грохот взрывающихся бомб и снарядов. Противник предпринимает воздушный налет и артиллерийский обстрел одновременно. Занавес закрывается. На авансцену выходит ведущий спектакля:

— Как быть, товарищи? Пойдем в убежище или будем продолжать спектакль?

В зале раздается гром аплодисментов. Зрители встают.

— Продолжать спектакль!..

Это забыть невозможно. Видавшие виды на войне, мы были поражены героизмом актеров и заполнивших зал полуголодных людей — изнуренных блокадой граждан города на Неве.

— Продолжать представление!..

Что могло быть выше подобной оценки спектакля и пьесы! Созданная в неимоверно трудных условиях Все-

володом Вишневским, Александром Кроном и Всеволодом Азаровым, она нашла достойных исполнителей и благодарных зрителей.

„А ЖИВЕМ МЫ В ЦАРСКИХ ХОРОМАХ“

же март на дворе, март 1943 года. По-весен-
нему светит солнце, и такая тишина вокруг!
Только веселая капель слегка нарушает ее —
постукивает словно метроном: кап-кап-кап. Маленькие
домики поселка, в котором мы живем, утопают в снегу.
И он, этот снег, так чист! И каждая снежинка отражает
в пространство колкий лучик...

С утра мы приезжаем на аэродром. Раньше я в этот
час сходил бы прежде всего к самолету, поговорил
с техником и мотористом. Если нет вылетов, начал бы
вместе с Женей Дуком оформлять «боевой листок». Но
теперь редактирует его старший техник по вооружению
Самойлов.

А у меня с тех пор, как я стал командиром эскад-
рильи, другие дела, другие заботы.

В землянку входит наш парторг старший техник-лей-
тенант Снигирев. Добродушно улыбаясь, он снимает
шапку и присаживается на нары:

— Два вопроса, товарищ командир.

— Слушаю.

— Как вы смотрите, не написать ли нам наградные
листы на технический состав? Уже два года воюем. Тех-
ник Линник обслужил больше трехсот боевых вылетов.
Верный помощник Егора Костылева, Героя Советского
Союза, техник Ситников — тоже около трехсот вылетов.
На его самолете с первого дня войны летал комиссар
Ефимов, Герой Советского Союза. А ваш техник Гри-
цаенко? А Коровин, Швец, Петров, Куряевцев? А наши
мотористы и оружейники? А инженер Сергеев?..

Снигирев ждет от меня ответа:

— Ну так как?

А я смотрю на него и думаю: «Да, знал Ефимов,
кому передать дела парторга». Нет такого дела, от

которого бы этот человек стоял в стороне. Все его касается. И любая, даже самая трудная задача ему по плечу. В вопросах эксплуатации авиационной техники со Снигиревым советуется даже инженер Сергеев. Вспоминается такой случай. Вылетел я на только что отремонтированном самолете, и обнаружилось, что у него перегревается мотор. Техники дополнительно поколдовали над ним. Поднялся я на машине снова. Что за напасть — по-прежнему мотор перегревается. Опять шаманят техники. А что толку! Стоит сделать круг над аэродромом, как стрелка термометра поднимается до ста градусов.

— Черт знает что с ним! — выходит из себя Сергеев. — Все было хорошо, и вот на тебе!

Инженер не знает, что предпринять. И тут к нему подходит Снигирев:

— Что с машиной?

— Греется проклятая! — говорит Сергеев. — Присоветуй что-нибудь, старуха.

Снигирев наклоняется к радиатору.

— А это что? — Он показывает на небольшую трубку, установленную поперек фюзеляжа перед самым тоннелем водяного радиатора.

— При чем тут трубка? — Инженер безнадежно отмахивается. — Это доработка. Установлена точно по схеме.

— Уберите ее отсюда, и вашим мукам придется конец, — говорит Снигирев.

Инженер приказывает снять трубку. Я взлетаю в четвертый раз. На всякий случай выполняю комплекс фигур пилотажа. Температура воды остается в норме. Иду на посадку. Сергеев с нетерпением ожидает меня:

— Ну как?

— Порядок, товарищ инженер!

— Вот дал нам старуха очко! — говорит он. — Все знает. Профессор, не меньше. И как я только не догадался, что в полете трубка создает вихрь и отводит поток воздуха от радиатора?..

Теперь «профессор» Снигирев — парторг эскадрильи.

— Так как же насчет наградных листов, товарищ командир?

— Вы правы, Алексей Алексеевич, — поддерживаю я его. — Это надо было сделать давно.

В землянку входит капитан Громодвинников, мой заместитель по политчасти. Он тоже поддерживает парт-

орга. Мы приглашаем адъютанта и инженера, просим их подумать, кто из числа техсостава заслуживает высокой награды.

Снигирев между тем с некоторой торжественностью разворачивает газету «Красный Балтийский флот». В газете помещены мой портрет и статья под крупным заголовком: «Бей врага, сынок, на нашем самолете». Под заголовком набрано чуть помельче: «Земляки знатного летчика нашего флота Игоря Каберова собрали на постройку самолетов 25 миллионов рублей!» Я спешу прощать напечатанное газетой письмо отца.

«Здравствуй, наш дорогой Игорь! — обращается он ко мне.— Ты пишешь, что узнал о сборе средств твоими вологодскими земляками на постройку самолета для тебя. У нас об этом было объявлено по радио. Каждый стремился внести свою долю в постройку краснозвездного истребителя. Сейчас собранная сумма достигла двадцати пяти миллионов рублей. На наши деньги будет построен не только самолет для тебя, сынок, но и самолеты для твоих друзей. На этих самолетах еще крепче бейте фашистских стервятников. Бейте гадов по нашему, по-русски, в хвост и в гриду.

Обнимаю и целую тебя и твоих боевых товарищ. Желаю вам успеха в истреблении фашистских стервятников.

С горячим приветом. Любящий тебя отец

А. Каберов».

Это так неожиданно для меня — броско поданная газетой информация, письмо отца. Я смотрю на друзей в некотором замешательстве.

— Да, двадцать пять миллионов! — говорит Громодвинников.

— Ничего себе отвалили вологжане! — отзывается Сергеев.

— Хорошие у вас земляки! — восхищается Снигирев.— У меня жена в Вологду эвакуировалась и тоже, наверное, включилась в это дело. Интересно, какие самолеты нам подарят? — мечтательно гадает он.— А информацию эту из газеты вырежем и поместим в «боевом листке».

Через некоторое время Женя Дук приносит в землянку почту.

— Опять девушки вам пишут, товарищ командир,— подшучивает он надо мной.— Сегодня двенадцать писем, и все из Ленинграда. Ну, жена узнает — плохо вам придется!..

Шутки шутками, а наша почта после прорыва блокады Ленинграда действительно стала намного весомей. Ленинградцы читают о боевых делах летчиков-гвардейцев в газетах, слышат по радио. В адресованных нам письмах граждане города на Неве поздравляют нас по слуху победы, одержанной над врагом. Они рассказывают о своих делах, делятся с нами своими чувствами, своими чаяниями и надеждами.

А это что за послание? Какой странный адрес! Не помечен даже номер полевой почты. «Каберову» — и только. Как оно попало к нам на Малую землю? В конверте нахожу еще один конверт. На нем написано рукой жены. Полевая почта 1101, почтовый ящик 704, такому-то. Давнишнее, где-то заблудившееся письмо. А к обратной стороне конверта приkleен сопроводительный ярлычок, на котором зелеными чернилами набросано несколько стихотворных строчек:

Письмо пришло в 704-й,
А вас в 704-м нет.
Увидел я конверт потертый —
Подумал: «Где же вы, поэт?»
Я открываться вам не стану.
К чему, пожалуй, лишний штрих.
Привет поэту-капитану,
Что бьет врага и вяжет стих!

Я читаю запоздалое письмо жены и снова возвращаюсь к четверостишиям на конверте, показываю их Дуку:

— Не знаешь, кем написано?

— Нет, мне почерк не знаком.

Автор стихов остается неизвестным.

И наконец, последнее, двенадцатое письмо. От кого оно? От Николая Николаевича Гуляева, в недавнем прошлом секретаря горкома ВЛКСМ, а теперь начальника МПВО Вологды.

«...Рад сообщить,— пишет он,— что сумма денег, собранных на постройку самолетов героям-землякам, достигла тридцати пяти миллионов рублей. Дорогой Игорь, жду того счастливого дня, когда мы будем вручать тебе подарок земляков. До скорой встречи в Вологде. Обнимаю, Николай».

Перечитываю письмо вместе с Женей. И для него, и для меня тридцать пять миллионов — непостижимая цифра. С гордостью думаю я о своих земляках — людях большого и доброго сердца. Как мне близки они! Как радует мой слух их окающий говорок! Не одну дивизию сформировали и послали на Волховский и Ленинградский фронты вологжане. А теперь вот хотят послать самолеты. Среди писем, которые принес Дук, лежит треугольничек, адресованный Егору Костылеву (он снова служит у нас — теперь уже в должности заместителя командира полка). На треугольничке не помечен подробный обратный адрес, написано только: «Ораниенбаум, Костылевым». Я догадываюсь, что это от матери Егора, и спешу отнести ему письмо.

Егор — местный житель. Он родился и вырос в Ораниенбауме. С большой теплотой рассказывал он мне о своей семье, о матери. Я знаю, что ее зовут Агриппиной Федоровной. До войны Костылевы жили в одной из квартир двухэтажного деревянного дома на улице Свердлова. Глава семьи погиб (несчастный случай на железной дороге). Мать Егора, его «крестный» Дмитрий Иванович Костылев и сестра Зоя оставались в Ораниенбауме даже в самые трудные дни, когда противник был в четырех километрах от города.

Дом их пострадал от обстрелов, и городские власти переселили семью Костылевых в Петровский дворец. Егор недавно прибыл к нам сюда, на Ораниенбаумский плацдарм, и не успел еще побывать в городе и навестить своих близких.

Взяв у меня треугольник письма, Костылев весь засиял от радости.

— А, наконец-то! — сказал он.

Пробежав глазами раз и другой по строкам письма, Егор положил его перед собою на стол, бережно разгладил ладонью и задумался. Я уловил в его глазах тревогу.

— Случилось что-нибудь?

— Нет, все живы. — Он тяжело вздохнул и протянул мне письмо: — Вот, почитай...

«Милый наш Егорушка! — писала Костылеву мать. — Мы все еще живем в кабинете Петра третьего и уже привыкли к этим царским хоромам. Дворец сильно пострадал, но наш уголок еще цел. Каменный все же. Хлебушка и у нас прибавили, и мы живы. Крестный лежит. Мы

с Зоей плохи, но все же движемся. Какая радость охватила всех нас, когда прорвали блокаду Ленинграда! Живем одной мыслью, что теперь и нам будет легче. Придет день, и наша блокада будет прорвана. Мы верим в это. Слышали по радио и читали в газете о твоих победах в воздухе. Гордимся тобой. Портрет, где ты со Звездой Героя, вырезали из газеты и повесили на стенку. А как бы хотелось увидеть тебя, сынок!

Целуем.

Мама, крестный, Зоя».

Когда об этом письме узнал подполковник Никитин, он дал Костылеву свою «эмку», и Егор поехал в Ораниенбаум. К счастью, в те дни в полк пришли из разных мест продуктовые посылки (так земляки выражали свою признательность летчикам, защищавшим с воздуха Ленинград). Часть этих продуктов мы передали Костылеву для его семьи.

КАК ЗАГОРАЮТСЯ ЗВЕЗДЫ

Под Ленинградом наступило затишье. Фашисты стягивают к линии фронта крупные силы, надеясь снова замкнуть кольцо блокады. Наши войска закрепляют отвоеванные ими позиции. Менее чем за три недели, несмотря на морозы и метели, обстрелы и бомбеки, построена железная дорога от станции Поляны до Шлиссельбурга. Протяженность ее — тридцать три километра. Через Неву сооружен временный свайно-ледовый железнодорожный мост. 2 февраля 1943 года по нему проходит первый поезд, 6 февраля вся новая дорога сдана в эксплуатацию. Ленинградцы называют ее «Дорогой победы».

9 февраля в тринадцать часов фашистская авиация пытается бомбить мост. Шестерка наших истребителей ведет над ним тяжелый воздушный бой. Мост остается невредимым.

А сегодня мы защищаем Ижорский завод, трубы которого дымят на глазах у фашистов и не дают им покоя. Нас пятеро: мы с Николаем Шестопаловым, Александр

Шилков, Иван Цапов и Петр Прасолов. Над Колпином нас встречают фашистские истребители — шестерка МЕ-109 и два ФВ-190. Я отправляю Цапова и Прасолова вверх, а сам с Шестопаловым и Шилковым нападаю на противника. Втроем против восьми сражаться нелегко. Но у нас есть хороший резерв — Цапов и Прасолов. Они набирают высоту и вот-вот свалятся на фашистов как снег на голову.

В какой-то момент в тяжелое положение попадает Саша Шилков. Его атакует пара «мессершмиттов». Они зашли сзади и атакуют его снизу.

— Сашка! — кричу я Шилкову по радио и бросаюсь наперерез вражеским самолетам. Они «горкой» уходят вверх, но попадают под огонь Цапова. У Ивана Ивановича рука твердая. Вот уже один МЕ-109 дымит и отвесно идет к земле. Между тем меня намеревается атаковать сзади «фокке-вульф». Я мгновенно разворачиваю самолет и направляю его, что называется, в лоб неприятельской машине.

Все ближе враг, сильнее рев мотора.
Еще секунда, кажется, и вот...
Но, русского не выдержав напора,
Пытается он сделать разворот.
Трусливо отвернулся он и неловко.
Огонь! И «фоккер» намертво прошил.
Не помогли тебе, фашистский «фока»,
Ни бронеспинка, ни стеклянный щит.
Дружки твои уже за облаками.
Не по нутру такой фашистам бой.
Восьмеркой вы пустились в драку с нами,
Лишь вшестером уходите домой...
Окончен бой, я оглядел кабину,
Поправил шлем, протер стекло очков,
Окинул взглядом снежную равнину
И всю пятерку наших «ястребков».
Поют победно мощные моторы.
Гром этой песни слышится кругом.
Внизу белеют Балтики просторы.
И мы идем на свой аэродром...

Так вскоре после этого боя я изобразил его в стихах. Надо сказать, что был он скоротечным, но крайне напряженным. Уже на стоянке, выключив на самолете тумблеры, я все еще, казалось, видел перед собой горящий «фокке-вульф». Вспомнился пленный немецкий летчик, утверждавший, что ФВ-190 сбить в бою невозможно. Вот вам и невозможно!..

Сняв шлемофон, я надеваю его на прицел, вытираю вспотевший лоб. Зимний ветер проводит холодной ладонью по волосам. Нахлобучиваю шапку и вылезаю из кабины. Подходят летчики Шестопалов и Шилков. Они громко обсуждают итоги боя.

— Значит, можно нарисовать на фюзеляже еще одну звездочку?

— Да, Саша.

— Борис! — кричит Грицаенко Алферову. — Трафарет, краску!..

На борту моего самолета загорается новая звезда.

Я вхожу в землянку и едва не сталкиваюсь с Дуком и Дармограем, спешащими мне навстречу.

— За вашу двадцать восьмую победу в воздухе вам подарок, товарищ капитан. Пляшите!

— А где подарок-то?

— Вот, телеграмма.

— Нет, надо знать, за что плясать.

— Пляшите, не ошибитесь, — говорит Дук.

— Ну, если так, играй!..

Женя берет баян, растягивает мехи, беспорядочно на-жимая на клавиши. А я выделяю такие «па», что в землянке поднимается пыль до потолка.

— Ну что? Хватит вам?

Читаю телеграмму. Вот это да! Вот это новости! Пе-речитываю снова: «Родился сын Валерий. Целую, Валя».

— Братцы!.. Нет, вы только подумайте!.. Вот это на-града за «фоку»... Да еще какая!.. Сын, Валерка!.. Ура!..

И Дук с Дармограем дружно поддерживают меня:

— Ура-а-а!..

„ЛА-ФЮНФ
ИН ДЕР ЛЮФТ“

вечера подготовил удочки, а чуть свет — бегу к речке. Утро выдалось теплое. В синем не-бе ни облачка. Шагаю вдоль берега по тро-пинке, вьющейся среди высокой травы и кустарника. Ша-гаю и думаю: как хороша наша земля, наша природа!

Какое благоухание вокруг! Окидываю взглядом луга, зеленеющие на полях посевы, лес, мирно спящую за рекой деревню. Такое впечатление, будто я один во всем мире.

Давно ли уши закладывало от пушечного и пулеметного грома? И вдруг такая благодать! Мы снова на нашей тыловой базе, более чем в двухстах километрах от Ленинграда.

Спускаюсь к реке. Осока колышется над водой, чернеет большая коряга. Прикидываю: тут наверняка есть окунь. А если окунь клюет, то... Нет, не буду дразнить рыбакое счастье!.. И вот уже стоят, будто дивятся че-му-то, качая белыми головками, поплавки. Неужели нет клева? Поднимаю одну из удочек. Червяк в порядке, а рыба не идет. В чем дело? Ладно, попробую еще. Глядь — а второго поплавка нет. Хватаю удочку, а на крючке ерш! Ах ты чудо сопливое, напугал-то как! Я-то думал... Ну ладно, на безрыбье и ерш — рыба. Но тут и второй поплавок идет ко дну. Тяну удочку. Есть на ней что-то, есть! Подтаскиваю к берегу. Вот он, окунь-то, хороший! Беру нового червячка, и даже руки дрожат от волнения. «Скорей забрасывай! — тороплю я себя.— А то ведь отойдет окунь-то!..» И опять кто-то повез поплавок. Теперь он уже вприсядку пляшет на воде, ходит ходуном то к берегу, то от берега. Нет, не уйдешь! Подсекаю и тащу. Голавль! Да какой крупный! Перья красные, сам — серебро. Бросаю его на берег и опять закидываю удочку. Забываю обо всем на свете. А часы бегут, и стрелки уже торопят меня. Жаль, что мало времени, а то бы можно хорошо порыбачить. Шесть голавлей и два окуня. Ну и ерш, конечно. Только вот положить добычу некуда. Корзину оставил дома. Ничего, выстилаю фуражку травкой, складываю в нее улов и иду домой.

— А ну, встречайте рыбака, засони! — поднимаю я Дармограя с Дуком.— Так и царство небесное проспать можно. Погода-то какая! А природа-то здесь!..

— Вот это улов! — восторгается, протирая глаза, адъютант.— Евгений, подымайся — рыбу чистить. Ухуварить будем!..

Они встают, а мне уже не до ухи. У командира и на отдыхе, как говорится, забот полон рот. Начальство торопит нас принимать новые самолеты — великолепные, прошедшие боевую проверку истребители ЛА-5. Предстоит освоение новой техники, а времени на это дело

в обрез. К тому же подполковник Никитин в отъезде. Мне приказано остаться за него. Начальник штаба полка Дмитриевский успокаивает меня: «Все будет хорошо». Конечно, все будет хорошо. Но надо как следует поработать, чтобы так было.

Истребители, купленные на средства трудящихся Вологодской области, прибывают на наш аэродром. Поблескивая свежим лаком, две эскадрильи ЛА-5 и эскадрилья ЯКов выстраиваются в ряд на стоянке. Не самолеты — мечта! Получена приветственная телеграмма от председателя Вологодского горисполкома, а делегации, уполномоченной передать нам по акту истребители, все нет и нет. Мы не можем ждать и приступаем к тренировочным занятиям. Вскоре новые машины освоены. Эскадрилья капитана Виктора Терехина на ЯКах улетает на фронт. Через неделю, 18 июля 1943 года, остальные две эскадрильи — капитана Дмитрия Татаренко и моя — покидают тыловую базу. Подполковник Никитин возвратился из отпуска и тоже летит с нами.

Летим без посадки до самого Ленинграда. Идем над Финским заливом до острова Лавен-сари, что в переводе с финского означает «остров Счастья». Неделю назад здесь приземлилась эскадрилья Виктора Терехина.

На Лавен-сари мне довелось провести около двух дней. Затем меня вызвал подполковник Никитин.

— Возьми с собой ребят покрепче, — сказал он. — Пойдешь на остров Сейскари. Будешь работать со штурмовиками ИЛ-2.

Кого же взять? Беру с собой Сашу Шилкова, Николая Шестопалова, Петра Прасолова, Николая Мокшина и Алексея Баранова. Вскоре наша группа уже на новом месте. Оставшихся на Лавен-сари летчиков возглавляет Иван Цапов, мой заместитель.

Приземлившись на Сейскари, мы наносим визит комманданту острова. Через некоторое время докладывают о своем прибытии наши техники, совершившие морское путешествие на катере. Мы устраиваемся, знакомимся со штурмовиками. Командует ими капитан Михаил Романов. Среднего роста, далеко не атлетического сложения, но очень решительный, волевой и энергичный человек, он рассказывает нам об обстановке в районе острова, показывает следы налета бомбардировщиков противника. Минувшей ночью они сбросили на Сейскари около двухсот зажигательных бомб. Одна из них попа-

ла в штурмовик. Машина загорелась и взорвалась. Погибли два связиста, бросившиеся тушить пожар.

Василий Черненко, командир разведывательного звена эскадрильи Терехина, с утра оседлал свой ЯК, облетел весь островной район Финского залива и приземлился на нашем аэродроме.

— Здорово, Игорек! — подходит ко мне Черненко. — Это я, Вася, с работы пришедши, — говорит он, верный своей манере шутить по всякому поводу. Подняв с земли щепочку, Вася вычерчивает у моих ног силуэты ближайших к нам островов.

— Вот это Гогланд, а это Большой Тютерс. Тут идут в Финляндию два вражеских сторожевых корабля. Вы сможете их перехватить, если подниметесь немедленно.

Мы с Васей идем к капитану Романову. Он посыпает в район Гогланда и Большого Тютерса восьмерку штурмовиков в сопровождении шестерки наших «лавочкиных». Едва взлетев, мы уже различаем цель. Два фашистских корабля идут курсом на Котку. Они идут одни, без авиационного прикрытия. Разумеется, авиаторы противника знают, что схватка с нашими истребителями не сулит им ничего хорошего. Они познакомились с истребителями ЛА-5, когда на них летали здесь гвардейцы 4-го авиационного полка. Похоже на то, что фашистские летчики избегают теперь встреч с «лавочкиными». На рассвете или под вечер они неожиданно по-разбойничьи налетают на наш аэродром. Но стоит нам подняться в воздух, как эфир заполняют панические крики: «Ахтунг, ахтунг, ла-фюнф ин дер люфт!» («Внимание, внимание, ЛА-5 в воздухе!»). Однако на этот раз кричать некому. Наша группа уже подходит к цели.

Зенитки бьют с кораблей по штурмовикам. Но те пикируют, не обращая внимания на зенитный огонь. Охваченный пламенем головной корабль поднимает нос и погружается в воду. Он исчезает мгновенно. Бездна буквально проглатывает его. Другой сторожевик еще наполовину торчит из воды, как поплавок. Вокруг него снуют шлюпки.

Наблюдая эту впечатляющую картину, я думаю о мужестве наших летчиков-штурмовиков, сумевших преодолеть огонь зениток и нанести столь точный удар по маневрирующим кораблям. А ведь на их самолетах нет прицела для бомбометания. Тут нужны и глазомер, и

отвага, и опыт. Все это есть у наших боевых друзей, учеников и соратников Антона Карасева и Нельсона Степаняна.

Вот и второй вражеский корабль скрылся под водой.

Штурмовики собираются в группу. Считанные минуты — и мы уже у себя дома, на новом аэродроме. Горячо поздравляем капитана Романова и его подчиненных с удачной штурмовкой.

— Друзья! А ведь сегодня двадцать четвертое июля — День Военно-Морского Флота, наш праздник! — говорит парторг эскадрильи техник звена А. Снигирев.

И все мы дружно кричим «ура» по слуху праздника и победы над врагом, которая нами только что одержана. И соседний лес тоже кричит «ура» голосом гулкого эха.

Еще только десять часов утра, а солнце уже успело прогреть землю и воздух. Я иду к заливу купаться. На берегу меня догоняют Снигирев, техник по вооружению Самойлов и кто-то из летчиков. Они хватают меня и, как котенка, подбрасывают вверх. В чем дело? Я отбрыкиваюсь. Но ребята подкидывают меня еще выше.

— Черти! Уроните — разобьете. Будет ЧП...

Но они не унимаются.

— Тогда скажите хотя бы, что это значит!

— Это значит, что мы поздравляем тебя со званием Героя Советского Союза!

Снова на весь остров гремит горластое «ура».

— Вы шутите?

— Нет, не шутим.

— А вы не ошиблись?

— Нет, не ошиблись. Передано по радио. Три новых Героя: ты, Семен Львов и Дмитрий Татаренко.

— Тогда и за них надо «ура», — предлагаю я.

Накричавшись до хрипоты, мы возвращаемся на аэродром. Я иду как во сне. Верится и не верится. А на аэродроме уже получено еще одно радостное сообщение. Его принесли газеты с опубликованным в них праздничным приказом командующего. Большая группа наших тружеников аэродрома награждена орденами и медалями. Это уже не первые их награды. Техникам Коровину и Андрианову будут вручены ордена Красной Звезды, Линнику (все мы по-прежнему называем его дядей Володей) — орден Отечественной войны первой степени.

Орденом Красного Знамени награжден мой ведомый Николай Шестопалов.

Важным событием отмечен и следующий день. Техникам Евсееву, Баранову и нашему писарю Дуку объявлено, что они едут учиться в летную школу. Это не было для нас неожиданным. Еще на тыловой базе, когда мы получали новые самолеты, поступило указание командующего ВВС выявить в полку лиц, окончивших аэроклубы, проверить, достаточно ли хорошо владеют они техникой пилотирования, и оформить на них необходимые документы. Я проверял летные навыки Баранова и Евсеева. Самолет У-2 они водили отменно. В ту же пору взмолился передо мной Женя Дук:

— Товарищ командир, научите меня летать.

— Легко сказать — «научите»!

— Но вы же обещали...

В общем, посадил я Женю в кабину. Сделали мы двенадцать полетов по кругу и два полета в зону (выполнили фигуры пилотажа). Потом я сказал Жене, чтобы он летел самостоятельно, а сам затаился, спрятался в передней кабине. Дук уверенно поднялся в воздух, сделал круг и сел. Радости его не было границ.

Оформляя на Женю документы, я написал в них, что в 1938 году он учился в Ленинградском техническом аэроклубе, не закончил его, но «техникой пилотирования владеет». Написал я также, что обучение его «желательно начать на самолете У-2». Заранее скажу, что Женя был принят в Ейское училище, так же как Евсеев и Баранов.

А в тот памятный для всех нас день 25 июля 1943 года мы устроили трем нашим товарищам теплые проводы. Они уехали, а мы остались на острове Сейскари и продолжали воевать. Сопровождая штурмовиков, Саша Шилков сбил три вражеских истребителя, Петр Прасолов — два, Николай Шестопалов — один, Алексей Баранов уничтожил Ю-88. Этот «юнкерс» прилетел к нам без истребителей. Время шло к вечеру, но было еще светло. Младший лейтенант Баранов (однофамилец уехавшего учиться техника) нес боевое дежурство. Он поднялся в воздух и, что называется, на глазах у нас отпра- вил фашиста к праотцам.

Не могу не рассказать еще об одном любопытном случае, имевшем место в дни нашего пребывания на острове Сейскари.

Как-то я был срочно вызван в штаб. За несколько минут до вылета ко мне подошел работавший у нас авиационный инженер. Он осуществлял так называемую доработку на двигателе АШ-82. Все, что надо было сделать на Сейскари, инженер сделал. Теперь он просил отправить его на Лавен-сари. Но у нас не было двухместного самолета.

— Вот разве что на истребителе,— говорю я.— Пожалуйста, через шесть минут будете там.

— Вы смеетесь, товарищ капитан, а я серьезно,— обиделся инженер.

— Нет, почему же? Я тоже серьезно,— говорю я.— Ложитесь под тягу управления, только руками за нее не беритесь.

Инженер посмотрел на меня, подумал и решительно шагнул к самолету. Это был высокий, сухощавый человек в коричневом костюме и в тапочках. С трудом протиснулся он в люк, кое-как развернулся там и лег. Я сел в кабину, запустил мотор, посмотрел сквозь заднее бронированное стекло. Видны были только ноги в белых носках и тапочках. В воздухе я еще раз взглянул на своего пассажира. Он лежал спокойно, не шевелясь. Самолет шел над самой водой. Приближаясь к аэродрому Лавен-сари, я увидел над ним четверку МЕ-109. Они уже пикировали, пытаясь атаковать стоявшие на площадке самолеты. Я помешал им, и «мессершмитты» стали набирать высоту. Потом два из них пошли на меня, а два опять попытались нанести удар по нашим дежурным самолетам. Волей-неволей мне пришлось завязать бой с четверьми. В удобный момент я открыл огонь по одному из вражеских истребителей, и он, задымив, ушел в направлении Кургаловского полуострова. Между тем в воздух поднялось звено ЯК-1, и три остальных «мессершмитта» также поспешили на свой аэродром.

Взволнованный боем, я приземлился, зарулил, передал самолет технику и ушел в штаб. И вот, помнится, разговариваем мы с командиром, а в землянку вбегает матрос:

— Товарищ подполковник, обнаружен какой-то неизвестный.

Никитин удивленно поглядел на матроса:

— Но где же он?

— Там... Мы нашли его в самолете товарища капитана.

Только тут я понял, в чем дело, и с разрешения командира возвратился на стоянку. Мой пассажир, о существовании которого я непростительно забыл, пережив горячку боя, стоял под охраной вооруженного матроса. Волосы инженера были растрепаны. Лицо его покрывала бледность. Должно быть, и у меня в ту минуту был не менее жалкий вид. Я пытался что-то объяснить инженеру, просил у него прощения. Придя в себя, он не без юмора рассказал обо всем, что пережил, и мы от души посмеялись. Потом я привел его в штаб, представил командиру полка, и мы еще раз, теперь уже вместе, рассказали всю эту забавную историю.

Никитин сказал что-то укоризненное по моему адресу. Я чувствовал себя виноватым. Но все обошлось. Инженеру было предложено отдохнуть. А меня ожидало нечто совсем неожиданное. Я должен был сдать эскадрилью и отправиться в Москву, в распоряжение главно-командующего военно-морской авиацией генерал-полковника С. Ф. Жаворонкова.

Приказ есть приказ, и 18 августа 1943 года, в День авиации, я покидаю полк. Эскадрилью я передал Ивану Ивановичу Цапову. Он выстраивает ее. Передо мной стоят недавние сержанты-летчики, ныне уже младшие лейтенанты. У каждого на груди боевой орден. Ордена и медали сияют на гимнастерках техников и младших специалистов.

— До свидания, товарищи! Спасибо вам за дружбу, за боевое умение и мужество.—Голос мой срывается (нервы, нервы — раньше я как-то не замечал этого).—Помните, всегда помните о тех, кто не вернулся с боевого задания. Терпеливо учите новичков. Не забывайте чапаевское правило, которому мы всегда были верны: «Сам погибай, а товарища выручай». Желаю вам всем дойти до светлого дня победы над фашизмом...

В полете меня сопровождают Саша Шилков (теперь он заместитель командира эскадрильи) и мой постоянный ведомый Коля Шестопалов. Мы делаем круг над островом, на большой скорости проносимся над стоянкой и «горкой» поднимаемся в голубое балтийское небо.

Перед самым Кронштадтом Шилков и Шестопалов по моему сигналу уходят в обратный путь. До свидания, друзья! Я смотрю им вслед. Когда-то еще мы встретимся?

В штабе соединения меня принимает новый командир дивизии подполковник Корешков. Я рассказываю ему о положении дел на островах.

— Что ж, за добрые дела островитян можно и дымок пустить.— Он достает свой портсигар: — Кури.

— Спасибо, не курю, товарищ подполковник.

— Так и не научился? А помнишь, как мы закурили за твой первый орден?

— Помню, товарищ командир. Вы тогда мне еще папиросу за ухо положили и сказали, чтобы я потом за второй орден дымок пустил.

— Ну и как, не ошибся я насчет второго-то ордена? Вот так,— говорит Корешков, глубоко затягиваясь, и выпускает кольца сизого дыма.

В это время звонит телефон, и командир снимает трубку. Я осматриваю его скромно обставленный кабинет. На стене слева от меня висит портрет в черной рамке. С портрета смотрят живые, задумчивые глаза Петра Васильевича Кондратьева. Каким замечательным человеком был он, полковник Кондратьев. Четыре прямогульника в петлице и Золотая Звезда Героя на груди. Меньше чем за два года прошел он путь от командира эскадрильи до комбрига. А 2 июня 1943 года, в день, когда 61-я авиабригада была переименована в 1-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию, ее командир погиб...

Корешков заканчивает телефонный разговор.

— Так вот я и говорю.— Он выходит из-за стола.— Пришла пора поздравить тебя с золотой звездочкой.— Командир дивизии крепко пожимает мне руку.— А по секрету могу сообщить, что награда твоя уже привезена из Москвы. Сейчас на истребителе перелетишь на «пятачок». А вечером член Военного совета на торжественном собрании по случаю присвоения 57-му штурмовому полку гвардейского звания вручит тебе орден Ленина и Золотую Звезду Героя. Так что не задерживайся. Завтра возвратишься сюда, и мы на У-2 отправим тебя в Вологду. Неделю дома, а потом в Москву к Жаворонкову.

Не буду подробно рассказывать о получении награды. Скажу только, что волновался я на этом вечере, как не волновался ни в одном из боев. Скромный товарищеский ужин, на котором контр-адмирал Н. К. Смирнов вручил мне орден Ленина и Золотую медаль Героя Советского Союза, прошел в обстановке удивительной сер-

дечности и теплоты. Кто-то принес мне баян. Были песни, была пляска, были задушевные речи и добрые наставления.

А назавтра мы снова встретились с подполковником Корешковым, и он, еще раз поздравив меня, подержал на ладони мою звездочку, как бы пробуя ее на вес.

— Порядок! И нельзя не закурить по такому случаю. Не забыл, как дым-то пускать из носа?

Мы взяли из его портсигара по папиросе и закурили. И я, конечно, закашлялся.

— Тоже мне герой! На войне курить не научился.

В это время к нам подошел невысокого роста офицер:

— Товарищ подполковник, машина готова, можно лететь.

— Знаете друг друга? — Корешков перевел взгляд с Саблина на меня.

— Знаем.

Я вспомнил, как однажды в дикую штормовую погоду старший лейтенант Саблин ночью доставил нам на остров почту. Мы уговаривали его остаться, заночевать, но он улетел к соседям («Там тоже ребята ждут писем»).

Вскоре я уже летел на самолете У-2, управляемом Саблиным, в родную Вологду.

Как всегда, дни побывки в родных краях промелькнули быстро. Согласно предписанию я через неделю прибыл в Москву и явился на прием к командующему ВВС Военно-Морского Флота генерал-полковнику С. Ф. Жаворонкову.

— Так вот вы какой, капитан Каберов! — меряя меня взглядом, сказал он с улыбкой, после того как я ему представился. — А мне почему-то вы виделись богатырем.

— Что делать, товарищ генерал! Не удался ростом.

— Ничего, зато кое в чем другом удались. Садитесь. — Он указал на кресло. Первым, на что я обратил внимание в кабинете Жаворонкова, был фотопортрет полковника Кондратьева — точно такой же, какой я видел у нашего комдива.

Наша беседа была непродолжительной. Жаворонков сообщил мне, что отныне я летчик-инспектор Ейского авиационного училища. Моя просьба оставить меня на фронте была вежливо выслушана и твердо отклонена.

— Повоевали, товарищ Каберов, и хватит,— сказал генерал.— В вашем боевом опыте нуждается молодежь. Позаботьтесь о том, чтобы курсанты, обучаясь, чувствовали себя как бы в боевой обстановке. Мы отправили в училище трофейный истребитель «Мессершмитт-109». Вам придется полетать на нем. Всего доброго, товарищ Каберов!..

На этом можно было бы и завершить мою книгу, потому что вплоть до дня победы над фашистской Германией мне больше не довелось участвовать в боях. После года работы в Ейске я был послан на высшие офицерские курсы, а потом получил назначение на Дальний Восток. В послевоенное время закончил Военно-воздушную академию. Командовал полком, летал на чудесных реактивных истребителях.

Все это было захватывающе интересным. Но в последней главе своих воспоминаний я позволю себе рассказать лишь о двух мирных днях, которые всколыхнули в моей памяти все пережитое на войне.

КАМЕНЬ ВОЗЛЕ КАЛИТКИ

В августе 1961 года исполнилось ровно двадцать лет с того памятного для меня боя, после которого мой И-16, приземляясь на ржаном поле возле деревни Большая Вруда, ударился о большой камень-валун.

Двадцать лет! Как хотелось бы взглянуть теперь на те места, навестить Зинаиду Михайловну Петрову, в чьем доме нашел я приют после постигшего меня несчастья. Но прежде надо узнать, живет ли она доныне в тех краях. И вот я посылаю письмо в Волосовский райком партии.

Вскоре приходит ответ. «Зинаида Михайловна ждет вас в гости»,— пишет мне секретарь райкома П. Я. Кожинская. Сама Зинаида Михайловна тоже присыпает мне письмо, да такое доброе и душевное, что после него не побывать в Большой Вруде было бы просто грешно.

Течет, течет под колеса моей «Волги» серый асфальт шоссе. Еду по маршруту: Новгород — Ленинград — Низино — Горелово — Клопицы — Волосово — Большая Вруда.

Низино. Как все здесь изменилось! Стоят высокие березы и тополя, которых раньше не было.

А памятные мне деревья и кустарники исчезли. Застенчивый паренек ведет меня к местам захоронений времен минувшей войны. По окаймленной цветами дорожке подходим к могиле, которую я ищу. Над могилой высится обелиск. У подножия его лежат венки, живые цветы. Золотом по камню строго начертаны слова:

«Здесь похоронены летчики-истребители, героически погибшие 16—21 августа 1941 года в воздушных боях при обороне Ленинграда

Герой Советского Союза
старший лейтенант Бринько П.
майор Новиков И.
старший лейтенант Шерстобитов В.
старший лейтенант Соболев Н.
старший лейтенант Жбанов А.
старший лейтенант Багрянцев М.
лейтенант Алиев Г.
младший лейтенант Шевченко Н.».

Стою в оцепенении. Друзья мои, дорогие мои братья и товарищи, я пришел к вам. Я помню о вас. Вы в моем сердце и в памяти навсегда, навсегда...

В надписи на обелиске много досадных неточностей. Надо будет ее поправить. Но это потом. А пока я не в силах вымолвить слова. Спазмы сдавили горло. Мой юный спутник с молчаливым пониманием стоит рядом со мной...

От братской могилы я направляюсь к площадке, где когда-то был наш аэродром. Медленно иду по дороге — той самой дороге, по которой провожал жену в первый день войны. Останавливаюсь, прислушиваюсь. За кустарником, как и тогда, беспечно звенит, звенит, бормочет что-то, играя камешками, безымянная речка. Неужели прошло двадцать лет? Двадцать лет...

Обрушившиеся земляные капониры. Бугорок на месте нашей низинской землянки. Она тоже обвалилась, в нее не войти. Я снова возвращаюсь к речке. Неподалеку от нее запинаюсь обо что-то. Разгребаю траву и обнаруживаю торчащее из земли округлое ушко

штопора, за который мы крепили на стоянке самолет. Бегу к машине за заводной ручкой, вывертываю штопор. Возле речки, где стояла оружейная палатка, нахожу гильзу от пулемета БС. И штопор, и гильза чем-то дороги мне. Память, память...

Из Низина приезжаю в Горелово. Здесь живет Женя, сын Зинаиды Михайловны. Тот самый Женя, который тогда, в августе сорок первого, опередив других мальчишек, прибежал к моему разбитому самолету.

Огромного роста, косая сажень в плечах, светловолосый человек встречает меня на пороге своего дома. Я называю свою фамилию.

— Евгений Георгиевич,— смущенно улыбаясь, представляется он мне.— Знакомьтесь, пожалуйста, это Катя, моя супруга.

— Очень приятно,— говорит супруга и, прося извинить ее, спешит на кухню.

— А я, кажется, узнаю вас,— басит Евгений Георгиевич.— Вы тот самый летчик...

— Да, да, Женя, тот самый. Ваша мама просила в письме заехать за вами. Вот я и заехал.

Катя уже накрывает на стол, ставит рюмочки.

— Я за рулем, мне нельзя,— говорю я.

— Да что вы!.. Ну хоть по маленькой...

— Спасибо... Нет-нет...

Мы с Женей закусываем и, распростившись с Катей, отправляемся в путь. Дорогой он рассказывает мне, что работает мастером водопроводно-канализационного хозяйства. Работа ничего, ему нравится...

— Стоп, Женя, чуть было не проехали,— я притормаживаю машину.— Это же Клопицы!

— Да. Вон впереди деревня.

— Но аэродром-то... Теперь его нет...

— Тут когда-то летали учебные самолеты,— говорит Женя.— Теперь уже не летают...

Мы подъезжаем к тому месту, где когда-то стояла наша парусиновая обитель. Я выхожу из машины, смотрю на сосны, слушаю их шум и снова отдаюсь во власть воспоминаний.

— Вот с этого аэродрома, Женя, я и ушел десятого августа сорок первого года в полет. А приземлился возле вашей деревни, в поле, где ты нашел меня...

Немного не доехав до Большой Вруды, я загоняю машину в заросли и переодеваюсь.

— Надо, Женя, приехать честь по чести.

— Ну, правильно...

Он с интересом разглядывает мой мундир, ордена и медали.

Наконец мы въезжаем в деревню и останавливаемся возле дома Зинаиды Михайловны. Я выхожу из машины и вижу на крыльце пожилую женщину. Она одета по-праздничному. На груди у нее орден Трудового Красного Знамени и медаль Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства СССР.

— Зинаида Михайловна?..

Она по-матерински обнимает меня...

Слезы, растерянные слова...

Я обращаю внимание на валун у калитки. Раньше, помнится, здесь его не было. Зинаида Михайловна улыбается и прикладывает к глазам платок.

— Знаете камень-то?

— Неужели тот самый?

— Да. Построила после войны дом и попросила тракториста привезти сюда с поля этот валун...

Мы идем в клуб. Там собралась вся деревня, от мала до велика. В зале негде яблоку упасть. Приехали гости из районного центра. Секретарь парторганизации колхоза А. Я. Власова открывает вечер. Она произносит небольшую вступительную речь и предоставляет мне слово. И вот я рассказываю о далеких днях войны, с благодарностью вспоминаю мужественных и добрых жителей деревни Большая Вруда, которые помогли мне в трудный час, читаю свою поэму «Месть». После меня выступает Зинаида Михайловна Петрова. Ее встречают аплодисментами. Сразу видно, что колхозники с большим уважением относятся к этой простой, доброй и работящей женщине. После войны она вступила в партию и не покладая рук трудилась, поднимая, восстанавливая разоренное колхозное хозяйство. Более сорока лет руководит Зинаида Михайловна сельской художественной самодеятельностью.

Рассказав, как мы встретились с ней в суровую военную пору, она умолкает и некоторое время стоит потупясь, преодолевая волнение, потом достает из кармана жакета сложенный вчетверо листок тетрадной бумаги и развертывает его.

— Разрешите и мне прочитать свое стихотворение...

Зал замирает. Как мне потом говорили, никто никогда не слышал, что Зинаида Михайловна пишет стихи.

Когда она начала читать, голос ее дрогнул, потом окреп, но в каждом слове звучало непередаваемое волнение.

Это было давно, двадцать лет уж прошло.
В сорок первом году это было.
Враг внезапно напал на родную страну,
И пожарами все охватило.

На защиту страны наша армия шла.
В небе бились с врагом самолеты.
В тыл далекий страны отправлялись стада,
Много было труда и заботы.

Наш родной самолет над селом пролетал,
И в пути он с врагом повстречался.
Бился долго с врагом и с подбитым крылом,
Рядом с нашим селом опускался.

Все на помощь бежали, кто видел тот бой.
Как бы с летчиком что не случилось!
Хоть подбит самолет, жив остался пилот,
Сердце храброе в нем сохранилось.

Враг сильней наступал, все бежали в леса.
Летчик видел одно лишь страданье.
И врагу отомстить за пролитую кровь
Он поклялся тогда на прощанье.

Он сдержал эту верную клятву свою:
Вил в сраженьях врагов смертным боем.
Он за все отомстил — и за хату мою,
И с войны возвратился героем.

Невозможно передать, с какой теплотой аплодировали Зинаиде Михайловне все собравшиеся в клубе. Особенно трогательно было видеть, как били в ладони ребяташки, сидевшие на полу перед самой сценой, как сияли их глаза, как преображало их лица выражение глубокого интереса и чистосердечного восторга.

Несколько позже мы сидели за гостеприимным столом в доме Зинаиды Михайловны.

Разговоры, воспоминания, слезы радости — не берусь, не в силах обо всем писать.

Много интересного узнаю я о жизни Большой Вруды, о ее прошлом и настоящем. Колхозники рассказывают мне, что останки сбитого мной «юнкерса» до сих пор ва-

ляются за деревней в болоте, возле тропинки, ведущей в ягодные и грибные места.

На другой день утром я иду в школу, куда меня пригласили пионеры. Иду и с интересом смотрю на все вокруг. Как непохожа ты, Большая Вруда, на ту прифронтовую деревню, охваченную пламенем пожара, которую я видел в грозном сорок первом! Стойкие ряды новых домов, утопающих в зелени садов. Антенные телевизоров. В некоторых дворах стоят легковые машины, мотоциклы. Когда-то пыльная дорога, по которой я увозил из деревни свой самолет, оделась в асфальт. Возводится пятиэтажный жилой дом, заложен фундамент новой школы.

И все же ты меньше стала, Большая Вруда. Каждый второй твой житель погиб в тот трагический день 10 августа. А сколько мужчин не вернулось с полей войны!..

Но вот и школа. Сегодня канун нового учебного года. По этому случаю проводится торжественная линейка. Сияющие радостью детские лица. Белоснежные рубашки и блузки. Альые пионерские галстуки.

Я принимаю рапорт председателя совета дружины, поздравляю ребят с новым учебным годом.

Из строя выходит мальчик и объявляет решение совета о присвоении мне звания почетного пионера. Голубоглазая девчушка повязывает мне пионерский галстук, целует меня, салютует и бежит в строй. С трудом подавив волнение, я рассказываю ребятам о войне, о трагических днях Большой Вруды, о своих боевых товарищах. Рассказываю, смотрю на детей, сосредоточенно слушающих меня, и то и дело возвращаюсь к подспудной мысли: а ведь правы, правы те, кто настоятельно советовал мне написать обо всем пережитом. Написать книгу и подарить ее детям — нашей смене, нашей надежде и радости...

И вот эта книга создана. Создана для вас, дорогие мои мальчишки и девчонки. Может быть, не все в ней покажется вам одинаково интересным. Но будьте же снисходительны. Я не литератор. Я просто один из тех, кто с юных лет помогал нашей стране расти и крепнуть. Один из тех, кто насмерть бился с ее врагами. И книгу эту я написал, так сказать, между делом, в свободное от работы время.

А работа у меня по-прежнему авиационная. Правда, я не летаю уже на боевых истребителях. И возглавляю

сейчас не эскадрилью, не полк, не дивизию, как когда-то, а всего лишь скромный авиационный спортивный клуб. Но главное, что я в небе. Главное, что мои руки держат штурвал самолета. Самолет этот — АН-2. Я поднимаю на нем в подоблачные высоты своих питомцев — бесстрашных парашютистов. Поднимаю и порой, позабыв про возраст, сам вместе с ними бросаюсь с высоты навстречу земле. Бросаюсь и, обняв пространство руками, лечу в нем, как вольная птица, пока не раскроется над головой тугой парус парашюта. И снова в такие минуты я молод, как в те, теперь уже далекие фронтовые годы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сирена в средине ночи	5
Это древнее слово «война»	11
«Придется нажать на гашетки»	29
Шел на посадку истребитель...	36
На то они и друзья	41
Через секунду будет поздно	50
В лесу и над лесом	54
Таран не получился	65
Глазами памяти	75
Чужие крылья над аэродромом	98
В гостях у Лавочкина	104
Нужны ли летчикам окопы	110
Бои с утра до вечера	120
Постоять у порога, потом войти	137
Тяжелое золото мужества	140
Воронки на летном поле	146
Пока письмо не вскрыто	151
Он больше не мог без неба	157
Трудный час линкора «Марат»	160
Пробоина на консоли	166
Никто не верил тишине	172
Друг или враг?	174
Погрейся возле песни	177
Побег на костылях	182
Третья фронтовая землянка	188
«Погибать не имеешь права»	196
Пешком по Ленинграду	203
Приземление запрещено	209
Об унтах, элеронах и юпитерах	216
Атакует Алеша Барановский	220
«Вот на пути село родное»	223
Летела над заливом «чайка»	230
Горят «мессершмитты» и «юнкерсы»	236
«Капитан, капитан, улыбнитесь!..»	243
Слово о командире	250
Не на той волне	253
Бомбы, штурм и музыка	257
Дорогой товарищ самолет	261
Земляки мои, вологжане	265
Он оставался комиссаром	269
Пути блокады порваны	272
«А живем мы в царских хоромах...»	287
Как загораются звезды	292
«Ла-фюнф ин дер люфт»	294
Камень возле калитки	304

ФОТО
ТЕХ
ДАЛЕКИХ
ЛЕТ

Это был один из первых дней войны.

— Не сняться ли нам, ребята, на память? — предложил Матвей Ефимов, увидя на стоянке самолетов штабного фотографа. Мы собрались возле самолета.

На снимке (слева направо): Володя Тенюгин, Федя Киров, Миша Алексеев, Сергей Сухов, я, Егор Костылев, политрук М. З. Исаакович, командир эскадрильи И. Р. Новиков, Гусейн Алиев. Из-за плеча Гусейна выглядывает Миша Багрянцев, над ним выше видны Миша Федоров и Николай Соседин. В белом подшлемнике стоит Борис Годунов, правее — Матвей Ефимов, крайний справа — Володя Халдеев.

Другого времени не было, и парторг Ефимов провел заседание бюро без отрыва от боевого дежурства — под крылом своего самолета.

На снимке (слева направо): командир эскадрильи майор И. Р. Новиков, политрук М. З. Исакович, командир звена Михаил Алексеев, техник Владимир Линник, парторг Матвей Ефимов, техник Кирилл Евсеев.

Фото 1941 года.

Гляжу на этот снимок и вспоминаю о тебе, дорогой мой друг Миша Федоров, замечательный летчик и удивительно жизнерадостный человек. Сплясать, рассказать что-нибудь веселое — на это ты всегда был большой мастер. Не случайно наши ребята так тянулись к тебе.

Очень дорожу этим снимком, сделанным в марте 1941 года. Фотограф запечатлел нас в тот момент, когда ты уточнял по карте маршрут моего учебного полета.

Мало нам довелось повоевать с тобой, Гусейн. Но такую большую память о тебе ты оставил, великолепный летчик и необычайно душевный человек! Не забуду твою любовь к цветам. Не забуду случай, когда из летчицкого выгуливаю примял ромашку, одиноко вросшую на зеленом поле взрыва. Ты подбежал, вскравил ее и долго еще ворчал: «А еще истре-битель!.. Никакой осмотрительности!»

Фото 1941 года

А Шура Верина и по сей день не забыла тебя, Борис. И все мы помним, как иной раз в столовой — придем, а ты ей: «Шурочка, обрати на нас свои глазки, мужички с роботы пришедши!» — «Так бы и расцеловала его при всех, как услышу, бывало, эти слова, — говорит Шура. — Да что я! В него все наши девушки были влюблены...»

Веселый человек, храбрый воздушный боец, ты был душой нашего воинского коллектива, комсорг эскадрильи Борис Годунов.

Фото 1941 года.

Веселый наряд и мужество, твердость ясли и человечность характерны для этих людей

Вы видите на снимке боевых товарищей, Героев Советского Союза — командира авиабригады генерал-майора И. Г. Еремеенко и командира нашего полка майора П. Ф. Колдунова

Фото 1941 года

Где ты сейчас, Николай? Знаю, что жив. А тогда, 17 сентября 1941 года, наши товарищи вернулись с боевого задания с печальной вестью: потеряли Соседина. Говорили, что твой самолет сбит в районе города Пушкина. Кто-то видел, как ты выпрыгнул из горящей машины. А раскрылся ли парашют, никто не заметил в круговерти боя.

После войны до меня дошла радостная весть, что ты жив и здоров и что больше того — успешно освоил новый истребитель.

Вот бы встретиться-то!..

Фото 1941 года.

Майор И. Новиков напутствует Михаила Багрянцева перед очередным полетом. Дисциплинированность и инициатива — два этих качества определяли характер Михаила. Это он, увидя в небе вражеский самолет-разведчик, сел в автомашину и через несколько минут был на ближайшей к аэродрому станции Уторгош. Здесь он приказал дежурному машинисту расташить стоявшие на путях эшелоны. Прилетевшие вскоре фашистские самолеты бомбили пустую станцию. А Багрянцев был уже в воздухе. Отражая налет, он сбил два «юнкерса», причем один из них таранил.

Фото 1941 года.

«Первый русский над Берлином!» — так говорили в дни войны о полковнике Евгении Николаевиче Преображенском, возглавившем группу советских бомбардировщиков, которые нанесли удар по военным объектам фашистской столицы 8 августа 1941 года. Рядом с Преображенским вы видите на снимке штурмана флагманского корабля капитана Петра Ильича Хохлова.

Фото 1941 года.

Петр Антонович Бринько. На двадцать третий день войны он был уже Героем Советского Союза. К сентябрю сорок первого года Бринько сбил пятнадцать вражеских самолетов. На наших глазах он уничтожил немецкий аэростат. Всего несколько минут потребовалось ему для этого. Взлет, пулеметная очередь, приземление. И вот уже Петр Антонович снова в нашем кругу: «Да, так на чем мы там остановились?..» Как ни в чем не бывало смеется и шутит...

Фото 1941 года.

Капитан И. Уманский, чьи часы в эскадрилье считались самыми точными, поскольку они показывали «командирское время». Но часы часами, а вы для нас, дорогой Исаак Маркович, были тем человеком, у которого мы учились мужеству, справедливости и доброте.

Фото 1943 года.

«Когда вы только спите?» — спросил как-то корреспондент военной газеты у техника Саши Грицаенко. Тот пожал плечами. «Отоспимся после войны». — «Да, но нельзя работать до упаду». — «Ничего, молодые, не упадем. — Саша устало улыбнулся. — А упадем — поднимут...»

Мой самолет, обслуживаемый техником Грицаенко, никогда не подводил в бою. Спасибо тебе, Саша! А в гости к тебе я обязательно приеду. От Новгорода до Запорожья — рукой подать. Приеду и подарю тебе эту книгу.

Фото 1941 года.

В училище Володя Тенюгин был известен как закаленный физкультурник и прилежный курсант. И летчик из него получился хороший. Воевал Володя отважно. В тяжелом бою снаряд вражеской зенитки повредил мотор его самолета. Но Тенюгин продолжал сражаться. Когда мотор остановился, он выбросился из самолета, раскрыл парашют. Фашистские истребители расстреляли Володю. Это было 8 сентября 1941 года.

Фото 1938 года.

У летчиков наших такая
порука,
Такое великое правило
есть:
Врага уничтожить —
большая заслуга.
А друга спасти —
это высшая честь!

Будто специально о тебе, Володя, написаны эти строки. Ценой своей жизни ты спас в воздушном бою своего товарища Егора Ко-
стылева.

На снимке: Владимир
Широбоков.

Фото 1937 года.

Летчик-штурмовик Михаил Гаврилович Клименко потопил шесть кораблей, несколько десантных барж, уничтожил много танков, артиллерийских орудий и живой силы врага. Это уравновешенный и бесстрашный человек. Еще до войны, в гражданской авиации, он налетал более миллиона километров. Знак, подтверждавший это, Михаил Гаврилович носил рядом с боевыми орденами.

Горжусь, что мне довелось прикрывать в боевых полетах этого замечательного летчика.

Фото 1942 года.

Дважды Герой Советского Союза Нельсон Георгиевич Степанян. Как живой, с бравой усмешкой глядит он с этого снимка. Здравствуй, Нельсон! Тридцать лет прошло со дня нашей первой встречи. Я поседел, а ты навсегда остался молодым. Трудно найти слова, чтобы по достоинству оценить твое мужество. Однако сыну твоему Вилику это удалось. Когда в Ереване открывали тебе памятник, он, Вилик, поднятый дедом, обнял твою бронзовую голову, прижался к ней и произнес дрогнувшим голосом: «Вот какой у меня папа!..»

Бывал у нас и художник Борис Пророков. Этот снимок сделан во время его беседы с командиром бригады.

Фото 1942 года

А это адъютант нашей эскадрильи Николай Васильевич Дармстей. В юности он закончил высшее военно-морское училище по курсу штурмана год-вседного плавания. Годом ему пришлось оставить подводную лодку и стать штурманом бомбардировщика. Когда же врачи запретили Николаю Васильевичу летать он нашел дело на земле и вложил в него все свои силы, всю душу.

Фото 1942 года

Вы, конечно, читали роман «Балтийское небо» и знаете его автора Да, это он, Николай Карнеевич Чуковский. Зимой 1942 года писатель несколько месяцев жил в нашей эскадрилье собирая материал для книги с летчиками. Никогда не забуду, как важно и настойчиво брал он у нас интервью. Брал в любой обстановке на стоянке в кабине самолета, в чайной кузе и за обеденным столом.

Фото 1942 года

Я И Каберов

СЕМЕЙНАЯ ШАРЖА

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Кисти художника Н. А. Павлова при-
надлежат эти остроумные шаржи, вы-
полненные в 1942 году. Изображены
на них Егор Костылев («Георгий Побе-
доносец»), инженер В. А. Сергеев
(«У заботливой няни»), Матвей Ефимов,
Сергей Сухов и я («Охотники на при-
вале») и снова я («Лунный вальс»).
Внизу справа художник нарисовал Пет-
ра Чепелкина, наносящего удар по
вражескому самолету.

Вот он, летчик Петр Чепелкин, о котором написал в своем романе «Балтийское небо» Николай Чуковский. Написал достоверно, не изменив даже имени.

Это с ним, Петром, мы в воздухе отметили первый день нового, 1942 года. Была метель. Был тяжелый бой над Дорогой жизни. Два фашистских самолета сбили мы в тот день.

Фото 1942 года.

Восемнадцать вражеских самолетов уничтожил в воздушных боях Сергей Сухов.

Это был на редкость храбрый, прямодушный, обаятельный человек. «Я, наверное, самая счастливая!» — сказала мне Леночка в Ейске на ее и Сережи Сухова свадьбе. И она не ошиблась.

Фото 1942 года.

Настроение у командира полка
майора Н. М. Никитина и полкового
комиссара И. П. Лукьянова отличное.
Дела в полку идут хорошо.

Фото 1942 года.

У защитников
Ленинграда
позунг один:
СМЕРТЬ ИЛИ ПОБЕДА!
Воины Красной Армии
и граждане страны

Он пришел получать партбилет, но, услышав сигнал тревоги, выбежал из землянки и вскоре был уже в воздухе. Сбив неподалеку от аэродрома «Фонкерс», Егор Костылев пошел на посадку и благополучно приземлился. Летчик извинился перед членами парткомиссии за временную отлучку по делам службы.

Всего на счету Егора Дмитриевича Костылева было сорок шесть уничтоженных вражеских самолетов.

На снимке: полковой комиссар С. С. Бессонов (слева) вручает Егору Костылеву третий боевой орден.

Фото 1942 года.

Самолеты ушли на боевое задание. Можно позволить себе минутную передышку. Всего лишь минутную. Фотограф сделает снимок, и каждый вернется к своему делу. Женя Дук (на снимке он слева) побежит оформлять штабные документы, Борис Алферов — помогать ребятам ремонтировать поврежденный самолет. Возьмется за инструменты и оружейник Авдеенко.

Фото 1943 года.

Комиссар эскадрильи Николай Михайлович Косоруков. Спокойный, невозмутимый на земле, он был подобен метеору в воздухе. Наблюдая с земли, как Косоруков ведет бой, товарищи говорили: «Комиссарский почерк».

Раненный, он летел на поврежденном истребителе, и я выводил его из боя. Будь это на земле, доктора спасли бы потерявшего сознание человека. А тут в воздухе. Какая тяжкая потеря!..

Фото 1942 года.

Антон Андреевич Карасев. Слесарь с Кировского завода, а на войне — летчик-штурмовик. Мне доводилось прикрывать его в полете. Помню стремительные атаки Карасева. Это под его командованием наши штурмовики буквально за несколько минут потопили в Финском заливе четыре вражеских корабля.

Фото 1942 года.

Матвей Андреевич Ефимов возле
своего самолета. Сосчитайте звезды
на фюзеляже. Каждая означает воз-
душную победу над врагом.

Самолет комиссара Ефимова был
для фашистских истребителей, как это
позже выяснилось, «целью номер
единица». Но никто из них не в силах был
противостоять его атакам.

Фото: ГАУ СССР

В одном из первых боев ему пришлось выброситься из горящего самолета. Купол парашюта был порван. Саша Потемкин падал. Он угодил под откос северного берега Невы и чудом остался жив.

А потом Саша снова летал. Он жадно перенимал боевой опыт своих товарищей и вскоре стал грозой для фашистских летчиков.

Фото 1944 года.

Ни с кем не летал я так уверенно в качестве ведущего, как с сержантом Николаем Шестопаловым. Ему было только девятнадцать, когда он прибыл к нам из авиационного училища. Стоило Коле подняться в небо, и я убедился — рядом со мной настоящий истребитель. У него было какое-то свое, шестопаловское, умение все видеть в воздухе. Он был стремителен, отважен и дисциплинирован. Не раз выручал меня Николай в трудные минуты.

Фото 1944 года.

Начальник штаба полка
майор Трофим Петрович
Кузов — поборник дисцип-
лины и порядка. С него
брали мы пример ревност-
ного отношения к своим
служебным обязанностям.

Фото 1942 года.

Сверстник Шестопалова
и Потемкина, Петр Прасо-
лов так же, как и они,
быстро мужал и закалялся
в боях. Одну за другой
одерживал он победы над
вражескими истребителями.
На груди Петра засияли
золотом боевые ордена.

Фото 1944 года.

«Рубака!» — с уважением говорили летчики о командире третьей эскадрильи капитане Дмитрии Татаренко. Это он 27 января 1943 года уничтожил в воздушном бою в районе Синявина три вражеских бомбардировщика. А всего Дмитрий Татаренко сбил, защищая Ленинград, двадцать два фашистских самолета.

Фото 1943 года.

Устал Иван, но настроение у него доброе. Трудный был бой, а закончился он, как всегда, победой Чапова. Одна из трех десантных самолетов противника сбил этот замечательный летчик в небе Балтики.

На снимке капитан Иван Иванович Чапов после боевого вылета. Помогает ему снять парашют летчик капитан Минадев.

Фото 1943 года

Вдумчивый и добный человек смотрит со снимка. И это впечатление не обманчиво. Надо только добавить, что он, Володя Халдеев, был необычайно застенчив и беспредельно храбр.

В тяжелом бою враги повредили самолет Володи. Падая, Халдеев направил свою машину в сторону фашистского воздушного корректировщика и в мгновение ока сбил его. Такое может не всякий.

Фото 1941 года.

Едва наступает рассвет, как разведчик Василий Черненко поднимается в воздух. Возвратясь, он докладывает: «Там-то и там-то на Финском заливе обнаружены вражеские корабли». Следует сигнал тревоги, и штурмовики под прикрытием истребителей идут на цель. Черненко — умелый летчик. Он сбил двадцать вражеских самолетов.

На снимке: Василий Черненко (справа) и командир эскадрильи Виктор Терёхин обсуждают подробности только что проведенного ими воздушного боя.

Фото 1943 года.

За ним уже прилетел специальный самолет. Документы оформлены. Будущий инспектор военно-воздушных сил ВМФ прощается с друзьями. А тут — приказ: немедленный боевой вылет в составе восьмерки. Но у нас только семь летчиков. Семен Львов открывает свой чемодан, достает видавший виды шлем: «Восьмой летчик к бою готов!» Мы переглянулись, а он улыбнулся: «Врежу фашистам на прощание — и в Москву!» И врезал — сбил двухмоторный «Дорнье-217».

Фото 1942 года.

Вглядитесь внимательнее в это лицо — и вы увидите за строгим взглядом добрую, застенчивую улыбку. Это Семен Григорьевич Бондаренко — командир эскадрильи. Он сделал двести восемьдесят четыре боевых вылета, сбил в воздушных боях семнадцать самолетов врага.

Как-то командир отправил нас с Семеном в дом отдыха. Через два дня Бондаренко уже звонил в полк. «Здешний режим, товарищ командир, — говорил Семен, — мне противопоказан. Это во-первых. Во-вторых, сейчас война, ребята друтся, а мы тут... А в-третьих, товарищ командир... В-третьих, я все равно убегу!»

И убежал...

Фото 1942 года.

Зинаида Михайловна Петрова, доб-
росердечная русская женщина, колхоз-
ница из деревни Большая Вруда. В ав-
густе 1941 года, когда я на повреж-
денном истребителе совершил вынуж-
денную посадку возле этой деревни,
Зинаида Михайловна оказала мне
первую помощь.

В тот же день фашистские бомбар-
дировщики налетели на Большую Вру-
ду, и деревня была почти полностью
разрушена и сожжена.

Фото 1961 года.

Ровно через двадцать лет я снова побывал в Большой Вруде и навестил Зинаиду Михайловну Петрову. Мы сфотографировались на память возле калитки ее дома. Этой волнующей встрече посвящена заключительная глава моей книги.

Фото 1961 года.